

ФЕДЕРАЦИЯ СПОРТИВНОГО ТУРИЗМА РОССИИ

Сборник материалов по истории туризма, альпинизма и краеведения

*Рекомендуется инструкторам туризма
для проведения учебных мероприятий
по подготовке туристских кадров*

2

История туризма,
альпинизма и краеведения

Автор-составитель — Григорий Лучанский

2023

С23 **Сборник материалов по истории туризма, альпинизма и краеведения. № 2: История туризма, альпинизма и краеведения.** Лучанский Г. Г., автор-составитель. — 440 с. — М., 2023.

Сборник содержит материалы по истории туризма, альпинизма и краеведения. Рекомендуется инструкторам туризма для проведения учебных мероприятий по подготовке туристских кадров.

Содержание

Предисловие	6
РУССКИЕ УЧИТЕЛЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ	
Бобринская Варвара Николаевна	9
По восточному маршруту. Из впечатлений экскурсантки. Экскурсия 1910 года. Автор Евгения Бюксенмейстер	15
Из дневника экскурсантки. Экскурсия 1910 года. Автор неизвестен	20
Подкомиссия по приему экскурсантов. Николай Александрович Гейнике	23
<i>Гейнике Николай Александрович</i>	23
<i>Елагин Сергей Сергеевич. Елагин Николай Сергеевич</i>	25
Из записок экскурсантки. Автор неизвестен	27
Заграничная поездка народных учителей. Учительница- экскурсантка 9-й группы 1-го маршрута. Автор неизвестен	28
Письмо с дороги. Александр Анисимов.	31
Коллективные письма экскурсантов.	34
Бегом по западной Европе. Путевые впечатления. Автор неизвестен.	37
Экскурсия 1909 года. «В том крае, где солнца восход». Автор Ив. Р-ский	50
Первые экскурсии русских учителей за границу.	66
Застигнутые бурей.	72
Экскурсия русских учителей за границу в 1911 году. Автор неизвестен.	73
Как был организован «Германский (I) маршрут»	78
Из дневника экскурсантки. Германский маршрут. Автор неизвестен.	82
Проблемы при организации поездок русских учителей по Италии. Ильин Михаил Андреевич	88
<i>Лецинский Михаил Яковлевич</i>	101
<i>Ильин (Осоргин) Михаил Андреевич</i>	101
Отрывки мыслей и наблюдений. Автор М. Ильин (Осоргин)	107
От Вены до Венеции через Альпы. Чембулов Федор Захарьевич	119
<i>Чембулов Федор Захарьевич.</i>	120
От Вены до Венеции через Альпы. Воспоминания экскурсанта. Автор Федор Чембулов.	122
В горах Швейцарии	132

Воспоминания экскурсанта. Автор С. Булыгин.	133
В Швейцарии. Из воспоминаний экскурсантки. Автор Е. Поспелова.	140
<i>Коварский Илья Николаевич</i>	150
<i>Вишняк Марк Вениаминович</i>	150
Неделя в Тироле. Коварский Илья Николаевич.	151
<i>Филипченко Юрий Александрович</i>	158
Экскурсанты в дороге. Автор С. Полтавский.	163
<i>Алексеевский Владимир Александрович</i>	172
<i>Грифцов Борис Александрович</i>	177
<i>Кун Николай Альбертович</i>	177
По швейцарскому маршруту. Экскурсия 1913 года. Автор И. И.	178
Из дневника экскурсантки. Автор Ф. К. Эль.	182
Из жизни в Бриенце. Автор М. Л.	184
Итоги. Автор Алексей Диодатов	189
<i>Чихачев Платон Александрович</i>	193
<i>Чихачев Петр Александрович</i>	193
Пешком через С.-Готард. Экскурсия 1913 года. Автор Л. М.	208
Из экскурсантских скитаний. Автор Е. Кобякова.	213
В Тироли. Автор И. Коварский (Илья Николаевич Коварский)	218
Новые маршруты 1913 года	222
Республика молодых. Автор Туинс	226
Отрывок из воспоминания экскурсантки. Автор неизвестен	234
Песня экскурсантов. Автор Вера Г.	237
«Колонии отдыха». Автор И. Н. Коварский	237
<i>Абкович Ксения Рафаиловна</i>	250
Стоит жить! Автор Ксения Абкович.	250
Анкета. Автор А. П.	251
Пешком через С.-Готард. Воспоминания экскурсантки. Автор неизвестен	257
В Тирольских Альпах. Автор П. Роговский.	262
Пятый год организации образовательных поездок за границу.	266
Воспоминания А. Проппера	267
<i>Вознесенская Христина Федоровна</i>	273
<i>Костромина Варвара Семеновна</i>	277
<i>Алексеевский Владимир Александрович</i>	281

Проводники групп. Алексеевский Владимир Александрович	281
<i>Знаменский Сергей Филимонович</i>	295
Чем должны быть образовательные экскурсии (в сокращении)	
Знаменский Сергей Филимонович	297
Об отзывах руководителей экскурсионных маршрутов. Автор неизвестен . . .	309
<i>Сватиков Сергей Григорьевич</i>	318
Война — возвращение домой	322
Шестой год организации образовательных поездок за границу (Из доклада Общему Собранию Учебн. Отд. О. Р. Т. 3.).	
Автор А. Проппер	322
Вместо отчета. Автор М. А. Осоргин	329
Жизнь в Бриенце и возвращение в Россию. (13 июля –19 августа).	
Автор Л. Василковская	337
Из дневника руководителя группы. Автор М. Мрост	351
Венеция. Плен и возвращение на родину. Автор неизвестен.	369
Два месяца в германском плену. Автор Сергей Филимонович Знаменский. . .	376
Путевые впечатления (Москва — Берлин — Лейпциг). Автор Г. Нарков . . .	395
На пароходе «Sicilia». Автор Б. Г.	400
Отрывки воспоминаний. Автор неизвестен.	411
Через Северное море и Норвегию. Автор Б. Жаворонков	419
В тревожные дни. Автор Я. Готов	423
<i>Семенов Юлий Федорович</i>	425
Колонии-поездки отдыха. Автор неизвестен	429
<i>Кашинский Павел Александрович</i>	430
<i>Силинич Иван Петрович</i>	430
Накануне великих событий. Автор Е. Козловский	434

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ТУРИЗМА, КРАЕВЕДЕНИЯ И АЛЬПИНИЗМА

Предисловие

Много лет я занимался туризмом, и все эти годы читал о туризме книги. Если им верить, то золотой век российского туризма начался с создания Общества Пролетарского Туризма и Экскурсий. Причем общественной организацией эта структура была только на бумаге, а по факту — партийно-административным органом. Я прекрасно понимаю, что такие были времена и такие были правила игры. В ОПТЭ было много достойных людей, и они очень многое сделали — их труды я собирал много лет, а вот сейчас об этом рассказываю. Партийные чиновники в своих выступлениях и гимнах всегда лукавили, говоря о разрушении до основания всего, что было до 1917 года. И, слава Богу, что они не были в состоянии это сделать. А между тем, мы знаем, что десятки тысяч царских офицеров служили в Красной Армии, учителя, врачи, краеведы и даже чиновники-бюрократы заполнили все государственные структуры новой власти. Мой рассказ о Российском обществе туристов (РОТ). Это была действительно общественная организация, которая, как и Русское горное общество, создавалось снизу и в финансовом плане была независима от государства. Я не собираюсь своими словами пересказывать материалы, которые мне удалось собрать, я предоставляю возможность их прочитать тем, кому это интересно и важно. Хочу сказать только одно: многие активные члены правления РОТ вошли в руководство ОПТЭ, и много сделали для российского туризма. А если быть точным, то партийно-комсомольские лидеры просто захватили РОТ и дали ему новое название. И всеми силами старались вычеркнуть все достижения

дореволюционных российских туристов, а сталинские репрессии многих замечательных людей вычеркнули из жизни. Так давайте посмотрим, что за культурологическое явление было Российское общество туристов.

Двадцатые годы двадцатого столетия были удивительным периодом российской истории. В поэзии, литературе, театре, в живописи, в журналистике, в общественной жизни страны, судя по воспоминаниям современников, ощущался духовный подъем. Для инициативы и энтузиазма не было еще ограничений. С новой силой, небывалой еще до революции, стали создаваться различные общественные объединения, в том числе по краеведению и экскурсионной деятельности. Мощное движение всколыхнуло всю страну, инициатива людей «снизу» привела к потрясающим результатам. Возможно поэтому, одними из первых, уже в конце 20-х годов репрессиям подверглись тысячи краеведов. Я собрал уникальный материал об этом времени и об этих людях и обязательно расскажу о них. Но сейчас мне хотелось бы несколько заметок посвятить Российскому обществу туристов, рассказать какое оно было на самом деле, и как происходило рождение общества пролетарского туризма. Хочу напомнить, что Российское общество туристов было создано на учредительном собрании в 1895 году. Это общество было одним из первых и крупнейшей для своего времени организации, объединившей любителей активных путешествий в России на рубеже XIX — XX вв. Надо четко понимать, что туризм, как вид активного отдыха, как средство познания окружающего мира, как элемент физической культуры был необходим в первую очередь для городской интеллигенции и учащейся молодежи. Олигархам, нищим и пролетариям подобный вид отдыха был не нужен.

Когда после революции был создан комсомол — эта организация объединила учащуюся и рабочую молодежь, а когда у этой организации появилась своя центральная газета «Комсомольская правда», то эта газета и стала объединяющим началом нового молодежного туризма. Об этом периоде я собрал уникальный материал, который планирую опубликовать в этих сборниках. Это бу-

дет рассказ о людях, которые были активными участниками Российского общества туристов и Общества пролетарского туризма и экскурсий. Но перед тем, как погрузиться чисто в туристскую тематику, я хотел бы рассказать о работе комиссии по организации образовательных экскурсий при Учебном отделе Общества распространения технических знаний.

КОМИССИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ЭКСКУРСИЙ ПРИ УЧЕБНОМ ОТДЕЛЕ ОБЩЕСТВА
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

РУССКИЕ УЧИТЕЛЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Бобринская Варвара Николаевна

Это рассказы русских учителей, написанные ими более ста лет назад по итогам экскурсий, которые они совершили по странам Европы. Это увлекательные истории, написанные живым русским языком. Когда я нашел эти материалы, то сначала не проявил к ним интереса. В них не было моей темы — экспедиционного снаряжения и описания путешествий в неведомые страны. Но потом, начав просматривать пожелтевшие страницы, обгрызенные крысами, вчитался, и только тогда понял, что держу в своих руках клад. Я несколько раз перечитал эти очерки о заграничных экскурсиях народных учителей из разных маленьких городков и деревень России. Как живо, эмоционально, интеллигентно, с большой любовью к своей Родине и с уважением к европейской культуре звучат их рассказы! Я четко понимал, что это было написано более ста лет назад людьми, которых давно нет на этом свете, и в то же время, читая их откровенные рассказы, я ощущал их присутствие, видел их улыбки и слышал их голоса. А еще я четко понимал, что писали эти рассказы русские люди, впервые приехавшие в Европу, которая их встречала везде по-разному: и как дорогих гостей, и как варваров. С тех пор в наших взаимоотношениях с жителями европейских стран ничего не изменилось. Они и сейчас нас воспринимают как туземцев из далекой и дикой страны. Но это не наши психиатрические проблемы. А наша проблема в том, что мы совсем не знаем, какими людьми были эти учителя, написавшие свои очерки. Они писали с целью рассказать своим землякам о своих образовательных поездках, а получилось, что они написали для нас с вами о себе, о своих мыслях и пережи-

ваниях, о своем отношении к педагогической работе и о своей России, которую мы когда-то потеряли.

Прежде чем публиковать рассказы учителей-экскурсантов, мне бы хотелось кратко сообщить вам, кто организовывал поездки. В начале 20 века в России успешно работало Общество распространения технических знаний, в котором при Учебном отделе была создана Комиссия по организации образовательных экскурсий. В 1909 году графиня ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА БОБРИНСКАЯ создала и возглавила комиссию заграничных и русских экскурсий, имевшую цель предоставить народным учителям возможность участвовать в образовательных путешествиях. Она была женщиной удивительной, поэтому я немного о ней расскажу.

***Варвара Николаевна Бобринская** родилась в дворянской семье Львовых в Москве в 1864 году. Получила домашнее образование в объёме курса мужской гимназии. В 1889 году вышла замуж за графа Алексея Бобринского. С 1891 года стала заниматься благотворительностью, начав с организации в своём имени помощи голодающим, затем создавала воскресные школы и школы чтения для взрослых. В 1901 году открыла в Москве первый женский рабочий клуб. В 1903 году основала общезhitие для рабочих-женщин, из которого впоследствии образовалось «Общество попечения о молодых девицах». В 1902 году опубликовала в «Русских Ведомостях» письмо о босяках Хитрова рынка, всколыхнувшее русское общество и заставившее многих начать жертвовать деньги на благотворительность. Уже через месяц после публикации письма возникло «Городское попечительство о бедных Хитрова рынка», занявшееся устройством ночлежных домов для пришлых рабочих, а также биржи труда. В 1909 году попечительство выстроило образцовый ночлежный дом на 1500 человек. В 1903 году пожертвовала Румянцевскому музею библиотеку, оставшуюся от отца (400 томов в основном иностранных книг).*

В 1905 году выделила деньги на основание Дарвиновского музея и оказывала ему финансовую помощь в течение 8 лет. Во время первой русской революции активно участвовала в политической агитации, симпатизировала кадетскому движению и Всероссийскому крестьянскому союзу, поддерживала их. В 1908–1909 годы издавала в Москве дешёвый просветительский журнал «Северное Сияние». В 1910 году занималась организацией деревен-

ского театра. В 1919 году покинула Россию. С 1922 года жила в Париже, работала директором Четверговой школы и Педагогического музея в Булонь-сюр-Сен, близ Парижа. Умерла в 1940 году в бельгийском городе Турне.

Варвара Николаевна Бобринская в 1910 году на страницах журнала писала: «Организация общеобразовательных и научных экскурсий народных учителей и учительниц явилась одним из позднейших начинаний в области общественной помощи народным учителям в их стремлении путем самообразования расширить свой кругозор, пополнить пробелы знаний. Говорить о том, каким важным фактором в деле воспитания и развития являются образовательные поездки, нам кажется совершенно излишним. В нашей высшей и средней школе такие экскурсии уже приобрели права гражданства и из года в год можно наблюдать групповые поездки учащейся молодежи под руководством преподавателей. Наше правительство не отказало в помощи молодежи в этом стремлении и ввело особый льготный тариф, по которому экскурсанты учащиеся пользуются скидкой по железным дорогам в 75 %. Еще более важное значение должны иметь образовательные экскурсии в жизни народного учителя, отдающего приобретенные знания непосредственно народу или подрастающему поколению города и деревни.

Обращаясь к первым попыткам организаций в России коллективных образовательных экскурсий, мы должны констатировать, что сознание необходимости таких экскурсий и первые шаги практически осуществить ее вышли непосредственно из недр самого народного учительства. Лишь только народные учителя получили слабую возможность объединиться в особые организации, поставившие своей ближайшей целью и непосредственной задачей путем товарищеской взаимопомощи содействовать улучшению своего быта, целый ряд учительских обществ в числе первых задач своей деятельности поставил содействие образовательным поездкам.

В 90-х годах Казанское, Петербургское и Нижегородское общества взаимопомощи учителей подыскивали бесплатные или дешевые помещения и продовольствие для приезжающих учителей и оказывали помощь в осмотре достопримечательностей назван-

ных городов. Практика жизни немедленно показала необходимость более регулярных и правильных отношений между учительскими организациями в этой деятельности, и Нижегородское общество остановилось на мысли организовать взаимный обмен услугами. На призыв откликнулись Петербургское, Казанское, Пермское и Тамбовское общества. Во всех этих городах были устроены помещения для приема народных учителей и учительниц.

Насколько потребность в таких экскурсиях была велика, видно из того, что Нижегородским обществом в 1896 г. во время выставки в Нижнем приняты 4518 экскурсантов народных учителей.

Вопрос о коллективных поездках переходит затем и в земства. По инициативе Комиссии по народному образованию при Курском Губернском земстве, при содействии Курского Учительского Общества Взаимопомощи в 1901, 1902 и 1903 гг. состоялся целый ряд экскурсий учителей в Москву, Крым, Кавказ и по Волге. К курским учителям присоединились московские, новгородские, орловские, харьковские, саратовские и ярославские. В 1902–03 гг. состоялся первый съезд представителей учительских обществ взаимопомощи, и съезд признал такие экскурсии настолько важным фактором в деле самообразования учителей, что выделил в особый раздел резолюцию, касающуюся экскурсий. Резолюция съезда гласила: так как образовательные экскурсии для народных учителей не только полезны, но и необходимы, то:

1) учительские Общества Взаимопомощи должны оказывать учащим содействие в организации товарищеских поездок,

2) для удешевления экскурсий и правильной их постановки необходима взаимопомощь учительских обществ путем устройства льготных квартир, удешевления стола, приискания руководителей при осмотре достопримечательностей и пр.

В это же время идея коллективных поездок за границу зарождается и в среде учащейся молодежи. Учащаяся молодежь, как элемент более энергичный и предприимчивый, пытается практически осуществить эту идею.

Летом 1908 г. группа в 40 человек молодежи из высших учебных заведений Москвы, организованная Ф. Г. Винтерфельдом,

решила отправиться за границу на весьма скромных началах. Группа проехала через Одессу, Константинополь, Неаполь, Рим, Флоренцию, Милан, побывала на Итальянских озерах, в Венеции и вернулась назад через Вену, пробыв всего в пути 51 день. Все расходы экскурсантам в среднем обошлись по 160 руб. на человека, включая сюда и плату за паспорт (15 р. 75 к.), визировку его (2 р.), проезд, помещение, продовольствие, плату за осмотр музеев и вообще все расходы, связанные с путешествием за границу.

Таким образом шло постепенное назревание идеи экскурсий за границу, все усиливаясь и расширяясь, и, наконец, осенью 1908 г. нашло своих исполнителей в лице кружка лиц, которые, обратившись в Учебный Отдел при Обществе Распространения Технических Знаний, образовали при нем Комиссию Образовательных Экскурсий. Из вышеназванного кружка графиня Варвара Николаевна Бобринская, выбранная в председательницы Комиссии, взяла на себя все сношения с высшей администрацией по исхлопотанию необходимых льгот, а равно и хлопоты о материальном обеспечении Комиссии до времени поступления взносов от экскурсантов. С самого начала было решено не придавать Комиссии характера благотворительного учреждения, но как можно скорей поставить дело так, чтобы она сама содержала себя. Пожертвований было собрано 900 руб., причем Комиссия пользовалась бесплатным помещением предоставленным редакцией журнала «Северное Сияние». Из того же кружка присяжный поверенный И. Н. Сахаров был выбран товарищем председателя и вел всю юридическую сторону организации и выработку инструкции (устава). На долю же выбранного секретарем Ф. Г. Винтерфельдта выпала вся фактическая сторона дела, как-то: выработка маршрутов, привлечение руководителей и сношение с намеченными за границей городами.

В декабре Ф. Г. Винтерфельдт, уезжая по личным делам за границу, объехал те пункты, которые были намечены Комиссией, и всюду завязал нужные отношения.

В продолжение зимы графиней В. Н. Бобринской было хлопотано от Министра Внутренних Дел право на коллективный паспорт (1 на 60 человек); от Министерства Путей Сообщения совместно с Министерством Финансов — право пользования вагонами III класса по тарифу IV класса (50 % скидки) и от Министерства Иностранных Дел — обещание уведомить всех русских представителей за границей о содействии экскурсиям.

Само же дело Комиссии развивалось, между тем, следующим образом. Первое общее собрание состоялось 1 декабря 1908 г., на котором было постановлено возможно скорее известить учителей о существовании Комиссии, о ее программе и задачах, с тем чтобы во время Рождественских каникул Общества взаимопомощи учителей могли обсудить вопросы, связанные с коллективными поездками за границу. Всем земским управам, органам печати, а также и некоторым учительским Обществам Взаимопомощи было разслано следующее извещение:

«Желая пойти навстречу все более и более развивающейся в русском обществе потребности пополнять пробелы знаний путем образовательных экскурсий за границей и по России, Учебный Отдел Общества Распространения Технических Знаний, по заявлению группы своих членов, образовал особую Комиссию, которая поставила своей задачей устройство коллективных экскурсий, как по России, так и за границей для недостаточных слоев населения, преимущественно народных учителей.

Организуемые Комиссией экскурсии будут совершаться по планам, имеющим те или другие образовательные цели, и происходить под руководством специалистов по различным отраслям знания.

Не преследуя никакой материальной выгоды, Комиссия будет стремиться к возможному удешевлению этих экскурсий, в целях чего возбуждает ходатайство о понижении для них проездных тарифов на русских и иностранных железных дорогах и пароходных обществах, предполагает найти возможность снимать помещения для экскурсантов за пониженную плату,

выхлопотать бесплатное посещение музеев, картинных галерей, выставок и т. п.

Комиссия предполагает, что затраты экскурсантов не превысят суммы от 60 до 100 руб. в месяц, включая проезд. Комиссия уже приступила к составлению маршрутов как по отдельным местностям России, так и по Германии, Австрии, Италии, Швеции и Норвегии, к участию в разработке которых привлечены, главным образом, специалисты по сельскому хозяйству и народному образованию. Подробные маршруты организуемых ею экскурсий Комиссия предполагает опубликовать не позже марта месяца, а самые экскурсии начать устраивать с мая».

ПО ВОСТОЧНОМУ МАРШРУТУ ИЗ ВПЕЧАТЛЕНИЙ ЭКСКУРСАНТКИ ЭКСКУРСИЯ 1910 ГОДА

Автор Евгения Бюксенмейстер

«4 июня.

Клонится к вечеру день. Солнце под редкими серыми тучами. Мелькают красные стволы елей, зелень, зелень. Мчится поезд. Голоса, шум колес сливаются в один гул. Летит пыль в открытое окно.

Полный вагон незнакомых, но близких в будущем людей. Женщины, немного мужчин. Лица молодые, старые, красивые, скучные, кокетливые. У всех позади полная тяжелой работы зима, у всех одно желание — забыться, отдохнуть. Знакомимся, по вечерам собираемся в один тесный кружок, поем.

Летим на юг, к жаркому солнцу, к желтому песку Сахары. Египет! Только мечта, только яркая, красивая невозможность — теперь близкая, реальная цель. Восток! Задумчивая, полная тихой поэзии Иудея ждет нас. И море, бесконечное, безбрежное.

Прощайте же, родные картины, мирные зеленые поля, густые, манящие леса с вашим скромным покоем.

21 июня

Еще раз пришлось увидеть сооружения великих древних в утреннем солнечном блеске. Ехали в Мемфис. Рано встали, и было еще совсем прохладно, когда пересели с трамвая на осликов и верблюдов. Что за чудное утро! Не жарко и так светло-светло. Большой караван наш так красив на желтом фоне пустыни! Светлые, яркие тона, голубое безоблачное небо, целое море света. Чуть спеша, растянувшись длинной лентой, минуя пирамиды и сфинксы, двигаемся на юг, дальше от людей, города, культуры к древней столице Египта, к развалинам Мемфийского некрополя.

Время идет. Все выше поднимается золотой шар. Уже скрылись из глаз пальмы и деревушки на берегу Нила, уже туманными стали опять пирамиды и стоят на самом горизонте, но как будто не уменьшились; чем дальше отъезжаешь, тем величественнее кажутся они. Не боятся ни времени, ни пространства. Кругом зыбучий раскаленный песок Ливийской пустыни.

Пересаживаюсь с маленького ослика на высокого плавно качающегося верблюда, и нет скуки, нет однообразия в медленной езде. Хорошо, беззаботно, весело. Какой-то восторг растет в душе и от чистого особенного воздуха и от горячего солнца. Уже нет тени, она под нами; и пронизывающими становятся солнечные лучи, когда приезжаем в Саккара.

Слезаем с седел и, увязая в горячем песке, спускаемся во внутренность храма. Хорошо сохранились стены, сплошь покрытые барельефами; местами видна раскраска нежная, полустертая. Со свечами ходим по прохладным коридорам серапиума. Направо и налево, немного ниже — большие комнаты с громадными темными саркофагами. Они пусты, как и все саркофаги пирамид. То, чего не уничтожили арабы, турки, постарались увезти европейцы. Ночью, как тайные воры, ворвались они в царственные могилы и унесли все, что могли. Увезли в свои дальние холодные страны, обокрали гробницы, обокрали страну древнего Нила, древних фараонов. Сиротливо стоят пустые саркофаги с тяжелыми сдвинутыми крышками в темных подземных коридорах.

Отдыхаем в домике Мариетта, на крытой террасе, с забытым сфинксом на балюстраде. Сколько труда было положено здесь великим египтологом! Отрыты были все стены серапиума, аллея сфинксов, храмики, склепы. Прошло всего тридцать лет, и безжалостный песок снова покрыл все своим желтым саваном.

Закусываем привезенными с собой припасами, едим сочную дыню, пьем воду, эту драгоценную здесь влагу, за которую приходится платить немало денег, и опять в путь. Палит солнце, раскалилась кожа седел, стараешься спрятать руки. Тяжело, но не надолго. Вот опять остановка. Полуразрушенная пирамида, скорее похожая на земляную насыпь, кое-где обложенную камнями. Самая древняя. Низкий отлогий коридор, узкие переходы, иероглифами и красивым тонким рисунком покрытые стены, и опять опустошенный саркофаг. За ней другая гробница. Узкая винтовая лесенка пропадает в темноте подземелья. Красивые сводчатые потолки, усеянные звездами по синему фону. И опять пусто. Если бы можно было снова перенести сюда из музеев мумии, утварь и все драгоценности, найденные здесь!

После спертого воздуха подземелья приятно вздохнуть полкой грудью, выходя на свет Божий. Тушим свечи, садимся на своих ослов и направляемся к Мемфису. Кругом развалины пирамид, целые холмы черепков, заброшенные раскопки. Каменистая узкая дорога круто поворачивает к долине Нила, и — кончились пески. Проезжаем маисовые поля, деревушки с прямыми глиняными домиками почти без окон и дверей. Маленькие грязные арапча бегут за нами и кричат: «Бакшиш!». Взрослые кланяются, расспрашивают. А вот пальмовая роща: высокие стволы с развесистой кроной и кустарник пальм. Зелено, тенисто, только жаль — внизу все та же серая земля. И хороши бедуины на этом фоне, хороши верблюды, ослы. Но недолго наслаждаемся этой картиной, уже редуют деревья.

На голой земле лежат два гранитных колосса с обломанными ногами. Лежат покинутые уже многие тысячелетия, как бы сторожат место великой столицы. Кругом растут и умирают столетние пальмы, приходят любопытные люди, влезают на гладкий гранит, ступают ногами на глаза, лоб. А они, молчаливо устремив взор

в небо, все так же загадочно улыбаются концами широких губ. Великий грозный Рамзес, перед которым трепетали миллионы подданных, что сказал бы ты, если бы мог видеть этих маленьких жалких людей, ползающих по твоей гигантской статуе?

Возвращаемся уже по железной дороге, распрощавшись с своими милыми осликами и надоедливymi погонщиками. Чувствуется усталость, но и глубокое удовлетворение.

23 июня

Завтра мы покидаем Каир, наш милый Каир, где было так хорошо, так интересно. Кажется, никогда не изгладятся из памяти ни пирамиды, ни мечети, ни прекрасный музей с древним шейхом Раэмке и мумиями фараонов, с тысячько статуэток, предметов утвари и драгоценностями, ни путешествие в Мемфис, ни поездка на Барранс вверх по мутному Нилу, ни улицы, ни шумные базары, ни лица наших проводников и слуг — ничего-ничего.

Последний вечер провели в саду Эсбекиэ. Познакомились с молодым европейски изящным египтянином. К несчастью, слишком поздно. Это единственный интеллигентный туземец, с которым пришлось говорить. Дикие понятия о России, почти смешные. То же гордое чувство своей свободы, то же непризнание силы иностранцев, как и у простых арабов. «Мы устраиваем свои школы, через несколько лет у нас будет своя культура; мы освободимся от англичан».

Вот последнее впечатление.

17 июля. Одесса

Последний привет «Евфрату» послали с дедом, который пришел нас проводить на вокзал в праздничном платье с букетиком роз.

Миллион поклонов, миллион пожеланий..., и исчезает, сливается с массой доброе старое лицо.

Еще долго шумит и волнуется вагон. Сажусь к окну, хочется тишины. Спокойные, зеленые поля так ласкают взор, и густые рощи навевают задумчивость. Странной кажется густая, сочная зелень, чем-то ярким, почти грубым. Как привык глаз к безоблачному небу, к безграничной шире моря!

Сегодня еще оно плескалось кругом, окружала милая пароходная обстановка, еще слышишь последние слова, видишь дорогие лица, а сейчас — вагон, стук колес, теснота и все новые и новые картины.

Россия зеленая, мягкая, холодная и все же такая приятно-покойная, успокоительная, мы снова вернулись к твоим скромным красотам, в твою серую убогую жизнь, к нашим маленьким будничным интересам, но в душе везем что-то большое ценное, что залегло вечным воспоминанием о том, что казалось неосуществимой, прекрасной мечтой.

21 июля

Клонится к концу и вагонное путешествие. Незаметно прошло оно. Не было томительного ожидания и нетерпения, как думала. Привычка проводить время в безделье взяла свое. Даже тут не хочется читать. Часами смотрю в окно на чистые, еще зеленые поля, на кудрявые леса и яркие, веселые подсолнухи и пестрые маки у самого полотна дороги. Ни холодно, ни жарко. На долгих остановках гуляем по платформе, покупаем хлеб, бегаем за кипятком, ходим в ближний лес, рвем цветы и украшаем ими свое отделение. Болтаем, вспоминаем минувшее.

Золотит заходящее солнце края серых облаков. Какое новое многоцветное небо! Тонут в вечерней мгле задумчивые леса.

На север, на север скорей! Еще ночь, и разъедется наша милая компания. Разойдемся в разные стороны, станем опять чужими, неизвестными. А как сблизилась все за долгое путешествие, и теплое чувство рождается в душе при прощании. Уже многие отделились по дороге. Сколько хорошего пережито вместе! Вспоминаются и смешные сценки и некоторые поступки нашего руководителя. Часто мы жалели, что многое пропадает для нас благодаря ему. Но все это тонет в море ярких, красивых, пока еще разрозненных впечатлений. Последние часы вместе, последняя ночь в дружной семье. Завтра Москва».

ИЗ ДНЕВНИКА ЭКСКУРСАНТКИ ЭКСКУРСИЯ 1910 ГОДА

Автор неизвестен

«Опять мне Провиденье подало могучую руку помощи. Опять Оно исцелило во мне человека, полузадушенного повседневной серенькой жизнью.

Серые люди, серое скучное небо...

Я рвалась, я жаждала увидеть опять отблеск Божьей красоты и надеялась втайне.

Я не ошиблась. Нашлись люди, задумавшие симпатичное дело — дать возможность увидеть красоту природы и нам, обездоленным работникам.

Из всего виденного до Одессы больше всего оставили след в моей памяти Киев и степи.

Все мы рвались скорее к солнцу, которое увидели только в Черниговской губернии. Здесь же оканчивались нескончаемые, казалось, леса, сторожащие просторный горизонт.

Вечером на западе показалась узенькая полоска ясного неба, чуть-чуть проглянуло солнышко и скрылось за горизонтом. Встрепенулись мы, словно перед Светлым праздником. Действительно, на другой день степь предстала пред нами вся залитая солнцем, во всей своей красе. Я благоговела перед ее простором... Хотелось петь и молиться... Одно обстоятельство омрачало путь, именно какое-то странное, необъяснимое недружелюбие экскурсантов между собой. Я была вполне одинока, только природа сумела успокоить меня, влить целительный бальзам в мою усталую душу...

В Одессе беглый осмотр города так утомил меня, что я перестала воспринимать новые впечатления и желала только отдыха...

Очень трудно стало записывать: азиаты заняли почти все места на палубе, а в каюте невыносимая жара; при этом еще тут крик...

Константинополь. Я сильно устала от этого шума: он мешал мне сосредоточиться в пунктах, требующих особого внимания. Например, выйдя из храма Айя-София, я довольно смутно представляла его, а теперь все яснее и яснее. Дома же все детали вновь

предстанут предо мною, и я тогда только буду тихо и сильно наслаждаться.

После осмотра города и некоторого знакомства с его типами получилось только одно желание уехать в море и отдохнуть. Действительно, по мере того, как отдалялся город, дышалось легче. Взор ласкало маленькое, но очень нежное, изящное Мраморное море. Голубой цвет переливался в нем и чередовался с белым, как снег. От встречи течений на нем образуется мелкая рябь, делающая воду похожей на мрамор.

Многим оно не так нравится, как Черное могучее безбрежное море. Но по моему мнению, от того можно устать, а здесь — успокоиться.

Афины. Солнце в полдень почти над головой; 39° Реомюра в тени, но, несмотря на высокую температуру, многие из нас очень хорошо выносили жару: вероятно, морской воздух сильно укрепил нас. Жаль будет расставаться с морем: оно становится все лучше: местами бирюзовое, то фиолетовое, то белое... Чудно гармонируют эти краски с фиолетовыми островами...

Катания. Удивительно скверное настроение. Зачем люди не хотят понять друг друга?! С пеной у рта спорят они только для того, чтобы поставить на своем, а вас совсем не желают слушать; вы одно сказали, а вам возражают совершенно на другое. Кто-то сказал, что Италия — уголок рая... Если бы даже сам Бог сошел в этот рай, все равно люди стали бы или без толку спорить, или вечно рассуждать о пошлой повседневной жизни...

Природу Италии во всей красоте ее мы увидели на Капри. Только тут узнала я прелесть скал, неожиданно выступающих друг из-за друга. Встретили там русских. Бедные — живут они в золотой клетке, оторванные от родины житейскими невзгодами. Мне кажется, я не могла бы прожить там и года: ведь и к природе, как ни хороша она, приглядишься; а тогда... тогда остается одна невыносимая тоска по родному краю. Больше всего я выношу из этих чудных уголков земли чувство обиды: слишком уж люди эксплуатируют их...

Неаполь. ...Сегодня проезжала из Капри через Сорренто в Помпею. Сорренто почти не заметили: уж очень переутомились.

Рим. В церкви св. Павла я не была, так как ноги совершенно отказались служить мне после путешествия в катакомбы. Ведь мы прошли тогда верст 15 по каменистой пыльной дороге.

Флоренция. Здесь все напоминает собою средневековье: улицы, храмы, площади, галереи, мосты. Здесь можно наблюдать, как развивалось искусство, зарождалось, подготовлялось и расцветало. Предметом наблюдений могут служить два храма; один построен в XI–XII веке. Он разрисован простыми фигурами, клетками, которые послужили как бы канвой для последующих рисунков. Другой — флорентийский собор. На нем те же клетки, только несравненно разнообразнее, отчего весь рисунок кажется художественной вышивкой.

Хорошо как здесь! Сколько памятников искусства! Пожить бы здесь, полюбоваться шедеврами знаменитых художников и отдохнуть! От поразительно украшенного собора, или от простых, но поражающих правильностью контуров храмов не хочется глаз оторвать.

Дорога от Триеста до Вены понравилась мне больше всего (кроме переезда через море). Чудные виды Альп заставили совершенно оторваться от своей жизни и всецело наслаждаться ими. Говорят, что Швейцарские горы отличаются несколько большей высотой да водопадами. В восточных Альпах их нет, но эти горы красивы со своими ручьями, голубыми речками, живописными долинами. Я среди них чувствовала себя лучше, чем на Капри. Может быть, потому, что приближалась к родине?!

Вена. Из музеев посещали только один, но из него вынесли больше впечатлений, чем из прежде виденных, благодаря одной молодой художнице. Кто она, откуда? Не знаю. Просил ли ее кто объяснить, или сама она вызвалась? Тоже не знаю. (Одна из сотрудниц Комиссии, бескорыстно дававшая объяснения многим группам, посетившим Вену. — Ред.).

Но объясняла так хорошо, что усталости моей как ни бывало. Она не обременяла нашу память названиями школ и художников; нет, она учила понимать картины, вглядываться во всякую мелочь. Ничто после этого меня больше не интересовало: ни магазины, ни сады. Хотелось отдыха.

21-го августа

Скоро опять за работу. Опять я чувствую прилив и физических, и нравственных сил. Я успокоилась и поэтому опять полюбила жизнь. Жаль лета. Это сожаление — признак спокойствия. Не подходящие мне люди далеко. Остались одни светлые образы природы».

ПОДКОМИССИЯ ПО ПРИЕМУ ЭКСКУРСАНТОВ

Николай Александрович Гейнике

На одном из первых заседаний комиссии по организации образовательных экскурсий встал вопрос о нахождении лиц, которые могут быть руководителями будущих поездок, а также была избрана подкомиссия по приему экскурсантов, приезжающих на Рождественские каникулы, в Москве. Председательство этой подкомиссией поручается г. Гейнике Н. А. На подкомиссию было возложено: «разместить экскурсантов в Москве, организовать справочное бюро, которое должно сообщать экскурсантам нужные сведения, выработать планы осмотра Москвы для разного рода групп, получить для экскурсантов дешевые билеты в Художественный театр, театр Зимины, «Орион» и др., а также билеты на интересные лекции и заседания».

Стоит рассказать, кто такой был Гейнике и почему именно ему поручили прием экскурсантов в Москве.

***Николай Александрович Гейнике** был историком, педагогом и краеведом Москвы. Он автор теории экскурсионного дела. Родился в Казани в 1876 году. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета. После окончания университета с 1906 по 1914 год работал преподавателем истории в гимназиях Москвы. И всю последующую жизнь Николай Александрович будет преподавать историю Москвы, краеведение и экскурсионное дело и проводить множество историко-культурных экскурсий по Москве. В 1917 году Гейнике организует культурно-исторический семинар по экскурсионному изучению Москвы. В том же*

году под его редакцией выйдет путеводитель «По Москве». В 1926 году возглавит экскурсионную комиссию Общества изучения Московской губернии. В 1930 году под его редакцией выйдет сборник «Вокруг Москвы». В 1930–1950-х годах Гейнике будет преподавать в МГУ, педагогических вузах и в Московском Доме пионеров. Слава Богу, репрессии его не коснутся. Умрет он в 1955 году и будет похоронен на Новодевичьем кладбище.

Вот такому человеку и поручили в 1909 году принимать в Москве экскурсантов.

На Рождественские каникулы в деятельности Комиссии наступает перерыв и работает только подкомиссия по приему экскурсантов в Москве, которой были приняты и устроены три экскурсии:

- 1) Волчанских народных учителей и учительниц (46 человек),
- 2) Нижегородской женской гимназии (27 человек),
- 3) Арзамасской женской гимназии (19 человек).

Экскурсиям этим были отведены помещения средних учебных заведений, предоставленные их начальством (гимназии Даль, Ключаревой и Лебедева). В эти помещения для экскурсантов были доставлены кровати и сено для тюфяков, что обошлось по 20 коп. на человека за все время пребывания в Москве. Затем для экскурсантов дирекциями Художественного театра и Императорского Большого были предоставлены дешевые билеты (из Художественного — 130, из Большого — 40). Билеты эти были распределены между экскурсантами народными учителями, а часть отдана учителям и учительницам Московского уездного земства, приехавшим в Москву на каникулы. Группами были осмотрены все достопримечательности г. Москвы под руководством г. Елагина.

Елагин Сергей Сергеевич Елагин Николай Сергеевич

Я хочу и на этой фамилии немного задержаться.

ЕЛАГИНЫХ было двое — *СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ* и *НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ*, родные братья и оба известные краеведы. Сергей Сергеевич в 1905 году получил звание народного учителя. Преподавал в сельских школах Рузского района. Он был также незаурядным художником, и в 20-е годы он будет часто писать декорации для Рузского народного театра. С 1918 года возглавит краеведческий музей в городе Руза. В 1930 году будет арестован и заключен в тюрьму. Николай Сергеевич окончит исторический факультет Московского университета и станет известным всей московской интеллигенции своими докладами, экскурсиями, печатными изданиями и собиравшими большую аудиторию заседаниями Общества «Старой Москвы». Старейший сотрудник Исторического музея Анна Борисовна Закс в своей книге воспоминаний напишет: «В центре группы стоял прямой как стрела, высоко подняв голову с красивыми правильными чертами лица, Николай Сергеевич Елагин — известный московский краевед, славившийся не только своей эрудицией, но и острым критическим языком. Не знал он тогда, что скоро ему предстоит исчезновение из Москвы. Надолго!» 25 июня 1920 года Николай Сергеевич будет арестован и заключен в концлагерь.

На заседании Комиссии по организации образовательных экскурсий 28 января 1909 г. секретарь Комиссии Ф. Г. Винтерфельдт сделал доклад о результатах своей заграничной поездки. По результатам доклада Комиссия сделала следующие выводы:

«Из доклада выяснилось, что для наилучшей организации по устройству экскурсантов в городах необходимо иметь там своих уполномоченных, снабженных директивами Комиссии и постоянно с ней сносящихся. Такие лица будут особенно полезны, как более знакомые с местными условиями жизни. На обязанности уполномоченных лежат все сношения с министерствами и общественными учреждениями данной страны при возбуждении ходатайств о льготах для экскурсантов, приискание возможно дешевых помещений и столовых, разработка плана осмотра города, музеев, па-

мятников, школ и пр., распределение дней осмотра, прием экскурсантов, размещение их и пр. В Берлине были завязаны сношения с Русским Общественным Клубом, члены которого сочувственно отнеслись к идее Комиссии и выделили из своего состава лиц, которые взяли на себя, кроме упомянутых выше обязанностей, еще и помощь руководителю каждой экскурсии по осмотру музеев, школ, общественных учреждений и пр. Один из членов, инженер Абрамов, живущий в Германии около 15 лет, взялся быть официальным уполномоченным Комиссии. После долгих обсуждений членами Русского Общественного Клуба совместно с Ф. Г. Винтерфельдтом была определена следующая приблизительная минимальная смета пребывания в городах Германии: помещение — 50 пф., завтрак (чай с хлебом и колбасой) — 20 пф., обед хороший — 75 пф., обед попроще — 50 пф., ужин (чай, хлеб, колбаса) — 30 пф. В общем, продовольствие и помещение должны были обходиться экскурсанту в 1 марку 75 пфеннигов при хорошем обеде и 1 марку 50 пфеннигов при более скромном. На наши деньги это выходит около 80–70 коп. Если считать еще на разъезды по 35 пф., то день экскурсанта будет стоить в Берлине 2 марки 10 пфеннигов (97,5 коп.). Для ровного счета можно считать 1 рубль.

Что касается Парижа, то там содержание экскурсанта обойдется около 1 франка 60 сантимов (60 коп.) в день с разъездами (если считать по 50 сантимов в день), 2 франка 10 сантимов (80 коп.). В Италии, по личному опыту Ф. Г. Винтерфельдта, содержание должно будет обойтись приблизительно около 1 р. в день, считая и разъезды.

Жизнь в Вене будет стоить несколько дешевле, благодаря существованию так называемого «Mappet Heim», не имеющего, конечно, ничего общего с нашими ночлежками. Там за 1 р. в неделю, или за 20 коп. в день, отводят комнату, очень чистую, с умывальником и чистой постелью. Обед получать можно очень хороший за 20 коп. в столовой Учительского союза, а также и в студенческой. В общем, день в Вене обойдется, если даже не готовить себе самому ужина, а обедать два раза по 20 коп. — 1 крона.

Помещение — 40 геллеров. Утром — 20 геллеров. Разъезды в день — 40 геллеров.

Всего день будет стоить 2 кроны (80 коп.).

Для Праги было довольно трудно установить расценки. Но, во всяком случае, можно было рассчитывать, что местные жители приложат все усилия, чтобы сделать пребывание русских учителей возможно более дешевым.

Представителями по предложению секретаря были намечены следующие лица, безвозмездно предложившие свои услуги: в Париже — директор Школы Восточных Языков, профессор русского языка Буайе. В Вене — доктор Л. Соколовский, корреспондент «Русского Слова». В Праге — доктор Черный. Что касается Берлина, то ввиду внезапного отъезда намеченного представителем инженера Абрамова, временно Комиссия уполномочила г. Мальцева, сына известного священника православной церкви в Берлине, просить его возможно скорее подыскать представителя.

Следующий период деятельности Комиссии относится к составлению маршрутов и приблизительной их расценке. С этой целью был выделен ряд подкомиссий, в основу работ которых легли две намеченных задачи: во-первых, дать возможность русскому учителю увидеть постановку народного образования за границей, главным образом, в Германии и Австрии, и, во-вторых, познакомиться с культурой наших западных соседей».

ИЗ ЗАПИСОК ЭКСКУРСАНТКИ

Автор неизвестен

«Перед поездкой за границу я закончила свой трудовой год. Усталость чувствовалась значительная, нервы пошаливали, и апатия завладела мною в такой мере, что я немногим отличалась от движущегося манекена. Я довольно даже равнодушно отнеслась к сообщению, что я зачислена в экскурсию, несмотря на то, что путешествия были моей мечтой. Это состояние безразличия не прекращалось до Берлина. А здесь я как будто переродилась. Восемь дней пребывания в Берлине прошли для меня совершенно незаметно. Я была в вихре новых впечатлений, я позабыла о суще-

ствовании России, ее закоулков, о родных и близких мне людях. С утра и до вечера я вся отдавалась осмотрам музеев, картинных галерей, садов, фабрик, школ и окрестностей. Возвращаясь домой вечером, я погружалась в сон, прежде чем усталость давала себя чувствовать. А наутро со свежими силами, новыми желаниями я стремилась уйти из дому, чтобы успеть побольше набраться впечатлений. И действительно, в этот непродолжительный срок я успела, в смысле приобретения знаний, больше, чем можно было ожидать. Своей культурностью, благоустройством, внешним и внутренним, Берлин произвел глубокое впечатление, и, покидая его, я увезла тайное желание еще раз заглянуть в него, возобновить и дополнить впечатления. И каждый из последующих городов имел что-нибудь свое новое, красивое, возбуждающее интерес. Саксонская Швейцария, как красная ниточка, проходит через длинный ряд впечатлений от путешествия. Величие и красота природы вместе с бодрящим силы воздухом благотворно действовали на уставшие нервы. Я ехала с исключительной целью отдыха, и эта цель была достигнута с излишком. Я приобрела некоторые знания по школьному вопросу, меня интересующему, ознакомилась в некоторой степени с общественным строем Германии, подметила свою отсталость в знакомстве с историей искусства и решила в эту зиму наверстать пробелы, а также подзаняться практически французским языком и таким образом подготовиться к желаемой поездке в Италию».

ЗАГРАНИЧНАЯ ПОЕЗДКА НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ

Учительница-экскурсантка 9-й группы 1-го маршрута

Автор неизвестен

«Наша группа состояла из 42 человек и была в следующих городах: Варшаве, Берлине, Стассфурте, Галле, Лейпциге, Дрездене и Вене. За внесенные нами в Комиссию 80 рублей мы получили проезд по ж. д., достаточное и вкусное питание, чистые и удобные

квартиры. Оплачивались также и мелкие разъезды на местах остановок.

Таким образом, хозяйственная сторона нашей жизни нас абсолютно не касалась: все это было в ведении руководителя. Получить разрешение на посещение чего-либо, достать скидку, бесплатный вход — все это выполнялось руководителем. Мы — экскурсанты — пользовались всеми удобствами, не заботясь о них.

Никакого тяжелого группового режима не было и, собственно говоря, не могло и быть: каждый из экскурсантов мог употреблять свое время по личному усмотрению и даже мог отставать от группы, как временно, так и совсем. Такие случаи были, и они ни мало не нарушали групповой жизни. Но эти случаи были, как исключения, что и понятно: группа, как таковая, получала неизмеримо больше того, что могло получать отдельное лицо, следовательно, отделяться от группы было просто невыгодно.

Обычно порядок дня разрабатывался руководителем, предлагался группе, и каждый из членов ее мог вносить в него те или иные изменения, которые или принимались, или отклонялись группой.

Все дни были заполнены целиком до последнего полчаса, благодаря чему мы получили массу впечатлений. И эти наши впечатления далеко не были хаотичны. Они могут быть подразделены на вполне определенные градации; это — внешняя жизнь западноевропейских городов, произведения искусств, народные школы, отчасти фабрично-заводская промышленность и природа.

Все эти впечатления для нас — народных учителей — за малым исключением, были совершенно новы, тем более, что некоторым из нас даже не приходилось бывать в столичных городах. И жизнь, и движение таких городов, как Берлин и Вена, не могли не оставить в нас сильного впечатления. Потом нам пришлось увидеть целый ряд памятников, зданий прекрасной архитектуры, выставок, музеев, картинных галерей, среди которых мы осматривали Дрезденскую галерею — эту европейскую сокровищницу искусств. В Берлине смотрели рейхстаг, в Вене — университет, собор св. Стефана и проч. и проч., были в театрах, по вечерам иногда посещали кафе. Этот вид ресторанов совершенно незнаком

русской публике: они отличаются красивой отделкой, в них много газет и журналов, в том числе и русских; здесь можно послушать недурную музыку и за недорогую плату получить кофе, молоко, пиво. По вечерам в этих кафе немецкая публика мирно отдыхает от дневной работы.

Осматривали ряд школ, частью функционирующих, частью пустых, потому что было время летних каникул. Здесь поражало общее благоустройство, обилие наглядных пособий, стремление развить ребенка не только нравственно, но и физически. Для достижения последнего там тоже не жалеют средств.

На заводах и фабриках останавливала наше внимание опрятность вообще и в частности — хороший, здоровый и интеллигентный вид рабочих, которые, кстати сказать, удивительно хорошо одеваются, в особенности работницы. Любопытная подробность: об условиях труда, заработной плате и проч., часто никаких сведений не давалось, и фабричная администрация даже заранее предупреждала об этом.

Природа Саксонской Швейцарии, на экскурсии по которой мы употребили три с половиной дня, произвела удивительное впечатление. Снеговых гор там нет, нет особенно диких скал и ущелий, но в то же время столько поражающей и чарующей красоты, что эти экскурсии в горы навсегда оставят о себе светлое впечатление. Путешествуя пешком по горам, приходилось заходить в деревни, и в одной из них на берегу Эльбы близ Шандау мы жили 2 дня. Здесь мы знакомились лишь с внешним видом деревни и только иногда заходили в дома и осматривали хозяйство.

В конце нашего путешествия мы заезжали в Прагу, в которой пробыли 3 дня. Здесь, в столице Чехии, мы встретили очень радужный прием. Чехи принимали нас как народных учителей и, главным образом, как славян, как родственную национальность. И в подчеркивании своей симпатии к нам, славянам, чехи тем сильнее оттеняли свою крайнюю неприязнь к немцам.

Для нашей группы, как и для всех предыдущих, заезжавших в Прагу, был устроен городом банкет, было подарено по альбому

каждому члену группы с видами Праги и предоставлены всем бесплатные квартиры.

И в частности, и в целом наша поездка имела много содержания и дала много удовольствия.

Наша группа, как таковая, жила очень дружно; иногда устраивались общие собрания, на которых экскурсанты делились впечатлениями, обсуждали их. Читались доклады, возникали интересные прения. Но для собраний было очень мало времени, о чем приходится лишь пожалеть, так как собрания проходили живо и интересно и недостатка в материале не было.

ПИСЬМО С ДОРОГИ

Александр Анисимов

Ознакомление с древним, старым арабским и современным Египтом было организовано московской Комиссией несколько странно. Экскурсанты были сданы ею, так сказать, на откуп двум арабам-проводникам, которые брались и поместить экскурсантов в отеле на полном пансионе, и все им показать. Отсюда вытекли на это время все неудобства нашего здесь пребывания и некоторые непорядки в отношении устройства, продовольствия в гостинице, что неизбежно при насыщении такой массы людей гуртом, сразу, и самый характер осмотра памятников и всяких достопримечательностей под руководством невежественных людей, заинтересованных к тому же в том, чтобы наговорить возможно больше всяких страстей, ужасов и нагромоздить возможно больше громких имен. И мне не раз за это время вспоминались орды английских учительниц, бегавших сломя голову по музеям Италии за быстроногим проводником из знаменитой кампании Кука: тогда я от души хохотал над ними, глядя, как они не успевали даже взглянуть на одну картину, как их проводник был уже у другой и что-то лепетал, что было слышно лишь близкостоящим. Теперь я очутился в обществе таких добровольных страдальцев и смеялся уже не над другими, а над собой. Но русские так жалки, так беспомощны за

границей, что могут чувствовать себя в безопасности, только находясь «в стаде». Этим стадом познакомились мы и с Александрией, и с Каиром, во всем полагаясь на проводников и идя туда, куда ведут. Поэтому, не без вины, впрочем, и самой Комиссии, мы видели много такого, что без ущерба могли пропустить, и в течение нескольких минут осматривали то, на что требовались бы целые часы. Древний Египет встал перед нами в лице знаменитых египетских пирамид и Сфинкса, на которые не только взбирались, но около которых снимались во всяких видах и позах, тратя на это массу дорогого времени. Единственный в своем роде здешний музей древностей развернул необозримую картину богатств и глубины египетской пластики. Лично меня особенно интересовали там удивительные портреты, которыми уже в римскую эпоху снабжали египтяне свои мумии и на связь которых с ранней христианской иконографией указывает современная наука. Также привлекла мое особое внимание и коптская церковь Абу-Сиргэ, известная специалистам как один из прототипов христианских базилик. Но если бы вы знали, в каком ужасном состоянии находится как все ее здание, так и роспись, блекнущая на колоннах, и удивительная резьба. Некоторые из виденных мечетей и гробниц перенесли уже в другую область — мусульманского искусства, которое было для меня совершенно новым, даже, скажу, неожиданным в своих художественных откровениях, особенно по связи своей с готикой. Уделено было внимание и современному Египту, особенно со стороны большинства участников поездки. Начиная со школ, продолжая зоологическим садом и кончая зрелищами и ресторанами, ничто не осталось неисследованным. Но не от всего было вынесено одинаково приятное впечатление. Александрия оказалась бесцветным, неинтересным городом, переставшим быть древней столицей образованного мира, и не сумевшим еще стать настоящим европейским портом. Напротив, в Каире удивительно уживаются и живописная азиатчина в своей нетронутой простоте, и самая утонченная Европа, направленная на англо-французский вкус. Самым интересным и наиболее продуктивно использованным оказалось наскоро организованное нами по личной инициативе

и при содействии знаменитого египтолога Масперо и нашего посла С. А. Смирнова, путешествие на место древних «стовратных» Фив, когда-то владычествовавших над всем Египтом. В поездке этой приняли участие 27 человек, и одно это уже обеспечило ей относительный успех. План осмотра древних храмов и Некрополя был намечен самим Масперо и выполнен нами в два дня. И, должен сознаться, я никогда не видел ничего более поразительного не по красоте и не по величию, а по удивительному непостижимому своеобразию своему, по глубине и неразгаданности своего внутреннего содержания и далекости его от нас, чем эти Фивские подземные гробницы фараонов. Заключенные в диком и жгучем ущелье высот, господствующих над долиною Нила, они проникают далеко в недра земли, манят своею бесконечностью, пугают беспросветною темнотою, и хочется идти по ним все дальше и дальше, из одной в другую, и читать начертанную на их стенах в тысячах страниц непонятную книгу мертвых. Стояла ужасная жара. Ведь еще немного, и мы была бы уже под тропиками. В отеле ни к чему нельзя было притронуться: мебель, одежда, посуда — все было горячее, не теплое, а горячее. И как ни странно, легче было медленно еще на осле передвигаться по пескам, среди раскаленных горных склонов, чем в поисках временного отдыха ложиться на собственную постель. И тем не менее, ничто не оставило по себе таких сильных, ярких и дорогих впечатлений, как эта поездка в верхний Египет. Отыщите на карте Луксор и Корнакс — место развалин древних Фив: эти селения были крайним южным пределом моих странствий. Завтра мы уезжаем в Порт-Самид, а оттуда с дневным пароходом в Яффу. Начинается как бы обратный путь на Север, хотя до возврата еще далеко. Многие уже с умилением говорят о родине, а двое не вынесли режима поездки, лучше сказать — путешествия «в обществе» и вернулись домой. И не без основания: это «общество» бывает иногда невыносимее хамсина, о котором рассказывал нам сегодня Масперо и от которого он спасался во время своих египетских скитаний лишь тем, что ложился ничком на землю, закрывался с головой и ждал, когда «пронесет».

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПИСЬМА ЭКСКУРСАНТОВ

Среди материалов, которые я подготовил к публикации есть не только рассказы отдельных экскурсантов, но и сообщения, написанные коллективно, всей группой. Предлагаю выдержку из материалов:

«Между канцелярией и группами, находившимися в пути, устанавливались непрерывные сношения через руководителей или непосредственно с экскурсантами. Часто еще в пути они высказывали некоторые пожелания, и Комиссии удавалось удовлетворить их просьбы своевременно. С другой стороны, учителя, прежде чем разъехаться в разные стороны, устраивали совещания, на которых старались выяснить причины недочетов, отрицательных сторон поездки. На совещаниях выносились общие решения, которые и представлялись в Комиссию при возвращении группы в Москву. Иногда по поручению большинства редакция заявления поручалась wybranым лицам, которые и присылали его по почте от имени группы. Вот образчик такого заявления.

«В Комиссию образовательных экскурсий 3-й группы II-го маршрута. Сообщение.

Настоящее свое сообщение мы, нижеподписавшиеся участники 3-ей группы, посылаем в Комиссию по следующим соображениям: во-первых, это подсказывает естественная потребность и желание поделиться своими радостями и горестями с Комиссией, организовавшей поездку, а потому заинтересованной в нашей экскурсионной жизни; во-вторых, мы думаем, что наше сообщение может послужить коррективом единичных сообщений с их неполными и неточными данными; в-третьих, руководитель неоднократно советовал нам со всеми своими недоразумениями и даже жалобами обращаться непосредственно в Комиссию; наконец, и может быть, самое главное, нами руководит желание поделиться с Комиссией данными нашего опыта с целью облегчить в будущем Комиссии ее тяжелую работу, а нашим товарищам — трудности путешествий, чтобы с уменьшением затрат средств и сил увеличить пользу и значение подобных поездок.

Прежде всего мы считаем своим долгом выразить Комиссии искреннюю благодарность за то, что она дала нам возможность испытать массу разнообразных впечатлений и получить тот запас интересных сведений, которые мы теперь несем в Россию, в частности в русскую школу. Несмотря на видимую усталость, мы возвращаемся на родину окрепшими физически, с расширенным умственным горизонтом, с бодрой и радостной душой, с убеждением, что без почина Комиссии и ее организации мы никогда бы не видали, не испытали, не пережили ничего подобного. И в благодарность за все это мы считаем себя не в праве умолчать и об отрицательной стороне нашей поездки, тем более, что делаем это не с целью жалоб и упреков, уже запоздалых и потому для нас лично бесполезных, а исключительно в интересах русского общества и самой Комиссии. Конечно, мы ясно сознаем всю трудность первого опыта, учитывая в должной мере естественные последствия всякого начинания.

Кроме того, многие недостатки нашей поездки объясняются неопытностью, неподготовленностью русского учителя к путешествию, и, следовательно, причины коренятся и в нас самих. Неудобства нашей поездки усилились еще тем обстоятельством, что Комиссия не заключила заранее указанных ею в ее же программе договоров на осмотр различных зданий и памятников, что вызвало непроизводительную и излишнюю затрату времени, сил и средств.

Но главным источником большинства неудобств и недоразумений в нашей поездке явилась неопределенность самой инструкции и туманность тех прав и обязанностей, которые Комиссия предоставила руководителю группы. На основании всего пережитого мы считаем, что вопрос о взаимоотношениях руководителя и группы практически чрезвычайно важен, а потому требует более тщательной и определенной разработки, не дающей места никаким сомнениям и произвольным толкованиям.

Вероятно, сама Комиссия и не предполагала, что на основании ее инструкций роль руководителя может превратиться в роль начальника, которому беспрекословно должны подчиняться все участвующие в экскурсии учителя и учительницы. По самому по-

ложению вещей, так как едут взрослые и интеллигентные люди, очевидно, что наиболее рациональной постановкой вопроса будет та, когда руководитель экскурсии является только *primus inter pares*. Это единственно возможное и приемлемое условие для того состава, который организовала сама Комиссия. Кроме того, в интересах самой группы и еще более в интересах Комиссии, чтобы во всех финансовых делах во время пути проводился общественный контроль.

Хорошо было бы также, чтобы руководитель знал и разбирался в той инструкции, исполнять которую обязался перед Комиссией; также полезно было бы для группы и для Комиссии, если бы он был знаком с планами городов и местностей, с историческим значением памятников. Ввиду этого, в интересах будущих экскурсий, желательно было бы, чтобы Комиссия поставила первым условием для руководителя специальную подготовку к данному маршруту и чтобы познания руководителя отличались хотя некоторой универсальностью и определенностью на основе общего образования...

Кончая путешествие, мы смело можем сказать еще раз, что наш умственный горизонт расширился, что мы получили большой запас сведений, чем мы обязаны прежде всего почину Комиссии и своим собственным силам...

Многим мы обязаны кроме того весьма существенной и зачастую неожиданной поддержке совершенно посторонних для экскурсии лиц; поэтому мы обращаемся с просьбой к Комиссии выразить благодарность и от ее имени лицам, которые оказали нам большие услуги... (перечисляются имена заграничных агентов).

Наше сообщение мы просим Комиссию принять как выражение искренней и глубокой благодарности, видеть в нем только желание посылить придти на помощь новому делу, чтобы это новое дело не заглохло после первого порыва и некоторых неудач, а наоборот, разрасталось, обогащаясь опытом, и чтобы русский учитель всегда мог, хоть летом, отдохнуть душой и, обновленный, вносить живую струю в общее дело образования.

P. S. Это сообщение мы просим прочесть на ближайшем заседании Комиссии.

Следуют 42 подписи. 31 июня 1909 г. »

БЕГОМ ПО ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Путевые впечатления. Автор неизвестен

«Общепризнанный факт, что мы, русские, очень мало знаем не только Европу, но и собственную страну. Дальность расстояний, неудобства в пути, отсутствие инициативы сделали то, что своими глазами редко кто видел Кавказ, Урал, Финляндию, Крым, степи.

Только в начале нынешнего века начал пробуждаться интерес к путешествиям, организуются экскурсии студентов, гимназистов, устраиваются групповые поездки частных лиц. Но все это пока случайные попытки — организованное ныне путешествие не возобновляется на будущий год; нет руководителей, нет хорошо составленных планов местностей и городов, нет толковых путеводителей, вроде заграничных Бедэкеров.

Почин в организации массовых экскурсий принадлежит Комиссии Образовательных Экскурсий при Учебном Отделе Общества распространения технических знаний.

Для удобства сношений с руководителем каждая группа была разбита на кучки по 8–10 человек с выборными старостами, через которых руководитель оповещал всех о плане предстоящего осмотра города и его достопримечательностей; старосты же получали для раздачи деньги на мелкие разъезды (трамвай, конки) и на пищу, когда приходилось обедать не в отелях, а в пути; они должны были своей подписью удостоверить, что записанный руководителем в книге расход действительно произведен.

По мысли Комиссии, главное внимание наше было обращено на обозрение музеев, картинных галерей, достопримечательностей. На знакомство с жизнью, с природой при этом стремительном движении и коротких остановках не было уделено, к сожалению, почти совсем времени.

Как профан в искусстве, я не решаюсь предлагать свои впечатления от осмотра картин на суд посторонних. Одно только замечу: все более или менее замечательное, касается ли это искусства, природы или истории, иностранцы умеют выставить наиболее выпук-

ло и, так сказать, осязательно для публики. Галереи, музеи и пр. обозначены на каждом плане, который легко достать, особыми знаками; к каждому историческому или известному по красоте месту ведет прекрасная шоссированная дорога; всюду аншлаги с указанием, куда идет путь; для подъема на горы почти везде устроены железные дороги.

Но несмотря на то, что на знакомство с жизнью не было оставлено времени, жизнь эта не могла не обратить наше внимание — настолько она своеобразна и так отличается от нашей. Вот причина, почему я желал бы поделиться с читателями своими мимолетными наблюдениями. Впечатления эти были тем острее, что за границу я попал в первый раз в жизни.

Границу у Александрова мы переехали ночью, которую провели без сна, так как спальных мест в вагонах не полагается, а спать сидя не всякий может. Таможенный досмотр ограничился только беглым осмотром двух-трех особенно больших чемоданов; чемоданы же и мешки средних размеров не только не вскрывались, но даже не выносились и на глаза чиновника, а спокойно пролежали на верхней полке вагона.

Мы за границей России! Усиленно стараемся уловить отличительные черты иностранной жизни. И разница чувствуется сейчас же. В вагонах третьего класса поразительная чистота, поддерживаемая специально для этого едущей в поезде горничной; она несколько раз до Берлина обходила вагоны, протирая мокрой тряпкой замеченную пыль. В каждом вагоне имеется умывальное отделение, пассажир может, повернув ручку автоматического прибора, получить миниатюрный кусочек мыла, очень приличного, а в особом шкафчике лежит полотенце, которое после употребления бросается в стоящую тут же корзину; в воде недостатка не бывает; умывальный столик мраморный. Если припомните наши способы подметания вагонов, где толстый слой пыли с полу переносится на лавки и платье пассажиров, где в уборных не только мыла и полотенце, но часто и воды не достанете, вы, конечно, оцените вполне предупредительность администрации заграничной дороги.

С рассветом начали посматривать в окна. Та же равнина, те же «сосна да осины», рожь, овес, картофель, что и в России! Но, приглядевшись, замечаем и разницу: рожь в рост человека, с полным тяжелым колосом, сплошной стеной стоит на желто-сером фоне северных суглинка и супеска. Ни одного пустыря — все занято посевами ржи, овса, клевера, картошки, и даже межи усажены частыми деревьями, отгораживающими одно владение от другого. Среди этих деревьев нередко можно встретить яблони, вишни, груши.

Поселки и хутора построены из кирпича и песчаника, под черепичной крышей и рассчитаны на постоянное, вековое пребывание в них хозяев, а не на временное — до первого пожара. Службы тоже из камня. Перед домом палисадник с яркими цветами и фруктовыми деревьями. Всюду шоссе. Грязи, несмотря на дождь, не видно. Лошади, могучие и холеные, везут по такой дороге без натуги громадные воза.

Но вот и Берлин. Несмотря на то, что только 6 часов утра, движение в полном разгаре: извозчики, трамвайные вагоны, паровые и бензиновые дилижансы, моторы, мотоциклеты, велосипеды уже загородили всю площадь, и, кажется, что не пробраться сквозь эту движущуюся стену экипажей. И люди, люди без конца! С портфелями под мышкой, с мешками за плечами, с корзиной на руке или на голове, все они торопливо, сосредоточенно, оглядываясь по сторонам, идут сплошной лентой. Ошеломленные в первые минуты, мы, немного осмотревшись, замечаем некоторую закономерность в движении и, нагруженные чемоданами и мешками, уже смелее пробираемся к омнибусу, влезаем на второй этаж и оттуда, успокоившись сразу от волнения, озираем с высоты всю суету. Двинулись. Различные улицы, а вот и Dalldorferstrasse, где помещается наш Hospitz am Wedding. Там в столовой уже ждет нас кофе с хлебом. Шум, гам — точно на ярмарке. Хозяйка просит «несколько потише, потому что ее жильцы привыкли к тишине». Затихли было на минуту, но снова, по русской привычке, стараемся перекричать друг друга. После кофе в номера нас не пустили, а предложили сходить в ванное заведение.

После ванны размещаемся по номерам. Постель, подушка покрыты белоснежной простыней, одеяло в виде перинки, у каждой кровати умывальный прибор, графин с водой и чистое полотенце.

Приятно бы и растянуться после трех почти бессонных ночей. Но спать днем, да еще в Берлине — преступление, и большинство из нас отправляется до обеда осматривать город. Мы на Ундерден-Линден. Осматриваем королевские дворцы, оперу, собор, разыскиваем главную почту, чтобы справиться о письмах. Всюду памятники королям, курфюрстам, герцогам, генералам — целый военный некрополь. Позже мы увидели, что в Берлине нет, кажется, площади, где бы ни высилась монументальная бронзовая или мраморная фигура ученым, художникам, писателям.

Нас, в первый раз увидевших Берлин, поразило громадное уличное движение в этом мировом городе, как гордо величают его немцы. Электричество, пар, бензин, лошади, люди и даже собаки — все запряжено, все везет и несет на себе какую-нибудь тяжесть. Движение напоминает нечто стихийное, что уловить, загнать в определенные рамки, кажется, нельзя; так и предполагаешь, что несчастий от движения в Берлине должна быть масса. А между тем в действительности несчастий бывает относительно меньше, чем, например, в Москве. Все идет по заведенному порядку. Люди, в силу необходимости, с детства привыкают к железной дисциплине, которая упорядочивает этот хаос. Одним из рычагов этой громадной машины является стоящий на каждом углу, одетый в нарядный синий мундир и каску рослый полицейский, с указаниями которого считаются все: поднял руку в белой перчатке полисмен, и вся эта масса автомобилей, колясок и фургонов моментально замирает на месте; при вторичном движении руки снова все устремляется в разные стороны, торопясь и обгоняя друг друга. Только этот синий монумент стоит неподвижно и пытливо глядится в толпу. Ни крика, ни шума, ни ссор!

Отдельный человек теряется в этой массе, и кажешься себе маленькой-маленькой песчинкой в громадной куче.

А со всех сторон теснят и еще более принижают тебя каменные в 4, 5, 6 этажей громады почти черного от времени цвета. Улицы

кажутся узкими от этих каменных исполинов. Хочется вырваться на широкий простор, чтобы вздохнуть полной грудью, увидеть далекий горизонт. И только одно ласкает глаз, дает отдых подавленному сознанию — это множество цветов. Все подоконники снаружи во всех этажах уставлены цветущими простенками вроде герани и фуксии, растениями в полном цвету, на балконах вьется плющ. И это до чрезвычайности скрашивает унылый в общем пейзаж. Дома не кажутся такими мрачными, и даже архитектура этих домов, похожих друг на друга как две капли воды, не режет глаз своим однообразием. В Германии, Швейцарии, Австрии — всюду мы встречаем эту любовь к цветам, к зелени; в Вене даже на высоких фонарных столбах приютились цветы, а в Лайбахе город дает 100 крон премии за лучшее украшение дома цветами и зеленью. В Дрездене мне пришлось слышать, что здесь люди даже среднего достатка тратят от 5-ти до 10-ти процентов своего жалованья на этот предмет. Вместе с тем нельзя не отметить также любовь здешних людей к природе вообще и стремление почаще бывать за городом: чиновник, имеющий впереди два праздника, приказчик, получивший недельный отпуск, надевают котомку за плечи и с палкой в руках отправляются на «лоно природы»: в горы, на озеро — и там бродят эти несколько дней, чтобы, набравшись впечатлений, с свежими силами приняться за свой труд. Нам приходилось не раз встречать подобных людей на трамвае, в вагонах железных дорог, и на вопрос — откуда, мы неизменно получали ответ: «Из Тюрингенвальда, из Саксонских гор». Как следствие этой любви к природе является у тамошних людей и бережное отношение к растениям. Всякий из нас знает, с каким большим трудом и малыми шансами на успех связана в России посадка деревьев перед домами в городах. Как часто гибнут эти деревья от недостатка воды, а чаще от озорства разных хулиганов! Там отношение другое! Я уже указывал, что на межах полей ничем не защищенные стоят яблони, груши, вишни. В Дрездене я встретил еще более поразивший меня факт: из палисадника через низкий забор перевесились ветки вишен, груши, так, что приходилось наклоняться, проходя мимо. И ветки были полны сочных спелых плодов!

Сквозь решетку забора просунулись вьющиеся розы, все в цвету, и никто не протянет руки, чтобы сорвать цветок, потому что это, по словам студента из русских, здесь считается хуже воровства из кармана. Другие нравы, иные понятия, чем у нас!..

Чистота в германских городах поразительная: тротуары буквально моются, да и по улицам, например, Берлина, разъезжает громадный бак, дающий на мостовую сильную струю воды: за струей вращается вал с металлической щеткой или скребками, скобящими грязь. Воды в этих случаях не жалеют: ежедневное потребление ее, например, в Мюнхене, равняется 18 с половиной ведрам на голову населения. Кстати, о мюнхенском водопроводе. Благодаря настояниям гласного гор. Мюнхена проф. Петенкофера, водопровод закончен устройством в 1883 году. Ключевая и горная вода собирается в 40 километрах от города в громадных высеченных в скале водоемах и оттуда в количестве 10 милл. ведер подается в город; длина труб в городе 458 км, стоимость сооружения 25 миллионов марок. Канализация обошлась городу в 32,5 миллиона марок. Результаты таких «безумных» затрат: смертность с 41 человек на тысячу в 1870 г. упала к 1907 г. до 17,6 человек.

Заботы о чистоте доходят до того, что в лучшей части Дрездена — «Новом городе» — на улицах поставлены особые сосуды для окурков и для плеванья. В каждом городе имеется санитарное бюро для исследования пищевых продуктов.

Маленькие города, как Нюрнберг и Лайбах, имеют электрические трамваи и освещение.

Рядом с заботами о чистоте и удобствах жителей выделяется ярким пятном на фоне городской деятельности забота о детях. Вечером, тотчас по приезде в Дрезден, мы были свидетелями удивительной сцены: к пристани на Эльбе медленно подходил пароход, весь заполненный детворой обоего пола не старше 14–15 лет. С флагами и значками они быстро высыпали на берег, разместились по группам и живо разошлись в разные стороны. Детей было больше 1000. На вопрос, что это значит, нам сказали, что город нередко, особенно весной, устраивает для школьников загородные прогулки, и дети целый день проводят на вольном воздухе — игра-

ют, поют, собирают насекомых, камни, ботанизируют. Эти прогулки потом на уроках служат предметом бесед. Настоящая прогулка была устроена по случаю окончания учебного года (27 июня стар. стиля).

В самом Дрездене в громадном Grosser Garten отведена изрядная площадь для детских игр; каждая школа города имеет здесь свой отгороженный участок для игры в лапту, лаун-теннис и т. д. Катки, детские гулянья, летние загородные колонии имеются всюду. В школах Мюнхена, Дрездена имеются ванны, организована медицинская помощь, бедным раздаются бесплатно учебники, одежда, горячие завтраки.

Начальное обучение в Германии, как известно, обязательное: с 6 лет ребенок должен посещать школу — мальчики до 14, а девочки до 13 лет. Кроме того, существуют дополнительные школы: для мальчиков — двухлетние, а для девочек — трехлетние. Характерны первые шаги педагогов для знакомства с детьми и вызов последних на разговор с целью приучить их к связной речи. Учитель задает целому классу тему, вроде следующих: как я ходил в лес? как я ловил рыбу? как я подрался с товарищем? Ученики по очереди развивают и дополняют рассказ. В результате получается довольно полная и живая картинка из детской жизни. Дети повторяют ее. Такие коллективные «сочинения» продолжаются не одну неделю. Довольно видное место занимает в начальном обучении рисование. Мне пришлось видеть в одном приюте (Мюнхен, Нимфенбург) детские рисунки карандашом, пером и акварелью. Листья, цветы, плоды, насекомые смотрели с рисунка, как живые, и сделали бы честь многим нашим средним учебным заведениям.

Занятий в школах нам, к сожалению, не удалось видеть — начинались каникулы, но некоторые стороны воспитания мы все-таки наблюдали. Мы собирались посетить приют для бедных детей около Потсдама. Ко времени отправления поезда (3 ч.) публика собралась не вся, и я, по предложению руководителя, отстал от этой части, чтобы собрать отставших. Когда подошли остальные, оказалось, что ждать следующего поезда долго. Решили ехать в Потсдам другой дорогой, тем более, что и раньше нас уехавшие

обещались после осмотра посетить Потсдам. В Потсдаме нам указали другой подобного же типа приют на 40–50 мальчиков. Заведующий приютом учитель повел нас по всему довольно большому зданию. Мы осмотрели классную комнату, ванную, спальни, столовую, где человек 20 (остальные были отпущены по домам) воспитанников ели хлеб с маслом и вареньем. Лица ребят были цветущие и осмысленные; одежда однообразная, грубая, но чистая. Из столовой мы прошли в огород-сад, обрабатываемый самими воспитанниками. Когда я увидел тщательно подрезанные яблони, кусты смородины, на грядках крупные морковь, свеклу и цветную капусту, признаюсь, сомнение взяло, кто обрабатывал огород. Но дети окончили ужин, вышли в огород, и надо было видеть, с какой ловкостью 10–14-летние ребята начали копать грядки, продолжая прерванную работу... мои сомнения улетели прочь. Каждый знал свое место, свою лопату и, не мешая другим, сосредоточенно делал свое дело. Учитель не стоял над душой и не указывал, что делать — он отошел с нами спокойно в сторону и толковал об организации приюта.

Учителя в народных школах все со специальным образованием и трехлетней предварительной практикой. Отличительная черта германского педагога — не застывать в своем развитии: учительские фрейны, педагогические съезды для обсуждения как личных, так и общепедагогических вопросов — все это будит мысль, дает знания. В каждом городе имеется школьный музей, где собраны все новости школьной техники; учителя принимают в них самое деятельное и горячее участие. Эти похвалы мне пришлось слышать от людей, которые тут же упрекали их за индифферентизм в политике. Правовое положение учителей не везде одинаковое, но, кажется, везде не особенно блестящее: увольнение, например, в Мюнхене зависит от школьной комиссии, в которой громадное большинство голосов принадлежит клерикалам, учителя же состоят в ней «больше для виду». Не тут ли скрывается причина индифферентности учителей?

Относительно высшего образования мне пришлось беседовать со студентом дрезденского политехникума. Он родом из России

и жаловался на массу занятий, непривычную для русского студента. Начиная с 8-ми, а летом даже с 7-ми часов утра, занятия кончаются в 5, а часто и в 7 часов вечера, с небольшим обеденным перерывом. Теоретические занятия (до обеда) сопровождаются практическими (после обеда) с самого начала и во весь курс, причем в конце семестра каждый студент обязан подать профессору подробнейшее описание всех работ. Из этого описания профессор видит все слабые стороны познаний студента, его недоумения и вопросы, относящиеся к предмету. Пропуски занятий при таком порядке, по словам студента, немислимы, да они и не в моде ни у студентов, ни у профессоров. Если профессор пропустил несколько лекций (целое событие!), то он назначит столько же дополнительных в конце курса. И химия, например, при таких интенсивных занятиях проходится в один год в объеме, равном двухлетнему курсу наших учебных заведений соответствующего типа.

Немецкие специальные учебные заведения страдают, по мнению даже некоторых немцев, излишним практицизмом: «Они выпускают инженеров-мельников, инженеров-кожевников, прядильщиков, причем каждый до тонкости знает приемы и машины своей специальности — тут он у себя дома; на его письменном столе вы найдете всегда несколько специальных журналов. Но не ищите у него журналов общелитературных. На школьной скамье, обремененный усиленными занятиями, он не приобрел вкуса к общечеловеческим интересам, а когда вступил в жизнь, то начинать было уже поздно — он так и остается узким специалистом, профессионалом-ремесленником». Если обратиться к фактам, то положение, пожалуй, несколько изменится. Начать с того, что германский инженер создал промышленность, конкуренция с которой начинает затруднять даже Англию.

Мне пришлось побывать на постоянной выставке по фабричной гигиене в Шарлоттенбурге (Берлин). Передо мной прошел целый ряд машин с крайне остроумными и интересными приспособлениями для уменьшения опасностей при работе. Благодаря приспособлениям, механический токарный станок для стали не разбрасывает во все стороны, как прежде, блестящих искр, так

вредно влияющих на кожу и дыхательные органы. В чесальной машине для хлопка имеется мало известный на наших фабриках пылесобиратель; механическая пила для дерева абсолютно не разбрасывает кругом себя опилок; приводный ремень при помощи простого приспособления моментально перестает двигаться, если в машину попадет посторонний предмет (палец, рука рабочего).

Здесь же представлены в виде моделей жилища рабочих при фабриках, их школы, клубы, гимнастические залы, ванные комнаты, кабинеты для чтения. Эти модели представляют не проекты доброжелательного утописта, а точные уменьшенные копии зданий, существующих на разных фабриках и заводах в Эссене, Ремшейде, Бреслау и др. Германский инженер, как видите, смотрит несколько дальше своих машин, и говорить об узости его я, по крайней мере, не решаюсь.

Борьба труда и капитала идет там, вероятно, напряженнее, чем у нас, но она ведется в другой плоскости: рабочий там уже не борется за звание человека; хозяин не обсчитывает рабочих в фабричной лавке, не строит им пресловутые «каморки».

Касаясь впечатлений от других сторон жизни, не могу пройти мимо факта, который поражал нас в Германии, особенно на севере — это отсутствие нищих и пьяных на улицах. Лишь вечером, когда замирает деловая жизнь, можно видеть немца в ресторанах и пивных. Но и тут его, красного от пива и иногда покачивающегося, не покидает его деловитость. Время в Берлине дорого, и расходуется оно очень экономно: в магазине немец перестал говорить и показывать товар, когда наши экскурсанты вздумали с ним поторговаться.

Чем дальше мы двигались к югу, тем больше изменялся немец: деловитый, сосредоточенный и постоянно торопящийся в Берлине, он в Дрездене, и особенно в Мюнхене, становился шутивее и экспансивнее; чаще слышится смех; дома и те становятся как-то цветистее и не так угрюмы и однообразны, как в Берлине. Исключение составляет лишь Нюрнберг — этот обломок 13-го века, сохранившийся, как под стеклом, донныне с его высокими слепыми домами и узкими кривыми улицами. Но, составляя драгоценный

исторический памятник, этот город на меня производит гнетущее впечатление: жизнь в каменном мешке без света и воздуха я не могу себе представить.

Швейцарию мы видели только из вагона, исключая Рейнский водопад, куда часть партии ездила особо, и дорогу по Фирвальдштеттскому озеру, которую мы, на протяжении 12 километров, прошли пешком. Экскурсанты в обоих случаях были вполне вознаграждены: как водопад, так и озеро с окружающими его горами были настолько великолепны, что восторгам не было конца.

Озера Маджиоре, Лугано, Комо составляют красу южной Швейцарии и кругом заселены; города и местечки настолько часты, что кажутся непрерывными. Виллы, принадлежащие американцам, англичанам, французам, встречаются на каждом шагу. Немного, вероятно, мест на земном шаре, где бы царствовало такое разноязычие, как здесь: в Лугано портье дешевого отеля, где мы ночевали, говорит на семи европейских языках, в том числе без акцента и на русском. Видимо, иностранец здесь — постоянный и желанный гость. Туристы без конца, группами и в одиночку, юные и взрослые! А осенью, говорят, их еще больше.

Северная Италия произвела на нас двоякое впечатление. Роскошная природа, поражающая богатством и разнообразием видов растительности, тучные поля пшеницы, кукурузы, тщательно возделанные виноградники и плантации маслин — и рядом с этим грязь в городах, масса нищих, которые лезут на глаза везде: на железных дорогах, на улицах, на мостах. Кривые, хромые, однорукие, с открытыми язвами, они вселяют невольно убеждение, что Италия по крайней мере на четверть состоит из калек. На каждом шагу дети, ходящие перед вами колесом, кувыркающиеся, чтобы выклянчить сольди. Оборванные, босые, грязные, они производят тяжелое впечатление. Быть может, в России нищих и больше, но после Германии количество их кажется невероятно большим. И характерная черта: тогда как в Германии каждый полон чувства собственного достоинства и даже прислуга требует к себе уважения, здесь как раз и не замечаем этого: мальчишек гонят с одной, а они забегают с другой стороны; торговцы-разносчики неотвязно

прилипают к вам, чтобы купили у них коробку спичек, открытку; вы отстраняете его, даже отталкиваете, а он снова сует вам в руки свой товар. Приказчики даже больших магазинов стоят у дверей и чуть не за полы увлекают покупателей. Продать под видом хорошей плохую вещь и запросить втридорога — дело самое обыкновенное.

Особенно плохое воспоминание оставила в нас «царица Адриатики» Венеция. Узкие кривые улицы, грязь в отелях и на тротуарах, вонь от каналов — настолько сильная, что обедать противно. И рядом великолепная площадь св. Марка, вид на море и на Лидо. Магазины Венеции ярко освещены, имеют нарядный вид, но товары вообще грошовые и рассчитаны на туристов, наполняющих свои чемоданы сувенирами (безделушки из стекла, стеклянная мозаика, плохие кораллы, чаще поддельные, и открытки всех видов). Нас пригласили осмотреть стеклянные заводы на о. Мурано. Я представлял себе громадное, с сотнями рабочих сооружение, где готовятся все виды стекла. Оказалось, что это ремесленная мастерская с 5–6 рабочими для приготовления самых простых и грубых украшений из стекла. Все, что посложнее, покрасивее, а также цветное стекло для мозаики делается не в Венеции, а привозится сюда из других мест.

Венецианские кружевные фабрики — тоже мелкие, кустарного типа мастерские, вроде наших вологодских или пензенских.

Мы снова у немцев, но немцев австрийских. Триест, где мы пробыли несколько часов, встретил нас таким зноем, что мы не решились его осматривать и просидели в садике около вокзала, а часть и вовсе не выходила из вокзала.

В Лайбахе мы — в родной семье. Отношение к русским в Германии, Швейцарии вежливое, но несколько «свысока» и далеко не дружелюбное.

И только в Лайбахе — «Белые Любляны» по-местному — нас встретили единоплеменники, как старших братьев, по выражению председателя русского кружка. Любляны — город с 40 тыс. населения, выглядит совсем нарядным: широкие мощеные улицы, чистые и прямые, дома красивой архитектуры; электрическое ос-

вещение и трамвай, масса зелени в городе и окрестностях; имеются прекрасный «народный дом» и музей, представляющий весьма полное собрание образцов и богатств местной природы. Одно недовольство у всех — на угнетение от немца. Все речи, обращенные к нам, а их (речей) было немало, дышали этим недовольством.

Городской голова, приветствуя нас за ужином, тоже высказал негодование на немца за угнетение словенцев.

У «угнетенного» народа, однако, имеются школы-дворцы, прекрасный лицей, большая торговля и зажиточность. Да и обезличить народность, дорожающую своим языком, имеющую свою, хотя и очень молодую литературу, не под силу даже и немцу. Чувство собственного достоинства сквозило в словах городского головы, когда он советовал «старшим братьям» поприглядываться и к затерявшейся среди чуждого народа маленькой национальности: «вероятно, кое-чему можно и от словенцев поучиться. Ведь и вас, русских, немец одолевает, так как у вас почти вся промышленность находится в руках иностранцев».

Единодушие всего народа чувствуется на каждом шагу, нас встречали учителя, адвокаты, городской голова, содержатель типографии и «persona grata» всего города — поэт-словенец — народ все с разными вкусами и стремлениями, но у всех одна забота, одна гордость: «наша народность, наша школа, наш музей».

Веселая Вена встретила нас далеко не радушно: перед самой Венной руководитель нам объявил, что на его аккредитиве имеется денег достаточно только для того, чтобы доехать до Москвы, что останавливаться в Вене на четыре дня, как положено по маршруту, мы не имеем никакой возможности. Хотя потом выяснилось, что он просто обсчитался, что денег в банке больше чем достаточно, но впечатление уже было сделано; «публика» стала нервничать, и все были рады, что выбираемся, наконец, на родину. Русская колония в Вене была весьма радушна к нам — она снеслась с администрацией галерей и музеев, все охлопотала и предлагала свои услуги в сопровождении по городу. Но экскурсанты форменно забастовали: побывав в одной галерее, съездив вечером на Прагер и на следующий день в Шенбруннен, все остальное время они

очень старательно опустошали свои кошельки, закупали нужные и ненужные вещи.

Выехав вечером из Вены, мы уже утром рано были на Границкой таможне, где нас продержали часа полтора в отдельной комнате из-за формальностей досмотра и удостоверения личности. Начались российские порядки, и мы превратились снова в обывателей».

ЭККУРСИЯ 1909 ГОДА. «В ТОМ КРАЕ, ГДЕ СОЛНЦА ВОСХОД»

Автор Ив. Р-ский

«Королева Ольга» плавно несла нас — группу русских учителей — к берегам Босфора. Голубое небо, зеркальное море, линии береговых гор — все это было красиво. Дельфины разыгрались и носятся вокруг стадами. Вечно веселые, игривые, стрелой летят они за пароходом, нагоняют его, рвываются и опять скрываются на горизонте.

Въезжаем в Босфор. Пароход останавливается. На него смотрят жерла пушек береговых батарей.

— Зачем мы здесь остановились? — спрашиваем матроса.

— Так что «практику» нужно взять, — отвечает тот.

От берега отделился катер, и группа турок подъехала к нам. Турки и наш капитан обменялись бумагами, и мы получили право въехать в Босфор. Все суда, идущие в Константинополь, должны выдерживать карантин. Раньше это было сопряжено со многими трудностями, и пароходы простаивали тогда долго, пока врачи исследовали каюты и все судно, теперь проще, и все сведено к бумажной формальности.

Вот и Босфор. С правой стороны, прямо в море, спускаются стены Генуэзской крепости с башнями, уступами. Сохранились они отлично и поросшие кое-где травой и мелким кустарником представляют из себя те поэтические развалины, при виде которых фантазия переносит вас в то далекое романтическое прошлое, когда жили люди, полные силы, отваги, смелости.

Берега Босфора красивы. Мраморные дворцы и виллы, утопая в зелени, как будто родились из моря. Вот сады Ильдыз-Киоска, вот красавица Долма-Бахче — резиденция теперешнего султана. Направо и налево вырастают из грубых волн белые палаццо. Пароход поворачивает за изгиб — и открывается панорама Стамбула. Стройные минареты тянутся ввысь к голубым небесам, на фоне их выделяются купола мечетей, которые так гармонируют со всей картиной моря и города. Они таинственны, темны и, кажется, хранят ту поэзию, которой окутан Восток.

Вот Сераль. За ним, как будто спрятавшись, приютилась Айя-София, а в центре, на горе, гордо возносится величественная стройная Ахмедия. Дальше выделяется Сулеймания, другие мечети, и город без конца, типичный восточный город, необыкновенно красивый с моря и грязный внутри.

Пароход медленно приближается к цели, держась берегов Галаты. Золотой Рог покрыт множеством лодок, катеров, пароходов разной величины. Все сует, движется с необыкновенной живостью. Загремела якорная цепь, и мы остановились. Мигом на борту парохода по стенам, по канатам, цепляясь друг за друга, поползли толпы лодочников, носильщиков, проводников, торговцев. Шум, гам, говор, суматоха невообразимые. Каждый тянет вас за рукав, за плечо, хватая ваш багаж, предлагает лодку, услуги в качестве проводника, навязывает свой товар, заламывая невероятные цены и сейчас же уступая наполовину, хотя с ним никто торговаться и не думает. Но ко всему этому нужно привыкнуть.

Весь Восток таков. Люди там подвижны, экспансивны, галдят, болтают, движутся и создают такую сутолоку, что не знаешь, куда деваться.

Мы стойчески выдерживали натиск и следили за лодкой, которая подвозила к нам монахов. Из экономических соображений мы решили воспользоваться гостеприимством афонских монахов и остановиться в Афонских подворьях.

Сели на лодки, двинулись. Дюжий гребец-турок мчал лодку, лавируя между судами и барками.

Пристали к берегу. Берег грязный, липкий, как вообще вся Галата. Шум, галдеж, толкотня, смесь языков и народов. Подобравши

свои чемоданы, пошли мы в таможню. В грязном сарае за решеткой сидел толстый турок, и туда мы должны были представить свои паспорта. В Турции, как в России, паспорт — все, а человек без паспорта не находит пристанища, теряет все права гражданина и человека.

Записали нас, наклеили ярлыки на багаж, и мы получили право вступить в улицы Галаты. Несколько поворотов по невероятно грязным запутанным переулкам, и мы оказались у врат обители Афонских подворий.

Разместились, спешно поели и скорее в город, на улицу. Улица встретила нас множеством разнообразнейших типов, особенно торговцев. Из карманов, из складок одежд они вытаскивают массу всякой всячины: тот сует открытки, альбомы, другой предлагает медные безделушки, третий — пояса, гребни, цепочки, турецкие гербы, фески, фрукты. Каждый норовит выдвинуть вперед свой товар и подsunуть его возможно ближе к вашему носу. Галдят, кричат по-русски, по-гречески, по-турецки, запрашивая рубли, уступая за гривенники. И все это происходит посередине узких улиц.

Тротуары в Константинополе не шире 5–7 вершков, а потому и ходят, и ездят, и торгуют — все на середине этих темных извилистых улиц. Сюда же выливаются помои, выбрасываются отбросы. Тут валяются в самых непринужденных позах знаменитые константинопольские собаки — эти бесплатные санитары; здесь погонщики гонят нагруженных ослов, фруктовщик, согнувшись в три погибели, тащит громадную корзину с фруктами, так неистово возвещая о своем товаре, что, кажется, его режут. Снуют взад и вперед пешеходы, пристают торговцы, чистильщики сапог; важно шагает серединой улицы турецкий офицер, робко спешит с закрытым лицом турчанка, направляет на вас свой длинный нос грек, соображая, нельзя ли извлечь из вас какой-нибудь выгоды. Проводники, ругая друг друга, тянут вас за руки, за полы, предлагая свои услуги.

Кричит хозяин кофейни, предлагая посторониться, так как сию минуту выльет на улицу ушат помоев. По бокам улиц на низких грязных стульях у турецких кафе с одурманенными спокойными лицами важно восседают турки, курия свой кальян.

Такова Галата, таков почти весь Константинополь. Европейская часть — Пера — чище, лучше, но характер жизни улицы почти тот же. Несмотря на грязь, все это, однако, имеет своеобразную прелесть.

Мы направлялись к Галатской башне — это круглая высокая башня генуэзской постройки, стоящая на вершине холма, на границе Перы и Галаты. Когда-то она служила твердыней генуэзцев, а теперь в ней помещается пожарная команда. За вход на башню берут по чуреку с каждого человека (40 к.). После долгого торга всю нашу группу в 45 человек пустили за два меджидие (3 руб. 20 кол.) плюс небольшой бакшиш дежурному пожарному.

С высоты Галатской башни представилась сказочная феерическая картина. Внизу расстилался весь город, Босфор, Золотой Рог, Скутари; вдали серебрилось Мраморное море, курились Принцессы острова, Малоазийский берег темнел своими садами, оттеняя белые постройки домов. Освещенная розовыми лучами заходящего солнца, эта удивительная по своей красоте картина с воздушными легкими стрелами минаретов создавала такое настроение, что боязно было двинуться, шевельнуться. Казалось, маленькое движение — и рассеется иллюзия, пройдет сон, улетит сказка.

Панорама с Галатской башни считается лучшей в мире, и действительно, ничего более красивого, захватывающего не может создать самая пылкая фантазия.

Досидели до позднего вечера. Над Босфором поднималась луна, пожарные попросили нас сойти с башни, и мы с грустью вернулись к действительности, погрузились в темные улицы Галаты.

Пришлось спешить в монастырь. Монахи не любят, когда туристы возвращаются поздно.

Посидели на плоской крыше монастыря, еще раз полюбовались видом на Босфор, на Стамбул и Золотой Рог да на полную луну и, делаясь впечатлениями, разошлись по своим комнатам.

Семь часов утра. Вся наша группа уже на улице. Проводник, турок Мирзоев, с сознанием своего достоинства, важно ждет, когда все соберутся. Мы ждем своего руководителя, который вечно куда-то пропадает, вечно опаздывает.

Утро, однако, не пропадает даром: одна из барышень кокетливо подставила свою ножку мальчишке, и тот с необыкновенным вниманием и любовью наводит глянец на башмачок, другая просматривает вчерашние записи в своем дневнике и принимает за чистую монету те невероятные нелепости, которые как «знание» сообщил невежественный Мирзоев.

Но гвоздем на наших остановках всегда и всюду был торг. Его вели дамы. Они буквально не выдерживали. Стоило хоть на секунду где-нибудь остановиться, чтобы сию минуту образовывался в полном смысле слова базар с уличными торговцами, всегда за нами следовавшими. Торговались с азартом до одурения, покупали все: открытки, шпильки, булавки, пряжки, брошки, ленточки, безделушки — словом, всю дрянь, какой набиты лотки и карманы у восточного уличного торговца и что совершенно никому и никому не нужно. Показывался, наконец, из какого-нибудь грязного переулка с кипой покупок наш руководитель. Собрались мы и идем. Направляемся, конечно, серединою улиц, к Стамбулу. Везде фески, фески, фески — море фесок. Турки пялят глаза на дам, но к этому уже привыкли.

Площадка и мост на Стамбул.

«Мост с виду, хоть и очень прост», и доски на нем ходят, как клавиши, «но свойство странное имеет»: с каждого проходящего по нему берут по металлу (2 коп.), а с проезжего по чуреку (40 коп.) при неимоверно большом движении туда и обратно. Деньги эти, как пояснил наш проводник, идут на содержание кухни султана; так было при прежнем султани, а у Абдул-Гамида ежедневно готовился обед на пять тысяч придворных и посылался им теплым по домам в особых судках.

Перешли мост — идем в Сераль. Очень хочется посмотреть Ирнинскую церковь, теперь оружейную палату, куда никого не пускают.

Вот мы на площади Сералья. Прямо по берегу моря стена и виден только горизонт синеющего Мраморного моря. Площадь пыльная, поросшая бурьяном, кое-где раскинуты старые развесистые платаны. По площади друг за дружкой, ленивой сытой рысцой, бегут

мулы, а рядом с ними, в чувяках, вроде наших босяцких опорок, турецкие кавалеристы — это они прогоняют своих скакунов, чтобы те не застаивались.

Руководители наши пошли к администрации Ирнинского храма за бакшиш добиться осмотра того, чего смотреть не полагается. Но прошли добрые старые времена: бакшиш не действует, и мы напрасно около часу принимали соленую ванну, любуясь упражнениями ослиной кавалерии.

Теперь мы идем в константинопольский музей, он тут же, рядом. На мраморных ступенях музея встретил нас секретарь константинопольского археологического общества Шмит. Благодаря его знаниям и любезности, содержание музея — все саркофаги, фигуры, обломки — для нас стало ясно. Каждая линия, черточка знаменитой гробницы Александра Македонского нашему руководителю говорила очень много, и он красиво, ясно умел передать это нам. Мы перенеслись в эпоху истории Великого Завоевателя, подчинились творческому гению художника. Фигура за фигурой, линия за линией, этого знаменитого в истории искусств классического горельефа, открывали нам новые миры. Тут охота, тут битва, тут пиры, тут погребение — все это сделано с такой детальной тонкостью, грацией и вкусом, что работы прославленных художников, по сравнению с саркофагом, кажутся варварством. Памятник сохранился вполне: ни царапин, ни зарубин. Ясно видны раскраски фигур — тона мягкие, светло-голубые, светло-розовые, чередующиеся с телесной краской и с золотом.

Дальнейший осмотр музея не представил после этого большого интереса.

Константинопольский музей, благодаря разумному руководству знающего человека, дал нам больше, чем все другие исторические памятники Константинополя, которые нам приходилось смотреть, часто ничего в них не понимая.

Мы пошли в академию искусств (как громко сказано!). Попали в класс скульптуры. Две небольшие и, по восточному обычаю, грязные комнаты, налево третья, вроде маленького музея. По стенам орнаменты: ломаные руки, торсы, разбитые головы древних

статуй и т. д. На низеньких скамьях сидит человек десять художников-студентов и из желтой глины копируют слепки. Стоял на табурете натурщик, но нашим посещением он остался, очевидно, недоволен, потому что, когда мы вошли, он сошел со своего пьедестала, флегматично оделся и, несмотря на наши уверения, что мы сию минуту покинем академию, ушел.

На площади Сералия мы осмотрели все, что доступно любопытному оку туриста. Сейчас нам предстоит вернуться на обед в Галату к монахам, а после обеда... на базар, этот восточный Лувр, место, о котором с замиранием сердца давно мечтали наши милые спутницы. Здесь можно насмотреться на всевозможные восточные шали, материи, чадры, ожерелья, туфли, безделушки, а главное, примерять, торговаться без конца, а может быть, купить и, надевши на себя в России, быть совсем, как турчанка.

Часто случайности дают нам больше, чем заранее обдуманнные планы и предположения. И мы, экскурсанты, благодаря случайности, побывали в константинопольском университете, посидели на заседании турецкого парламента, осмотрели сады Ильдыз-Киоска.

Разношерстная толпа в 50 человек наших экскурсантов, окруженная зеваками, запружала узкие улицы Стамбула, бродя из мечети в мечеть. Чувствовалось уже утомление от осмотра этих многочисленных грандиозных памятников турецкого правоверия и самодержавия. На площади мечети Сулеймана Великолепного нас остановил господин в феске и, узнавши, что мы — учителя, приветствовал нас от имени турецкой учительской корпорации и предложил посетить университет, на что мы с радостью согласились. Господин, обратившийся к нам, был директор турецкой гимназии Муса Киязым-бей.

Зашли мы в храм турецкой науки и сразу попали на лекцию по зоологии, которую читал профессор естественных наук Хлюсыбей. Лекция была о человекообразных обезьянах. После лекции директор обратился к нам на французском языке с прочувствованной речью, в которой, выражая полные симпатии к русским, высказал, что мы, учителя соседних государств, как братья, должны протянуть друг другу руки и дружно, самоотверженно нести свой просветительный труд на благо родины.

Из аудитории естественных наук мы перешли на лекцию Измаила Хакки-бея, депутата от Багдада. Этот молодой красивый талантливый профессор прочел на французском языке лекцию, в которой излагал сущность конституции, доказывал, что при конституционном образе правления необходимо существование партий и программ, и правительство идет за той партией, которая насчитывает в своей среде больше членов.

Университет рисуется обыкновенно величественным зданием, обставленным всеми теми учебными средствами, которые знает современная наука; турецкий университет далек от всего этого. Аудитория естественно-исторического факультета представляет из себя маленькую комнату, в которой с трудом помещается 10 парт по 3 человека на каждой. Кроме парт, в ней стоят 2 классных доски, кафедра и на стене висит истрепанная старая табличка, на которой разрисованы грибы. В зале, в шкафу, собрана коллекция чучел птиц скверной работы штук 30 — вот и все, чем обладает факультет. Лекцию слушали не более 15–20 студентов. Аудитория юридического факультета по размерам и численности слушателей значительно больше. При помощи лектора-депутата и содействии директора Киазым-бея нам удалось попасть на заседание парламента. В парламенте мы поместились на хорах, где отведено место для публики и корреспондентов.

Заседание происходило под председательством Ахмета Ризабея. Обсуждался вопрос о принятии запроса албанцев по поводу зверств турецких войск во время подавления беспорядков в Албании. Против запроса восставал Ферид-паша, министр внутренних дел, доказывая, что Албания успокоена, в ней все обстоит хорошо и нет никакой надобности в запросе. Депутат-албанец Завид-бей в своей речи настаивал на запросе, говоря, что Албания не умиротворена и при таком отношении властей и тех зверствах, которые допускаются войсками, страна не умиротворится. На трибуну выступил трапезундский депутат мулла Галиб-бей и с жаром начал нападать на албанцев, доказывая, что правительственные меры вполне целесообразны, и если можно упрекнуть в чем-нибудь правительство, то только разве в излишней гуманности. После этой

речи поднялся шум, разговор одновременно на разных скамьях. Председатель объявил перерыв. Депутаты вышли в кулуары. Одни из нас ушли осматривать дальние мечети, а небольшая группа осталась в кулуарах. Здесь мы нашли депутата, который хорошо говорит по-русски, и он передал нам содержание заседания и выяснил физиономию парламента.

Все, кто в чалмах, — а их в парламенте много, — представляют из себя крайнюю правую. На скамьях сидят как попало, не группируясь в партии. Депутат выразил нам мысль, что Турция теперь пойдет по пути прогресса, раскрепощения и свободы народа, чего от всей души пожелал он и нашему отечеству. Мы поблагодарили, распростились и пошли хлопотать, чтобы нам позволили осмотреть Ильдыз-Киоск. Во дворец нас не пустили, а сады позволили осмотреть.

Несколько слов о дорожных впечатлениях. Едем мы на большом океанском пароходе, все палубы которого предоставлены в наше распоряжение. Спим в трюме. Трюм разделен на три очень больших помещения. В одном помещаются дамы (учительницы), в другом — гимназисты-экскурсанты Павловской гимназии, в центральном — мы и экскурсия кадет. Все чувствуют себя, как дома.

Настроение хорошее. Всюду чудное голубое Мраморное море, причудливые мягкие линии островов, нежный тон неба. Завтра будем в Смирне, через день — в Афинах, через 3 — в Каире у подножия пирамид и загадочных сфинксов...

От Босфора до Египта

Мы опять на «Королеве Ольге». Здесь все по-прежнему: приветливая администрация судна, добродушные улыбки матросов, знакомый трюм, знакомые палубы, знакомый буфетчик грек, который, нужно отдать ему справедливость, кормил нас довольно скверно.

Раздался третий гудок — густо, неприятно ударил по нервам, загремела машина, подняли якорь, дрогнул пароход и, оставляя за собой пенящиеся след, медленно поплыл к проливу.

Прощай, Константинополь! Мы еще раз вернемся к тебе, а теперь в даль, в те неведомые нам страны, которые окутаны поэзией

древности. Тут воды, по которым плыли аргонавты, тут страны, где родились боги, тут рощи, населенные нимфами, тут места, создавшие Сократа, Фидия, Платона.

Входим в Мраморное море. С каждым оборотом винта все дальше и дальше уходит Босфор. Мечети, сады, минареты кажутся миражом, воздушной картиной, медленно погружающейся в море. А море — глубокое, синее, манящее.

Утро. Дарданеллы. Узкий пролив: направо — налево, близко друг от друга берега. Бухта. Площадка — и жерла пушек. Машина перестает работать, пароход, легко покачиваясь, медленно плывет инертной энергией. Отделяется от берега катер. Обмен пакетами, почтой. Подплывают торговцы, на лету покупается несколько цветных восточных кувшинов; гудок — и мы опять стремимся дальше.

Акрополь

Как при имени Египта невольно возникает прежде всего образ пирамид и сфинкса, так и при воспоминании об Элладе воображение рисует Акрополь с его беломраморными колоннадами, портиками, высоко и властно поднятыми над окружающим их городом, землей, морем.

Акрополь — реликвия древних Афин. Голые его обрывы поднимаются над Афинами со стороны города громадным отвесом. Верх его скал обложен высокими толстыми стенами, в которых древнейшая кладка перемешана с камнями, даже с кирпичами позднейшей римской, византийской, турецкой эпох.

Когда-то Акрополь был средоточием святынь и памятников народа. На нем воздвигались чудные беломраморные храмы, статуи лучших мастеров Греции, золотые алтари, мавзолеи — те памятники искусства, которые являются недостижимым идеалом для всех эпох, для всех времен, для всех народов.

В Парфеноне против входа из Пропилей высилась видимая и с суши, и с моря в боевом шлеме, вооруженная копьем и щитом покровительница города богиня Афина Паллада.

Теперь бесформенные кучи камней, безымянные обломки колонн, чуть заметные основы стен, давно разрушенных зданий. Раз-

рушения эти произвели не время, не дикие варвары, а просвещенные европейцы; раньше разрушали храмы, как остаток язычества, а в XVII веке все было уничтожено венецианским вождем Франческо Морозини, который, обстреливая Акрополь, бомбой взорвал находившийся там пороховой турецкий склад и окончательно разрушил вполне хорошо сохранившиеся святилища Акрополя. Знаменитые фрески, статуи работы Фидия, долго валявшиеся в пыли, были похищены англичанином Эльджином и теперь составляют гордость национального лондонского музея; стройные ионические, дорические мраморные колонны новыми греками пережигались на известку для побелки новых афинских построек...

Проводник указал нам места и остатки храмов крылатой Победы, Парфенон, Эрехтеон. С вершины Акрополя мы видели театр Диониса, этот колоссальный по размерам театр, от которого сохранился мраморный пол и ряды мраморных скамей, расположенных амфитеатром.

С акропольского холма расстилается чудный, ни с чем не сравнимый вид на потонувшие в туманной дали горы Арголиды и Аркадии, на усеянную островами голубую даль залива, на оживленные гавани Пирея, на Афины, которые видны отсюда, как на ладони.

Через Пропилеи мы спустились вниз, чтобы осмотреть храм Тезея.

Пройти безданно-беспошлинно, однако, и здесь не удастся. За воротами Акрополя на туриста накидывается толпа торговцев, настойчиво навязывая обломки древних слезниц, амфор, разбитые статуэтки, медные древние монеты, открытки, альбомы. Не нужно быть знатоком и специалистом, чтобы понять, что все древности — грубая фабрикация.

Храм Тезея, несмотря на свои 24 века, сохранился целиком, со всеми своими 36 колоннами, со стенами своей целлы, даже со скульптурой своих фриз, правда, везде и всюду разбитых и изломанных.

Шагах в тридцати от храма Тезея — вокзал, откуда поезд отходит в Пирей. Поездов здесь не приходится ждать долго: они идут каждые 15 минут.

По ровной гладкой площади, покрытой маслинами, огородами, исполинскими кактусами, поезд быстро мчится в Пирей. Жара невыносимая, в вагонах давка. Минут через десять мы уже на набережной. Хочется купить фруктов на дорогу, запастись вином, но нужно опять менять чуреки на драхмы, высчитывать, насколько надувает меняла, торговаться, а «Ольга» не хочет ждать: капитан дает третий недовольный гудок, побуждая скорее сесть на лодки. Мы опять едем по зеркальной глади. От Пирея до Александрии нам нужно пересечь Средиземное море.

Вставало солнце из моря. В розовой дымке тумана смутно обрисовывались очертания берегов. Все устремили туда жадные любопытные глаза. Мы подъезжали к берегам Африки. Мы в Египте. Здесь все удивительно, своеобразно, все бросается в глаза. Тут Европа со своей культурой, тут дикость Азии, тут Африка с палящими лучами солнца, пальмовыми лесами, мутными водами Нила, черными людьми. Здесь поразительные контрасты: широкие набережные Александрии, роскошные дома, блестящие отели, электричество, автомобили, пышные экипажи, разряженные европейцы и темные пыльные извилистые зловонные улицы туземных кварталов, лачуги из нильского ила, жалкие ослики, голодные, полунагие, с тусклыми слезящимися больными глазами феллахи; тут железные дороги, трамваи — современные двигатели — и жалкие, самые первобытные, примитивные черпалки-оросители, сакиэ и шадуф, приводимые в движение неутомимыми феллахами и быками с завязанными глазами; тут богатство, культура, цивилизация и нищета поразительная, ничем не прикрытая нищета. Я видел в Каире нагих детей, роющихся в уличной навозной куче и из жидкой зловонной грязи достающих арбузные семена и этим утоляющих свой голод, я видел женщин с детьми, проводящих ночи на кучах сору под забором городского сада; роскошные пальмы, чудные экзотические парки, цветущие плодородием долины Нила, покрытые сахарным тростником и хлопком, и рядом — пустыня, неумолимая, безбрежная, как море, дикая, неукротимая, когда горячий, как пламя, ветер поднимает ее бесконечные, глубокие желтые пески.

Египет — загадка, неразгаданная до сих пор. Его сфинксы глубоко хранят тайну предков, пески пустынь толстым мертвым слоем закрыли от любопытного глаза то, что заповедовал им хранить бог ради его дети, боготворимые фараоны. Здесь культура, четыре-миллионными предшествовавшая Аврааму, Исааку и Иакову, здесь арена действий сказочных фараонов, греческих философов, провозвестников идей Христа. Это страна, видевшая диких гиксов, Камбиза, Александра, Клеопатру, Цезаря, Наполеона. Все народы прошли по ней и оставили после себя неизгладимую память в истории человечества.

Итак, мы в Александрии. «Королева Ольга» подвезла нас к самой пристани и сдала в распоряжение Ахмета Абузста и Саввата — проводников-арабов, с которыми мы не разлучались во все время своих странствований по Египту. Вещи наши отправили на вокзал, а мы с проводниками пошли осматривать город. Интересно все необычайно, начиная с построек, живописных, причудливых, и кончая толпой самой разношерстной, самой разнообразной, какую только можно себе представить. Это живая, кипучая толпа: вся она куда-то торопится, бежит, спешит, кто на осле, на лошади, на верблюде; все это кричит, жестикулирует, блестит в лучах горячей атмосферы самыми разноцветными красками одеяний, самыми разнообразными оттенками тела. Вот египтянин старинной породы с головою сфинкса, вот нубийцы, черные, как сапог, турки с правильными спокойными лицами, смуглые арабы с легкою поступью, бедуины с гордой осанкой, черные негры со сверкающими белками, пришибленные феллахи в синих до земли рубахах, юркие греки, степенные европейцы и массы проходимцев всех стран, всех цветов, всех оттенков, всех наций, нахлынувших сюда для легкой наживы.

По широким улицам европейского квартала мы направлялись к Помпеевой колонне.

Пустырь, огороженный решеткой, следы раскопок, два сфинкса древней работы и — колонна-монолит из ассирийского розового гранита в 2072 метров высоты. Это Помпеева колонна. Почему она называется Помпеевой — до сих пор не установлено. Ничего

не разъясняет и найденная на фундаменте надпись, ничего определенного не могут дать ученые ориенталисты, во все времена направлявшие свой пытливый ум на исследование тайн Востока.

Полдень. Огненный шар солнца льет свои ослепительные лучи, накаляя атмосферу до 60°. Ни тени, ни ветерка. Жажда. Мы ее утоляем из глиняных больших сосудов, поставленных там, где нет фонтанов. Оттуда прохожий может почерпнуть кружку тепловатой мутной воды. Мы плетемся к «Игле Клеопатры».

Заунывные звуки нестройной мелодии. Перед нами траурная процессия. Впереди певчие, жестикулируя, обрывистым хором, ведут свою похоронную песню. За ними, окруженные толпой, четыре дюжих араба несут на плечах покойника, покрытого черной материей.

Женщины, закутанные с головы до ног в темные ткани, замыкают шествие. Наши фотографы-любители живо направляют свои аппараты. Главарь похоронной процессии, большой всклоченный фанатичный араб, одним прыжком очутился у переднего фотографа. Момент, и аппарат разлетелся бы вдребезги. Но наш Абузет знает обычаи своего народа: он успел предупредить катастрофу. Аппараты закрылись, и процессия пошла своей дорогой.

По улице пророка Даниила мы добрались до песчаного берега моря. Там когда-то лежали два обелиска. В 80-х годах один увезен англичанами, другой — американцами. Эти обелиски почему-то назывались «Иглами Клеопатры». Теперь на этом месте сыпучий песок, шум моря да кое-где обломки камней. Впрочем, у кого жара не отняла способности фантазировать, тот может помечтать о красоте Клеопатры.

От «Иглы Клеопатры» мы разбрелись по городу, кто куда попало. Осматривая улицы, переулки, мы наткнулись на арабскую школу — учреждение в высшей степени оригинальное и интересное. Узкий тенистый грязный переулок шагов в пять ширины. У стен одного дома стоят в два ряда длинные скамейки, на противоположной стороне улицы висит доска. На скамьях кишмя кишат ребята подвижные, живые, как ртуть, смуглые с прелестными черными глазками в возрасте от 3 до 7 лет; рожицы перемазанные,

смеющиеся, вечно меняющие свое выражение. Одежда больше подразумевается. Два учителя: одному на вид лет 14, другой моложе. Одеты в длинные розовые полосатые, на голое тело, рубахи, спускающиеся до земли. На голове фески, ноги босые. У одного и у другого в руках по коротенькой пальмовой палке. Один воспитатель, другой учитель. Воспитатель все время ходит между скамьями, часто шагая через головы своих питомцев, и наводит порядок своей палкой. Она исправно гуляет по спинам, по пальцам, по головам. Ребят это не смущает, им как будто веселее. Другой — профессор. Тот с важным видом, указывая своей палкой на букву, написанную на доске, громко произносит:

— Алиф!

— Алиф! — повторяют хором дети.

— Бе! те! тсе! джим! хье! даль!

— Бе, те, тсе, джим, хье, даль, — твердят дети. Потом вызывается ученик, берет у учителя палку, показывает на первый значок и громко дискантиком произносит:

— Алиф!

— Алиф, — повторяет за ним вся школа.

— Бе, те, тсе и т. д.

Последовательно спрашиваются все ученики, с каждым проделывается та же процедура, и школа сотый раз хором твердит одно и то же. Такую же школу я потом видал в Бебруте. Там так же, как и здесь, учились вместе мальчики и девочки. Хотя учитель там был патер, копт, система оставалась той же. Обстановка там лучше, так как школа помещалась под развесистым деревом.

Какое-то особенное впечатление производят эти школы. С одной стороны, рутинный дикий метод бессмысленной зубрежки, с другой — простота необычайная и что-то такое милое, свободное в отношениях между всей школой, что передать трудно. Дети эти, часто почти голенькие, так хороши, так естественны, так близки к природе, что, кажется, не человек родил их, а вышли они прямо из земли, как молодые нежные грибы после летнего майского дождя. В них столько непосредственности, мягкости, игривости и близости к природе, что оторваться от них не хочется. Сравнил

я с ними наших муштрованных, вогнанных в школьные рамки, воспитанных «умных» детей, и что-то мне говорило, что там, в тенистых переулках, под развесистыми деревьями, больше воспитательной правды.

До вечера мы осматривали город. Видели громадные набережные, грандиозные кафе, каких не знает Европа, богатые дома, роскошные магазины, где Европа соединилась с Востоком в производстве той роскоши и богатства, за которыми с такой неутомимой жадной гонится человечество.

Вечером Ахмет Абузет заботливо разместил нас в вагон, отдал каждому в целости его багаж и, ревниво оберегая входы и выходы вагона от посторонних людей, до отхода поезда посвящал нас в жизнь, нравы и обычаи своей интересной родины.

Несколько слов об Ахмете Абузете. Ахмет Абузет — араб среднего возраста с бронзовым лицом, с огненными черными глазами. Белая рубашка-юбка, по арабскому обычаю, спускается до земли. Поверх рубашки Абузет носит не то пальто, не то пиджак до колен. Он ходит в штанах и не надевает своей юбки на голое тело; на ногах у него туфли, на голове феска; в экскурсии он всегда под зонтиком на зеленой подкладке. Ахмет Абузет имеет двух жен и живет в достатке. Он — русский проводник, но по-русски говорит плохо. Он знает Египет, но знает по-своему: история, легенда, действительность, сказка, фантазия, реализм слились у него в своеобразное мировоззрение, которым он делится с туристами, как непреложной истиной.

Мы ехали в Каир. Благодаря энергии руководителя первой группы г. Отрадинского, заключившего условия с отелями, выхлопотавшего скидки на заграничных железных дорогах, бесплатные посещения музеев, мечетей, древних храмов и т. д., в Каире нас ждал комфортабельный, хороший, в центре города, New Khedivial Hotel, в котором мы могли прожить все наши восемь дней, несмотря на невероятно дорогую жизнь в египетских городах. Поезд быстро мчал нас по долине Нила. Пальмовые рощи, плантации сахарного тростника, причудливые деревушки, станции железной дороги мелькали мимо окон вагона. Все внимательно всматрива-

лись в темноту ночи, стараясь не пропустить ничего, что можно увидеть. Природа брала свое: сон постепенно смыкал утомленные глаза, и мы улеглись, чтобы утром проснуться у ворот Каира — у подножия пирамид».

ПЕРВЫЕ ЭКСКУРСИИ РУССКИХ УЧИТЕЛЕЙ ЗА ГРАНИЦУ

В 1909 году состоялись первые экскурсии русских учителей за границу. Но начиналось все еще в 1908 году, о чем сообщает в своем докладе один из организаторов экскурсий В. Перфильев: «Осуществление плана образовательных экскурсий началось во второй половине декабря прошлого 1908 года помещением в двух московских и нескольких провинциальных газетах объявления о предстоящих весной того же года экскурсиях. Подобные же сообщения были разосланы в губернские и большинство уездных земских управ. С января месяца начали поступать запросы в Комиссию от лиц, по преимуществу проживающих в Москве или ближайшей провинции. Среди этих первых заявлений было только несколько заявлений от учащихся, большинство же от частных лиц или лиц других профессий. Только со второй половины февраля стали получаться сведения от учительского персонала всевозможного типа школ из отдаленных местностей; с этого времени подавляющее большинство запросов (главным образом, в конце марта и апреля) поступает от учащихся.

С января по конец апреля Комиссией была организована предварительная запись желающих попасть в текущем году в число экскурсантов вообще, без каких-либо более точных указаний с их стороны. Общее число лиц, выразивших желание участвовать в экскурсиях, к концу апреля достигло 8965, из них записей лиц учительского звания — 3575 и 1390 других профессии и частных лиц.

Имея в виду, главным образом, дать возможность более легкого доступа за границу учителю вообще и сельскому начальному

в частности, Комиссия прежде всего, после предварительной записи, озаботилась рассылкой 3575 лицам учительского звания соответственного числа незаполненных бланков заявлений и опросных листов. Получившие эти бланки, заполняя и возвращая их в Комиссию, уже определенно указывали избранный ими маршрут и группу, последовательно указывая и дальнейшие маршруты, если почему-либо они не попадут в выбранный ими в первую очередь; могли указывать лиц, с которыми им было бы желательно попасть в одну группу и, наконец, одновременно должны были выслать в Комиссию задаток в размере 10 рублей и представить удостоверение ближайшего начальства о своем служебном положении. Кроме того, должны были возвратить заполненным опросный лист с вопросами, касающимися их экономического, семейного и служебного положения. Очевидно, что лицами, выразившими действительное желание воспользоваться организацией Комиссии можно считать только тех, которые возвратили заполненными вышеуказанные бланки и выполнили все указанные в них требования. Из всех 3575 разосланных заявлений и опросных листов возвратилось 1674, т. е. 46 %, немного меньше половины.

Данные, добытые из обработки листов и заявлений, и дали возможность сделать некоторые заключения, краткие выдержки из которых помещены ниже.

Прежде всего, останавливаясь на цифрах посланных и возвращенных заявлений, можно с некоторой уверенностью предполагать, что более половины заявлений остались без ответа вследствие чрезвычайной разбросанности и отдаленности большинства адресатов, а также и почти совершенному отсутствию во многих местах нашей глухой провинции правильного почтового сообщения, особенно в весеннее время. В переписке учащихся с Комиссией можно встретить сообщение, в котором один из желавших попасть в экскурсию выражает опасение, что опоздал своим извещением и объясняет это тем, что только что «получил Ваше заявление»; это он пишет в середине апреля, тогда как оно было ему послано в марте месяце, и, конечно, это более чем возможно. В отдаленные уезды Пермской и Вятской, Вологодской, Уфимской

и даже Костромской губерний и многих других, где имеется только земская еженедельная почта, извещение из Москвы смело может пройти около месяца. Таким образом, явление это легко устранимое, лишь стоит определить достаточное количество времени на предварительные сношения. Все остальные цифры, упоминаемые здесь, добыты из комбинационных таблиц, помещенных ниже.

Нечего и говорить, что число лиц, выразивших определенное желание воспользоваться экскурсиями, представляет цифру 1674, ясно свидетельствующую о жизненности и большой будущности настоящего начинания. Ведь нельзя же не принять во внимание и новизны этого дела и сравнительно незначительной его пропаганды, краткости срока, наконец, ограниченного количества мест в маршрутах. Несмотря на это стоит только заглянуть в письма лиц, вошедших в сношения с Комиссией, чтобы убедиться, как радушно было встречено это «благое начинание», особенно среди учителей и учительниц сельской школы. Как известно, первоначально было назначено пять маршрутов. Спрос на эти маршруты выразился в следующих цифрах: на I маршрут (Германский) было заявлено в 1-ую очередь 291 желание, на II маршрут (Восточный) — 135, на III (Итальянский) — 858, на IV (Английский) — 345 и на V (Швеция и Норвегия) — 45 (см. табл. I.) Из такого распределения прежде всего напрашивается вывод, что цена, назначенная за экскурсии, при выборе маршрута не имеет главного значения, несмотря на ничтожный бюджет нашего экскурсанта.

Распределив всех учащихся по жалованью на шесть групп, можно заметить, что и получающие менее 300 рублей и 300 не стесняются выбирать самый дорогой маршрут наравне с получающими более 500 рублей. Характерно, что вообще значительное большинство выразивших желание воспользоваться экскурсиями имеет бюджет до 500 рублей, получающих же более 1000 рублей сравнительно с другими категориями значительно меньше. Для наглядности приведем цифры: с годовым окладом до 300 рублей, выразил желание 91 чел., в 300 руб. — 132 чел., а всего получающих до 300 и 300 — 223 чел., до 400 руб. — 271 чел., до 500 — 333 чел., до 600 — 219 чел., до 1000 руб. — 266 чел. и свыше 1000 — 175 чел.

Средний заработок для экскурсантов-учителей выразился в сумме 879 руб. в год, а для учительниц — 495 руб., и вот все-таки значительным большинством выбирается один из дорогих маршрутов — Итальянский. Отчасти по своему действительно особому интересу и в смысле путешествия, и в смысле памятников древности, искусств и т. п., а отчасти, вероятно, и потому, что для нашего учителя в провинции Италия со своим историческим прошлым и столь заманчивым настоящим казалось такой недостижимой — это путешествие и привлекло больше половины всех желающих. Если обратить внимание на остальные цифры, то становится заметным, как тяготеет наш экскурсант к странам, где он может столкнуться с действительными образцами современной культуры. Не будем уже брать Италию. К Англии относилось 345 заявления, к Германии — 291, к Востоку же (несмотря на безусловный интерес в смысле путешествия) — 135 и, наконец, в Швецию и Норвегию — 45. Эти цифры дают возможность и на будущее время судить о спросе на тот или другой, маршрут.

Из всех 1674, выразивших желание поехать по тому или другому маршруту, удалось поехать 1089 лицам, из них учительского звания — 979 и 110 лиц других профессий. Т. е. остальным не пришлось в этом году воспользоваться услугами Комиссии. 475 было отказано за недостатком мест или за отменой экскурсии самой Комиссией, что составляет 28 %, и 110 отказались по личным причинам. Процент отказов Комиссии за неимением мест и отменой экскурсий настолько значителен, что, действительно, предполагает возможность при условиях большей подготовки на будущее время значительно увеличить число экскурсантов. Для зачисления в экскурсии, ввиду недостатка мест, Комиссия установила следующие очереди: в первую очередь зачислялись сельские учителя и учительницы, во вторую — городские уездные, в третью — городские губернские, в четвертую — городские столичные, в пятую — фельдшеры и вообще младший медицинский персонал и учащие в торговых и ремесленных школах и только в шестую — учащие в средних учебных заведениях. Сообразно такой очереди производились и отказы. Учащим в сельских школах было отказано 32 лицам,

40 — в городских уездных, 76 — в городских губернских, 59 — в городских столичных (всего из двух городов — Москвы и Петербурга) и 211 — в средних учебных заведениях; кроме того, отказано 45 частным лицам, т. е. почти одной третьей части всех записавшихся частных лиц. По личным причинам отказалось 83 человека из учащихся в низших школах и 26 — средних (числа не сходятся, так как есть бланки или совсем незаполненные, или заполненные частично). Интересно здесь отметить, что процент отказов по личным причинам больше среди учащихся низшей школы и особенно — сельской, чем среди учителей средних учебных заведений и это понятно: к личным отказам относятся все отказы вследствие невозможности достать необходимые для заграничной поездки документы, кроме паспорта, и отказы за невозможностью внести единовременно надлежащую сумму — конечно, эти препятствия труднее всего преодолеть сельскому учителю. Но и в этом случае Комиссии легко придти на помощь учащим: всегда возможно завести предварительные сношения с непосредственным начальством надлежащего учительского персонала или, по крайней мере, с некоторой подробностью осведомить его о действиях Комиссии. Тот же инспектор народных училищ не станет чинить особых затруднений, та же управа постарается выдать учителю все его летнее жалованье сразу.

Возвращаясь от отказов вновь к заявлениям, удастся убедиться, что в экскурсии настоящего года стремился попасть во всех отношениях наиболее желательный элемент.

Из всех учащихся 1013 человек учащихся в низших школах, что составляет 68 % и только 32 %, т. е. менее одной трети — из средней. Причем учащие низшей школы сообразно типу школы делятся следующим образом: учащихся в министерских школах — 109 человек, в церковно-приходских и духовных училищах — 128 и в школах земских, городских, частных — 776. Из этого числа некоторая часть падает на учителей низших учебных заведений губернских городов, но громадное большинство составляют учителя уездных городов и уезда. И задача Комиссии — внести путем образовательных экскурсий некоторую струю западной культуры в деревню

через людей ближе всего к ней стоящих, по-видимому, будет легко достигнута. Лиц, учащих в средних учебных заведениях, 474, причем 372 из казенных и 102 — из частных учебных заведений. Ввиду того, что в большинстве земских и городских училищ учительский персонал состоит из учительниц, они и являются в подавляющем большинстве; учителей всего 450 человек, тогда как учительниц с лишком в два раза больше — 1037. Дальнейшие цифры свидетельствуют вообще об удивительной энергии и подвижности нашего учительского персонала. Укажем на возраст; правда мы видим, что 30 лет является средним возрастом для всех, годы достижения человеком большей силы, но, если мы посмотрим на колебания, то убедимся, что 45–50 лет встречаются довольно часто и даже 65 лет не заставили отказаться одну учительницу от желания на склоне лет обновить свои впечатления. Еще более блестящим доказательством способности учительской среды идти на подобные предприятия служит цифра проведенных на службе лет; средняя цифра выразилась в размере 8 лет, но заявления пестрят и 15, и 20 годами службы, вышеупомянутая маститая экскурсантика посвятила уже 40 лет своей жизни учительскому труду.

Конечно, преобладающий элемент, решившийся пуститься в путешествие со значительной для каждого затратой, оказался холостым и незамужним — 1279 человек, тогда как женатых и замужних, бездетных — 86 и 122 семейных, а всего только 208 ч., но ведь и это составляет 16%, значит, и семейных далеко нельзя вычеркнуть из будущих списков экскурсантов.

Обращаясь теперь к местностям, откуда собралась вся эта полуторатысячная группа учащихся, мы видим, что и расстояние не служит преградой для осуществления желанных и благих целей просвещения. Москва и Московская губерния дала самые большие цифры — 182 городских и 99 губернских учителей, но, главным образом, ввиду легкости сношений с Комиссией. Все же остальные цифры раскидываются по всей России, Азии и даже Дальнему Востоку, не в зависимости ни от близости к Москве, как месту, где находится Комиссия, ни к границе. Нужно искать каких-нибудь других причин, заставивших приехать из Пермской губер-

нии 41 учителя, из Вятской — 29, Уфимской — 26, Оренбургской — 27, Самарской — 36, Кубанской области — 46, Харьковской — 47, Тверской — 73, тогда как из Орловской заявили желание только 14 человек, Рязанской — 18, Пензенской — 12, Ярославской — 11 и Калужской, соседней с Москвой, — 8.

К сожалению, очень было трудно разобраться во всей переписке, имеющейся в канцелярии Комиссии, однако и из нее можно усмотреть, что начинания Комиссии нашли отклик в некоторых более чутких общественных организациях. Непосредственно обращались в Комиссию уездные управы Харьковской, Московской и Таврической губернии, из переписки же с учителями видно, что горячее участие в этом деле приняли Белебеевская, Златоустовская, Уфимская, Вологодская, Вятская и несколько других уездных управ; кроме того, вели сношения с несколькими Обществами взаимопомощи: Московским, Серпуховским, Коломенским, Пермским, Самарским, Саратовским и некоторыми другими. Эти данные и дают некоторую возможность предполагать, что стоит постараться завести прочные сношения с более жизнеспособными общественными или профессиональными организациями, и Комиссия охватит своей деятельностью всю Российскую Империю.

Остается сказать несколько слов, что из всего состава экскурсантов могут найтись немного лиц, могущих оказать некоторую помощь и самой Комиссии. Оказалось, что почти 10 % всего количества знакомо с одним или несколькими иностранными языками и почти 12 % бывало раньше за границей. Эти лица могут оказывать помощь своей группе знанием языков, условиями переезда посещаемых мест, конечно, процент этот будет уменьшаться с увеличением % сельских учителей. Из заявлений совершенно определенно выяснилось, что самым удобным временем для экскурсий учащие считают время после первого июня.

ЗАСТИГНУТЫЕ БУРЕЙ ЭККУРСИЯ РУССКИХ УЧИТЕЛЕЙ ЗА ГРАНИЦУ В 1911 ГОДУ

Автор неизвестен

«Когда прочтете в газетах, что в Богемской Швейцарии 2-го июля разразилась страшная гроза с ливнем, наделавшая большие опустошения и, может быть, обошедшаяся не без человеческих жертв, то знайте, что эта самая гроза застала нас, и мы подвергались опасности быть унесенными горным потоком в какое-либо ущелье; но все обошлось благополучно; так благополучно, что, возвращаясь домой на другой день и долгое время после, мы весело смеялись над пережитым, в чем, как это обыкновенно бывает, комичное смешивалось с трагичным. С увлечением рассказывали мы встретившим нас товарищам об интересных впечатлениях, о тех страхах, которые теперь представлялись нам совсем пустыми.

Но буду рассказывать по порядку.

Был теплый солнечный день, хотя немного облачный. Слегка парило. Переехав с 10 час. поездом австрийскую границу, наша группа, в составе почти 60 человек, медленно подвигалась по широкому ущелью Эдмондс-Клям, вдоль горного потока, который то суживался в ручеек, то разливался в довольно глубокую речку. В ущелье было сыро, прохладно и мрачно. По обе стороны высокой стеной поднимались темно-серые или буро-желтые песчаниковые скалы, испещренные во всех направлениях бороздами, язвами, трещинами, происшедшими от размывания и выпадения мягких пород. По временам трещины зияли широкими темными пещерами, откуда веяло холодом могилы. Высоко над головами висели громадные глыбы, словно набросанные исполинской рукой, готовые обрушиться вниз. Такие же серые камни, сброшенные когда-то водой и ветром, загромождали по временам дно потока. Красиво змеились по стенам и расщелинам светло-зеленые папоротник и рубус (растение, похожее на дикий виноград или

хмель) и темная кудрявая зелень вереска. Иногда лишайник выступал ярко-желтым пятном на сером фоне скалы. Нередко дно потока пересекали пороги, искусно подровненные и приподнятые. А вот как будто и настоящий водопад, который с шумом и пеной низвергался со скалы только несколько минут, по желанию нашего проводника лодочника, дернувшего за веревочку и приведшего в движение какой-то механизм. Было смешно, но пришлось воздержаться от смеха, чтобы не обидеть проводника.

То переезжая на лодке, то проходя пешком, после трехчасового пути мы достигли, наконец, ресторана, где нам надлежало основательно пообедать и отдохнуть. Затем стали подниматься в горы. Человек 10 еще раньше воротились домой с одним из руководителей. Теперь мы покидали сырые, мрачные ущелья и выходили на простор, на свободу. Стало больше воздуха и солнца. Скоро глазам нашим представилась широкая равнина, уходящая вдаль, в конце которой виднелись прикрытые синеватой дымкой силуэты гор. Повсюду сосновый лес широко раскидывался по отлогим покато-стям, вытесняя мелкую узорчатую растительность сырых ущелий и прикрывая серый камень сплошным ковром мха и игл. Медленно поднимаясь по удобной дороге на вершину гор Пребиштор, мы совсем не чувствовали усталости: дышалось легко, горный воздух бодрил и возбуждал. Заставляла забывать усталость также все шире и шире раскидывавшаяся перед нашими глазами панорама гор. Вот уже мы стоим почти на самой вершине, на высоте 500 метров; свободные и гордые, с восторгом бросаем взоры на ниспадающие зеленой волной покато-сти гор; на отдаленные конусообразные, временами совершенно плоские вершины. Где-то далеко внизу, на плешине леса копошатся, словно муравьи, два человека, работающие на своем поле, а вон и полоска просеки с крошечным квадратиком дров, дальше пестрый ковер хлебных полей. Подойдешь к краю какого-нибудь обрыва — хочется броситься головой вниз или парить, как птица, в широком воздушном пространстве. Начинало немного утомлять широкое пространство, слегка кружилась голова. Я уже старалась не глядеть ни вниз, ни на возвышавшуюся по правую сторону почти совершенно отвесную скалу.

Вдруг погода испортилась, тучи заволокли небо, погромыхивал гром, поползли между вершинами сосен под нашими ногами облака. А вот и дождь. Не все запаслись зонтами и плащами, присели под выступ скалы в щель. Посидели раз, посидели два, надо двигаться. К шести часам поднялись на самую вершину, образующую громадные естественные ворота. Теперь уже под нашими ногами расстилалась большая часть Богемской Швейцарии, но ползущие внизу облака и завеса дождя почти совершенно скрывали ее от наших глаз. Разразилась сильная гроза. Гром с коротким треском раздавался совсем близко над головами, раскатов почти не было, звук не расходился в редком горном воздухе. Но удары были оглушительные. Стрелы молнии то там, то здесь падали на скалы прямо перед нашими глазами. Было жутко и хорошо. Начался ливень, словно целые потоки низринулись на незащитные вершины. Пришлось спрятаться в ресторан и ждать. Ждали, ждали, больше ждать нельзя, не ночевать же здесь. Пора спускаться, чтобы успеть к 9-или 10-часовому поезду. Но как выйдешь? Это все равно, что окунуться в реку, в тонких батистовых кофточках, в туфельках, без галош. Воспользовались минутой просветления и помчались вниз; спасибо, дороги удобные и прикрыты лесом. Сильные не дожидались слабых — поспевай, как хочешь. Добежали сломя голову до дилижансов. Дальше идти было нельзя. Шумный поток преграждал дорогу. «Началось, — мелькнуло в голове, — одно из тех сильных наводнений от сильных ливней, когда бушующие горные речки сносят и разрушают все по пути. Теперь спасайся, кто может». Заметались, как овцы без пастуха. Проводник где-то далеко позади. Нашлась энергичная особа, говорящая по-немецки, которая живо сговорилась с кучером и попихала некоторых в дилижанс.

Мы с сестрой не расстаемся; пока еще сухи, ноги отсырели да плечи мокры, а некоторые промокли до нитки. Через каждые 10 минут останавливаемся: шумные потоки преграждают дорогу, канавы для стока вод переполнены; чем ниже спускаемся, тем все больше воды, сильнее рев потоков. Ну, думаем, купаться не миновать. Брр... как страшно принимать холодную ванну. А потом?

Доберешься ли до дома? Так далеко еще. Надо переезжать через Эльбу, ехать час по жел. дор. А что делается там, внизу? Что, если долина залита, поезда не ходят? Мы ночуем в горах. Проехали с полчаса, остановились надолго, кажется. Впереди целый ряд экипажей, сзади наши, но не все. Бедные, экипажей не хватило, и они идут пешком. Как они перебираются через бушующие потоки? Стыдно за себя, что, отпихивая других, лезли в экипаж, а там, позади остались очень слабые. Сидим и ждем с замиранием сердца. Кучера что-то кричат на австрийском резком наречии. Впереди какое-то строение, по обе стороны вода. Притихли, слушаем, как объясняется понимающая язык немка с кучером. Оказывается, где-то снесен мост, внизу разрушена мостовая, кучера ехать отказываются. Как страшно! Что, если гроза не утихнет, вода усилится и бурным потоком нас снесет в какую-нибудь щель, а в газетах появится известие: «Русские экскурсанты погибли в горах Богемской Швейцарии во время страшного ливня, разразившегося...» Видно, как сзади стоящие лошади, стоя по колено в воде, трясутся, колеса тоже по ступицу в воде, некоторые повылезли из экипажей. Здесь и немцы, и русские что-то толкуют, махают руками. А вон и наши несчастные 5–6 человек, четверо мужчин и две дамы, то карабкаются по откосу горы, то ступают прямо по воде. Вон, одна свалилась в поток, мужчины поддерживают, тащат. Они уже совершенно мокры, были бы живы. В конце концов сколько ни ждали, а пришлось вылезать из экипажей и оставаться ночевать в этом домике. Что это была за ночь! Ночь тревожная, странная, похожая на кошмар. Не могу не описать ее. Ночевало только 26 человек, часть еще раньше грозы, самые резвые, ушли другой дорогой, и теперь где-нибудь блуждали в горах или раньше благополучно вернулись домой. Несколько человек, вылезая из экипажа, были захвачены толпой туристов, и впотьмах, не разобрав, что это чужие, устремились за ними в горы, надеясь с помощью проводника, идущего с фонарем, добраться до отеля или до вокзала. Сильно мы тревожились о них в эту ночь, особенно, когда вернувшийся хозяин домика рассказал нам, что несчастные шли по колено в воде, карабкаясь по горам, что дамы ползли, а какого-то старика нес-

ли на руках. Однако, как оказалось, намокшие и напуганные, они все-таки вернулись поздно ночью домой. Помню, какое приятное чувство успокоения и тепла охватило меня, когда, переступив за порог, я услышала добродушный громкий возглас «папаши» (так прозвали мы одного из экскурсантов, толстого, всегда веселого, остроумного господина):

— «Не расходитесь, не расходитесь, господа, погибать, так всем вместе, вместе веселее».

И на меня пахнуло оживленным говором и теплым, парким воздухом небольшой комнаты, наполненной мокрыми людьми. Жарко топилась плита, обвешанная и облепленная чулками, юбками, куртками и башмаками экскурсантов. Все живо ободрились и принялись сушиться; женщины уже гладили мокрые вещи горячим утюгом, наиболее пострадавшие сидели ближе к плите. Один господин, совершенно мокрый, носился бешеным галопом по комнате, задевая соседей ногами и всех приглашая на вальс. Обогрелись, обсушились и повеселели. Откуда-то появились на сцену хлеб и масло, роздали всем по небольшому ломтику. Оказалось, что это всегда запасливый «папаша» вытащил их из дорожного мешка. Ох, уже этот мешок! Наделал он ему хлопот, когда, перебираясь через австрийскую границу, он неожиданно для всех был остановлен бравым австрийским полицейским и потащен в таможеню, где, смущенный и красный, при общем хохоте товарищей, лепеча слова: «Ничего, не знаю» коверканным немецким языком, он принужден был растрясти всю сумку и дать обыскать себя. Фигура «папаши» была так комична, что мы не могли удержаться от смеха, на что ретивый полицейский сильно обиделся.

Посыпались бесконечные шутки, остроты. Беспокоился сильно наш проводник. Тщетно мы успокаивали его, обвиняя во всем взбунтовавшуюся стихию. Он ежеминутно уносился куда-то осматривать путь, возвращался усталый и мокрый, садился на пол и разглаживал утюгом свои манжеты или, расхаживая по комнате, с беспокойством расспрашивал товарищей, хорошо ли на нем сидит галстук.

Между тем, снаружи по-прежнему ревел поток, охватывая с двух сторон домик и соединяясь позади него в один клокочущий водопад, — Иматра в миниатюре. Шел дождь, погромыхивал гром. Открыв окно, я видела перед собой белый каскад пенистых волн, слабо просвечивающее ущелье, какие-то неясные белесоватые призраки, колыхавшиеся между шумящими мокрыми соснами и мутную луну, выползавшую над ущельем. В комнате стало затихать, расположились спать на тюфяках и соломе, притащенной хозяевами, как попало, вповалку; кое-кто притулился в углу в сидячем положении, кто-то сидел наружи, не в состоянии вынести духоты комнаты. А «папаша» сидел у открытого окна на полу и, разинув рот, вытащив глаза, тяжело отдувался, как карась, вынутый из воды, между тем как его супруга, дама полная, давно уже мирно похрапывала. К утру все спало. Я же не могла заснуть и ворочалась с боку на бок, поминутно раскрывая отяжелевшие глаза и стараясь вытянуть онемевшие члены.

Рано утром, наскоро собравшись и освежив лицо и руки в холодном потоке, который уже мирно тек в своем русле, мы бодро зашагали по еще мокрой, кое-где загромажденной нанесенными камнями и деревьями дороге вниз по направлению к Эльбе. К 8 часам уже поднимались к своему дому, с нетерпением спеша узнать, что случилось с прочими товарищами, поделиться с ними своими впечатлениями и подкрепиться горячим кофе».

КАК БЫЛ ОРГАНИЗОВАН «ГЕРМАНСКИЙ (I) МАРШРУТ»

В этой заметке вы сможете прочитать, как был организован Германский (I) маршрут — это в первой части, а во второй предлагаю почитать впечатления неизвестной экскурсантки об этом маршруте. Эта экскурсия состоялась в 1911 году.

При организации поездок по германскому маршруту с первых же шагов произошли некоторые осложнения, затормозившие подготовительные работы.

Взявший на себя заботу по устройству экскурсантов и помощи им Русский Общественный Клуб в Берлине был в это время закрыт, и члены его были вынуждены выехать из Берлина. Помогать Комиссии в подыскании подходящего представителя, как было сказано выше, взялся г. Мальцев, который вскоре и отрекомендовал Комиссии в качестве достойного доверия и опытного человека инженера Брауна, который и был официально утвержден агентом в Берлине.

Комиссия послала ему выработанные ею проспекты и планы движения экскурсий с указанием количества групп, времени приезда, осмотра и пр.

Из осмотренных г. Брауном в Берлине помещений для экскурсантов он предложил Комиссии остановить свой выбор на одном Hospiz'e, где за помещение и содержание экскурсанта соглашались взять 2 марки в сутки. Это немного повышало стоимость экскурсии, так как по первоначальному расчету Комиссии каждый экскурсант должен был обходиться в 1 р. в сутки, включая сюда и мелкие расходы, между тем как в Hospiz'e нужно было платить 93 копейки (2 марки) за экскурсанта только за стол и помещение.

Но так как более дешевого помещения г. Браун не мог подыскать, то Комиссия принуждена была согласиться на эту расценку.

Договор с Hospiz'ом был таков: каждая группа состоит приблизительно из 50 чел. За ночевку, утренний чай (кофе или чай с 2-мя булочками), несколько бутербродов с собой на дорогу до обеда, обед (суп, мясо, овощи или компот) и ужин (холодный или горячий) Комиссия платит с человека 2 марки в день. Кроме того 50 пф. в неделю с человека — прислуге. Уплачивается за всех за 3–4 дня вперед по приезде группы. Пансион этот был снят на время от 8 июня по 19 июля н. ст. Для руководителя была выговорена отдельная комната.

Скидки, которые удалось получить г. Брауну, были таковы: Зоологический сад — вместо 1 марки –25 пф. с человека, Урания — вместо 1 марки –10 пф., Аквариум — вместо 1 марки –25 пф., Трептовская обсерватория — вместо 2 марок –80 пф.

Осмотр всего остального — бесплатно. Профессор Треповской обсерватории согласился специально для экскурсантов устроить лекцию с демонстрациями небесных светил. Таким образом, расходы по осмотру различных учреждений должны были обходиться от 20 до 25 пф. в день на человека. Разрешение на бесплатный осмотр школ и других учреждений г. Браун получил благодаря своим личным связям. Он подал об этом прошение в магистрат. Предвидены были все типы имеющихся в Берлине школ.

На разъезды по Берлину Комиссия ассигновала по 40 пф. на человека. Предположение г. Брауна законтрактовать омнибус на целый день для разъездов по городу не могло быть принято Комиссией, так как это весьма повышало расценку. Для разъездов по городу экскурсанты должны были пользоваться большей частью городскими железными дорогами.

Что касается скидки на железных дорогах, то, несмотря на все приложенные усилия, в Германии получить их не удалось.

Комиссия также обратилась к членам русской библиотеки имени проф. Чупрова в Дрездене с просьбой оказать содействие экскурсантам во время пребывания в этом городе, на что председатель библиотеки Я. О. Мульман выразил свое согласие.

Между тем, г. Браун объездил все города Германии, которые предполагалось посетить. В Галле выяснилось, что интереснее несколько изменить маршрут, а именно из Берлина экскурсанты поедут в Стассфурт, а оттуда в Галле. В Стассфурте находятся очень интересные соляные копи, где дирекция любезно предложила принимать экскурсантов бесплатно, стоимость же проезда туда незначительна.

В Галле для размещения были наняты два Hospiz'a.

Осматривают там экскурсанты Сельскохозяйственный Институт и Gefluegelzuchtanstalt. За все пребывание в Галле (2 ночевки, один обед вечером, два завтрака, обед и ужин) обусловлено с Hospiz'ами по 2 марки 50 пф. с человека. Руководить экскурсантами по Галле любезно взялся студент Вовси.

В Лейпциге экскурсантов должен был встретить кто-либо из русских студентов и г. Лаубе (немец), хорошо знающий Лейпциг

и интересующийся этими экскурсиями. Перед обедом группы посещают Grassi-Museum, знаменитый этнографический музей; обед будет приготовлен в ресторане, где очень дешевые цены и можно заказать, что угодно — обед обойдется приблизительно в 50 пф. Оттуда экскурсанты отправляются в Космос-театр, Ратушу, Университет, дом Книгопечатников и Volkerschlachdenkmal (памятник сражения народов). Это будет связано с общим осмотром города. Вечером отправляются в Дрезден.

Там снято было два помещения по следующим ценам: в первом ночлег — 50 пф.; обед — 40 пф.; ужин — 30 пф., кипяток даром, завтрак — 20 пф. Во втором за ночлег и завтрак 1 марка, обед же и ужин экскурсанты получают в первом помещении. От Дрездена г. Браун опять предлагает изменить маршрут, так как три дня на Саксонскую Швейцарию, по его мнению, очень много. Предполагается следующее: утром экскурсанты выезжают в Betau, затем идут пешком по намеченному маршруту до Шандау, там ночуют, утром пешком до Боденбаха, где опять ночуют и дальше пароходом до Ловица, а оттуда в Прагу.

На пароходах можно было добиться скидки.

В Шандау группы размещаются в двух заезжих домах по 25 чел. Так как цены в Шандау очень высокие, то пришлось устроиться довольно примитивно. Один хозяин дает постели по 1 марке с человека вместе с завтраком (кофе и две булочки), а другой устраивает из соломы постели с простыней, и стоит ночлег вместе с завтраком 80 пф. Ужин стоит 35 пф. (кипяток, хлеб, колбаса или 2 яйца).

В Боденбахе также ночлег на соломе; цена 40 крейцеров с завтраком (кипяток и булочки). Ужин мясной и кипяток — 35 крейцеров».

ИЗ ДНЕВНИКА ЭКСКУРСАНТКИ ГЕРМАНСКИЙ МАРШРУТ

Автор неизвестен

«6 июля. ...Всем было жалко Берлина. «Ах, не хочется уезжать!» — слышались за завтраком возгласы. Говорили речи руководителям и поднесли им букеты. Таль остался верен себе до конца: «Я очень тронут вашим подношением, но будьте любезны уж до конца и скажите, что мне с ним делать?» Он накануне измучился — ездил встречать «шведов», но они не приехали. Милый Бианко улыбался. Поехали нас провожать все четверо руководителей. Вышли из Hospiz'a. Немочки-горничные кивали из окна. Адвокат опять насмешил. Не знаю, каков был теперь его багаж (его отправили на вокзал раньше), но он в карман пальто наложил ни мало, ни много, как подушку! «А в другом — одеяло?» — спрашивают его. Сели в последний раз на столь знакомый автобус 4 A и поехали на Friedrich-strasse Bahnhofa, может, и не туда, уж я позабыла. Любезные пруссаки дали нам отдельный вагон, что, говорят, с ними не всегда случается. Едем. Наш вагон последний в поезде, а я все время стояла на задней площадке, с которой был прекрасный вид на леса, на аккуратно возделанные поля и на остроконечные черепичные крыши немецких деревень. Казак стоит и поет все время. Поезд несется стрелой — это скорый поезд Schnell Zug. Быстро убегает земля назад, мелькают по бокам деревья — точно по воздуху летишь.

В 11 ч. 20 м. утра мы были в Стассфурте, где находятся соляные копи. Встретили нас чрезвычайно гостеприимно; прежде всего накормили завтраком, которому мы таки оказали честь: думаю, что удивили немцев. Пили много пива и земляничной воды. Публика вела себя дурно: потребовали папирос, а когда хозяева любезно всем предложили сигары и папиросы, то на даровщинку накинулись все: кто и никогда не курил — видим — дымят; давятся, кашляют и покатываются со смеху друг над другом. Кстати: из 42 человек экскурсантов у нас курят только двое. Случайность ли это, или у некурящих финансы в лучшем положении, или курильщики,

как я заметила, народ более апатичный и малоподвижный и прозаичный, считающий экскурсии пустой забавой? — Не знаю. Потом наши курильщики не знали, куда девать сигары, с которыми не могли справиться. Думаю, что тут же побросали. Также и пиво оставили недопитым в кружках. А еще в Берлине хозяйка Hospiz'a жаловалась на несуразность поведения русских, берущих себе больше, чем могут съесть.

Спускались в шахту на лифте со скоростью 6 метров в секунду — на глубину 200 саж. (480 метров). Разность атмосферного давления чувствовалась в ушах: их, как говорится, заложило; а когда обратно «выскочили», так в ушах даже потрескивало. Нас всех предварительно одели в костюмы: дам в халаты, в чепчики и шляпы, а мужчинам дали штаны, куртки и колпаки с шапками. В таком виде нас сняли и обещали прислать нам карточки. Преморительная была картина! Все стали похожи на жуликов или арестантов, или на сумасшедших. Адвокату достались штаны со слона: одел он их и смотрит с недоумением: за пояс другого человека можно засунуть. «Это ракло, настоящий ракло!» — кричит испуганно хохлушка на знакомого студента. А большинство, действительно, были «ракло», «хитровцы». Особенно уморителен был маленький П. в длиннейших штанах (он потом, идя по сырым шахтам, каламбурил: «Вы думаете, я свои башмаки пачкаю? О, нет. Я на брюках иду: перехитрил-таки немцев!»); а когда он, взявшись за бока, прошелся пред нами трепака — едва не заболели от смеха. Право, это было самое веселое приключение за нашу поездку.

Копи очень интересны — если бы только публика повоспитаннее! Отстают, хохочут во время объяснений немца, так как ничего не понимают по-немецки, охают и ахают, когда лестницу видят, кричат: «Довольно! Не надо больше! Скоро ли конец? Неужели еще идти?» Это не люди, а вареные сосиски! Я бы не принимала вареных в экскурсии. Но, увы! Нас, невареных, было слишком мало.

Нас провозжал по шахтам не тот немец, что встретил нас на вокзале и повел завтракать: тот был немножко дут, так как предыдущие группы были столь же некультурны, как и мы. А этот был очень мил: высокий, хорошо сложенный блондин, с прекрасным

цветом лица, с большими глазами, высоким лбом, крепкими зубами и красивой улыбкой — его интеллигентного лица не испортил даже арестантский костюм.

В шахтах было сыро, со стен капало и сыпалось; нам дали масляные светильники, и немец замигал впереди. Я не отставала от него, но «вареные», которые неизвестно зачем потащились, оставались сзади, терялись и кричали, так что их приходилось ждать, а иногда и отыскивать. В «залах» зажигали для нас бенгальский огонь, и высокие своды искрились кристаллами соли, пол же был точно в снегу. В одной из шахт произвели два взрыва динамитом. Ах, какой это был грохот! По всем шахтам гулко катились густые волны звуков, ощущаемых не только ухом, но всем организмом: казалось, что волны звуков подхватили тебя и несут, колыхая, куда-то, и чувствуешь себя такой малюсенькой, как легкая пушинка тополя, что солнечным днем носится в теплом летнем воздухе, и чувствуешь себя в полной власти этих могущественных звуков, остановить которые ничем, ничем не можешь, пока они сами не соблаговолят замолкнуть. А они не замолкали, казалось, целую вечность. Даже дух захватывало от сознания своего бессилия — ну, как во сне, когда кричишь во все горло, а звука нет. Да, это останется ярким, незабываемым впечатлением. Испуганные потрясающими звуками, дамы пищали, а после, при одном слове «взрыв», начинали кричать и протестовать, и поднимать руки кверху, и закрывать глаза.

В большом зале с соляными стульями (и подушки на них набиты мелкой солью) со столом из белоснежной столовой соли с башенками и колоннами из цветных солей, освещенных электричеством, мы сели и по просьбе немца пели русские песни. Но после нескольких подняли-таки шум и спор относительно дальнейшего пения, так что немец, потеряв терпение, встал во весь свой великолепный рост, которому не была места в шахтах с низкими сводами, и картинным жестом, подняв палку, пригласил всех двинуться дальше. Мы поднимались по узким, скользким и темным лестницам, лезли по глыбам соли, спускались по отвесным лестницам, где нужно было идти задом (а Самородок стоял внизу, слезши первым,

покатывался со смеху и показывал другим: «Нет, вы только взгляните в лицо «очередного номера»! Полнейшее отчаяние и бесконечная тоска!..») — ну, тут публика прямо-таки ругалась и между собой, и на немца. Некоторые даже уверяли, что немец нарочно их мучит в отместку за что-то, и что мы теперь в его власти, чем он и пользуется, и даже во взрыве упрекали его, как в преступлении против нравственности. Ах, нелепые! И зачем потащились в шахты? А из-за них не посмотрели опытного сада, что есть при копях. Ну, я была зла, как сорок тысяч братьев! По осмотре мы получили обильный разнообразный обед — с пивом, лимонадом, живыми цветами и сигарами. Это все калийный синдикат старается в целях пропаганды: у них тысячи посетителей из всех стран света, и они всех так кормят.

Когда мы поднялись из шахт и ждали, пока все снимут свои маскарадные костюмы и умоются, мы очень заинтересовались выставленными здесь образцами различных сортов соли, но сколько ни приставали к Р., никакого толку не могли добиться. Публика начала отламывать на память куски цветных солей. Мне до смерти хотелось сделать то же самое, но вместо этого я делала грозное лицо и смотрела укоряющими глазами. Но когда, по дороге к вокзалу, Стрельцов вынул из кармана и протянул мне на ладони два голубых кубика — я не в силах была отказаться. Вот как дурная среда портит хорошие нравы!

Выехали в 5 ч. 35 м. вечера, а в половине одиннадцатого были в Лейпциге. Приехали в гостиницу, поужинали и легли спать.

Комната наша, где со мной поместились 3 очень симпатичные девицы, сравнительно с берлинской, большая и уютная. Но не так, чтобы очень. И опять на пятом этаже! И в каждой комнате на столе — библия. Не даром Christlichen Kellnerheim.

Лейпциг, 7 июля

В городе тихо, уютно. «То ли дело у нас в Берлине», — слышу остроты экскурсантов.

Поражает отсутствие церквей и солдат и — большое число звуков: отчаянно звонят трамваи, гудят автомобили, гремят колеса (мостовая — не асфальт, а выложенный в клетку камень), ярко

щелкают бичами извозчики (в Берлине этого я не заметила: может, там больше звуков и все сливаются, не выделяясь), звонко свистят птицы, летая над городом (поутру даже будят свистом), свистят люди, подавая друг другу сигналы (например, с улицы свистит, чтобы вызвать кого-нибудь из пятого этажа), или просто для собственного удовольствия насвистывая — не даром же музыкальный город. А кондуктора в трамваях просто поют! «Haben ie Fahrschein Fraulein» и повышают последний слог.

Утром отправились в картинную галерею. Сначала — скульптура. Здесь превосходная копия с Давида М. Анджелло — самая большая скульптура в мире. Остановила наше внимание Саломее Max Klinger. Он и музыкант, и скульптор, и живописец.

Herrnskretsch, 15 июля

...Herrnskretsch — курортное местечко, одно из самых красивых в Европе. Мы поселились в Hotel Herrnhaus, лучший отель, но в мансарде: маленькое окошечко, низкие потолки с балками. Зато прямо над Эльбой, при впадении в нее шумящего Kamnitz; на том берегу каждые пять минут проносятся поезда, что очень красиво вечером, когда они освещены. Над домом нависли скалы, на скалах — деревья. Из нашего помещения выход прямо на скалы, и причудливо извивается дорожка, теряясь вверху; на ней и мостики, и тоннели, и площадки со скамеечками и со столиком.

Пошли обедать вниз. На окнах столовой надпись: «Здесь говорят по-русски», но все знание русского языка заключалось в одном слове — пиво. «Пиво! Пиво!» — кричат — ну, как их? кельнеры, что ли. И тычут в нос десятком кружек с пивом — по две на каждом пальце. И это означает: «кто желает пива — берите». И однажды, принеся нам хлеб, не дает его: «Was ist das?» спрашивает. «Brot», — говорим мы. «Oh! Nein, nein!» — не соглашается он, отнимая тарелки, пока кто-то из нас не догадался сказать по-русски — хлеб. «Oh! Ja! ja! Шлэп!» — обрадовался он, и с этих пор их лексикон обогатился вдвое. Теперь, кроме «пиво?», раздается по столам еще «шлэп?» Почему-то они решили, что русские слова употребляются только в вопросительной форме. Принес нам однажды кельнер «шлэп?» — серый да кислый! — «Ну какой это

«шлэп? — говорит Iawohl: -просто — шлэп!» «Шлэп?» — недоверчиво косясь, поправляет неуверенно кельнер. «Шлэп!» настойчивее повторил Iawohl. И через минуту слышим на соседних столах: «Шлэп? Шлэп?». Ну, так мы хохотали!..

17 июля

У нас сегодня целодневная прогулка в живописнейшее Edmundsklamm und Wildeklamm. Собрались с утра и, захватив бутерброды, вышли.

Ущелье, действительно, великолепно. Шумит и сердится между скалами Kamnitz; они грозно нависли над ними, насторожившись, выжидают момента, чтобы броситься с высоты победным прыжком и одним ударом уничтожить нарушителя их безмолвия; некоторые из них не выдержали, нетерпеливые: ударились сверху, но, пенно клубясь, огибает их Kamnitz проворный и дальше бежит, ворча недовольно, и непокорные брызги на скалы седые бросает. Но с человеком борьба — не под силу ему: властной рукой путь ему дважды пресек человек, и смирились бурливые волны и на груди своей зеркальной лодки они понесли... Ай! Ай-ай!

Дорога все время по берегу. Светлые, изящные арки и темные, жуткие тоннели; веселые ручейки, прозрачные папоротники, синеватые, грустные ели, серьезные буки и глупые молодые сосенки... На каждом шагу разнообразие и неожиданности. Иногда комичные. Например, надпись на столбе многообещающая: «Светлое озеро или зеленый грот, ходьбы полминуты». Поднимаемся две ступеньки и видим в нише скал лужицу, сажень в диаметре. Это и есть светлое озеро. В двух местах Kamnitz запружен, а мы ехали на лодке. Как красивы с лодки скалы! В причудливых изломах нависли они над водой, красноватые, местами, как кистью художника-модерниста, тронутые золотистой зеленью мхов с целой гаммой различных оттенков; там и сям, прямо из камня, выбросился узорчатый лист папоротника и нежно дрожит на синем небе; местами невидимый ручей просочился чрез камень, смочил его весь, и он блестит и светится на солнце, а на каждом выступчике собираются светлые капли и с тихой покорностью падают в воду и на холодный песчаник: камни плачут. Деревья висят над

водой, а там, где немножко отступили скалы от берега, — цветы распустились. Дивно хорошо! Если бы только не чувствовался везде человек! Вот, например, этот водопад. Заперли на скале на высокой ручей, и от шлюз протянули веревку на Kamnitz. Лодочник дернет веревку (если надеется получить на чай), и сверху бешено взбрасывается вода, и в течение 5 минут белой пеною летит шумно в Kamnitz. Довольно красиво и дает сильное ощущение, так как лодка стоит почти прямо под водопадом, но и смешно: водопад на 10 или на 20 коп. Дальше — более дикие места. Вот прыгает с камня на камень ручей. Прыгая тоже с камня на камень, мы разместились вокруг него и над ним на громадных камнях, зачерпнули воды и закусили. Отдохнувши, отправились дальше...

Вена, 20 июля

Ну, вот и Вена: в 9 ч. 25 минут вечера мы вышли из вагона. Левша основал Вену: здесь все слева — экипажи на улицах, трамваи. А на фонарях зелень и цветы — очень изящно, точно небывалое дерево с кудрявой короной и чугунным резным стволом. Все бы ничего, но после «отдыха на лоне природы», как полагалось по программе, у меня едва ноги волочатся».

ПРОБЛЕМЫ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЕЗДОК РУССКИХ УЧИТЕЛЕЙ ПО ИТАЛИИ

Ильин Михаил Андреевич

Доклад представителя Комиссии в Италии М. А. Ильина, в котором он рассказывает обо всех проблемах при организации поездок русских учителей по Италии.

Спешу поделиться результатами своего расследования: ИЛЬИН МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ — это русский писатель, журналист, эссеист, один из деятельных и активных масонов русской эмиграции. Ильин писал свои произведения под псевдонимом Осоргин. Критически относился к самодержавию, хотя был по происхождению столбовым дворянином, правда по роду занятий считался интеллигентом, а по характеру придерживался анар-

хизма и состоял в партии эсеров. Ильин Михаил Андреевич был самым настоящим фрондером, т. е. человеком, восстающим против всего не из принципов, а из духа противоречия.

Был сторонником на подавление свободы отвечать террором, в том числе и индивидуальным. После революции 1905 года, был арестован, просидел полгода в Таганской тюрьме. Как только был отпущен под залог, сразу уехал в Финляндию, а оттуда в Италию, где и прожил 10 лет, занимаясь литературной деятельностью и организацией экскурсий для русских учителей.

Вот таким интересным человеком был писатель Осоргин, о нем есть что порассказать, но это в следующей заметке, а пока предлагаю почитать его интереснейший доклад:

«В ряде периодических докладов я неоднократно обращал внимание Комиссии на крупные и мелкие недостатки организации учительских поездок, обнаруженные практикой в Италии. Теперь, в интересах будущего, мне хотелось бы систематизировать накопившийся материал. Впоследствии, когда Комиссия путем анкеты опросит участников итальянских экскурсий, этот новый и богатый материал будет иметь решающее значение для выводов; пока же я делаю свои выводы лишь на основании своей личной четырехмесячной работы по организации дела, опроса наиболее активных лиц из 400 проехавших через Рим экскурсантов, бесед с руководителями и толстой папки деловой переписки. Комиссия понимает, конечно, что руководясь исключительно интересом к делу, я не могу избежать иногда резко критического отношения к деталям организации. В таком деле откровенность не может быть излишней.

В известной степени цель Комиссии достигнута. На ее клич собралось несколько сотен народных учителей и учительниц из всех губерний России, порою из самых медвежьих углов — учителей, для которых поездка за границу была до того лишь несбыточной мечтой. Какие бы лишения и неудобства ни перенесли эти путешественники, громадное большинство их увезло с собою запас впечатлений, разбираться в которых им придется долгие годы. Я убежден, что даже из числа самых недовольных вряд ли удастся

найти двоих-троих, которые считают свою первую заграничную поездку напрасно потерянным временем; с другой стороны, пачка восторженных писем экскурсантов служит для меня лучшим доказательством, что для многих, очень многих Италия была действительно «чудной сказкой», быть может, одной из лучших сказок на фоне их жизни. Итак, повторяю, цель достигнута, но... во-первых, не в полной степени, во-вторых, не совсем та цель, которая ставилась.

Поездки именуются «образовательными». Нужно признаться откровенно, что элемента «образовательного» в них не было совершенно. О получении каких-нибудь систематических знаний, хотя бы в области искусства или изучения старины, не могло быть и речи, поскольку по крайней мере дело идет об Италии. Достаточно беглого взгляда на печатный маршрут Комиссии, чтобы убедиться, что вся поездка носила характер типичного сумбурного путешествия, какое ежедневно совершают по Италии тысячи скачущих иностранцев. Чтобы на основе этой в Москве выработанной программы можно было создать какое-нибудь систематизированное ознакомление экскурсантов с итальянским искусством, для этого были необходимы нечеловеческие силы руководителей, притом руководителей-ученых, руководителей-энциклопедистов, руководителей-художников.

Были превосходные люди, были руководители-отцы, руководители-товарищи, руководители-страдалцы, руководители-дядьки. Чтобы быть вполне откровенным, я должен сказать, что настоящих руководителей вообще не было, не было ни одного, да их и не могло быть. И винить в этом руководителей нельзя, так как энциклопедических знаний хотя бы и в одной области искусства от случайных руководителей требовать нельзя. К счастью, одному немного помогали его исторические познания, другому — его привычка быстро ориентироваться в справочниках, третьему — наемный гид. Но общее впечатление таково: экскурсанты бродили среди развалин и среди статуй в музеях, как в лесу. То лучшее, что есть в Италии: драгоценные остатки древнего мира, античная скульптура, искусство эпохи Возрождения — все это прошло мимо

них незамеченным. Посещения музеев их только утомляли. Недовольное восклицание: «Опять в музей?» — я слышал ежедневно. Глубоко неправы те руководители, которые объясняли это отсутствием в экскурсантах интереса к искусству. Нет! Интерес есть, глубокий интерес, но его нужно пробудить, а что пробудить его можно — тому были доказательства. Но интерес к памятникам искусства не пробуждается сухим перечнем имен авторов и исторических дат, или рассказом сюжетов произведений, или переводом на русский язык итальянских подписей под картинами — все это входит в одно и выходит в другое ухо слушателя. Слушатель может увлечься лишь тогда, когда увлечен сам рассказчик, а последнего почти ни разу не пришлось наблюдать.

Обвинять во всем этом самих руководителей значило бы сделать великую несправедливость. Нельзя требовать «увлечения» или «вдохновенной проповеди» от человека, обреченного на каторжные работы, каковыми и являлась деятельность добросовестного руководителя. Быть одновременно казначеем, бухгалтером, нянькой, доктором, поверенным, почтальоном и т. д. и в то же время культурным руководителем — совершенно невозможно. Руководителям приходилось получать деньги по аккредитивам, расплачиваться в отелях и ресторанах, входить в сношение с железными дорогами (прицепка вагонов, размещение и проч.), получать за всех почту и менять всем деньги, следить за сдачей и приемкой белья, размещать всех на местах, входить в детали мельчайших запутанных счетов, служить каждому переводчиком, изучать планы города, выработать маршруты и планы осмотра достопримечательностей (готовые никуда не годились), в иных местах (не в Италии, правда, но это дела не меняет) подыскивать отели, торговаться с извозчиками и носильщиками, нанимать гидов, устраивать больных в больницы, ведаться с русскими властями, вести обо всем точную ведомость, переписываться с Комиссией и ее зарубежными представителями и каждую минуту соображать, не превышена ли где-нибудь смета и не сядет ли группа в один печальный момент на мель, как села в Вене группа № 1 III маршрута. (Группа № 1 III маршрута оказалась в таком положении не благодаря пере-

расходу, а благодаря внесметному расходу на отдельные паспорта, каковую сумму (15 р. на каждое лицо) предполагалось изыскать путем сокращения в поездке, но по чисто техническим условиям, как это выяснилось во время пребывания группы в Италии, такие сокращения оказались невыполнимыми. — Ред.). Прибавьте к этому общее недовольство экскурсантов, ежеминутные столкновения и неприятности, неожиданные осложнения в пути, недосыпание ночью, и скажите: может ли человек, заваленный таким египетским трудом, едва при этом знающий условия жизни данной страны и не владеющий достаточно ее языком, может ли он быть удовлетворительным руководителем? Может ли он, например, готовиться к осмотрам, когда днем его рвут на части, а ночью он занят составлением счетов?

Таким образом, обращая внимание Комиссии на неудовлетворительность руководительского состава, я должен прибавить, что результат был бы приблизительно тот же и в том случае, если бы все руководители были учеными историками искусства, знатоками Италии и свободно владели языком. В обременении их массой совершенно посторонних их культурной миссии дел заключается главная ошибка организации дела. За эту ошибку экскурсанты заплатились тем, что главный смысл осмотра достопримечательностей Италии остался для них непонятым; руководители заплатились своими нервами, своим здоровьем и сознанием невыполненной миссии; Комиссия заплатилась целым рядом неприятностей и бесчисленным количеством нападков, в большей степени — надо в этом сознаться — справедливых.

Интересно также обратить внимание и на состав самых групп. Мне пришлось убедиться, что отсутствие подбора лиц сказывается очень невыгодно. Громадную ошибку и ошибку, по-моему, непростительную, Комиссия допустила вот в чем. Почти в каждой группе народных учителей было по несколько лиц, не принадлежащих к разряду народных учителей и даже вообще не имеющих отношения к педагогической деятельности (студенты, курсистки, случайные лица, о врачах скажу особо). Само по себе это бы ничего, но экскурсантам известно (мне указано было очень много примеров

и названы имена), что иногда отказывали народным учителям за отсутствием в группах места, а между тем в те же группы принимались лица посторонние. (Из-за того, что оплата поступала несвоевременно, Комиссии приходилось добирать участников из числа частных лиц, способных оплатить свое участие в группе. — Ред.). Это порождало вполне понятное и справедливое недовольство, тем более, что эти посторонние лица оказывались почти всегда сравнительно обеспеченными материально (было несколько даже состоятельных). Нередко по отношению к этим лицам группа становилась сразу в оппозиционное положение. С своей стороны я должен сказать, что самым требовательным и недовольным элементом были большей частью именно лица, не принадлежащие к разряду народных учителей (совершенно посторонние, классные дамы, учительницы гимназий и пр.). Лица обеспеченные вносили беспорядок, например, тем, что брали извозчиков там, где остальные шли пешком, настаивали на расходовании общих денег там, где прочие соглашались в видах экономии поступиться осмотром мелких достопримечательностей и т. д. Необходимость в подборе лиц, составляющих группу, сказывается иногда даже в мелочах; так, например, южан и северян, привыкших к разной пище, трудно удовлетворить одним и тем же блюдом. Я понимаю, что при массовом составе групп единодушия добиться трудно, но кое-что и в этом отношении можно сделать; об этом скажу ниже.

Теперь вообще о деле организации. Опыт выяснил, что невозможно начинать дела так поздно. Полгода я считаю наименьшим сроком для такой страны, как Италия, т. е. начинать хлопоты нужно не позже января, чтобы подготовить все к июню. Выяснил опыт и то, что нужно заранее заготовить организаторов дела на местах, так как подыскать их быстрым темпом невозможно. И наконец, прибавлю, что одному человеку выполнить всю подготовительную работу сколько-нибудь порядочно невозможно. О реорганизации этого я также скажу ниже, так как пока излагаю лишь недостатки организации нынешнего лета.

Важнейшим вопросом является вопрос денежный. Мне, конечно, не приходится подробно говорить о том, что сумма взноса од-

ного члена, фиксированная Комиссией в нынешнем году, слишком мала; за эти деньги нельзя сделать ничего. Понятен мотив, которым руководилась Комиссия, назначая этот минимум: желательнее было предоставить возможность посетить Европу лицам с самым небольшим достатком. Мотив оправдывающий, но неосновательный. В результате этой минимальной сметы получилось хроническое недоедание, дурной стол, вынужденная экономия, сокращение маршрута, инцидент с группой № 1 и пр. и пр. А главное — экскурсантам пришлось приплачивать из своего кармана то, чего не добрала с них Комиссия, а приплачивать могли не все, так как не все взяли с собой достаточный запас карманных денег, руководясь советом самой же Комиссии. (К сожалению, действительно многие экскурсанты понимали указание Комиссии о карманных деньгах как раз наоборот: фразу «на личные же мелкие расходы предлагается экскурсантам иметь при себе небольшую сумму» — принимали за совет брать с собой не большую сумму. — Ред.). Таким образом, проиграли на этом расчете решительно все, а, главное, проиграло дело. Причину я вижу в том, что Комиссия, организуя поездки, руководилась случайными сметами случайных путешественников, в то время как местные итальянские аборигены не были даже опрошены, и в то время как условия жизни в Италии меняются в зависимости от местности, от сезонов, от наплыва в данном году путешественников и пр. и пр. Купальный сезон, национальная выставка, съезд — все это поднимает цены иногда в 5–10 раз против нормы (в особенности цены на помещения). И все это нужно, конечно, иметь в виду заранее. Я уже не говорю о том, что Комиссия упустила из виду неизбежный и необходимый для дела расход по организации дела на местах; полное отсутствие в смете этой статьи немало затормозило организацию дела.

Есть много мелких вопросов — целые сотни! — о которых говорить нет времени. Мне хотелось бы лишь по этим главным пунктам наметить, что нужно реорганизовать и как реорганизовать. Суммируя выводы свои, своих помощников в Италии, самих экскурсантов и руководителей, систематизируя этот материал, насколько можно сделать это в немногих словах и в немногих пун-

ктах, я бы предложил следующее. Но сначала оговорюсь: мои предложения касаются только Италии, так как условия путешествий в другие страны мне меньше известны. Италия же настолько интересна и своеобразна, что для нее стоит сделать опыт особой организации даже и в том случае, если в других странах и в нынешнем году все обстояло благополучно.

Организация дела, повторяю, должна начинаться не позже января месяца. Комиссия должна озаботиться приисканием лица, которое взялось бы безвозмездно заведовать организацией дела во всей Италии, подыскав в то же время во всех пунктах также бесплатных помощников. На безвозмездности труда организаторов я настаиваю по двум причинам:

1) это дает организаторам независимое положение в глазах экскурсантов;

2) это обеспечивает подбор организаторов, преданных делу. Но необходимо в распоряжение организатора заблаговременно переводить определенные суммы для покрытия расходов его и его помощников, чтобы стеснение в личных средствах не отражалось вредно на организации дела.

На обязанности организатора-представителя Комиссии, который должен жить в столице, лежит:

1) выхлопотать скидки для проезда групп по железным дорогам по заранее определенному маршруту;

2) выхлопотать разрешение для бесплатного посещения правительственных музеев всех городов маршрута, а также коммунальных, папских и частных музеев Рима и образцовых школ;

3) заключение словесных условий с магазинами города о скидках для экскурсантов по тессерам;

4) заключение контрактов с отелями и ресторанами во всех городах маршрута от имени Комиссии;

5) объезд всех городов до приезда первых экскурсантов и поверочная поездка, если и когда это потребует (в целях ревизии).

Обязанности помощников заключаются в исхлопотании разрешений на вход в коммунальные и частные музеи и образцовые школы каждого города, подыскание отелей и ресторанов и подго-

товление условий с хозяевами. Затем, конечно, встреча экскурсантов, наблюдение за исполнением контрагентами условий, сношение с главным организатором и пр.

Разумеется, подробный маршрут экскурсии должен заготавливаться заблаговременно при непосредственном и ближайшем участии лиц на местах (со стороны хозяйственной) и заранее назначенных руководителей (со стороны культурной). Об этом не мешает позаботиться еще раньше января.

Перехожу к части собственно руководительской.

Так как соединение в одном лице руководителя и казначея есть доказанный опытом абсурд и так как, с другой стороны, руководителем может быть лишь лицо, знакомое с искусством и способное легко ориентироваться в каждом данном городе, то вывод ясен уже заранее.

С каждой группой из Москвы выезжает лицо, несущее обязанности кассира и представителя группы. Никаких «культурных» обязанностей на этом лице не лежит. Роль его ограничивается хозяйственной частью и сношениями с Комиссией и ее представителями в Италии. Лицо это непременно должно владеть французским, немецким и итальянским языками. Только в незначительных пунктах (вне Италии) на это лицо может возлагаться руководство группами (с помощью гидов), но отнюдь не возлагается ответственность за такое руководство.

В трех городах Италии (Неаполь, Рим, Флоренция, желательно бы, конечно, и в Венеции или, еще лучше, в Сиене) имеются в каждом особый руководитель, детально знающий город, его музеи, его жизнь и хорошо владеющий итальянским языком.

Обязанности этого руководителя таковы. Не ограничиваясь механическим осмотром памятников, музеев и галерей, руководитель должен систематически ознакомить экскурсантов с историей данного города в связи с общей историей Италии, иллюстрируя свои беспрестанные краткие и сжатые лекции осмотром памятников излагаемой эпохи. Перед осмотром музея, равно как и во время осмотра, руководитель должен знакомить экскурсантов с историей искусства, с приемами художественной техники, иллюстрируя

яркими образчиками свое изложение. Вообще в основу должно быть положено устное ознакомление экскурсантов со страной, ее бытом, ее стариной, ее искусством, ее памятниками — осмотр же должен быть лишь иллюстрацией для изучения более наглядного и легкого и для ознакомления более детального. Без этой непрерывной лекции осмотр не дает решительно ничего.

Но этим роль руководителя не исчерпывается. Он должен пользоваться каждым удобным случаем, чтобы знакомить экскурсантов с бытом страны и бытом данного города. Оживленный центр, торговая площадь, рабочий квартал — все должно давать материал руководителю, на все он должен обращать внимание. В этой частной роли он должен быть энциклопедичен не менее любого интеллигентного итальянца-обывателя данного города. Я замечал, что часто экскурсантов интересуют мелочи, которые заранее невозможно предусмотреть: цветной фаэтон повозки для вина, военная форма, сардинский костюм, модель-цветочница, извозчицья такса, название и направление выкрикиваемой разносчиком газеты и ее приблизительный тираж и т. п.; интерес законный, конечно, но удовлетворить его может только местный абориген.

При таких условиях осмотр города не может быть утомительным, так как не может не быть интересным. Разумеется, не будет возможности осмотреть в одну неделю все главные музеи, памятники и церкви Рима, как это имелось в виду раньше. Но, по моему глубокому убеждению, лучше выполнить половину маршрута основательно, чем пробежать бегло, без всякого понимания вереницу музеев и церквей, от осмотра которых ничего не остается в памяти. Нужно притом заметить, что скука и утомление узаконили манкирование экскурсантов в нынешнем году; вряд ли треть осмотрела все; в нескольких местах бывало не больше десятка из пятидесяти. Зато отдельные лица старались лишний раз, уже самостоятельно осмотреть то, на чем не могли долго остановиться при беглом и нелепом групповом осмотре.

Я глубоко убежден, что при подобной постановке дела поездка в Италию будет не только «очаровательной», но и бесконечно интересной и полезной, в особенности в том случае, если и экскур-

санты с своей стороны будут заранее, еще в России, хоть немного знакомиться с историей, бытом и искусством страны, в которую идут; в этом отношении Комиссия также могла бы прийти им на помощь, рекомендовав руководства. В том же, что руководителей для Италии найти можно, я не сомневаюсь, и с своей стороны не замедлю, конечно, помочь Комиссии их найти или среди аборигенов Италии, или среди живущих в России, но изучивших жизнь Италии и ее искусство на месте. Сверх того всегда можно найти лиц, которые с удовольствием возьмутся читать экскурсантам в перерыве между осмотрами, обедом, ужином и т. д. небольшие получасовые лекции или вести беседы по разным вопросам социальной жизни Италии (опыт этого с некоторым успехом уже был сделан в Риме).

Труд руководителей должен быть оплачиваем настолько хорошо, чтобы лицо, взявшее на себя этот труд, могло всецело посвятить ему месяца два-три, не стесняя себя личными заботами и заработками и имея возможность серьезно готовиться к каждому дню. 150–200 рублей в месяц, смотря по городу и числу занятых дней в неделе, можно признать достаточным минимумом. На бюджет поездки это не ляжет тяжелым бременем, так как число руководителей (3 или 4) будет меньше числа групп, на передвижение их затрат не потребуются, вознаграждение же кассиров соответственно понизится или даже сведется лишь к бесплатному проезду и продовольствию. Во всяком случае высокая оплата руководительского труда есть такое же неперемное условие, как и безвозмездность труда организатора-представителя Комиссии.

Что касается до состава групп, то чрезвычайно желательно уменьшить число членов группы, хотя это, конечно, вызовет накладной расход (увеличение числа кассиров, удлинение срока занятий руководителей, относительное повышение цен коллективных билетов и т. п.) В крайнем случае число 51 (считая с кассиром) можно считать допустимым. Непременным условием нужно поставить одно: каждая группа должна состоять из лиц равного социального положения (только из народных учителей, только из городских, только из гимназических и т. д.). Лица посторонние

не должны допускаться, за исключением земских врачей, мужчин и женщин, число которых ограничивается одним на каждую группу. Врач в группе безусловно необходим, в особенности женщина — врач. Желательно также установить хотя бы некоторое по-районное деление экскурсантов: южане, сибиряки, московский район и т. п. Наконец, желательным является и пропорциональное уравнение в каждой группе числа мужчин и женщин; равновесия полного достигнуть будет невозможно, так как женщины вообще количественно будут преобладать. В данном случае я руководюсь не одними хозяйственными соображениями (в смысле более легкого размещения в комнатах и приюте и пр.), но также и тем, что это нивелирует культурный уровень групп, так как народные учительницы в общем обладают более высоким образовательным цензом, чем учителя.

Взнос экскурсанта должен быть повышен. В данное время я затрудняюсь определить точно сумму, но думаю, что она повысится с 125 рублей до 175.

Думаю так потому, что:

- 1) бесплатного помещения в Риме более не дадут,
- 2) на бесплатный вход в правительственные музеи особенной надежды питать также не следует,

- 3) питание должно быть значительно повышено, увеличится несколько расход по организации и по оплате руководительского труда. (В данный момент уже получен ответ от русского посольства о готовности последнего оказать группам всякое содействие и предлагается воспользоваться бесплатным помещением при русской Миссии в Риме. — Ред.). Впрочем, на кармане экскурсантов повышение официальной цифры не отразится почти совсем, так как, несомненно, что в нынешнем году большинство приплатило из своего кармана от 25 до 40 и выше рублей на расходы, которые, по справедливости, должны были быть включенными в общую сумму взноса: дополнительное питание, конки, лодки, извозчики, перевозка вещей, посещение некоторых мест маршрута (Капри, Везувий, Тиволи) и пр. А главное, повторю, низкий взнос отразился вредно на здоровье (плохое питание и, как следствие этого, —

усталость, желудочные заболевания и пр.). (Данные анкеты опровергают это мнение. — Ред.)

При повышении взноса до 175 рублей будет возможность значительно улучшить помещение и продовольствие, и все расходы, вызываемые необходимостью отнести на счет общей кассы. Не нужно забывать, что этот последний пункт был основным пунктом недовольства экскурсантов хозяйственной стороной организаций.

Важно также заранее указать экскурсантам, как экипироваться, что с собой брать, где какие делать покупки. Следует хоть немного европеизировать наших путешественников, запасующихся на дорогу чуть не подушками и самоварами, и не имеющих дешевой и удобной для путешествия одежды и портативных саквояжей. Строго говоря, наши экскурсанты были не «караваном форестьеров» по итальянскому выражению, а кочующей ордой, которой не доставало только кочевых палаток и грудных детей. Это во многих отношениях крайне неудобно.

Мне кажется, что главные пункты я изложил. Остается сказать еще очень много, но я в детали входить не могу и пока не вижу надобности. Если Комиссия на основании опыта минувшего лета задумает пересмотреть всю программу и переорганизовать все дело, она может быть уверена, что как я, так и мои итальянские товарищи в разных городах с величайшим удовольствием придем ей на помощь указаниями, как со стороны хозяйственной (и это главным образом), так и со стороны, так сказать, культурной, т. е. со стороны выработки подробной и систематизированной программы ознакомления с жизнью и искусством Италии, страны, которую я считаю во многих отношениях исключительно интересной и богатой образовательным материалом. Один из товарищей, оказавший нам большую помощь в Неаполе и на Капри (Эммануил Дмитриевич Воронец) уже обещал мне послать Комиссии свои соображения о реорганизации дела.

В заключение мне приятно высказать, что, по моему мнению, такого огромного и интересного культурного дела еще никогда не начиналось в России. Тем более это обязывает всех нас, жела-

ющих быть его участниками, способствовать тому, чтобы результаты дела были также огромны. Про опыт минувшего лета этого сказать еще, к сожалению, нельзя, но... это лишь первый опыт, который должен учить мудрости».

В Риме фотографировал экскурсанта М. Я. Лещинский, несколько его фоторабот я обнаружил в архиве и немного собрал информации об авторе.

ЛЕЩИНСКИЙ МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ родился 20 августа 1867 г. в г. Грайворон Курской губернии в бедной семье отставного солдата, служившего во время царствования императора Николая I. Из-за крайней бедности был вынужден с детских лет работать, чтобы помочь семье. В 1882 г. он поступил в одну из фотографий на станции Лозовая Павлоградского уезда Екатеринославской губернии в качестве ученика. Очень быстро усвоил технические премудрости фотографического дела того времени, он полностью отдался художественной стороне фотографии, изучая произведения, как русских, так и зарубежных художников-живописцев.

В 1897 г. М. Я. Лещинский открыл в Харькове собственную фотографию «Русская Светопись» — это было первое в Российской Империи фотографическое ателье для съемки при электрическом освещении. И даже в 1902 г. харьковская пресса отмечала единственный вечерний электрический павильон у Лещинского на Екатеринославской улице в доме 24. М. Я. Лещинский был призером множества фотографических выставок и конкурсов: удостоен золотой медали в Лондоне и Риме. После революции фотограф продолжал работать в Харькове. 5 октября 1927 г. фотограф Михаил Яковлевич Лещинский скончался в Харькове.

ИЛЬИН МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ был человеком незаурядным. И я очень рад, что благодаря материалам об экскурсиях русских учителей за границу, я открыл для себя этого человека. В ближайшее время обязательно познакомлюсь с его огромным литературным наследием. Когда-то в молодые годы я посмотрел в театре им. Евгения Вахтангова блистательную пьесу «Турандот». Тогда я даже и не подозревал, что эту пьесу Карло Гоцци русским зрителям подарил Михаил Андреевич Ильин — он по просьбе Евгения Багратионовича Вахтангова перевел эту пьесу с итальянского языка. Вот такие парадоксы истории.

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ ОСОРГИН, настоящая фамилия ИЛБИН — русский писатель, журналист, эссеист, один из деятельных и активных масонов русской эмиграции, один из руководителей нескольких русских масонских лож во Франции.

Михаил Андреевич родился 7 (19) октября 1878 года в Перми — в семье потомственных столбовых дворян.

Во время учёбы в гимназии поместил в «Пермских губернских ведомостях» некролог своему классному надзирателю, а в «Журнале для всех» опубликовал рассказ «Отец» под псевдонимом Пермяк (1896). С тех пор считал себя писателем. После успешного окончания гимназии (1897) поступил на юридический факультет Московского университета. В студенческие годы продолжал печататься в уральских газетах и исполнял обязанности постоянного сотрудника «Пермских губернских ведомостей». Участвовал в студенческих волнениях и на год был выслан из Москвы в Пермь.

Критически относясь к самодержавию, столбовой дворянин по происхождению, интеллигент по роду занятий, фрондер и анархист по складу характера, Осоргин вступил в 1904 году в партию эсеров. Его привлекли их интерес к крестьянству и земле, народнические традиции — на насилие отвечать насилием, на подавление свободы — террором, не исключая индивидуальный. Кроме того, социалисты-революционеры ценили личное бескорыстие, высокие нравственные принципы и осуждали карьеризм. На его квартире проходили заседания московского комитета партии, скрывались террористы.

В декабре 1905 г. Осоргин, принятый за опасного «баррикадиста», был арестован и полгода просидел в Таганской тюрьме, затем отпущен под залог. Он сразу уехал в Финляндию, а оттуда — через Данию, Германию, Швейцарию — в Италию и поселился близ Генуи, на вилле «Мария», где образовалась эмигрантская коммуна. Первое изгнание продолжалось 10 лет. Писательским итогом стала книга «Очерки современной Италии» (1913). К этому же времени относится сотрудничество Осоргина с редакцией Энциклопедии Граната, которая указывала его в списке авторов перед началом каждого тома без инициала отчества (Осоргин М.) и с уточнением в скобках: «Рим».

Особое внимание писателя привлекал футуризм. Он с пониманием отнёсся к ранним, решительно настроенным футуристам. Работа Осоргина в итальянском футуризме имела в России значительный резонанс. Ему доверяли как блестящему знатоку Италии, к его суждениям прислушивались.

Из Италии он дважды выезжал на Балканы и путешествовал по Болгарии, Черногории и Сербии. В 1911 Осоргин в газете объявил о своём отходе от партии эсеров, а в 1914 стал масоном. Он утверждал верховенство высших этических принципов над партийными интересами, признавая лишь кровную связь всего живого, даже преувеличивая значение биологического фактора в жизни человека. В отношениях с людьми выше всего ставил не совпадение идейных убеждений, а человеческую близость, основанную на благородстве, независимости и бескорыстии. Современники, хорошо знавшие Осоргина, подчёркивали эти его качества, не забывая упомянуть о мягкой, тонкой душе, об артистичности и изяществе облика.

С началом 1-й мировой войны Осоргин сильно затосковал по России. Хотя связей с Родиной он не прекращал (был заграничным корреспондентом «Русских ведомостей», публиковался в журналах, например в «Вестнике Европы»), но осуществлять их было труднее. Полулегально возвращается в Россию в июле 1916 года, проехав через Францию, Англию, Норвегию и Швецию. С августа 1916 жил в Москве. Один из организаторов Всероссийского союза журналистов и его председатель (с 1917) и товарищ председателя Московского отделения Союза писателей. Сотрудник «Русских ведомостей».

После Февральской революции входил в комиссию по разработке архивов и политических дел в Москве, работавшую с архивом московского охранного отделения. Осоргин принял Февральскую революцию 1917. Он стал широко печататься в журнале «Голос минувшего», в газетах «Народный социалист», «Луч правды», «Родина», «Власть народа» вёл текущую хронику и редактировал приложение «Понеделник».

Тогда же подготовил к изданию сборники рассказов и очерков «Призраки» (1917) и «Сказки и несказки» (1918). Участвуя в разборе документов московской охранки, он опубликовал брошюру «Охранное отделение и его секреты» (1917).

После Октябрьской революции выступал против политики большевиков. В 1919 году был арестован, освобождён по ходатайству Союза писателей и Ю. К. Балтрушайтиса.

В 1921 году работал в Комиссии помощи голодающим при ВЦИК (Всероссийский комитет помощи голодающим «Помгол»), был редактором издаваемого ею бюллетеня «Помощь». В августе 1921 года был арестован вместе с некоторыми членами комиссии, но благодаря вмешательству Фрительфа Нансена их освободили. Ильина выслали в Казань. Зимой 1921–1922 провёл в Казани, редактируя «Литературную газету», затем вернулся в Москву. Продолжал публиковать сказки для детей и рассказы. По просьбе Е. Б. Вахтангова перевёл с итальянского языка пьесу Карло Гоцци «Турандот» (изд. 1923); опубликовал переводы пьес К. Гольдони.

Вместе со своим давним другом Н. Бердяевым открыл знаменитую книжную лавку в Москве, которая стала своеобразным приютом интеллигенции в годы послевоенной разрухи.

Осенью 1922 года он с группой оппозиционно настроенных представителей отечественной интеллигенции (таких как Н. Бердяев и другие) был на так называемом Философском пароходе выслан из СССР. Троцкий в интервью иностранному корреспонденту выразился так: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно».

Эмигрантская жизнь Осоргина началась в Берлине, где он провёл год. С 1923 года окончательно поселился в Париже. Публиковал свои работы в газетах «Дни», «Последние новости». Жизнь Осоргина в эмиграции была трудной: он стал противником всех и всяческих политических доктрин, превыше всего ценил свободу, а эмиграция была очень политизирована.

Осенью 1926 года женился на Татьяне Бакуниной.

Писатель Осоргин стал известен ещё в России, но слава пришла к нему в эмиграции, где были опубликованы его лучшие книги. «Сивцев Вражек» (1928), «Повесть о сестре» (1931), «Свидетель истории» (1932), «Книга о концах» (1935), «Вольный каменщик» (1937), «Повесть о некоей девице» (1938), сборники рассказов «Там, где был счастлив» (1928), «Чудо на озере» (1931), «Происшествия Зелёного мира» (1938), воспоминания «Времена» (1955).

Сохранял советское гражданство до 1937, после чего жил без паспорта, французского гражданства не получил.

С начала Второй мировой войны жизнь Осоргина круто изменилась. В июне 1940, после наступления немцев и оккупации части французской территории, Осоргин с женой бежали из Парижа. Они поселились в Шабри, на том берегу реки Шер, который не был занят немцами. Там Осоргин написал книгу «В тихом местечке Франции» (1940) и «Письма о незначительном» (опубликовано в 1952). В них проявился его талант прозорливого наблюдателя и публициста. Осудив войну, писатель размышлял о гибели культуры, предупреждал об опасности возвращения человечества в средневековье, скорбел о непоправимом ущербе, который может быть нанесен духовным ценностям. Вместе с тем он твёрдо стоял за право человека на свободу личности. В «Письмах о незначительном» писатель провидел новую катастрофу: «Когда война закончится, — писал Осоргин, — весь мир будет готовиться к новой войне». В 1928 году Осоргин создал свой самый знаменитый роман-хронику «Сивцев Вражек». В центре произведения — история старого отставного профессора орнитологии Ивана Александровича и его внучки Татьяны, превращающейся из маленькой девочки в девушку-невесту. Хроникальный характер повествования проявляется в том, что события не выстроены в одну сюжетную линию, а просто следуют друг за другом. Центр художественной структуры романа — дом на старой московской улице. Дом профессора-орнитолога — это микрокосм, подобный в своем строении макрокосму — Вселенной и Солнечной системе. В нём тоже горит своё маленькое солнце — настольная лампа в кабинете старика. В романе писатель стремился показать относительность великого и ничтожного в бытии. Бытие мира в конечном счете определяется для Осоргина таинственной, безличной и неморальной игрой космологических и биологических сил. Для земли движущая, живительная сила — это Солнце.

Все творчество Осоргина пронизывали две задушевные мысли: страстная любовь к природе, пристальное внимание ко всему живущему на земле и привязанность к миру обыкновенных, незаметных вещей. Первая мысль легла в основу очерков, печатавшихся в «Последних новостях» за подписью «Обыватель» и составивших книгу «Происшествия

зелёного мира» (София, 1938). Очеркам присущ глубокий драматизм: на чужой земле автор превращался из «любовника природы» в «огородного чудака», протест против технотронной цивилизации соединялся с бессильным протестом против изгнанничества. Воплощением второй мысли явилось библиофильство и коллекционирование. Осоргин собрал богатейшую коллекцию русских изданий, с которыми знакомил читателя в цикле «Записки старого книгоеда» (октябрь 1928 — январь 1934), в серии «старинных» (исторических) рассказов, вызывавших нередко нападки из монархического лагеря за непочтение к императорской фамилии и особенно к церкви.

В своих двадцати книгах (из них пять романов) Осоргин сочетает нравственно-философские устремления с умением вести повествование, следуя традиции И. Гончарова, И. Тургенева и Л. Толстого. Это сочетается с любовью к некоторому экспериментированию в области повествовательной техники: так, в романе «Сивцев Вражек» он выстраивает череду отдельных глав об очень разных людях, а также о животных. Осоргин — автор нескольких автобиографических книг, которые располагают к себе скромностью автора и его жизненной позицией порядочного человека.

С 1925 по 1940 год активно участвовал в деятельности нескольких масонских лож, работающих под эгидой Великого востока Франции. Был одним из основателей и входил в состав лож «Северная звезда» и «Свободная Россия». Михаил Андреевич — основатель ложи «Северные братья», был её досточтимым мастером со дня основания по 11 апреля 1938 года. Был весьма уважаемым и достойным братом, внесшим большой вклад в развитие русского масонства во Франции.

Весьма характерным примером глубокого знания масонства служит произведение Осоргина «Вольный каменщик», в котором Михаил Андреевич обозначил основные направления в работе масонства и масонов. Юмор, присущий автору, пронизывает это произведение от первой до последней страницы.

Скончался писатель 27 ноября 1942 года и был похоронен в городе Шабри.

ОТРЫВКИ МЫСЛЕЙ И НАБЛЮДЕНИЙ

Автор М. Ильин (Осоргин)

«За четыре года существования экскурсий я перевидал в Италии до 2 тысяч экскурсантов, и порою мне кажется, что здесь перебивала вся Россия. И, правда, хотя главную массу участников поездок составляют учителя, но нет недостатка в лицах посторонних педагогическому миру. У меня нет под рукой статистических данных, но помню, значительное число студентов, курсисток, художников, врачей, фельдшеров, священников, офицеров, чиновников всех ведомств, мелких помещиков, девиц и дам всех сословий, от титулованных до непомнящих родства. Были старики, кое-как поспевавшие за быстроногими руководителями в прогулках по городу, были супружеские пары, хлопотавшие об отдельной комнате, но делившиеся при голосовании маленьких хозяйственных вопросов, были молодые люди, не знакомые между собою до экскурсии и отправлявшиеся под венец по возвращении в Россию, были почти дети, прошлое которых исчерпывалось воспоминаниями о гимназических учителях и ученических тетрадках. В прежние годы ядро групп составляли москвичи; в последний год преобладала провинция, притом отдаленная. В одной и той же группе сталкивались петербуржцы, пермяки, тифлисцы, туркестанцы, иркутяне и обитатели Дальнего Востока. К ядру великороссов примыкали малороссы, поляки, литовцы, немцы, евреи, армяне, грузины, татары; помню даже одного чистокровного, очень симпатичного японца. Меньше всего было различий в экономическом положении, но все же к общей массе необеспеченных, трудовых интеллигентов присоединялись и люди со средствами, порой с крупными средствами. У громадного большинства последних хватало такта не выделяться из массы трудовой бедноты и приберегать свои достатки для самостоятельных путешествий; были, впрочем, и печальные исключения.

Таким образом, в экскурсиях была ярко и полно представлена если не вся Россия, то вся русская трудовая интеллигенция, особенно — Россия учащая и учащаяся. Видеть эту Россию в новой обстановке, в обстановке чудной природы и полной гражданской

свободы, это, господа, большое счастье, и это счастье выпало и на мою долю. Я видел русских экскурсантов во всех пунктах их итальянского маршрута, на севере, на юге, в пути, на отдыхах на фоне развалин, в музеях, на морских купаньях, на пароходе, в лодках, в поезде, за обедом, на прогулках; видел их усталыми и бодрыми, недовольными и восторженными, скучающими и увлеченными, здоровыми и больными, слышал их споры об искусстве и их ссоры из-за ничтожных поводов, был свидетелем их немого восхищения перед величием искусства и их слез при разлуке с городом и людьми, за неделю до того им совершенно чуждыми. На моих глазах росло дело экскурсий, начатое при избытке всяких недоразумений и недочетов, пережившее несколько кризисов, но сумевшее устоять на ногах и достигнуть той прочности и солидности, которых уже никто за ним не может отрицать теперь. Среди экскурсантов, пробывших за границей неделю, я никогда не видел более ни узких партийных староверов, ни молодых «огарков», которыми нас так пугали. Удаленные из ненормальных условий русской жизни, они делались просто здоровыми, пусть немного усталыми людьми, прямодушными, доверчивыми и откровенными. Происшедшую в них перемену они чувствовали сами, и, может быть, именно новизна этого ощущения здоровья и духовного равновесия была главным, что делало очаровательной их первую заграничную поездку.

Впрочем, делаясь тем, что я видел и что я понял, я совсем не стремлюсь к обобщениям и не претендую на беспорочность выводов. Материал, с которым мне приходится оперировать, все же недостаточно велик, и если он ценен, то ценен лишь обстановкой, при которой велись наблюдения. Поэтому в дальнейшем я ограничусь лишь обрисовкой единичных сценок, которых был свидетелем, и единичных и массовых характеров, с которыми сталкивался за четыре года экскурсий, больше всего заботясь именно о фоне этих случайных набросков, а не о тщательности выполнения деталей. Все это я делаю в скромной надежде, что кому-нибудь эти наблюдения могут пригодиться, как лишний штрих к общей картине быта русской интеллигенции.

С местным «представителем» и его помощницей мы едем на вокзал встречать новую группу.

Все трое мы запаслись возможными зарядами хладнокровия и добродушия. Встреча группы — трудная миссия! Да и вообще нелегко даются первые шаги общения с вновь приезжей полусотней незнакомых людей. На перроне уже готовы носильщики и каретки для вещей, у выхода вокзала стоит специальная фура, куда будут нагружаться пожитки.

Несмотря на давнюю привычку (мы — старые работники встретили уже не один десяток групп!), все же чувствуется какое-то нервное возбуждение, которое мы стараемся рассеять шутками. Вот подходит поезд, и вот вагон с нашими экскурсантами. Не узнать его сразу невозможно. В окна высовываются головы в таких типичных шляпах и столько пенсне блестит сразу на носах, что спутать трудно. А через минуту, по беспорядочному гулу голосов, уже не только мы, но и весь вокзал знает, что приехала новая группа русских.

— Господа, не расходитесь в стороны! Ваши вещи возьмут носильщики и доставят прямо в отель.

Гул голосов перебивает:

— А далеко до отеля? Скажите, можно будет здесь взять ванну? Вы — руководитель? Нельзя ли нам комнату для двоих? Мы пойдем или поедем? Маленькие вещи тоже отдать? В каком часу будет обед? Билеты нужно предъявлять? Почему же мы не идем? А что, это солдат, вот который с перьями? Господа, не забудьте чайники! Чайники, чайники забыли!

Вы должны спокойно отвечать всем, улыбаться на все стороны, сдерживать нетерпеливых, поторапливать отсталых, смотреть, чтобы кареткой не отдало кому-нибудь ногу. Затем вся масса, толпясь и обгоняя друг друга, идет к выходу; контролер, получающий на чай, распахивает выход пошире, не тратя времени на просмотр билетов. Билеты у нас специальные, особо печатанные по распоряжению дирекции железных дорог.

Первый сбор — в «салоне» дешевого отеля или в столовой; здесь происходит распределение комнат, здесь решается вопрос

о том, ждать ли вещей, которые всегда немного запаздывают, или сразу обедать, не умываясь.

— Ждать, ждать! У меня мыло осталось в чемодане!

— Не ждать, мы хотим есть!

Вопрос голосуется поднятием рук. Тем временем подъехали вещи. Публика расходится. Через четверть часа все собираются в столовой, умывшись, немного посветлев, превратившись из одноцветной массы в собрание личностей. Первый обед — пробный камень отношений. Если экскурсанты останутся довольны столом, можно сразу рассчитывать на их доверие и откровенность. Но недоварись случайно макароны, и все пошло прахом! Придется дня два шаг за шагом добиваться их расположения.

Затем начинается знакомство.

— Простите, вы — руководитель?

— Нет, но все равно, может быть, я вам помогу.

— Нельзя ли мне переменить комнату? Я бы желал окнами на улицу, а то у меня окно упирается в стену.

— Ну, знаете, ведь это пустяк! Все равно дома сидеть не приходится! Комнаты уже все заняты, переменить трудно.

— Скажите, где мне разменять деньги?

— Сейчас будет объявлено всем; адрес банка вывешен вон там.

— Что мы сегодня осматриваем?

— Сейчас объявим, подождите минутку.

— Вы нам укажете баню?

— Адрес вывешен. Вас проводит мальчик.

— Как насчет прачки?

— Завтра утром она придет в отель и возьмет белье у всех.

За последними блюдами представитель произносит свою первую речь. Деньги менять там, баня тут, прачка завтра, программа осмотра такая, чай в восемь, ужин тогда-то, вино можно заменять молоком, денежный перевод из России идет столько-то дней и т. д. В заключение к всеобщей радости производится раздача писем. На минуту шум стихает, сменившись шелестом мелко исписанных страниц.

Я сижу несколько в стороне и вглядываюсь в лица новых знакомцев. О половине уже по внешнему виду я могу сказать, кто они, столичные или провинциалы, учителя, студенты или «посторонние лица». Но какая масса лиц повторяющихся! Вот эту девицу в пенсне, в шляпе формы сырного круга, в нелепой кофточке с поясом, я вижу уже в двадцатый раз по меньшей мере! И того, с жесткими белыми усами, в русской рубашке навыпуск! И ту жеманную барышню, получившую сразу десяток писем. Все это — типы. И типичная эта группочка молодежи, занявшая за столом особый уголок, спевшаяся, имеющая свои интересы, спросившая себе особый арбуз не в счет общего довольствия и обменивающаяся догадками насчет еще незнакомых ей руководителей. Типична пожилая учительница, сидящая без компании, с ридикюлем на коленях, с недоверчивым и немного усталым лицом.

Недоверчивость — одно из характернейших качеств русского человека, но недоверчивость лишь в первый момент. Подойдите умело к человеку, смотрящему на вас исподлобья, заведите с ним спокойный разговор, как со старым приятелем, — и он через минуту начинает с вами откровенничать. Не нужно только бояться первого недружелюбного взгляда.

Я подхожу к пожилой учительнице.

— Ну как, устали за дорогу?

— Нет, не очень. Переезд небольшой, всего шесть часов.

— Верно, в России Вы к длинным переездам привыкли. Вы из дальней губернии?

— Из Сибири; но по России мало ездила. Вот за границей второе лето; в минувшем году была в Лондоне.

— С экскурсией?

— Да, с экскурсией.

— Понравилось!

— Значит, понравилось, если опять поехала. Буду жива — и на будущий год поеду; хотелось бы в Норвегии побывать. Да уж стоит раз попробовать — так и будешь ездить. Я просидела на месте больше двадцати лет, я учительница гимназии. В прошлом году одна молодая учительница всех нас перебаламутила: поедем да по-

едем! Ну, трое поехали. В нынешнем году одна осталась, она — семейная, ей трудно; ну, а мы опять отправились в путь. Зимой копим деньги — летом гуляем.

— А много дают вам поездки в смысле дальнейших занятий с ученицами?

— Ну, это трудно сказать! Дают, конечно. Ученицы расспрашивают, мы рассказываем. Но главное не это: главное, конечно, для себя.

Нас уже окружили кольцом. Разговор делается общим.

— Вы, заграничные, не знаете, — говорит экскурсант, также почтенного возраста, — как у нас в России жизнь замерла. Теперь всякий, кто может, стремится уехать хоть на лето. По России рыскают, за границу ездят. И тут уж не в пополнении образования дело, а самому бы спастись.

— А экскурсии спасают?

— Конечно, спасают! Совсем другим человеком становишься. Конечно, пока в голове сумбур, ну, а потом, зимой, разберемся. Не будь экскурсий — нам бы так и не выбраться. Закисло бы окончательно. А теперь зимой живешь мечтами о лете.

— Вы тоже не первый год?

— Я? Третий год езжу, вместе с женой.

— Бездетны?

— Двое! Детей мы, как кукушки, бабушке на лето подбрасываем. А вырастут — вместе с нами будут ездить.

Кругом все смеются над дальними планами супругов.

— А что, господа, сельских учителей у вас много?

— Человек десять, — отвечает молоденькая девушка, одетая совсем по-провинциальному.

— Вы тоже сельская учительница?

— Да, уже три года служу. Вот первый раз поехала.

— Довольны?

— Еще бы, Господи! Я теперь не знаю, как я вернусь в деревню; там на меня будут смотреть, как на чудо морское! А как ребяташки меня затреплют, Господи!

— Любите школу?

— Очень. Я очень детей люблю. И дети меня любят. Я еще в пятом классе решила пойти в сельские учительницы; и не каюсь. Нелегко, конечно, но вот если летом кататься за границу — тогда и мечтать больше не о чем. Только каждый год нельзя, я теперь поеду через два года.

И лицо у нее опечалилось...

— Дорого?

— Конечно, дорого! Я два года копила, и то не хватило немного, заняла. Теперь буду выплачивать. Я двадцать рублей заняла! Зато я накупила открыток, разных видов, и все в школе буду показывать. Ребята ужасно картинки любят. Я и цветных купила. Ну, и самой вспомнить приятно...

Смотрю я на собеседницу и думаю: «А ведь и сама-то ты ребенок совсем! Верно, только что совершеннолетие праздновала, а уж отслужила родине три года! Да, эта не из «огарков!»»

Распрашивают про Италию. Экскурсантов знакомят в Италии, главным образом, с искусством; быть может, потому они особенно охотно слушают рассказы об итальянской современности. Слушают часами, не давая отдохнуть, засыпая вопросами самыми разнообразными.

— Знаете, — говорили они мне, — сейчас в России мы меньше слышим о подлинной жизни. Кормят нас философией, отвлеченностями, мистикой, поэзией, чем хотите. А о настоящей жизни ни слова, даже считается неприличным и говорить о ней. Соберется иногда кружок, завяжется общий разговор; вы думаете о чем? О двойственной любви, о северных писателях, о самоубийствах, о театре. Попробуешь заикнуться о каких-нибудь вопросах экономических или социальных — сейчас все кричат: ну вас! убирайтесь с вашей политикой? Надоело!

— Что же, пожалуй, и, правда, надоело, — пытаюсь возразить я. — О том в свое время слишком много переговорили.

— Так это когда было! С тех пор вся жизнь перевернулась. И уж если что и впрямь надоело, так именно вся эта мистика и отвлеченные беседы! Сначала интересно было и ново, а теперь только по старой привычке язык болтает. И какая тоска теперь во всех этих

кружках и собраниях! Сейчас все сердечные люди как-то сторонятся общества, уединяются, работают сами за себя. А то вот стремятся уехать подальше, повидать что-нибудь новое, новых людей посмотреть, новые страны. Дома сидеть прямо невозможно!

Странно мне слышать это. Я думал, что русская молодежь создала себе удобное миропонимание и успокоилась на нем. Думал, что шатанья последних лет привели к устойчивости, хотя бы отрицательной, с нашей старой точки зрения.

— Какая там устойчивость! — наперерыв возражает мне кучка молодых. — Старые боги умерли, а новых нет.

— А без богов невозможно!

— Конечно, невозможно! Пробовали — ничего не вышло. В конце концов, понемногу к старым возвращаемся.

— Ну, уж это, пожалуй, грустно! — смеюсь я. — Все же опыт жизни что-нибудь да должен был дать и положительное.

— Дал, конечно, но мало. Прежде всего убедил, что от прошлого так решительно открешиваться нельзя. Кое-что пожалеть в нем нужно.

Я стараюсь вернуть разговор на настоящую дорогу. Все же речь у нас должна идти не об «отвлеченностях», а о заграничной поездке.

— А скажите все-таки, что же вам дала заграница до сих пор?

— Я вам скажу, — выступает добродушный и симпатичный учитель, лет под сорок, родом — сибиряк. — Я вам про себя скажу. Учительствую пятнадцать лет, все на одном месте сижу. Самое дальнее, что выезжал, — это за город, на рыбную ловлю. Зимой либо тетрадки поправляем, либо в карты играем. Счастье мое — не пью, редкий случай; т. е. пить — пью, а не напиваюсь, не люблю. И пришел я к заключению, что так жизнь и будет, так и быть должно; веселого мало. И вот нынешней весной прочитал объявление, и пришла мне в голову мысль: а ну-ка дерну я из Сибири да в Италию! Знакомым рассказываю, они смеются, говорят: не поедешь, куда тебе! А я говорю: поеду! Взял и поехал! Как случилось это — и сам не знаю. Ну, поехал, а вот теперь скоро и домой надо. И скажу вам вот что: уехал я, как был, Иван Петрович. А вот воз-

вращаюсь — нет, врешь! Совсем другой! Тоже Иван Петрович, да не тот!

Молодежь смеется над забавным Иваном Петровичем: его любят в группе.

— Что же случилось с вами, — любопытноствую я.

— Случилось многое. Вот я учил ребят, говорил им про разные страны, а сам про себя думал: все — вранье! Никаких таких стран нет. И есть они, и нет их; есть, да не для нас. Еще думал, что и людей никаких нет, что мир клином сошелся. А теперь вот, пожалуйте! И мир есть и люди есть! Да какой мир-то! Мы один кусочек его видели только, а и в нем нужно пять лет разбираться! Красота какая! А эти картины, и статуи, и развалины! Я «Ниву» выписываю и думал, что лучше, чем в «Ниве», и картин нет. Вы что смеетесь? Думаете, я один такой? Если мы что видели — так и то забыли, учительство из нас все выкурило. И главное, не будь этих поездок — никогда бы я не собрался за границу!

— Это верно, — замечают другие, — без экскурсий многим из нас не видать бы за границы. И не потому только, что так ездить дешевле; денег-то скопить еще можно. А как-то страшно было: ну, как поедешь, не зная языка, не понимая точно, куда и зачем едешь. Ну, вот приехали бы в Рим. Куда идти? Что смотреть? Пришли бы в музей — и ничего не поняли...

Неподвижен русский человек! Иностранец, накопив немного денег, укладывает удобный чемоданчик, надевает дорожное платье и едет смотреть мир, вполне полагаясь на печатный путеводитель. Русский думает три года, прежде чем выберет самый неудобный сезон, приобретет самый громоздкий чемодан, сядет в самый неподходящий поезд, надев светлый костюм, чистоты которого хватит на один большой перегон. Затем он остановится в городе, который его меньше других интересовал, устроится здесь самым непрактичным образом, истратит все деньги, выпишет на обратный путь и вернется неудовлетворенный. Англичанин и немец пока составляют свой маршрут и уже не отступают от него; русский сочиняет свой маршрут по дороге и никогда его не выполняет. Если за границей он не встретит бывалого сородича, который ткнет его во все носом, —

он не будет знать, куда деть время. Если же он едет за границу вторично, то непременно посетит те же места, посмотрит те же музеи, ни больше, ни меньше, так как этот путь ему уже знаком, а пускаться в новое, неверное плавание у него нет ни решимости, ни охоты. Отчего это происходит? Оттого, что иностранец покидает родину, чтобы посмотреть чужие страны, а русский едет в чужие страны, чтобы хоть на время покинуть родину. Один знает, куда едет, другой знает лишь, откуда бежит и куда все равно должен будет вернуться. Поэтому иностранец, осмотрев город, мечтает осмотреть еще другой; русский же, прожив неделю на одном месте, мечтает о том, чтобы тут и остаться, по возможности дольше не возвращаясь домой.

Говорят, что в последние годы русских обуяла страсть к путешествиям. Я видал не одну сотню таких русских путешественников в разных странах и убедился, что до сих пор эта страсть к путешествиям есть не более, как попытка убежать от самого себя, попытка, конечно, безнадежная. Но и если вырабатывается у нас тип путешественников, то только благодаря толчку, данному экскурсиями. И выдающуюся роль в этом направлении сыграла организация Учебного Отдела.

Два года назад, на одном из северных итальянских озер я застал группу экскурсантов на отдыхе. В последний год длительные отдыхи были отменены, и это очень жаль; по-моему, не было достаточных мотивов для такого поспешного решения. Один год был удачен, другой менее, но это не значит, что опыт не оправдывает надежд.

Меня занесло на озеро счастливым ветром. Только что перед этим я начитался всяких ужасов про нынешнюю русскую молодежь, про ее безыдейность, про ее склонность к жизнепрожиганию с самых юных лет, про нечуткость ее к простому слову и ее жажду нервных выкриков. На этом эффектном толковании души современной молодежи сделало себе карьеру не мало публицистов. Но правда это или неправда — откуда было знать мне, отделенному от России несколькими границами?

И вот на озере я застал как раз совсем молодую по составу группу. За неделю моего пребывания там, мы дважды справляли

совершеннолетия; вообще же добрая половина экскурсантов едва перевалила за 21 год. С такими группами легко и приятно сближаться и, изучая их, невольно черпаешь из них запас жизненных сил и для самого себя. Неделю, проведенную мной на озере, я считаю одной из лучших недель в своей жизни. И это оттого, что напугавшие меня публицисты оказались неправыми и близорукими.

Может быть, искры былого огня и были покрыты пеплом перегорания в изменившихся условиях русской жизни. Может быть, чистый пруд и начал затягиваться ряской. Знаю только, что природа Италии, красота окруженного высокими горами озера, приветливость местного населения и невольное влияние прекрасного, редчайшей души человека, который был отцом и покровителем этой группы молодежи, — вскрыло из-под пепла прежнее живое пламя и осветило души новой красотой.

Отель стоял на самом краю озера. К мосткам, примыкавшим к саду, была привязана лодка; невдалеке купальня. В просторном зале отеля по вечерам, под аккомпанемент пианино, пел один из наших друзей, студент, юноша души светлейшей и красивой, как светел и красив был его голос. Случилось, что я приехал как раз в тот момент, когда свершалось это превращение людей уставших, хоть и молодых, в простых и искренних детей природы. Была группа лиц, живших каждый своей жизнью, замкнувшихся в себе. Были барышни и молодые люди, были студенты спортсменского вида, были старушки, с упреком глядевшие на молодежь, был легкий флирт и гримасы при сердечных мыслях. Но озеро было слишком красиво, горы его слишком величавы, а русская жизнь, тревожная и беспорядочная, потонула в озере и скрылась за горами. Здесь не было книг, и едва читались газеты. И вот внезапно подул откуда-то свежий ветерок. Душам нужно было раскрыться с наивной и простой приветливостью, а они еще не смели, они еще боялись; они считали это сентиментальным и стыдным. Были мотивы и для любви, и для дружбы, и для молитвы, но ни один певец не решался развернуть эти старые ноты, отвергнутые новой российской идеологией. Кто-нибудь должен был начать, показать пример.

Случилось это так. Была в группе молодая девушка, учительница, очень милая, славная, но какая-то запуганная. И правда — ее запугала жизнь, сделав ее недоверчивой в том возрасте, когда обычно нужно верить всем. У нее были глаза испуганной газели, и ее в шутку звали «Малюткой». И вот кем-то был пущен девиз: «Ласкайте малютку!» Бедную девушку, знавшую в жизни мало ласки и много непонятого ей горя, начали ласкать и забавлять. Сначала это сделалось каким-то спортом, потом поняли, что это серьезно и необходимо не только для нее, но и для всех. И она сначала пугалась, но потом поверила, что это делается искренно, ради нее, что ею любят и ее любят. И вот на наших глазах она стала превращаться из испуганной девушки в жизнерадостную и приветливую. С тою же открытой душой и с тою же лаской, какую дарили ей — она пошла к другим. Она так ясно сознавала свое превращенье, что не могла о нем молчать, и так искренно радовалась жизни, что заражала других. Это было сигналом. Исчезли чопорные барышни, улетучились спортсмены. Словно что-то пронеслось в воздухе. Всем стало просто, весело, тепло, все перестали стыдиться и старых чувств, и старых слов.

Мой рассказ может показаться сказкой и вымыслом. Но это было действительно так, я воочию видел это чудо превращения и испытал на себе разлитые в изобилии радушие и сердечность. Я прожил на озере неделю и, вынужденный расстаться с новыми друзьями, чувствовал, что покидаю самую дорогую семью, с которой связан кровными узами. И этой недели я никогда уже не забуду. Не забуду, с каким доверием один из членов молодой колонии говорил мне о глубоком перевороте, совершившемся в нем. Он из богатой и буржуазной семьи, красив, здоров и молод. Гордостью его было его тело, сильное, дрессированное, пропорционально развитое; телом своим он неизменно красовался пред нами в купальне, и мы действительно искренне им любовались. Спорт, флирт и презренье к «политике» — такова была его религия. Но он был слишком молод и здоров душою, чтобы под влиянием свежего ветра, не почувствовать скудость такого миропонимания. И когда мы расставались, он, избрав меня, как лицо постороннее, поверен-

ным своих новых чувств, застенчиво говорил мне о том новом, что вошло в него, что он начал понимать только здесь. Что понял он? Должно быть, то, что есть на свете что-то выше интересов флирта и спорта, что есть красота, выше красоты Апоксиомена, что есть чувства и ощущения, которых не выразишь ни словом, ни изысканным жестом, что есть душа коллективная, пред которой должно склониться его самообожанье.

И он был не один. И из устных признаний, и из писем, которыми мы обменивались после, я узнал, что для многих эта поездка и жизнь на озере были рубиконом в жизни. Та жизненная пустота, которая прежде лишь механически заполнялась внешними впечатлениями, сделалась теперь просторным хранилищем образов глубоких и душ заветных.

Я не мог не остановиться долго на этом дорогом мне воспоминании. Я считаю, что один этот пример влияния экскурсий, пусть исключительно счастливый, уже оправдывает все труды, вложенные в дело, и все неприятности, пережитые его организаторами. Но разве этот случай — чистое исключение? Далеко нет! В иной, менее счастливой обстановке, во время моих постоянных, нарочных и случайных, объездов Италии, я встречал не единицы и не десятки таких «превращенных». И на их лицах я видел ту же радость обновления. Придет время, жизнь докажет им, и сами они сумеют доказать, что их первый выезд в «большой свет» был не напрасным и принес плод сторицей».

ОТ ВЕНЫ ДО ВЕНЕЦИИ ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ

Чембулов Федор Захарьевич

Небольшой рассказ, который я вам предлагаю, написан ярким литературным языком. По стилю рассказа понятно, что человек, это написавший, личность неординарная. Мне захотелось узнать, каким он был, этот Ф. Чембулов, чем он занимался, к чему стремился. Мне это было важно и интересно, поэтому я и отправился в Российский Государственный исторический архив. В этот раз

прав оказался великий писатель, сказав, что «рукописи не горят». Пусть немного нашел я страничек о моем авторе, но узнал об этом человеке достаточно много.

ФЕДОР ЗАХАРЬЕВИЧ ЧЕМБУЛОВ, надворный советник, преподаватель географии и природоведения, родился 12 сентября 1876 г. в семье чиновника.

В 1898 г. он поступил в Московский Университет, где проучился только год.

В 1899 году, будучи студентом первого курса, он принимал участие в «студенческих беспорядках, за что ему было воспрещено проживать в столицах и некоторых других городах в течение двух лет. Чембулов уезжает в Новороссийск, где и заканчивает в 1903 году университет по физико-математическому факультету, по отделению естественных наук с дипломом 1 степени. После возвращения в Москву он становится студентом Московского сельскохозяйственного института и успешно заканчивает его в 1906 году. Федор Захарьевич переезжает в Ростов и 12 сентября 1907 года назначается преподавателем Ростовской мужской гимназии.

Его педагогическая деятельность была очень успешной, и уже в мае 1908 года директор гимназии Моравский характеризует Чембулова «как преподавателя с очень солидной научной подготовкой и относящегося к своим обязанностям в высшей степени добросовестно и с видимой любовью к делу». Не удовлетворяясь только преподаванием на уроках, Федор Захарьевич руководил кружком по химии, участвовал в различных комиссиях и организовывал ученические экскурсии, читал публичные лекции и весной 1911 года ездил на экскурсию в Англию «для изучения учебно-воспитательного дела».

Кроме педагогической, Чембулов занимался и общественной деятельностью.

Так, например, 20 сентября 1915 года на заседании чрезвычайного Ростовского уездного земского собрания, где рассматривались мероприятия по организации приема беженцев, делал доклад председатель объединенного бюро помощи беженцам Ф. З. Чембулов.

А в апреле 1916 года он был командирован в распоряжение всероссийского земского союза, где работал в комиссии по борьбе «с расстрой-

ством сельского хозяйства в России». После сентября 1916 года Федор Захарьевич работал в частной женской гимназии Общества Преподавателей в Москве, где ему поручили «исполнение обязанностей преподавателя географии в старших классах».

В 1916 году Чембулов делает доклады на сельскохозяйственных курсах для «увечных воинов». Федор Захарьевич активный член Народно-социалистической партии, участник Уфимского государственного совещания — наиболее представительного форума антибольшевистских правительств, политических партий, казачьих войск и местных самоуправлений востока России. Совещание состоялось в городе Уфе 8–23 сентября 1918 года. На совещании было образовано Временное Всероссийское правительство. Всероссийскому правительству вменялось способствовать ускорению созыва Учредительного собрания и в дальнейшем, безусловно, подчиниться ему «как единственной в стране верховной власти».

Основы национально-государственного устройства России должны были исходить из федеративных принципов: «устроение освобождающейся России на началах признания за её отдельными областями прав широкой автономии, обусловленной как географическим и экономическим, так и этническим признаками, предполагая окончательное установление государственной организации на федеративных началах полномостным Учредительным Собранием..., признание за национальными меньшинствами, не занимающими отдельной территории, прав на культурно-национальное самоопределение».

В отношении армии в Акте говорилось о необходимости «воссоздания сильной, боеспособной, единой Российской армии, поставленной вне влияния политических партий» и, одновременно, о «недопустимости политических организаций военнослужащих и устраниении армии от политики». В качестве неотложных задач по восстановлению государственного единства и независимости России были названы: «борьба за освобождение России от Советской власти и воссоединение отторгнутых, отпавших и разрозненных областей России».

В 1918 году Федор Захарьевич выпускает брошюру «Культурно-просветительная деятельность кооперации. Доклад собранию уполномоченных уфимских кооперационных союзов».

В письмах за 1920 год ответственного сотрудника Центросоюза Киселева Федора Емельяновича из Монголии и Китая будущему чрезвычайному послу в Великобритании

Ивану Михайловичу Майскому, а в то время возглавляющему Сибирский Госплан, среди информации о переправке золота и ценностей из Иркутска в Китай, упоминается Федор Захарьевич Чембулов, который следует из Иркутска в Китай со специальным заданием.

На этом следы Чембулова теряются.

А мы из 1920 года возвращаемся в 1911, когда Федор Захарьевич в составе группы русских учителей путешествует из Вены до Венеции через Альпы.

ОТ ВЕНЫ ДО ВЕНЕЦИИ ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ ВОСПОМИНАНИЯ ЭКСКУРСАНТА

Автор Федор Чембулов

«Откуда б вы ни ехали сухим путем в Италию — вам предстоит пересечь Альпы, — эти высочайшие горы Европы, отделяющие своей сплошной дугой Апеннинский полуостров от тела материка. Для нас, жителей равнины, этот переезд имеет наибольший интерес, и поэтому сообщение местного представителя, что из Вены в Венецию мы выезжаем вечером, повергло нас в великую грусть.

После трех дней интересного и в высшей степени полезного пребывания в Вене, мы опять в вагоне III класса с максимальной плотностью его населения. Переполненные впечатлениями изящной Вены, мы первое время не стремимся взглянуть в темноту южной ночи; каждый углубился в себя, и в вагоне скоро наступила тишина, которая наши усталые организмы очень располагала ко сну; но так как в заграничных вагонах III кл. расположиться сколько-нибудь по-человечески нет никакой возможности, то я предпочитаю выйти в коридор, — к тому же меня побуждает желание

всмотреться в окрестности дороги. Чувствуется уже, что путь идет в гору, и тем сильнее желание его разглядеть; но первое время это совершенно безуспешно, и только надежда на скорое появление луны удерживает меня у окна. Проявлению такой настойчивости помогает одно мелкое обстоятельство, которому я очень благодарен: по примеру одной из экскурсанток, я перехожу в соседний вагон I класса и, с молчаливого согласия кондуктора, занимаю место в коридоре у окна, у которого я даже умудряюсь присесть на полочке, прикрывающей паровое отопление. Устроившись с таким комфортом, я начинаю настойчиво всматриваться в мелькающие силуэты, вслушиваться в доносящиеся извне звуки и глубоко вдыхать свежий, ароматный воздух. Дружными усилиями трех органов чувств в моем воображении, если не в действительности, начинают рисоваться чудные картины горной природы. Глаз, привыкший к темноте, а также, вероятно, появление луны после 12 час. над горизонтом делают эти впечатления все более и более реальными и интересными. Сна как не бывало! Перед моими глазами встают то голые, почти вертикальные скалы гор, в которых пробит железнодорожный путь, то склоны гор, покрытые древесными породами, среди которых уже выделяются хвойные деревья своей более темной окраской; а внизу слышится журчание ручьев, переходящее моментами в мощный рокот воды, бегущей по каменистому ложу...

Поезд продолжает упорно стремиться в гору, и этим как бы идет даже навстречу моим желаниям — поближе к свету. Я начинаю уже разглядывать горные породы, всматриваться в характер лесов, различать пашни и луга и на последних копны скошенной травы, взгроможденной для просушки на высоких козлах, силуэты которых так долго меня интриговали. Поле зрения, доступное для моего глаза, делается все шире и шире. Желтоватый свет ночи начинает переходить в голубой — отраженный свет луны уступает место рассеянному свету солнца, которое еще где-то далеко скрывается за горизонтом. Наступает рассвет! К шуму горных ручьев присоединяется радостное щебетание птиц. Облака, расположившиеся на ночь в ущельях гор, начинают обнаруживать беспокой-

ство, плавно скользить по склонам гор и, оторвавшись от вершин, пускаться в безбрежное плавание по воздушному океану. На лугах уже появились чистенькие, как и сами луга, коровы, которые беззаботно щиплют сочную зелень; в уютных местах расположились альпийские хижины, а в глубоких долинах уже видны целые селения. Горы же, окаймляющие долины, уже вырисовываются в виде цепей и горных хребтов.

Каждый поворот железнодорожного пути открывает все новые и новые виды, любуясь которыми трудно отдать предпочтение какому-нибудь из них — так они все прекрасны и заманчивы. Но вот еще один поворот дороги — и перед моими глазами развернулась невиданная еще до сих пор картина: на горизонте показалась цепь гор, снежные вершины которых под первыми лучами восходящего солнца засияли серебристым блеском. Открывшаяся картина была настолько великолепна, что мне хотелось остановить стремительный бег поезда и поступательное движение солнца. Но так как это было вне моей власти, то я поторопился в экскурсионный вагон, чтоб поделиться своим восторгом и обратить внимание остальных на эту редкую по своей красоте картину природы. Пока эта цепь снеговых гор была видна, мое внимание было занято исключительно ими... Тем временем день уже вступил в полные права: горы, леса, реки, озера, под непосредственным освещением солнечных лучей, приняли более резкие контуры и, вообще, вся окружающая природа преобразилась и производила иное впечатление — прежняя нежность и заманчивость исчезли, и внимание освободилось из-под исключительной власти красот природы. Я начал всматриваться в культурную деятельность человека и в те приспособления, которыми он заставляет служить себе силы стихий. Вот по горному ручью сплавляется лес, а несколько дальше мощная горная речка несет массу энергии, которая искусственной запрудой превращается в механическую и приводит в движение сложные машины фабрик и заводов, разбросанных по берегам рек и озер. Все это свидетельствует, что население австрийских Альп не удовлетворяется одной только добывающей промышленностью (лесоводством, земледелием и скотоводством), но занято и обрабатывающей промышленностью, пользуясь вместо тепловой

энергии каменного угля, силой падающей воды, благо запасы ее неисчислимы. Эти наблюдения и размышления прерываются пограничной станцией Понтебба, на которой поезд стоит сравнительно долго, и мы имеем возможность высипать на землю и немного разгулять свои оцепеневшие члены. Как хотелось уйти подальше от станции, от полотна железной дороги, в глубь страны, поближе к природе гор!.. Но об этом можно только мечтать, в действительности же нужно садиться в вагон, еще более тесный, и ехать дальше.

Поезд начинает спускаться — моментами тормоз чувствуется все сильнее и сильнее. Вместе с тем меняется и горный пейзаж: зелень делается не такой яркой и ее меньше; чаще начинают попадаться отвесные, голые склоны, белесоватый цвет которых говорит об их известковой природе. Температура быстро повышается, и в 10 час. утра, при открытых окнах, в вагоне уже делается душно. Мои товарки и товарищи по экскурсии притихли — не слышно возгласов восторга и удивления. Бессонная ночь и наступившая духота привели всех в состояние апатии. А между тем мелькающие перед нами картинки имеют свою прелесть и безусловную поучительность. Мы уже спустились с горных высот и мчимся у подножия гор, почти параллельно горным хребтам. Справа мощной стеной возвышаются южные склоны Альп, белесый и белесоватый характер которых ясно говорит об их известковой природе. А внизу уже расстилается восточный угол Ломбардской низменности с характерными для нее культурами растений. Избыток света и тепла, при недостатке атмосферных осадков, заставляет местное население устраивать искусственное орошение и орошенный участок использовать уж во всех отношениях — вот чем объясняется та пестрая картина насаждений, которые мелькают перед нашими глазами; между рядами уродливых пней шелковичного дерева идут ряды виноградного куста, а между рядами последнего — насаждения кукурузы или какого-нибудь огородного растения — комбинация растений, характерная для Ломбардской низменности. Но со стороны моих коллег по экскурсии наблюдалось полное невнимание к этим своеобразным садам, что мне казалось крайне обид-

ным. Такое равнодушное отношение к дорожным впечатлениям, в котором мне приходилось убеждаться не раз и впоследствии, объясняется в значительной степени организацией руководительского дела — перенесением культурного руководства только на места больших остановок и пренебрежением дорожными впечатлениями. При всей их мимолетности, они могут оказаться при должном руководстве весьма полезным материалом для общего знакомства со страной. Ведь то время, которое нам, учителям, приходится затрачивать на музеи, картинные галереи, также крайне недостаточно, и только должное руководство делает такой беглый осмотр полезным в образовательном отношении.

Пока я предавался этим размышлениям, поезд наш совсем уже ушел из объятий гор и принял направление прямо на юг. Перед нами расстилалась абсолютно ровная низменность, следы наносного происхождения которой были налицо. Через небольшие речки, которые приходилось пересекать нашему поезду, были сделаны бесконечные плотины и мосты, так как достаточно, вероятно, даже небольшого дождя или быстрого таяния снега на горах, чтоб эти не имеющие берегов водоемы разлились на огромное пространство. Русла их покрыты все тем же известняком, который свидетельствует, откуда берут начало реки Ломбардской низменности и каким горным материалом она занесена.

Бедность и однообразие окрестностей, полуденный зной и масса пыли в воздухе усиливают наше желание поскорее увидеть Венецию. На горизонте уже показалось море, но умиряющего влияния его мы не чувствуем. Поезд уже пробирается среди венецианских лагун, еще одна бесконечная насыпь и ... мы в Венеции!»

Теперь стоит рассказать о гимназии, в которой успешно работал преподавателем географии и природоведения Федор Захарьевич Чембулов.

Ростовская мужская гимназия была построена на средства купца Алексея Леонтьевича Кекина. 22 июня 1908 года состоялась торжественная закладка здания. Автор проекта здания — московский архитектор Павел Алексеевич Трубников.

Все строительные работы взяла на себя Петербургская фирма «Кучер-Солун».

3 августа 1910 года гимназия была принята в эксплуатацию. 5 октября 1910 года, в день именин А. Л. Кекина, состоялось торжественное освящение здания и открытие гимназии. С тех пор днем рождения гимназии, судя по многочисленным письмам и телеграммам в день годовщины от бывших учеников и преподавателей гимназии, считается 5 (18) октября. В здании гимназии было расположено 18 классных комнат, 15 учебных и других кабинетов, 2 аудитории: одна — на 300 человек, другая — на 75 человек, актовый зал, два рисовальных класса, три рекреационных зала-коридора, гимнастический зал, два столовых зала. Всё здание трёхэтажное, рассчитанное на 720 человек учащихся. К нему примыкает трёхэтажный корпус для квартир администрации гимназии (сейчас здесь учится начальная школа гимназии) и сзади дом для служителей.

Директором гимназии еще в начале строительства был назначен Сергей Павлович Моравский. Он вошел в состав строительной комиссии. По его совету была построена астрономическая обсерватория. Это была мужская 8-ми классная классическая гимназия. Цель таких гимназий — готовить к поступлению в университет. В построенном здании должны были разместиться 700 учеников и пансион на 120 учеников. Правда, в гимназии до революции обучалось меньше учащихся, чем было положено по проекту. В гимназии учились мальчики в возрасте от 8 до 10 лет. Обучение в гимназии длилось 8 лет. В 1-й класс гимназии принимались дети, «умеющие читать и писать по-русски, знающие главные молитвы, из арифметики — сложение, вычитание и таблицу умножения». В каждом классе полагалось не более 40 воспитанников. Гимназический устав гласил, что «в гимназии и прогимназии обучаются дети всех состояний, без различия звания и вероисповедания»... Бедным ученикам, отличавшимся успехами в учебе и поведении, давалась ежегодная стипендия. При гимназии с разрешения министра народного просвещения был учрежден пансион (что-то типа интерната при школе, где

учащиеся жили)... В пансион принимались только воспитанники четырех младших классов гимназии. Старшие воспитанники могли проживать на съемных квартирах, если приехали из села или из других городов.

Учебный год продолжался с 16 августа по 1 июня, около 240 дней. Зимние каникулы («вакации») продолжались две недели, а летние каникулы у гимназистов в то время были менее продолжительными, чем у нынешних школьников, и продолжались всего шесть недель. Воскресенья и дни великих православных церковных праздников являлись неучебными днями. В годы Первой мировой войны в здании разместили лазарет для раненых и учиться стали в 2 смены. Зимой по распоряжению директора в 7 часов утра вывешивались флаги, чтобы объявить гимназистам, будут ли занятия: при морозе в 20 °С на всех городских водозаборных будках, а при морозе в 25 °С и более — на городской каланче.

Какие предметы преподавали:

От современного набора предметов прежний набор отличался наличием Закона Божия, греческого и латинского языка. Арифметика, алгебра и геометрия не выделялись в отдельные предметы, а были объединены уроком математики. Обучение в гимназии было платным. Оплата составляла 50 рублей в год, для жителей Ростова — 20 рублей из этой суммы платил город. Неимущие освобождались от платы за учебу, бесплатно пользовались горячими завтраками и бесплатно ездили на экскурсии в Москву, Петербург, по Волге, в Крым и даже за границу.

Гимназия была обеспечена всевозможными наглядными пособиями — стенными картинками, картами, таблицами, моделями, картинками для волшебного фонаря и для стереоскопа и пр. Особенно много их было для уроков природоведения, географии и истории.

Экзамены были ежегодно устные и письменные. Выдержавшие с успехом экзамены награждались похвальными листами и книгами. Окончившие курс в гимназии получали аттестаты зрелости, открывающие доступ во все высшие учебные заведения.

Директор гимназии утверждался министром народного просвещения. Вторым лицом в администрации гимназии был инспектор — помощник директора по учебной и воспитательной части. В штат гимназии входили преподаватели, воспитатели, законоучитель (преподаватель Закона Божия), врач и письмоводитель. При гимназии в соответствии с Уставом, действовали попечительский, а также педагогические, воспитательные и хозяйственные советы.

В Ростовской гимназии работал квалифицированный педагогический коллектив. Многие из них, когда уехали из Ростова в начале 20-х годов, стали профессорами высших учебных заведений Москвы и других городов. Чтобы пригласить в гимназию лучших педагогов, директор искал их в других школах и даже других городах и добивался для них от городской думы повышенного жалованья. Среди педагогов был и с 1907 г. преподаватель географии и природоведения Федор Захарьевич Чембулов (Новороссийский Университет физико-математический факультет отделение естественных наук).

Преподаватели гимназии постоянно повышали свою квалификацию. Известно, что учитель рисования А.И. Звонилкин знакомился с новыми методами преподавания своего предмета на летних курсах рисования и живописи в Петербурге. А.И. Девисhev в 1910 году принимал участие в учительском семинаре ручного труда в Швеции. Ф.З. Чембулов — преподаватель географии знакомился с постановкой учебного дела в Бельгии и Англии. Директор Сергей Павлович Моравский был учителем истории. Гимназия входила в состав Московского учебного округа. В гимназии все делалось для того, чтобы ученики не переутомлялись, но работали с интересом. В гимназии был организован внимательный врачебный надзор за здоровьем учащихся. Гимназический врач Леонид Яковлевич Богданов — был квалифицированным и добросовестным доктором. Он регулярно проводил обстоятельный осмотр учащихся, присутствовал в гимназии во время уроков, а также обязательно обходил квартиры учеников, которые жили не у родителей, лечил на дому всех заболевших учеников.

Врач присутствовал почти на всех педагогических советах гимназии.

В гимназии для учеников были организованы горячие завтраки, причем дети бедных родителей завтракали бесплатно. Молоко для завтраков возили из Белогостицкого монастыря.

Перемены по возможности проводились на открытом воздухе; во дворе гимназии были устроены 2 большие площадки для игр, зимой на них — каток. На переменах устраивались общие игры: лишний, крепость, колдуны, великаны, масло, юла-коровка; зимой заливали ледяную гору. Много занимались спортом.

В гимназии обязательными для всех учеников были уроки рисования и пения. Желающие из учеников могли заниматься лепкой, что они делали с удовольствием в воскресные дни в гимназии. Был организован хор и оркестры, на первых порах — балалаечников, а потом — духовой и струнный.

Проводились многочисленные экскурсии на местные предприятия, по окрестностям Ростова на лыжах и велосипедах и более длительные экскурсии — по стране и даже за границу. Выпускники гимназии 1913–1914 учебного года ездили в сопровождении своих преподавателей в Швейцарию и Германию.

В гимназии был организован ряд научных обществ, в частности, Общество по изучению Ростовского края, различные кружки (астрономический, лепки, физический и др.). Здесь была хорошая фундаментальная библиотека. Гимназисты читали книги очень охотно.

Ученики издавали много разных своих журналов, и не только старшие классы, но и младшие. В большой аудитории гимназии устраивали публичные литературные вечера, посвященные русским писателям: Некрасову, Никитину, Гаршину, Льву Толстому и др. Публичные вечера в гимназии привлекали большое внимание и посещались горожанами. Устраивались и музыкальные вечера, и любительские спектакли, в которых участвовали и гимназисты и преподаватели. Часто приглашали и профессиональных артистов. Не раз приезжали в гимназию Собинов и Шаляпин. В гимназии организовывали циклы публичных лекций по самым

разнообразным вопросам, причем приглашались, обычно лекторы из Москвы и Петербурга.

Проходили регулярные воскресные собрания. На эти собрания приходили все желающие из учеников и большая часть преподавателей. Здесь они проводили по несколько часов в совместных занятиях и развлечениях по собственному выбору: занимались фотографией, рисованием, лепкой, музыкой, пением. В гимназии действовали следующие обязательные правила:

Каждый учащийся, находясь вне стен своего учебного заведения, обязан иметь при себе ученический билет с обозначением на нем имени, отчества и фамилии, учебного заведения и класса.

Прогулки учащихся по улицам, площадям, садам и бульварам и т. д. разрешались в летнее время до 10 часов вечера, зимнее и осеннее — до 8 часов вечера.

Форменная одежда для учащихся обязательна. Смешанная форма, как то форменная фуражка и штатское пальто допускаются в особо уважительных случаях.

В гимназии были отменены специальные надзиратели. Педагоги считали, что порядок зависит не от строгости наказания, а от самодисциплины учащихся и уважения к персоналу гимназии.

Были установлены следующие наказания:

- выговор,
- удаление из класса,
- стояние в классе вместо сидения,
- оставление после уроков,
- сообщение родителям о проступке учащегося,
- лишение права участвовать в общей игре во время большой перемены.

В 1914 г. гимназия сделала первый выпуск. В этом же году началась Первая мировая война, за которой последовала революция, гражданская война и строительство светлого будущего. Это будущее теперь наше настоящее, а оглядываясь в далекое прошлое, понимаешь, что и тогда жили люди со светлыми лицами и делами. Первоначально я ставил задачу найти хоть какую-то информацию об авторе рассказа «от Вены до Венеции через Альпы» — о Федо-

ре Захарьевиче Чембулове, но найдя еще и потрясающий материал о гимназии, где он работал, я счел очень важным об этом рассказать. Теперь есть, пусть маленькая, но целостная картинка прошлого: есть рассказ народного учителя, есть его биография и есть рассказ о гимназии, где он работал. Не знаю, как кому, а мне было интересно весь собранный материал читать, от него веяло светом, теплом и уверенностью в завтрашнем дне. В день, который, к сожалению, так и не настал.

В ГОРАХ ШВЕЙЦАРИИ

Далее следуют воспоминания экскурсантов: учителя С. Булыгина и учительницы Е. Поспеловой. Они рассказывают о своих путешествиях в горах Швейцарии. По фамилии и по первой букве имени отыскать какую-то информацию очень сложно, к тому же прошло более ста лет. И все же я попытался узнать хоть что-нибудь об авторе первого рассказа. Поиск привел меня в Государственный архив Белгородской области. В городе Грайвороне в мужской гимназии служил преподавателем С. Булыгин. Грайворонская мужская гимназия считалась частной и была одним из немногих учебных заведений второй ступени (дети поступали в нее в 11–12 лет, пройдя обучение в начальной школе), которое содержал город. Большинство других учебных заведений финансировалось земствами. Что стало с педагогом С. Булыгиным и его вчерашними гимназистами, изучавшими латынь, французский, немецкий языки и Закон Божий после революции — загадка. Большевики переименовали гимназию в 1-ю Грайворонскую трудовую школу 2-й ступени, а от всего «дореволюционного мусора» быстро избавились. Трудно сказать, тот ли С. Булыгин побывал в 1910 году в горах Швейцарии или другой, но, несмотря ни на что, у нас есть возможность эти воспоминания прочитать.

Воспоминания экскурсанта

Автор С. Булыгин

«Минувшее проходит предо мною. Вот прошла Вена, оставив после себя неприятный осадок и разочарование... Промелькнула и Бавария с Мюнхеном, полным восторга, восхищения и удивления. Радушная, гостеприимная Бавария!.. Сколько дорогого, светлого осталось в душе каждого из нас, проезжавших через Мюнхен!.. Но и скольких трудов стоило мюнхенцам обставить наше пребывание там как можно лучше; дать как можно больше и полезного, и приятного! И они достигли своего. Их труды не пропали даром. Из сотен уст им приходилось ежедневно выслушивать благодарности и самые лучшие, искренние пожелания. Сотни экскурсантов желали бы остаться еще на несколько дней в гостеприимном Мюнхене... Большинство из нас, если только не все, неохотно, очень неохотно покидали Мюнхен...

Счастливые дни промелькнули... Какое-то предчувствие подсказывало, что там, дальше, не встретим больше такого гостеприимства, такого радушия. Там пред нами раскроется чудес палата, дивные пейзажи, очаровательные панорамы и только, а ласка, предупредительность сменятся немецкой сухостью, расчетливостью... Оно так и случилось...

Переезд от Мюнхена до Иннерткирхена небольшой сравнительно, но утомительный: со многими пересадками — этими истинными египетскими казнями для русского экскурсанта. Сколько суматохи, толкотни, неприятностей приносит каждая из них!.. Это — проза для русских туристов, подобных нам... Зато сколько удовлетворения, восторга вызывает каждый красивый пейзаж, живописная долина, горное ущелье, гигантская скала, покрытая пышной зеленью!.. А ведь таких видов на нашем пути было великое множество. Всю дорогу от Цюриха до Мейрингена мы ими любовались; все время окна вагонов были заняты зрителями, а когда поезд поднимается по цепной железной дороге, когда он черепашим шагом, тяжело пыхтя, точно выбившийся из сил турист, медленно вползает на вершину утесов — все экскурсанты высы-

пают на площадки вагонов, чтобы насмотреться на эти дивные швейцарские высоты. То и дело слышишь со всех сторон возгласы удивления.

А солнце, южное солнце продолжает ярко заливать все эти дивные картины, сообщает всему радостное, праздничное настроение, горам и растительности придает какую-то особую привлекательность, жизненность, манящую к себе всякое живое существо... Хочется выпрыгнуть из вагона и бежать по этим крутым горным тропинкам, туда, к белым, уходящим в облака снеговым вершинам...

Но... что за странная перемена?!

Солнце скрылось. По гигантам-утесам поползли, извиваясь, свинцовые облака... Вот они сползают все ниже и ниже... Загородили или, вернее, одели собою утесы... Заполнили долины, ущелья... и поезд ползет в каком-то тумане, точно медленно ступая впотьмах, боясь оступиться...

В воздухе почувствовалась сырость... и скоро, очень скоро пошла мелкая изморось, напоминающая наши осенние беспрерывные дожди...

В такую погоду, в сумерки, мы приехали в Мейринген.

Дурная погода, дневное пребывание в вагоне, неоднократные пересадки и перетаскивание с места на место «аэропланов», набитых «необходимыми дорожными принадлежностями русского экскурсанта», и в перспективе целый час вечернего путешествия до Иннерткирхена — все это, вместе взятое, приготовило нам не очень приятную встречу.

А эта еще непривычка к горной ходьбе по бесконечным извилинам сильно ударяла по нервам уставшего экскурсанта.

«И видит око, да зуб неймет». Вон показался огонек.

«Наконец-то, пришли!» — слышатся возгласы, но... не тут-то было!.. Дорога поворачивает в обратную сторону, огонек удаляется, исчезает, потом снова показывается, снова исчезает, как будто дразня и издеваясь... Предполагаемый час оказался слишком долгим... Наконец, почти ночью, еле переставляя ноги, голодные, мокрые, добрались до гостиницы. Тут начинается размещение по

номерам, сопровождаемое обычной «рассейской неразберихой», капризами уставших, нежеланием расположиться там-то и там-то... и только в 2 часа ночи успокоились приблизительно все.

Следующий день ничего не принес утешительного. Дурная погода в Альпах являлась истинным бичом для нас, экскурсантов. Легкая, неприспособленная к условиям горной жизни одежда не давала возможности бродить по горам. Помещения, рассчитанные на сухое время, были прохладны и сыроваты в это лето проливных дождей. Улица для тех, кто имеет возможность бродить по ней в такую погоду, не боясь простуды, тоже не представляет особой сладости. Для непривычного человека просидеть несколько дней в горах в дождливое время покажется настоящей каторгой... Кажется, что посадили в сырой погреб, окруженный очень высокими стенами-утесами. Начинаешь тщательно искать выхода отсюда и не находишь... Не менее ужасно и самочувствие большинства экскурсантов, высиживших несколько дней в таких условиях. Все эти мрачные утесы с нависшими на них облаками дают своей громадой, удручающе действуют на психику человека, сроднившегося с необъятными степями и равнинами...

Но вот выглянуло солнышко. И... о, чудо!.. Все вдруг меняется, начиная с природы и кончая человеком... Скалы больше не дают своей массивностью, а, наоборот, привлекают своим нарядным убранством, ласкают взор своим причудливым сочетанием теней и красок, манят, зазывают к себе своим гордым величием и невольно заставляют вместе с ними петь гимн солнцу... И люди поют...

Вчерашнего мрачного, угрюмого, ноющего экскурсанта сегодня не узнаешь. Вчера он проклинал всех и вся — сегодня прославляет; вчера собирался уезжать домой — сегодня беспечный, радостный бродит по горам и мечтает не в далеком будущем пробраться на вершину соседней горы; вчера ныл — сегодня поет... С появлением солнца в Альпах все оживает, все торжествует... И особенно сильно сказывается это настроение в натуре жителя равнины — русского экскурсанта. Для него все окружающее является полным новизны, неизведанной прелести; чудный вид, открывающийся

с вершины какого — нибудь «Грос-Шейдега» заставляет радостно биться сердце!..

«Aareschlucht»

Мое окно выходит как раз на ту сторону, где протекает речка Аар. Постоянный шум доносится оттуда ко мне в комнату.

Иннерткирхен, эта небольшая швейцарская деревенька, расположена как раз недалеко от того места, где Аар приобретает свою наибольшую силу, наибольшую стремительность, недалеко от того места, где эта горная бурливая речка сосредоточивает всю свою силу на борьбу, вековую борьбу с горным хребтом, преграждающим путь Аару.

За наше трехнедельное пребывание в Иннерткирхене мне удалось проследить эту реку почти на всем ее протяжении, начиная с того, где Аар берет начало, вытекая маленьким ручейком, и кончая, куда он впадает уже солидной рекой.

И не только проследить, но и присмотреться к его жизни и сильно полюбить его... Полюбить за его неутомимую деятельность. Эта небольшая вначале речка почти на каждом шагу принимает в себя все новые и новые ручейки и водопады и, невзирая на встречающиеся препятствия, продолжает, сердито бурля, прокладывая себе среди гор и утесов торную дорожку-русло.

Аар с силой и уверенностью богатыря набрасывается на встречающиеся на его пути гранитные утесы. С диким ревом наносит им удар за ударом...

А мрачные гиганты мужественно крепятся, неохотно отдают каждому смелому натиску Аара песчинку за песчинкой, незаметно разрушаются у самого основания и время от времени бросают в мутные, клокочущие воды Аара отмытые части свои: это — продукт неустанной деятельности Аара, это — жертва ему за его энергичный вековой труд...

Чудится мне в его вечном неумолкаемом шуме, в этом хаосе звуков громовая угроза врагам, врагам-утесам, чудится рев: «Поди прочь!..» И, с другой стороны, его метанье из стороны в сторону — это призыв все новых и новых сил, призыв на какую-то страшную,

великую борьбу... И на его призыв откликаются. Спешат к этому воинственному, грозному и могучему старику свежие молодые силы — водопады и горные ручьи... Сливаются с ним и поют, дружно поют общую грозную песню, песню, на бой призывающую!..

Около Иннерткирхена великая армия собирается в полном составе... Здесь недалек их враг — горная цепь, заграждающая путь Аару.

Но что ему значит эта преграда? Ему, этому седому Аару, с малолетства привыкшему к упорному труду, с малолетства закаленному в суровых боях. Он с диким ревом набрасывается на неприступные гранитные скалы, с неимоверной силой ударяет об их твердыни, отрывает куски, мечется из стороны в сторону, отыскивая слабые места врага, и... таким образом выбивает себе русло...

И эта ожесточенная борьба продолжается на протяжении нескольких верст... Немые грозные великаны-утесы то сжимают Аар с обеих сторон, то уступают ему дорогу... наконец, собрав все силы, загоняют его в узкое ущелье...

Но он одолевает это последнее препятствие и выходит отсюда на свет Божий, на широкий простор, выходит победителем, ликующий!.. И странное дело!.. Здесь, разливаясь в очень широкою реку, он из бурного, грозного Аара превращается в тихую, спокойную, многоводную реку и таким остается почти на всем своем остальном протяжении.

И теперь чудится мне в его тихом равномерном поплескивании дивная гармония, чудная торжественная песнь победителю...

Полюбил я Аар всей душой, привязался к нему!.. Любил, открыв вечером окно, прислушиваться к его неумолкаемому шуму, улавливать в этом шуме ту победную могучую песню, песню, заставляющую о многом призадуматься, песню бодрящую и дающую какой-то необычайный прилив энергии!..

С. — Готард.

Последнее прости посылаю и Райхенбахфалю, и Ронскому глетчеру с суровой, дикой природой, и Аару, могучему Аару. Последнее прости!.. Сегодня уходим через С.-Готард.

Небольшая группа, человек в 15, медленно пробирается по горным тропинкам, растянувшись длинным гуськом... Раннее утро. Природа и та словно поняла мое настроение... Она густым туманом сокрыла от взора свои дивные красоты, свои прелести. Она как бы желает этим облегчить и без того грустную разлуку... Иди, иди дальше, вперед! Там еще ждет тебя С.-Готард!..

И мы идем тихо-тихо, иногда останавливаясь на высоких пригорках и посылая прощальные взоры в ту сторону, где за облаками скрылись дивные вершины.

Потом Мейринген... вагон... пересадка... Снова мчимся все дальше и дальше. Наконец, Гешенен... Высаживаемся. Мрачный, хмурый день. Идем по направлению к Чертову мосту, по знаменитой Суворовской дороге...

Чувствуется, что действительно подходим к чему-то грандиозному. Справа и слева темные, мрачные утесы, внизу, влево от дороги, шумная речка...

Вот и Чертов мост. Конечно, не тот, по которому переходил Суворов, не бревенчатый, зыбкий, а массивный гранитный, крепко сшитый. Висит он над пропастью, над зияющей бездной, на дне которой клокочет, бурлит, ударяясь о громадные камни, могучая горная речка, разбитые волны которой высоко вздымаются к небу в виде серых огромных клубов. А по сторонам? По сторонам направо, прижимаясь к дороге, налево и прямо уходят под облака черные, мрачные отвесные скалы. На одной из них высечен крест с надписью. Каждый турист, кто б он ни был: француз, немец, русский ли — останавливается перед этим покрытым мхом памятником, внимательно разбирается в надписи... Это памятник Суворову и всем погибшим здесь русским воинам...

Здесь и только здесь у продавца открыток, в лавочке, я без смущения мог ответить, что я «русский». Да, только здесь... а то ведь я тщательно скрывал свое национальное происхождение. Да оно и понятно. Ведь на нас, русских, в большинстве случаев смотрят как на дикарей.

Наступал вечер, когда мы проходили в области снегов. Густой туман отделял нас друг от друга.

Как-то приятно было чувствовать близость снега, ощущать его свежесть. Радостно было пробираться сквозь эту серую, влажную, стустившуюся массу облаков. В десяти шагах не видишь впереди идущего товарища...

Вдруг подул легкий ветерок. Туман постепенно рассеивается. Облака быстро проносятся куда-то, обгоняя друг друга, точно боясь опоздать. На молочном фоне резко выделяются грязновато-серые и темные уступы гор... Быстро наступает ночь... На небе ни звездочки, только далеко впереди мелькает одинокий огонек — это гостиница.

Я намеренно отстал от товарищей. И до сих пор не могу дать себе ясного отчета: что я переживал в те минуты? Помню только одно — мне страшно хотелось петь. И я пел. Пел заунывные русские песни — песни, навевающие тихую грусть. Здесь сказало, очевидно, влияние печальной, необыкновенной обстановки. В этой песне хотелось вылить все, что так долго таилось в душе, долго не находило выхода. Пел, а мрачные утесы вторили мне...

Вот и гостиница «Monte Rosa» — наш конечный пункт сегодняшнего дня. А завтра целый день будем спускаться к Айролб. Это не гостиница, а нечто вроде сарая.

Мы мужчины, в количестве пяти человек, сдвинули три кровати вместе и, не раздеваясь, из боязни замерзнуть, прижавшись друг к другу, поместились в них... Поздно легли и рано встали.

На другой день двинулись дальше. Все время пришлось спускаться. Солнце весело сияло в голубом небе, ярко отражаясь в массах снега... Кое-где виднелись серые прогалины утесов. Чем дальше спускались мы вниз, тем все меньше и меньше встречались снежные пространства, их все чаще и чаще сменяли громады горных пород.

Медленно, петля за петлей, почти без сокращений, совершали мы этот перевал. Перед тобой так же медленно проходит одна картина лучше другой. Цветы, кустарники, хвойные и лиственные деревья, наконец, все перемешалось. Видны только горы, зеленые скалы, а там, внутри их, целые сокровищницы дивных камней.

И слышишь звон, неумолкаемый звон — то бродит пасущийся в горах скот...

Наконец и Айролб; здесь мы должны соединиться с остальной группой, закончить свою последнюю прогулку по Швейцарии и проститься с ней.

Последнее прости Швейцарии...

В ШВЕЙЦАРИИ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЭКСКУРСАНТКИ

Автор Е. Поспелова

Через несколько дней начнется обычная трудовая жизнь, но я бодро и весело принимаюсь за дело: поездка за границу дала так много впечатлений, а жизнь в Швейцарии и путешествия в горы столько красочности и силы духу и телу!

Путешествия вообще придают много бодрости, особенно когда уходишь в горы, подальше от городов и людей, их повседневных забот и мелочей, с одним только горным мешком за плечами, свободный, ничем не связанный. Горы больше приближают нас к природе, чем бесконечная равнина; в глубине их столько чудес, то в виде водопадов и озер, то уходящих в небо снежных вершин, то ущелий!

Вот приходите вы к суровым берегам Daubensee — голые серые скалы отражаются в его мертвенной воде; ни звука, ни дерева — все вымерло, только наши шаги раздаются над ним и невольно просится на сравнение другое озеро Blausee — красивое, нежно-голубое. Как очарованный стоишь у его берегов и не знаешь, создала ли это природа, или волшебница-фея в сказке подвела вас к хрустальному дворцу принца, и вы остановились перед его сокровищами.

А какое чувство бодрости и силы охватывает тебя, когда приближаешься к мощным вершинам снеговых гор! Вот недоступная красавица Jungfrau, раскинувшая свои снега далеко в вышине, и, действительно, «Горный Дух» один только мог заглянуть ей близко

в лицо и, сорвав с нее покрывало, легкое и тонкое, как ткань паутины, бросить вниз изящными прозрачными складками Staubach'a. Зато какой маленькой и слабой кажешься себе у Reichenbachsfale; с высоты почти 600 метров падает он вниз с диким ревом и шумом и еще некоторое время клокочет на одном месте, как бы не находя выхода. Жутко подойти к нему снизу, где он обдаёт брызгами своих вод так, что больно смотреть; вихрь треплет платье, рвет плащ, а пена, бьющая о камень, на котором стоите, готова поглотить вас. Нет, лучше уйти от этого чудовища подальше, к спокойному синезеленому озеру Бриенца, к его живописным высоким берегам, то покрытым лесом, то зелеными пастбищами и одинокими шале. Но долго оставаться здесь не хочется, и снова тянет куда-нибудь, или к холодным молчаливым глетчерам, или на душистые пастбища Sonetch'a, где перезвон колокольчиков пасущихся стад то долетает широкой волной, то замирает снова. И так бродила бы без конца, но время бежит быстро, и три недели нашей жизни в Швейцарии промелькнули, как сон, оставив самые светлые воспоминания.

Поезд наш только что спустился по зубчатым рельсам с Брюнигского перевала в долину, забежал на минуту в тородок Мейринген и мчит нас к берегу Бриенцкого озера. Вот оно уже перед нами. Высокие, темные горы тесным кольцом обступили его и любуются собою, глядя в его спокойную зеркальную поверхность. У самого берега, в северо-восточной части озера, узкой белой полосой выглядывает среди зелени небольшое местечко Бриенц — здесь мы остановимся на три недели на отдых. Ряд простых швейцарских деревянных домов, вытянувшийся в одну линию вдоль самого берега, старинная кирха, три-четыре отеля, несколько магазинов, почта — вот и весь Бриенц. Жизнь в Бриенце течет спокойно, ровно, тишина полнейшая; разве только придет поезд, густой толпой пробегут пассажиры с поезда на пароход, звонки — пароход отправляется, и опять все тихо. Озеро тихо колыхается, играя камешками на берегу, и чуть слышно поет свою монотонную спокойную мелодию. Кругом горы, лес, чистый воздух, тишина — это все быстро восстановит наши силы, ослабевшие после долгого стран-

ствования по железным дорогам, и позволит нам скоро двинуться туда, наверх, в горы, ближе к вечным снегам.

За несколько дней, проведенных в Бриенце, мы успели заглянуть во все его уголки. Осмотрели школу, мастерские кустарей, резчиков по дереву, большую школу для обучения молодых швейцарцев этому искусству, бродили по окрестным горам и лесам, катались на лодке по озеру. Теперь идем на большую двухдневную прогулку к подножию снежных великанов Бернских Альп — Юнгфрау и ее мощных соседей Эйгера, Менха и Веттерхорна.

Рано утром, когда еще холодный пронизывающий туман густой пеленой покрывал все озеро, переехали мы на пароходе на другой конец озера, в большой курортный город Интерлакен — сборный пункт всех туристов, посещающих Бернские Альпы. Жизнь в городе только что просыпалась. Бегут в школу ребяташки, согнувшись, пастух — швейцарец несет за спиной большую кадку со свежим молоком. Бог знает скольких трудов стоило ему спуститься оттуда, с гор, по каменистым тропинкам, с этою непомерно тяжелою ношей. Хозяин булочной приветливо открыл нам свой магазин, мы закупили провианта, разложили его по нашим мешкам и двинулись из города.

Дорога наша идет все время по великолепному шоссе, не нашим чета, среди хвойного леса, вдоль реки Лючины. Шумная бурливая Лючина заставляет нас любоваться ее красивыми поворотами, загроможденными откуда-то унесенными деревьями и разбросанными по ее течению огромными камнями. Мутная, грязная вода, увлекая за собою массу ила, песка и камней, спешит старательно унести все это в Бриенцкое озеро. Скоро долина начинает суживаться; горы сдавливают реку все теснее и теснее — вот долина разделяется на две, еще более узкие. Здесь, как раз, сливаются две речки, образующие Лючину: мутная, грязная, бегущая из темного, сырого ущелья Черная Лючина и чистая, как кристалл, Белая Лючина. Мы свертываем вправо, в долину Белой Лючины. Горы почти совсем надвинулись на нас. Дорога вьется у самого берега веселого потока, так и дышит от него свежестью, молодостью. Мимо нас пробежал маленький горный поезд; из окон, окутанных

дымом и копотью, выглядят усталые, равнодушные физиономии пассажиров. Как они завидуют тому, что мы сейчас наслаждаемся свежестью летнего утра, вдыхаем полной грудью чистый смолистый запах старого хвойного леса, среди которого вьется наша дорога. Лес кончился, и за следующим поворотом дороги мы остановились в оцепенении от той картины, которую лес все время так старательно от нас скрывал, вероятно, для того, чтобы сразу ошеломить ее величием. Ряд белоснежных гор-великанов ослепительно блистал своим снеговым нарядом, залитым лучами утреннего солнца. Их гордые вершины высоко уходили в прозрачную синеву неба. Голубая, легкая дымка тумана окутывала всю долину и медленно ползла вверх по изумрудной зелени лугов, бархатным ковром покрывающих горы. Никто из нас, вероятно, не забудет этого утра в долине Лаутербруннена. Усталость, несмотря на пройденные 12 километров, совсем не чувствовалась, и мы скоро дошли до Лаутербруннена. Отсюда начинается трудный подъем по крутой горной тропинке на вершину перевала Kleine-Scheidegg, откуда видна вся Юнгфрау от вершины до самого основания.

Когда мы пришли в Лаутербруннен, там происходила невозможная толкотня: только что пришел горный поезд с Kleine-Scheidegg'a; через несколько минут должен был идти обратно в Интерлакен тот поезд, который нам встретился в лесу, и сейчас же отсюда отправлялся в Murren, вверх по отвесной стене горы вагончик электрической железной дороги. Пассажиры, носильщики с вещами, почта — все это суетилось, металось по разным направлениям. Очень неприятно после тишины леса быть среди этой суетливой разноплеменной толпы, говорящей на всех наречиях земного шара, и мы поспешили отсюда снова на простор, туда, где идут туристы-пешеходы, здоровые и жизнерадостные от близкого общения с величественной, мощной альпийской природой. Мы переправились по мосту через Белую Лючину — дорожка сразу круто подымается вверх. Идти становится трудно, дышать тяжелее, солнце печет; мы медленным, ровным, размеренным шагом подвигаемся вперед, все выше и выше. Уже Лаутербруннен остался далеко внизу под нами. Вон сверкает на солнце высокий

столб водяной пыли — это водопад Штауббах, около самого Лаутербруннена.

Скоро пышные альпийские луга, среди которых все время шла наша дорожка, начинают терять свою яркость и сочность: вот они уже совсем стали похожи на наши деревенские выгоны. Селения уже кончились, теперь попадаются только маленькие хижинки пастухов, около которых тянется ряд хлевов для скота. Это уже идут настоящие альпийские пастбища; здесь обыкновенно проводят целое лето швейцарцы-пастухи со своими стадами. Огромное пространство занимают высоко в горах эти пастбища — почти единственный заработок жителей швейцарских горных деревень.

Солнце уже давно спряталось за набежавшими облаками. Временами ветер приносит откуда-то приятную прохладу, идти уже не так трудно, да нам теперь недалеко и до вершины перевала. Пора бы уже видеть Юнгфрау, да жаль, она вся закутана сейчас облаками, а ведь она теперь совсем близко от нас должна быть.

Мы отдыхали на станции железной дороги, идущей на Kleine-Scheidegg, почти у самой вершины этого перевала, когда стали рассеиваться облака, закрывавшие от нас Юнгфрау. Удивительно эффектное было зрелище, когда сквозь дымку облачной вуали стали вырисовываться все резче и резче контуры белоснежной Юнгфрау. Вот показалась вершина, потом мелькнули синие полосы ледников, затем заблистали, красиво задрапированные снежною пеленой две маленькие пирамидальные вершины на Юнгфрау — Silberhorn и Schneehorn. Вот дымки совсем растаяли, и вся Юнгфрау красуется пред нами во всем своем величии. Теперь уже можно хорошо рассмотреть ее снеговую вершину, сползающие с нее ледники и многочисленные каскады воды, падающие на концах ледников, вдоль по обрывистым склонам северной стороны Юнгфрау. Иногда ледники совсем близко придвигаются к этим обрывам, несколько ледяных глыб свешиваются, отламываются и со страшным грохотом летят вниз, сокрушая все на своем пути. Долго еще потом на месте упавшей лавины тонкой струей сыплется измельченный лед, снег и обломки скал.

Величественность Юнгфрау еще более усиливают придвинувшиеся к ней вплотную ее соседи-гиганты, так же как и она, окутанные льдом и снегом.

Слева большие ледяные поля Eiger'a и Monch'a, справа широкие белые гребни Mithaghorn'a, Breithorn'a и других вершин, белой зубчатой полосой уходящих далеко вправо. Самая вершина перевала Kleine-Scheidegg — нового ничего не прибавила к полученным впечатлениям от Юнгфрау. Правда, отсюда открывается очень красивый вид налево, на другой перевал Grosse-Scheidegg, большой куполообразный Веттерхорн, покрытый снеговой шапкой, и лежащую внизу долину Черной Лючины. После приятного часового отдыха здесь, на вершине, мы поспешили направиться по другой стороне перевала вниз, в долину, на ночевку в город Гриндельвальд, видневшийся далеко внизу.

Когда мы спустились по красивой горной тропинке в Гриндельвальд, уже вечерело; лучи заходящего солнца играли на окрестных снеговых вершинах, заливая их ярким красным цветом. В самом Гриндельвальде курортная жизнь кипела ключом. По тротуарам движется большая толпа нарядной, выхоленной курортной публики. Среди них мелькают загорелые на солнце лица туристов, в их дорожных костюмах, с мешками за плечами. Их тяжелые горные ботинки с торчащими наружу гвоздями, вбитыми в подошву, звонко стучат по асфальту. Огромные освещенные окна больших европейских магазинов, залитые электрическим светом рестораны, откуда несутся звуки музыки, — совсем другой мир, совершенно чуждый тому, среди которого мы провели этот день. Мы пробираемся в один небольшой чистый отель, где нас уже давно ждут ужин и чистые мягкие постели, с большими пуховыми перинами, которые так любят немцы. За ужином мы встречаемся с нашими товарищами, приехавшими сюда по железной дороге, чтобы завтра утром отправиться с нами на Гриндельвальдский ледник. Усталость дает себя чувствовать, и после ужина все сейчас же расходятся по своим комнатам спать, только небольшая компания молодежи отправляется еще в город слушать музыку.

Рано утром, часов в 6, все уже на ногах. Наскоро пьем кофе и уходим из Гриндельвальда — нас уже ждет проводник, швейцарец, который поведет нас сегодня через ледник. Пройдя километров 5 от города, шоссе свертывает вправо и оканчивается почти у самого ледника. Верхний Гриндельвальдский ледник берет свое начало на вершине Веттерхорна, и длинным узким языком спускается оттуда меж сдавливающих его высоких теснин. Надвинувшаяся на него высокая западная сторона Веттерхорна совсем загораживает свою тень весь конец ледника, почти до полудня защищая его, таким образом, от палящих лучей солнца. Это-то обстоятельство и позволяет леднику спускаться так далеко вниз. Ведь здесь же, как раз около конца ледника, растет густой лес, позади которого далеко тянутся густые, сочные луга. Благодаря этому не одна тысяча людей побывает за лето на Гриндельвальдском глетчере — здесь всегда можно встретить даже совсем не привыкших к горным прогулкам. Отсюда, снизу от шоссе, на 420 метров вверх на Веттерхорн, над самым ледником по проволочным канатам движутся вагончики, в которых возят пассажиров туда, наверх, и обратно. Мы усаживаемся в этот вагончик, конечно, не без некоторого колебания. Многие наши дамы уговаривают друг друга садиться, уверяя, что здесь нет ничего страшного.

— Ведь ездят же люди!

— Вот, видите, и сейчас перед нами проехала одна большая компания, и в ней тоже ведь были полные дамы!

— Здесь, ведь, за границей, знаете, очень строго относительно несчастий; вот если бы это у нас, ну, тогда я бы вас и уговаривать не стала!

В конце концов все усаживаются, кондуктор захлопывает дверцы вагончика. Молодежь толпится у окон; смотрит вниз на уходящие от нас долину, конец ледника; слышны восторженные восклицания. Вагончик, чуть покачиваясь в воздухе, плавно идет вверх. Уговаривавшие друг друга сесть в вагончик крепко держатся обеими руками за спинку сиденья, делают довольные физиономии и терпеливо ждут конца воздушного путешествия. Станция. Вагончик останавливается. Все спешат к выходу.

— Вот, видите — совсем не страшно!

Станция приютилась на одном из выступов обрывистой стены Веттерхорна. Шоссе отсюда кажется белой лентой; далеко под нами виднеются белые дома Гриндельвальда, а около нас огромная ледяная масса, вся изборозженная вдоль и поперек глубокими трещинами. Отсюда к леднику ведет узкая тропинка; спускаемся по ней — и, наконец, мы на самом леднике. Лед, самый настоящий лед под нашими ногами. Идти скользко. Много помогают наши гвозди на подошвах и палки с железными наконечниками. Проводник идет впереди и выбирает дорогу поудобнее, лавирует между трещинами. Мы все время заглядываем внутрь трещин, любуясь красивым голубоватым цветом льда на изломе. Сверху же лед совсем серого цвета от массы песку и обломков, которые сыплются с соседних скал. Чтобы показать нам цвет льда внутри глетчера, проводник ведет нас в грот, искусственно вырубленный в самом леднике. Трудно представить себе более эффектную игру цветов. Необыкновенно красивые тона, совсем фантастические: голубые, фиолетовые, бледно-зеленые, розовые — беспрерывно меняют друг друга на потолке и по стенам грота. Невольно вспоминаются мечты детства — почему-то такими мне всегда казались «лучезарные замки». Некоторые, выйдя из грота, снова возвращаются сюда по нескольку раз, чтобы еще и еще раз посмотреть эту волшебную игру. Но проводник не ждет наших мечтателей, торопит идти быстрее, пока солнце еще не взглянуло на ледник, и лед не начал сверху таять. Как только лед начнет таять на поверхности ледника, идти будет труднее, ноги будут скользить, а нам предстоит пройти еще порядочное расстояние по льду, сплошь изборозженному большими трещинами. Поверхность льда ближе к противоположному берегу становится все более неровной и принимает волнообразный вид. Приходится взбираться на ледяные глыбы по ступенькам, которые нарубил во льду проводник своей железной палкой. Иногда приходится протягивать веревку, чтобы опираться на нее, как на перила, так как легко поскользнуться и упасть в трещину, предательски зияющую сбоку. Но все обходится благополучно. Удачно миновав все трещины, мы добрались, наконец, до противо-

положного берега ледника. Теперь мы уже на суше, под нами скала из плотного песчаника. Но это еще не все, нам предстоит еще спуститься вниз по бесконечному ряду лестниц, то висящих над пропастью, то ныряющих в маленьких туннелях. Наконец, и это кончено, сбегая по тропинке вниз — и мы опять у подножия ледника. Теперь солнце уже высоко, и лед быстро стал таять. То и дело слышен грохот, похожий на артиллерийскую стрельбу — это рушатся подтаявшие ледяные глыбы и скатываются вниз, разбиваясь на бесконечное количество сверкающих на солнце осколков.

Внизу у ледника мы расстаемся с нашими слабосильными товарищами, которые возвращаются в Гриндельвальд, чтобы отсюда ехать по железной дороге домой, в Бриенц, а сами отправляемся пешком дальше. Ровным, медленным шагом, под зноем полуденного солнца, взбираемся мы на перевал Grosse-Scheidegg, здесь в отеле у нас назначен обеденный отдых. После отдыха, забравшись на небольшое возвышение смотрим последний раз на Гриндельвальдский ледник, чуть заметный вдали Гриндельвальд, на широкую, крепкую каменную грудь Eiger'a, загородившего собою от нас красавицу-Юнгфрау, и с грустью направляемся вниз по другой отлогой дороге перевала. Но в Швейцарии некрасивых мест нет! Каждая гора, каждый перевал, каждая долина имеют свою особую прелесть. Грустить нам долго не приходится. Голые, еле прикрытые редкой травой склоны перевала постепенно начинают покрываться все более густой и высокой травой, среди которой выглядывают яркие крупные цветы; вот уже пошли густые заросли альпийских роз (рододендронов). Ландшафт оживился. Снег в ложбинах уже не встречается. Откуда-то доносится мелодический звон колокольчиков пасущегося стада. Справа высокой стеной поднимаются Веттерхорн и Вельхорн. Снизу их склоны покрыты темно-зеленым бархатом елей, средняя часть их, лишенная растительности, бледно-коричневого цвета, а сверху красуется ослепительно белая шапка вечного снега. Скоро начнется лес и закроет от нас обе эти вершины. Уже чаще стали попадаться приземистые горные сосны, а там уже начался сплошной лес из старых, вековых елей, увешанных, как кружевом, зелеными

нитями бородатого лишайника. Дорожка наша, извиваясь среди перепутавшихся корней, скоро выходит из леса и приводит нас к берегу веселого горного потока Рейхенбаха. Отсюда, вдоль этого резвого потока по долине, как широким ковром, покрытой бесконечными лугами, идет шоссе. По бокам долины высятся зеленые, поросшие еловым лесом стены гор, шумят многочисленные водопады, красивыми каскадами падающие со скал. Вся долина живет какой-то своеобразной, веселой жизнью. Воздух удивительно свежий, бодрящий, идти легко, и мы скоро доходим до конца долины. Внизу, далеко под нами, уже виднеются белые дома и отели городка Мейрингена, его вокзал с дымящими паровозами. От вокзала, вдоль правого берега Аара тянется темная полоса железной дороги, бегущая в Бриенц. Вправо от Мейрингена взбирается на Брюнигский перевал, то прячась за лес, то ныряя в туннель, другая стальная полоса, по которой мы приехали сюда из Мюнхена. Внизу, у наших ног, кто-то страшно ревет и стонет. Мы сбегает вниз. Огромный, мощный каскад воды с шумом и грохотом низвергается с высоты 75 метров в выбитую им глубокую яму. Вихрь воздуха, рассекаемого этой громадой, кружась, вырывается из ямы, подхватывает бесчисленные мириады брызг и обдает нас как дождем. Далеко кругом вся трава и деревья стоят совершенно мокрые. Брызги весело искрятся на солнце, охватывая широким кольцом радуги весь белый столб водопада. Земля кругом дрожит и стонет от ударов водопада-гиганта.

Нам приходится спешить на поезд в Мейринген, и мы вынуждены скоро уйти отсюда, несмотря на сильное желание побыть здесь побольше, чтобы вдоволь налюбоваться этим великаном. В Мейринген мы приходим вовремя, и через несколько минут поезд привозит нас опять в Бриенц.

Быстро бегут дни за днями в Бриенце. Прогулки, одна интереснее другой, познакомили нас с дикими уголками Швейцарии, ее озерами, ущельями, перевалами, ледниками... Мы ознакомились со всеми типичными явлениями горной жизни, полной красоты и грозного величия.

Девятнадцать дней в Швейцарии промчались, как одна счастливая минута. Как душно и тесно показалось нам в городе, когда наш поезд, пробежавши по красивой С.-Готардской дороге, остановился в Милане».

Далее следуют интересные воспоминания русского экскурсанта о походе в Тирольских Альпах. По существу этот материал интересен тем, кто занимается изучением истории отечественного альпинизма и горного туризма. Я ставил перед собой задачу выяснить хоть что-то об авторе этой статьи. Мне повезло — эту информацию я нашел.

КОВАРСКИЙ ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1880 году в Динабурге. Из мещан, сын фабриканта. Учился в Киевском политехническом институте. Окончил медицинский факультет Дерптского университета. Эсер, партийный стаж с 1899. Вёл революционную работу в Нижнем Новгороде, Петербурге, Москве. С 1909 года член ЦК партии социалистов — революционеров. С 1911 года был в эмиграции. Во время эмиграции в Швейцарии организовывал экскурсии в Альпах для русских учителей и врачей.

Накануне Февральской революции 1917 года работал в Москве санитарным врачом при Городской управе. 22 марта 3-я Московская конференция эсеров избрала Коварского в Московский комитет партии. Октябрьскую революцию не принял. 25 октября избран членом московского Комитета общественной безопасности, задачей которого была борьба с большевиками. В 1919 эмигрировал во Францию. Сотрудничал в русских журналах, основал русское издательство «Родник». Был членом, затем председателем Мечниковского медицинского общества. В 1940 уехал в США, много лет возглавлял Общество российских врачей в Нью-Йорке. Умер 8 июня 1962 года в Нью-Йорке.

ВИШНЯК МАРК ВЕНИАМИНОВИЧ — российский юрист, публицист, член партии социалистов-революционеров с 1905 года, известный деятель культуры русского зарубежья в своих воспоминаниях «Дань прошлому» пишет: «В эти мартовские дни я впервые познакомился со своим будущим

близким другом Коварским, Ильей Николаевичем. Он служил санитарным врачом в московском городском управлении. Как и другие, Коварский в годы политического безвременья отошел от партийной работы, а теперь снова в нее вошел и, как всегда, полностью и безраздельно. Он был занят организацией районных дум и управ, ближе соприкасающихся с широкими кругами населения. Политически Коварский держался, примерно, тех же взглядов, что и я. Но в деле организации районного самоуправления он был сторонником крайней децентрализации. Самоуправление означает не только то, что власть исходит от населения, население само должно и осуществлять всю полноту власти. В данном случае надлежало, по мнению Коварского, очень осторожно подходить к передоверию центральным органам тех функций, которые могут быть осуществлены районом. Все мои доводы против чрезмерной децентрализации отводились».

НЕДЕЛЯ В ТИРОЛЕ. ЭКСКУРСИЯ 1911 ГОДА

Автор И. Коварский

«Установленного расписания на всю неделю отдыха в Тироле быть не могло. Использовать отдых среди природы — это значит значительную часть времени провести на воле, под открытым небом, в таких условиях, где погода играет решающую роль в вопросе о том, удастся или не удастся выполнить намеченную программу. Здесь уместно составить программу по принципу карточной системы, нанося на одну карточку полудневную программу и передвигая, распределяя и соединяя их в зависимости от погоды. Такова приблизительно и была система организации времяпрепровождения в Куфштейне. Только в общих чертах можно было сообщить экскурсантам в день их приезда то, что предполагалось осмотреть, прочитать и изучить, оставив на волю судеб исполнение значительной части намеченного.

В первый день приезда (группы выезжали из Мюнхена в 9.45 утра и приезжали в Куфштейн в 12.10 м. дня) осматривался городок Куфштейн, лежащий на границе Австрии с Германией (Баварией), на правом берегу р. Инна, среди чарующих ландшафтов.

Если при выборе места для отдыха нельзя не руководиться в первую очередь красотой его положения, то нельзя не сказать, что Куфштейн и его альпийская природа в этом отношении наделены богатейшими дарами. С одной стороны, это ландшафт, дающий изобильный материал для естествоведа, с другой стороны, его горы в такой мере доступны, как не во многих местах северного Тироля, среди известковых Альп. Ближайшие горы — Kaisergebrge, поднимающиеся до 2320 метров над уровнем моря, и своими высокими отрогами спускающиеся к самому Куфштейну, сказочно красивы, особенно там, где начинаются голые скалы, где лежат снега, неуспевающие растаять до августа и кое-где сохраняющиеся даже все лето. И в самые дикие места этих гор можно добраться в полдня. С другой стороны долины Инна, открывающейся из Куфштейна на десятки верст за Иннсбрук и далее, подходят другие гряды, причудливые формы которых придают ландшафту очень своеобразный характер. На севере лежат баварские Альпы, мягкого колорита и красивых контуров. Когда воздух особенно прозрачен, на юго-востоке открываются цепи снежных Гор — Высокие Тавры.

В ясные дни и лунные ночи скалы Kaisergebrge кажутся белыми; жаркими летними вечерами они светятся непередаваемым розовым оттенком доломитных гор, создающих великолепную картину так называемого «свечения» Альп.

В Куфштейне около 5 тысяч жителей, и постоянно летом гостит около 2–2,5 тысяч туристов. Это отправной пункт для целого ряда прогулок, которые предпринимают отсюда не только жители ближнего Мюнхена, но и съезжающиеся сюда из многих мест Европы иностранцы, так как, помимо прочего, Куфштейн лежит на пути из Германии в Италию.

В дни особого скопления туристов — в субботу вечером и в воскресенье утром — город приобретает настолько необычный для русского глаза и характерный вид, что одним из специальных пунктов программы пришлось выдвинуть пребывание 1,5–2 часа на улице, у вокзала или у городской площади, в часы прибытия поездов. Город наполняется туристами, мужчинами

и женщинами, в характерных горных костюмах, со специальным снаряжением для подъемов в горы, альпенштоками, шелковыми канатами и проч. Грузные, подбитые гвоздями сапоги, кожаные брюки, короткие юбки, шляпы с перьями, свежие, бодрые, загорелые лица — вся эта пестрота, движение, полное здоровья, сразу вводит в круг жизни, столь далекий русскому обывателю. Группе, приехавшей в субботу, пришлось в этот же день, после обеда, окунуться на время в эту сутолоку, хотя, после городской жизни в трех предыдущих городах, в Тироль ехали в ожидании тишины и покоя природы: другой субботы эта группа уже в своем пребывании не имела.

В будние дни вид городишка, сравнительно спокойный, и шумом наполняет его разве недалекий вокзал и больше всего быстро текущий и шумный Инн.

История города очень богата, и стены, возвышающейся посреди его картинной крепости Geroldseck, знают и силу снарядов и австрийских и баварских войск тех времен, когда переменчивые судьбы перебрасывали его из одних рук в другие, и осады народных полчищ тирольского восстания 1809 года. В городе сохранились остатки стариннейших зданий; названия некоторых окрестностей восходят к временам римлян, в IV и V веке простиравшим сюда свое владычество.

Беглый взгляд, брошенный на все это в первый день, мог только создать смутные настроения. Поваяло дыханием веков от этих тысячелетних громад, бывших свидетелями грандиозных явлений природы, от этих мест, служивших одним из путей великого переселения народов, выдавших и религиозные и наполеоновы войны.

«В горы!» стало едва ли не общим кличем экскурсантов с самого момента их появления в Куфштейне, как только предупредительные чиновники освободили всех от таможенного надзора, и воз, нагруженный багажом, двинулся в направлении места недельного пристанища.

Второй день и был посвящен подъему. Что это был за ничтожный по трудности подъем, могли бы сказать только те, которым впоследствии пришлось совершить основные горные прогулки.

Живописные холмы под общим названием Tierbeerg, не выше 800 метр. над уровнем моря (Куфштейн находится на 480 м. над уровнем моря), привлекают своей густой растительностью, своим прекрасным живительным воздухом, заманчиво выглядывающими из-за зелени новомодными виллами (из них одна принадлежит изобретателю дирижаблей Парсефалю), своими прозрачными, затерявшимися среди лесов озерами, остатками былых глетчеров.

На высшей точке сохранились развалины крепости и капелла, охраняемая сторожем. Отсюда открываются уже значительные перспективы и дали. Интерес заброшенных в уголок Тироля русских экскурсантов к географическому определению этого клочка земли дает первую возможность разметить карту на запад, восток, юг и север. Несколько штрихов геологического характера, несколько своеобразных названий — и картина начинает оживать, светиться внутренним светом. Упоительные горные ландшафты создают бодрое настроение, как ни жарок день и как ни непривычен житель долины к самым даже незначительным подъемам. Катанье по прекрасному озеру (Nechtsee предоставлено бесплатно городом, которому принадлежит это озеро), имеющему, как и все здесь, свою незамысловатую легенду, завершает первую половину дня.

Как ни прост подъем в эти места, однако некоторым он дался не без труда; благодаря ему живо определились как для руководителя, так и для экскурсантов, наличные силы для подъемов в горы. Этот день просеял экскурсантов, разделил их; и на горную прогулку на значительные высоты, намеченную на третий день, записалось уже только около половины экскурсантов. Здесь впервые дало себя знать отсутствие возможности приноровить программу к разным силам и вкусам.

Вечер второго дня был отдан веселью, равно и одинаково доступному и любимому всеми; и старым и малым, и богатым и бедным.

Там, где люди посвободнее от задач будущего, мысль легко направляется к изящному прошлому. И общество «Koasara» (название на местном диалекте, долженствующее от имени «Кайзергебир-

ге» обозначать жителей этих гор) преследует специальные задачи: охранение обычаев, костюмов и танцев старины. В этот месяц шли приготовления к большому празднику, где члены «Koasara» намерены были блеснуть своими старинными костюмами разных веков и разных гор и долин и преимущественно характерными народными танцами. Каждую неделю происходили подготовительные... заседания. Одно из таких «заседаний» (вернее, «приседаний» — да простится мне каламбур!) удалось устроить в зале интерната, в котором помещались экскурсанты. Пестрые, разноцветные характерные костюмы прежних времен и теперешних горных жителей, Schuhplattler (своего рода тирольский трепак, с прихлопыванием по коленям и притоптыванием) вызвали интерес и оживили почти всех экскурсантов. Вместе с тем им удалось здесь впервые ближе столкнуться и с представителями рабочих слоев города (члены «Koasara» все ремесленники и рабочие) и с некоторыми посетившими нас представителями и представительницами местного зажиточного общества. Повышенное настроение скоро вылилось в ряд речей, где уж, конечно, не обошлось без взаимного восхваления приветливых тирольцев и простых обходительных русских, говорилось об объединении народов и проч.

О русских экскурсантах знал и говорил весь город. Досужие газетчики живо обратили их в профессоров, врачей, инженеров; понятно, что такой состав жителей далекой и неизвестной страны не мог не вызвать интереса. Местная газета регулярно посвящала пребыванию экскурсантов теплые заметки, и даже столичная тирольская газета «Иннсбрукские Известия» не преминула сообщить о любезном посещении русскими Куфштейна.

Оживленный вечер затянулся. Только русские были скупы с ответными танцами и песнями. Было столь «gemutlich», как говорят немцы, что разошлись, противно всем правилам о «Polizeistunde» (10 часов вечера, когда ничто не должно нарушать тишину), около часа ночи.

Третьему дню программы — прогулке в горы на весь день с 6 утра до 7 вечера — предшествует, в середине второго дня, сообщение по геологии. На прогулке впервые предстояло ознакомить-

ся уже более близко с явлениями горной природы. Указания во время самой прогулки теряют всякую систематичность и полноту, особенно там, где захватывающие красоты сами по себе способны рассеивать внимание; поэтому предварительное введение в характер геологического строения данных гор и природу явлений, которые предстоит увидеть, является насущной потребностью, если не желать путешествовать по рецепту того туриста, который осматривает «горы снизу, здания и церкви — извне и только рестораны изнутри». Как и по следующим лекциям по палеонтологии, флоре и фауне, истории и быту Тироля, лекции по геологии предстояло осветить окружающее внутренним светом, от простого, хотя и захватывающего, но все же внешнего впечатления, заставить перейти к более глубокому изучению окружающего.

В Тироле наша мысль уносилась и к тем далеким временам, когда сухие пространства, на которых мы теперь стоим, были дном океана и высоко над ними бушевали морские волны; и оттуда к ледниковой эпохе, когда колоссальные глетчеры двигались вдоль долины Инна, вышиной до 300 метров; к тем временам, когда осаждались известковые пласты наших «Кайзергебирге» и к тем, когда могучие подземные силы поднимали вверх эти громады. Сменялись климаты, сменялась флора, сменялась фауна. Росли торфяники, закладывались угольные пласты. Проходили и уходили льды, оставляя озера, болота, холмы конгломератов и мареновых насыпей. Пещерный медведь ушел в область истории, и горная рысь, поэтическая козуля скачет теперь по окружающим скалам.

Мы бродили последующие дни по близким окрестностям, и всюду в этом богатом для естествоведа краю находили следы прежних геологических эпох. По склонам холмов мы видели шлифовку, произведенную былыми глетчерами; видали холмы, окруженные ими же. На полях и на лугах, и в высоких долинах находили среди известковых гор граниты, гнейсы, базальты, принесенные сюда в виде морен в ледниковые эпохи. Мы видели торфяники и знали, что в 10-ти верстах от нас есть следы тропического климата — угольные шахты. А когда поднимались выше в горы, видели под ногами синие и зеленые озера — перлы, глаза, глядевшие в небо.

Дождливая погода в 3-й день пребывания первой группы заставляет отказаться от прогулки в горы и приводит к ряду других перемен. День заполняется сообщением по палеонтологии, имея в виду посещение музея, и осмотром самого музея. Маленький музей, приютившийся на высокой скале, во дворе крепости, со своим собранием вещей, найденных исключительно в окрестностях Куфштейна, иллюстрирует пережитые геологические и исторические эпохи, о которых приходится говорить в лекциях. Скелеты пещерных медведей из близкой пещеры, где еще недавно были найдены и следы бронзового и каменного веков; и характерные груды кораллов и полипов, свидетельствующие о морском происхождении здешних гор; и каменные глыбы, полные окаменелостей животного и растительного царства прежних геологических эпох, — все это вводило в круг вопросов новых или, во всяком случае, мало привычных. Начальник городских школ, исхлопотавший и даровой осмотр музея, — большой любитель коллекций от древней утвари и монет до марок и автографов — явился любезным гидом, в заключение позабавив экскурсантов, как особенно привлекательным для русского сердца и, действительно, любопытным собственноручным письмом Победоносцева, списавшегося с зальцбургским епископом по поводу недопущения одной церковной католической газеты.

День завершается осмотром бывлой крепости Geroldesc.

Из последующих четырех дней два должны быть сплошь проведены в горах; один день предназначался для близкой прогулки и осмотра крестьянского хозяйства и местных цементных, мраморного и машинного заводов. (Фабрика сельскохоз. машин. Мраморное производство — в соседнем баварском городке — Kiefersfelden).

Начать с четвертого дня двухдневную прогулку в горы было невозможно, так как он пришелся на субботу, когда гостиницы и альпийские приюты в горах так переполнены, что экскурсанты рисковали бы остаться на ночь без крова. (Значительная часть второй группы провела третий день в горах, в Vorderkaiserfelden, одном из великолепнейших мест Царских Гор, на высоте 1380 метров.

Отсюда часть взбиралась на высоту 1600 метров (Naunspitze), где открываются грандиозные перспективы в сторону долины Инна и Баварских Альп. Затем все вместе направились в Hinterbahrenbad, расположенный у подножия грандиозных скал центральной части Kaisergebirge).

Этот день отдается легким прогулкам и осмотру типичного тирольского крестьянского полевого и домашнего хозяйства, с его благоустроенной системой орошения, с усовершенствованными молотилками, с водопроводами в избе, с барометрами, термометрами и гигрометрами в обычном обиходе.

Размеренное течение жизни среди чарующей природы способно успокоительно действовать и на русские нервы. Тишь и гладь царят в колонии. Как заправские коренные жители ложатся спать рано — в 9,5–10 часов, встают в 7, редко в 7,5.

Первая короткая половина дня до раннего обеда проходит быстро; лекция об альпийской флоре и фауне лаборанта зоологического кабинета при С.-Пб. университете Ю. А. Филипченко, напоминает о том разнообразии поучительного, что окружает нас среди альпийской природы, и в 3 часа толпа в 25 человек, снаряженная, правда, не очень-то уж по-альпийски, двигается в горы.

ФИЛИПЧЕНКО ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1882 году. После окончания гимназии поступил в Военно-медицинскую академию. В декабре 1905 года по политическому делу попал в тюрьму. После освобождения сдал экзамены, получил университетский диплом. В 1911 году был командирован в Германию для подготовки диссертации. В 1913 году защитил диссертацию по зоологии и сравнительной анатомии. В 1918 году получил должность профессора. В 1919 арестован. По просьбе А. М. Горького он был вскоре выпущен на свободу. Автор первых советских учебников по генетике. Создал научную школу. Скончался от менингита весной 1930 года. Похоронен на Смоленском кладбище, могила не сохранилась.

Нам погода благоприятствует. В путь!

Медленным, твердым, ровным шагом — так гласит правило альпийского туриста. Но не так-то легко войти в норму русскому

человеку. И ни разу еще наша толпа в 30 человек, отправившихся в горы, не представляла собой той чинной ленты, которую являет группа немцев, идущих в горы с серьезностью людей, решающих самые трудные жизненные задачи.

Пусть во всю захватывает одышка, пусть натираются вдвое скорее мозоли, пусть усталость наступает вдвое быстрее! Но мы носимся из конца толпы в начало, убегаем далеко вперед, двадцать раз на расстоянии километра присаживаемся, просим других не торопиться, и через минуту бежим сами.

— Ну, так нельзя добраться до Steinberg, — говорит встречный немец.

Но мы отлично знаем, что нам, русским, можно. Мы всяко ходим и в конце концов там будем, по дороге не свалимся. А экономии сил мы учитывать еще не научились!

Конечно, мы пришли! По дороге мы не упустили ни одного горного ключа, не успевшего еще пересохнуть; покрытые потом, мы вливали в себя студеную влагу и шли дальше, потя еще больше. Мы не признавали никаких туристских правил!

Вот мы и у перевала, за которым открывается грандиозная ширь долины извивающегося внизу узенькой серебристой лентой Инна; сотни вершин зеленых, синих, ясных и подернутых дымкой стелются ниже нас, впереди и с боков. Повыше, на скалистых голых вершинах Wilder Kaiser лежат снега.

Снега! На расстоянии часа от нас, обливающихся потом и изнывающих от жары! Этому никто не хочет верить, но приходится мириться с невероятным.

Перед нами ландшафты, непривычные взору равнинного жителя; горная природа неуклонно раскрывает все новые свои чудеса. Из ущелья показался край плотного тумана и разделил на два отдельных хребта кряж, казавшийся до сих пор нераздельным. За одними туманами показываются другие из всех ущелий восточной стороны и быстро заволакивают долину.

— Пойдемте скорее к нашей альпийской хижине. Как бы не измокнуть!

Никто не верит: не из ясного же неба дождь пойдет.

Но мы не успели пройти и получаса, как пошел проливной дождь. Полил так быстро, неожиданно, что многие успели основательно промокнуть раньше, чем удалось вынуть из мешков плащи и пальто. Грянул гром, и невиданная картина открылась нашему взору.

Гроза в горах... Тут лучше всего воздержаться от описания. Это надо увидеть и перечувствовать.

Так же быстро все прошло, как и пришло. А немного погодя мы развешивали над очагом в маленькой альпийской гостинице свою промокшую одежду.

Наша программа еще так велика, а время бежит так быстро, что долго ни на чем не сосредоточишься. Не успели занять на ночь места, кто на сеновале, кто в общем туристском помещении, кто в отдельных комнатах, как подошел закат; хотя и не совсем удачный сегодня — он несет с собой ту поразительную смену красок, то «свечение» гор, которое не может представить ни одно описание, соединенное вместе со всеми полотнами художника, ни одна крашенная фотография, никакие слова и произведения человеческих рук.

В 4 часа утра уже разбудят к восходу. А кругом так мелодично позванивают колокольца альпийского стада, так красиво звучит какая-то тирольская песня группы туристов, что не до сна! Внутри, в уютной общей комнате гостиницы, собралось так много народа. Льется непринужденный говор русских, коверкающих язык с немцами, кто-то заиграл на гармонии, и две-три пары пошли неспешным характерным тирольским танцем.

Поздновато засиделись (правда, по немецкому счету) — часов до 11. Но все же почти все собрались утром, около 4,5 часов, на недалекой вышке, откуда шире раскрывался горизонт.

Дует свежий ветер. Утренние туманы ползут, тают и опять заволакивают громады. Серые, одноцветные холодные скалы — с одной стороны; альпийские луга, зеленые, синие, покрытые туманом холмы — с другой. И покуда успеваешь от одной стороны перебежать глазом к другой и вновь обратно, перед взором оказываются уже новые картины причудливых очертаний переплетающихся линий гор и облаков, новые цвета, краски.

— Тише, помолчите немного.

Но разве можно тридцати человекам молчать одновременно, когда охватывает тысяча ощущений этой неопишуемой красоты, так полна ими душа и так хочется хоть часть этих ощущений передать другому.

Зазолотились высокие вершины далеких гор. Порозовели скалы.

И мы спешим, рассеявшись, чтобы было тише, наблюдать, ловить и впитывать в себя зачаровывающие душу неизведанные красоты.

Вот и солнце! И в его ослепительном сиянии тонет все разнообразие красок.

А впереди еще волна за волной набегают новые горные ощущения.

Среди скал, у снегов. Мы подымались с трудом по скалистой тропинке, грязной после недавних дождей («шоколадная» дорожка — окрестили наши шутники). Кое-кого втаскивали, изорвали одежду, перепачкались, потеряли два-три французских каблука, но наверху забыли все и в упоении бросились к снегу.

Кругом дикая красота. В небольшой котловине, над которой возвышаются пятисотметровые гиганты-скалы, набросаны в бесчисленном количестве каменные глыбы. Словно раздосадованный великан расшвырял их по всему этому месту, срывая их с заостренных зубчатых вершин Kaiser-gebirge.

Несколько десятков шагов в ту или другую сторону — и открываются пропасти, в которые так жутко и вместе с тем так заманчиво глядеть.

Три-четыре смельчака не хотят идти проторенными дорожками и, несмотря на все мои уговоры, двигаются к верхней гряде. Мне и не хочется их удерживать — так великолепно быть высоко, откуда все кажется ниже, но «во имя спасения Учебного Отдела от упреков в гибели среди гор его экскурсантов», я тяну их всеми средствами вниз.

Я в восторге от вида того смельчака, который вон взобрался на эту голую вышку и на фоне чистого синего неба кажется горным

чародеем, догоняющим нас оттуда своими радостными криками. Но мы молчим, не отвечаем.

Мы спешим вниз, опять к альпийской хижине. Хорошо взбираться вверх с трудом — тем слаще достижение; идти же вниз ползком и с напряжением перебираться с камня на камень — о, это совершенно невыносимо! Но обратная наша дорога много лучше — «паркетная», в сравнении с прежней, шутят те же весельчаки; и движение вниз идет быстрее. Только кустики альпийских роз задерживают нас на пути.

Стакан молока и кусок хлеба — и прощай навсегда, на всю жизнь, милый альпийский приют.

Мешки на плечи и дальше с Каменной гряды к Закаменному озеру (Hintersteinersee). Громким тирольским jodl с его характерным завыванием и образами горного эха, провожают нас оставшиеся. Отвечаем, как можем, пока медленно взбираемся на недалекий перевал. 10 минут — и скрылась вся прежняя картина: мы спускаемся вниз, в сторону покрытой лесами долины Weissbach'a.

Мы не преминули завернуть к альпийским пастухам, полюбоваться их типичными лицами; заглянули в их летние жилища, полные молока и сыру.

Мы еще не устали восторгаться, и через несколько часов бирюза горного озера, приютившегося между лесистыми горами с одной стороны и дикими, покрытыми снегом скалами с другой, — вызывает вновь наши горячие цельные восторги.

Два дня пути прошли «как в чаду».

У ворот нашего дома встречаемся с группой не пошедших с нами и теперь возвращавшихся тоже после прекрасного, сравнительно легкого полудневого подъема на вершину Pendling'a. Радость встречи завершила и подчеркнула радости пережитого.

Жаль было только тех, кто не был нигде. Некоторые из них, впрочем, вознаградили себя тем, что перечитали в читальном зале все русские газеты за неделю; другие тем, что нарядились в полный тирольский костюм и щеголяли в нем с длинными палками в руках, со стальными молотками и зубцами для хождения по снегам.

В седьмой день второй группе было прочитано краткое сообщение по истории и быту Тироля. Остальная часть его была отдана легким прогулкам по окрестностям. Сил к тому времени набралось такое количество, что даже люди весьма солидные находили в себе смелость подыматься по поэтическим лестницам, на высокие отвесные скалы.

Кинув взор на происшедшее, можно смело сказать, что недельный отдых в горах Тироля произвел неизгладимое впечатление на всех посетивших Куфштейн.

Об авторе рассказа С. Полтавском мне узнать ничего не удалось, но зато я нашел информацию о трех руководителях — гидах, которые проводили экскурсии в Италии. Их в своем рассказе упоминает С. Полтавский — это В. А. Алексеевский, Б. А. Грифцов и Н. А. Кун, люди бесспорно интересные и заслуживающие отдельного рассказа, что я и делаю в середине и в конце этого материала.

ЭКСКУРСАНТЫ В ДОРОГЕ

Автор С. Полтавский

«Несмотря на крайне пестрый в профессиональном и образовательном отношении состав группы, с которой мне пришлось проделать от начала и до самого конца весь интересный и в такой же, если не в большей степени, утомительный путь итальянского маршрута, она, как кажется, и многие другие оказалась внешне очень тесно сплоченной и бодро настроенной. Начиная от самой Москвы, в вагоне, после нескольких часов беспорядочного и шумного «самоопределения», как-то сразу и сама собой установились милая и простая товарищеская непринужденность, обвеянная идиллическим духом примитивного коммунизма.

— У нас здесь «несть эллин и иудей, варвар и скиф...» — остряли за соборным чаепитием экскурсанты.

И в самом деле, деления на эллинов и иудеев, слегка замечавшегося до отправления в далекую дорогу, когда экскурсанты еще только начинали знакомиться друг с другом, в пути не было совершенно. Вначале замечалась, была некоторая неизбежная взаимная отчужденность, но выдвинутый на сцену вопрос об учреждении института экскурсионных старост сразу всех объединил, сблизил между собою, и основной тон взаимных отношений установился окончательно на весь период совместного странствования.

Практическое самоопределение путешественников выразилось, прежде всего, в том, что вагон был разделен заботливо, хотя и не совсем строго, в силу многих неустранимых препятствий, на две обособленные половины: мужскую и женскую. Обитатели каждой половины могли чувствовать себя сравнительно свободно и не пренебрегать теми мелкими и относительными удобствами, ценность которых познается только в дороге. Из этого естественного разделения создался потом особый род развлечения: «ходить в гости». Так как в соседнем вагоне случайно оказалась едущей одна из групп германского маршрута, то хождение по гостям все время до самой Варшавы имело характер не только внутренний, но и междувагонный. Сходились вместе для того, чтобы весело пошутить, отколотить залихватски хоровую песню или, наконец, просто поболтать.

Уже на другой день оказалось, что в группе появились своеобразные «любимцы публики», два толстеньких и коротеньких человечка, необыкновенно жизнерадостно настроенных и склонных, не переставая, балагурить. Общий глас сразу окрестил их Бобчинским и Добчинским, и «любимцам» это настолько понравилось, что они всю дорогу иначе не называли друг друга, как Бобочкой и Додочкой.

Приятельская беседа, пение песен, рассказывание анекдотов не были единственным времяпровождением в течение долгого переезда до границы среди достаточно знакомых, однообразных русских пейзажей. Местами и временами загорались диспуты общего, серьезного характера. Спорили о любимом поэте

молодого поколения Надсоне и проводили параллель между его творчеством и творчеством Байрона. Отсюда, по обыкновению, перебрались к темам еще более общего характера и ударились в анализ психологии творчества вообще. Перетряхивался, разумеется, бесконечный «женский вопрос» и даже (обычная способность русского ума уноситься в область мистических отвлеченностей) велись беседы на тему о личном и соборном бессмертии, которое, впрочем, освещалось исключительно с точки зрения последних научных изысканий в области человеческой психики.

Дальше, уже после вступления в пределы Италии, к обычным темам серьезных разглагольствований прибавилась еще одна — об искусстве. На сцену появились даже специальные руководства по истории искусств, и сделаны были попытки совместного чтения их и обсуждения различных вопросов, связанных с теми художественными сокровищами, которые предстояло увидеть в итальянских музеях и картинных галереях. Но эти попытки отцвели, не успевши расцвести. Искусство оказалось менее всего пригодным для поверхностного «дорожного» анализа и потому изъято было из обращения.

Начало длинному ряду калейдоскопически сменяющихся впечатлений положила Вена.

Наблюдательный взгляд экскурсантов быстро подметил, определил и оценил по достоинству наиболее характерные особенности этого города и его обитателей. Особенно тщательному анализу подверглись изящество венских женщин, чистота и спокойный, выдержанный аристократизм городских улиц и корректная услужливость всех слоев венского населения, начиная с тех, с которыми больше всего приходилось иметь дело: трамвайных кондукторов, полисменов, извозчиков, магазинных приказчиков, ресторанных лакеев и т. д.

Самый город, затем университет, собор св. Стефана, парламент, ратуша, картинная галерея и другие достопримечательности были осмотрены с большим интересом. Все, что осматривалось, давало в отдельности настолько новые и своеобразные впечатления экс-

курсантам, что они потом затруднялись даже определить, что им понравилось больше и что меньше.

Некоторым диссонансом явилось посещение Венского народного университета. Прослушавши в главной аудитории этого университета лекцию о развитии внешкольного образования в Австрии и пройдя затем бесчисленный ряд комнат, разбросанных в разных этажах и предназначенных для практических занятий по разным отраслям наук, экскурсанты довольно справедливо недоумевали:

«Зачем нас привели сюда? Если бы нам показали университет, наполненный публикой, в момент его кипучей деятельности — это было бы понятно. А так — что нам говорят эти пустые комнаты и надписи на языке, которого три четверти из нас не понимают? Лекция, правда, очень интересна, но ее можно бы прочесть, не отнимая времени на осмотр этого здания, с внешней стороны очень мало интересного».

Добродушно поворчали и скоро успокоились.

Зато Шенбрунн и Пратер пришли по вкусу всем без исключения. Особенно понравился Пратер с его оживленной сутолокой и целым рядом общедоступных увеселений. Американская гора, карусели, гигантское вращающееся колесо, с подвесной площадки которого, как с борта дирижабля, открывается вечером такой удивительно красивый вид на раскинувшуюся внизу, залитую огнями, красавицу-Вену — все это было использовано экскурсантами неоднократно и в самых широких размерах.

Чисто культурная сторона знакомства с венскими достопримечательностями, в виде, главным образом, лекции по искусству, внесла заметную дисгармонию в отношения и вкусы экскурсантов. Дисгармонию, которая обуславливалась, в связи с различием профессий и образовательного ценза, различием интересов и умственных запросов и которая сохранилась, обостряясь временами до размеров еще более значительных, до самого конца образовательной поездки.

Первоначальным стимулом к выявлению этой внутренней розни послужила лекция д-ра Караваева об общих технических

основах искусства. Сюжет лекции был приблизительно такой: «Геометрия в искусстве». Путем целого ряда примеров, иллюстрированных соответственным количеством снимков с картин всех школ, эпох и народов, лектор указал слушателям, насколько важным является известное геометрическое соотношение фигур или аксессуаров в картине для того, чтобы эта картина могла произвести определенное впечатление на зрителя. Оценка лекции, как и следовало ожидать, получилась в высшей степени разнохарактерная и противоречивая.

Лица «свободных профессий», более интеллигентные и элементарно с искусством уже знакомые, оценили ее положительно:

«А эта теория, знаете, очень интересна. До сих пор смотрели мы на картины и видели только исполнение. Замысла не видели. Оттого и непонятным оставался секрет того впечатления, которое выносилось от созерцания художественного произведения. А теперь, когда вопрос, хотя схематично, хотя грубо сведен к приему, к формуле, секрет становится более простым и понятным».

Публика попроще тоскливо вздыхала:

«Зачем нам треугольники и пересечение перпендикулярных с вертикальными? Все это интересно только специалистам. Нам бы побольше насчет психологии творчества или об историко-бытовой ценности картин. А все эти прямые с косыми нам совсем ни к чему».

Лекции Звездича об общественно-политической жизни Австро-Венгрии, очень интересные и содержательные, оставили публику совершенно холодной.

«Сухо как-то, — жаловались некоторые. — Все это нам чужое, малопонятное. Сюда бы немножко лирики, что ли, пафосом бы таким сдобрить. А то уж слишком строго и деловито...»

Совершенно отличное от венского впечатления произвела Венеция.

Чуть ли ни от самой Понтеббь экскурсанты дежурили у окон вагона и с нетерпением ждали, когда появится, наконец, перед их взорами «царица Адриатики...» А как только вдали блеснули первые голубые пятна лагун, все буквально «ели глазами» город, о ко-

тором так много читали и слышали и от которого ждали так много интересного.

Площадь и собор св. Марка, а также дворец дождей произвели, насколько можно было заметить, очень сильное впечатление. Чувствовалось, что окутывающая их историческая дымка невольно обволакивает особым, трудно уловимым настроением души зрителей и оставляет в них тонкий осадок того ощущения эпохи, которое неизменно создается всяким ярким и выразительным памятником минувшего исторического уклада жизни.

Значительно меньшее впечатление произвели осмотры Академии, церквей и братство св. Рокка. Причина, по-видимому, та, что здесь непосредственно, лицом к лицу, приходилось сталкиваться с искусством, к которому публика оказалась мало подготовленной.

На этом явлении стоит остановиться несколько подробнее, так как его приходится считать почти своего рода «бытовым явлением» на протяжении всей образовательной прогулки по Италии.

Как это ни странно, но Италия, прославленная страна искусства, как раз именно своим искусством, по крайней мере, его внутренним — духовным содержанием, меньше всего производила впечатление на экскурсантов. И в Венеции, и во Флоренции, и во всех остальных городах как-то сразу бросалось в глаза, что все художественные восприятия экскурсантов носят, до известной степени, поверхностный, чисто зрительный характер, и что относиться иначе им мешает отсутствие основательной предварительной подготовки, с одной стороны и, главным образом, отсутствие того неуловимого и трудно поддающегося определению, что можно бы было назвать «художественной стрункой», особого рода тонким чутьем в области искусства — чутьем, которое если не является прирожденным, то дается, во всяком случае, не легко и не сразу.

На всю группу нашелся только один, самое большее — два человека, которым Беллини, Тициан, Джотто, Карпаччио, Донателло, фра-Беато Анджелико, Боттичелли, Рафаэль и другие были не только внешне «интересны», как выдающиеся исторические представители известных течений в искусстве, но и вызывали целый ряд глубоких, чисто художественных эмоций. Для всех остальных они

были, кажется, в гораздо большей степени «достопримечательностями», чем источником непосредственных эстетических восприятий, открывающих целый новый мир неизведанных ощущений. Отсюда — возможность таких явлений, как скучающее замечание одного из экскурсантов, сделанное во время осмотра картинных галерей Академии:

«И зачем такие длинные лекции перед каждой скучной картиной? Зачем так долго морить нас искусством? Провести бы нас один раз через всю Академию, показать, сказать: то-то и то-то, а там делайте, что хотите. Кому неинтересно, мог бы, по крайней мере, на что-нибудь другое употребить время»...

Не лишне будет отметить, однако, какую важную роль играет в надлежащей степени вдумчивое и серьезное отношение культурного руководителя к своим просветительным задачам, в какой степени его личное увлечение способно увлечь и заинтересовать слушателей даже в том случае, если сущность предмета плохо воспринимается публикой в виду ее малой подготовленности.

Несмотря на то, что художественная сокровищница Венеции оказалась значительно более бедной, чем такие же сокровищницы Флоренции, Рима и Неаполя, и что здесь не было еще времени войти во вкус, проникнуться, хотя отчасти, тем сосредоточенным отношением, без которого, в сущности, совершенно нельзя подходить ни к какому произведению искусства. И, несмотря на это, легко можно было заметить, что лекции Б. А. Грифцова, сказанные простым, лишенным доктринерской напыщенности языком, и в то же время все насквозь пропитанные тем глубоким интересом и тем увлечением, с которым сам лектор относился к затронутым вопросам, невольно держали внимание аудитории на той степени напряженности, когда все предлагаемое запоминается особенно охотно, и потому легко.

Интерес к чтениям по искусству не помешал, впрочем, публике с особенно оживленным сочувствием отнестись к небольшим морским прогулкам на острова Лидо и Торчелло и к развлечению, без которого нельзя, кажется, представить себе ни одной русской

экскурсии: катанью на гондолах. Образовательный элемент путешествия был интересен, но утомлял, и потому все наиболее непосредственные, наиболее искренние симпатии отдавались новым для нашего русского взгляда и вкуса красотам итальянской природы.

Это, кажется, мало сознавалось экскурсантами. Но впечатление со стороны получалось определенное и...

Кажется, с Флоренции началось то, что экскурсанты не без остроумия называли «образовательными скачками».

Вместить в каких-нибудь 4 дня осмотр всего наиболее важного и интересного, что дает эта родина итальянского Возрождения, можно было только при очень завидной приспособляемости. Даже выделивши совершенно условно и произвольно из массы ценных и в высокой степени характерных для эпохи Возрождения хранилищ искусства то, без чего абсолютно уже не было никакой возможности обойтись, культурный руководитель Флоренции должен был дать программу, в стремлении добросовестно выполнить которую приходилось буквально не знать «ни отдыха, ни срока».

Утром, едва успевали отзавтракать, приходилось мчаться на осмотр какого-нибудь баптистерия, собора, картинной галереи. Возвращались с прогулки усталые, полные впечатлений, но отдохнуть и разобраться было некогда: прислуга приглашала уже к обеденному столу. После обеда не проходило и десяти минут, как объявлялось «выступление», и начинались новые осмотры.

Экскурсанты не роптали, так как прекрасно понимали, что при таком разнообразии программы и при таком ограниченном времени без «скачек» никак не обойтись.

Некоторые только жаловались: «Ну, что такое четыре дня на Флоренцию? Здесь бы нужно было оставаться по крайней мере неделю!»

В смысле культурного обслуживания экскурсанты остались Флоренцией довольны. Не нравился только несколько официальный вначале тон отношений руководителя к группе и жалели о том, что благодаря столкновению во Флоренции двух групп со-

вершено пропали для большинства очень интересные картинные галереи Питти и Уффици и отдел выставки итальянских портретов. Группа принуждена была осматривать их без руководителя и, лишенная возможности ориентироваться, вынесла оттуда крайне туманное и сбивчивое впечатление.

Отдых «на лоне природы» в местечке Альбано под Римом удовлетворил экскурсантов очень мало. Мало не столько потому, чтобы Альбано недостаточно удовлетворяло основным условиям, необходимым для действительного отдыха, сколько потому, кажется, что это «лоно природы» экскурсанты представляли себе совершенно иначе, чем оно оказалось в действительности. Все думали, что найдут какую-нибудь глухую деревушку, на манер русских, где в двух шагах за околицей степь, в пяти минутах глухая роща или что-нибудь другое в этом духе. А попали, оказывается, в настоящий город, вымощенный камнем, полный магазинов и кафе, и остановились не в избе какого-нибудь крестьянина Винченцо и его бабы Лукреции, а в самой лучшей гостинице городка — отеле «Европа».

Роща капуцинов, где можно было приятно отдохнуть в тени, оказалась в 10–15 минутах ходьбы от отеля, купанье на озере — еще того дальше. Но зато помещение и стол были великолепны, и публика, в конце концов, все-таки, отдохнула.

Рим оставил после себя, пожалуй, одно из самых глубоких, серьезных и, главное, прочных, длительных впечатлений.

При наличии нескольких руководителей, чувствовалась солидная организованность, стройность, «сыгранность», чего, например, далеко нельзя было сказать про следовавший за Римом Неаполь. Во всех руководителях, за очень небольшими исключениями, проявлялся живой и свежий интерес к своему делу, замечался какой-то особый подъем, который захватывал слушателей своей непосредственностью и придавал впечатлениям интенсивно яркую окраску.

Особенно памятной в этом отношении останется для экскурсантов Сикстинская капелла, истолкователем которой был В. А. Алексеевский. По поводу впечатлений, вынесенных из этой капеллы, экскурсанты составляли даже шутливые прогнозы своих

будущих восторгов: — Приедем в Россию и будем хвастаться: «Ах, Рим... Какая роскошь!.. А Сикстинская капелла: какая прелесть! Особенно хорош был Алексеевский»...

АЛЕКСЕЕВСКИЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1884 году. Сын чиновника, надворного советника. Окончил юридический факультет Московского университета.

Эсер. Участвовал в революции 1905–1907 годов, в 1906 году был арестован.

Был выслан в Вологодскую губернию с заменой на выезд за границу.

В 1917 поручик, комиссар 4-й армии, делегат I Всероссийского съезда Советов РСД от Юго-Западного фронта. В 1920–1921 годах служил в Красной Армии. Арестован в 1936 по обвинению в принадлежности к террористической организации.

Расстрелян в 1937 году.

В Риме группа пробыла, не в пример прочим городам, целых десять дней.

Нельзя сказать, чтобы все это время было использовано целесообразно. Не считая трех дней, ушедших на осмотр выставки, в общем, помимо художественного отдела, совершенно бледной и малоинтересной, — совершенно, например, лишним пунктом в программе является осмотр церквей, которых, помимо собора св. Петра, поднесли экскурсантам в количестве, кажется, пяти или шести. На осмотр этих церквей ушел, в сущности, целый день (осматривались они в два приема), а между тем в лучшем случае совершенно свободно можно было ограничиться, кроме собора, одной только церковью S. Pietro in Vincoli, в которой находится знаменитый Моисей Микель Анджело.

Организация ознакомления с памятниками античной культуры, особенно — с музеями, наполненными античной скульптурой, внесла в мнения экскурсантов ту же самую двойственность, которая обнаружилась в Вене после лекции д-ра Караваева. Заведывавший этой отраслью культурный руководитель Н. А. Кун обратил главное внимание на то, чтобы развернуть перед экскурсантами возможно более полную картину тех внешних форм и технических приемов, которыми одна античная художествен-

ная школа отличалась от другой и на основании которых можно с наибольшей достоверностью установить ту эпоху, к которой относится данное произведение, и даже того художника, которому оно принадлежит. Многие были довольны таким направлением лекций, так как оно давало возможность привыкать сознательно разбираться в школах и эпохах проходящих перед глазами произведений античного резца. Но другие, напротив, опять сокрушенно вздыхали: «Что нам в такой или этакой трактовке волос и в канонах Траяна и Адриана? Нам бы что-нибудь об античном духе, об античной психологии, из которой вылилась вся эта скульптура»...

Здесь, в Риме, сказала, между прочим, одна очень симпатичная черта в психологии русских экскурсантов. Черта эта — серьезное отношение к искусству.

Один из руководителей, в целях оживления беседы вздумал было вести свои лекции в шутовском тоне. Публика была искренно возмущена.

— Что же это такое? Мы пришли сюда знакомиться с искусством, а он нам анекдоты рассказывает!

Это серьезное отношение чувствовалось и ценилось руководителями на всем протяжении образовательной поездки по Италии. И, говоря по правде, одного этого отношения уже было бы достаточно для того, чтобы считать оправданной всю ту энергию, которая была вложена в дело организации образовательных экскурсий за границу.

Остров Капри и Неаполь были последними этапами, завершившими собой собственно образовательный цикл путешествия по Италии.

Капри, как и нужно было ожидать, произвел на экскурсантов самое прекрасное впечатление. Голубой и многие другие гроты, Arco Naturale, развалины тивериевского дворца, Монте-Соляро — все воспринималось охотно, оживленно и оставило по себе в высшей степени яркие и красочные воспоминания.

Единственное, чего очень и очень не хватало на Капри — это знатока по части геологии и вулканологии. Здесь, в виду дымящегося

вдали Везувия, у подножия тех же самых развалин дворца Тиверия, можно было бы рассказать очень много интересных и поучительных вещей об особенностях почвы южной Италии, о деятельности Этны и Везувия, от которых так часто и иной раз так жестоко страдают итальянцы, наконец — о возникновении самого острова Капри, вулканическое происхождение которого не подлежит никакому сомнению...

Любопытно, между прочим, отметить то обстоятельство, что экскурсанты, отправляющиеся в Италию двумя различными маршрутами, через Варшаву и через Одессу, оценивают свое пребывание на Капри с диаметрально противоположных точек зрения. Те, которые едут через Одессу, слегка брюзжат:

«Ну, что это такое? Ехали, ехали целую неделю морем, а теперь вот опять изволь сидеть на скалах и любоваться морем. Скорей бы начать осматривать музеи и картинные галереи!»

Едущие с севера, через Варшаву, держатся обратного мнения. «Ах, как хорошо! Все музеи да галереи, галереи да музеи — это, наконец, немного уже приелось. То ли дело — панорамы, Голубой грот, скалы, море — отдыхаешь душой!..»

От Неаполя осталось значительно менее яркое впечатление, чем от Капри.

Прежде всего, чувствовалась ненужность некоторых номеров программы. Из загородных прогулок, какими являются поездка на Капри, в Помпею, в Байю и на Сальфотаро, двух первых было бы достаточно на пять дней пребывания в Неаполе.

Байя и Сальфотаро, удваивая утомление, дают сравнительно так мало интересного, что их с успехом можно было бы исключить из программы.

Кроме того, высказывалось сожаление о том, что такой оживленный, интересный, кипучий город, как Неаполь, именно как город, остался совершенно неизвестен экскурсантам.

От всех поездок и посещений оставалось очень мало времени для того, чтобы прогуляться несколько раз по шумной Via Toledo, потолкаться по беспокойным, крикливым и красочным неаполитанским базарам, посмотреть рыбную ловлю на Via Caracciolo, вблизи Villa Nazionale.

Но главное ощущение неудовлетворенности вызывало все-таки то обстоятельство, что среди неаполитанских руководителей далеко не замечалось того единодушия, которое так приятно ласкало взгляд и чувство в Риме. И поэтому среди экскурсантов не чувствовалось большого подъема, не чувствовалось той приподнятости, без которой воспринятые впечатления теряют всю свою обаятельность и силу.

Около суток вынужденного путешествия по железной дороге до Катании (в Неаполе пароходы Северо-Германского Ллойда страха ради холерного не берут пассажиров) — и Италия осталась позади. К концу поездки утомление заметно начало сказываться и на работе проводника, и на повышенно нервном настроении экскурсантов.

На море можно немного отдохнуть. Нет ни развалин, которые непременно нужно осмотреть, ни музеев, ни галерей, ни лекций, от которых неловко уйти, так как тогда самая поездка теряла бы смысл.

Оглядываются назад, на пройденное. Вдумываются, анализируют.

— Страшно интересно все это! Но только, знаете ли, полтора месяца... все-таки много. Устаешь очень!

Действительно, усталость — не только умственная усталость от перегрузки массой самых разнообразных и ярких впечатлений, но прямо-таки физическая усталость — сказывается самым недвусмысленным образом. Кажется, что весь запас впечатлительности уже вышел, что больше нечем воспринимать, что теперь уже никакая красота не способна вызвать таких свежих и ярких эмоций, какими полна была вся первая половина путешествия. Но это только кажется.

Невозможность сойти из-за карантина в Афинах вызывает недовольный ропот. Шестичасовая остановка в Смирне только раззадоривает аппетиты и уже не удовлетворяет: «такой интересный, характерный, красочный восточный город — и всего только каких-нибудь жалких шесть часов»!..

Константинополь опять захватывает, очаровывает, волнует с наименьшей силой, чем когда-то, полтора далеких месяца тому назад, Венеция. Айя-София, мечеть султана Мурада, Сулейманье подавляют царственным великолепием своей восточной роскоши и разнообразием создаваемых ими настроений. Магометанский Стамбул со своим типичным базаром и европейская Пера, Галата и Золотой Рог, дворец и сокровищница султана, Блистательная Порта и казармы, из которых последовала историческая вспышка младотурецкой революции — все это интересует, захватывает, заставляет усиленно работать мысль и воображение.

Насколько обычным, бодрым становится настроение, свидетельствуют сразу вплетающиеся в общий абрис впечатлений блестящие наивно-добродушного русского провинциализма. Осматривается, например, старый султанский дворец. Выходит вся публика на веранду. Широкая, залитая светом веранда. Вниз густым зеленым обрывом уходит каштановая роща, впереди красивой темно-голубой змеей синее Босфор. Картина зачаровывает своей восточной мягкостью и негой...

И вдруг — благодушный возглас на весь Стамбул: — А хорошо бы здесь чайку попить!..

Но эта вспышка мечтательной бодрости — уже последняя. Остался позади Константинополь, и окончательно упало оживление. Стоит в мозгу, как далекий сон, Айя-София, Сулейманье, волшебные Принцессы острова с такими изумительно красивыми и разнообразными предзакатными красками, и чуть брезжит в памяти воспоминание о далекой Италии. Да, нужно отдохнуть немного. Вот уже и Черное море, такое хмурое и неприветливое по сравнению с мягким и красочным Средиземным, кончилось. Вон вдали показалась Одесса, дальний путь кончен. Саратов».

С. Полтавский упоминает в своем рассказе кроме Алексеевского еще двух русских экскурсоводов, которые проводили для учителей в 1911 году экскурсии по Италии.

Это Б. А. Грифцов и Н. А. Кун.

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИФЦОВ.

Родился 12 (24) мая 1885 года в семье московского чиновника. Окончил философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. Начал публиковаться в 1906 году в общественно-политических и литературных периодических изданиях. В 1911 году издал сочинение о трёх выдающихся русских философах — Василии Розанове, Дмитриии Мережковском и Льве Шестове — «Три мыслителя». В 1923 году опубликовал монографию «Искусство Греции», в 1927 — фундаментальное исследование «Теория романа», охватывающее многовековую историю жанра от Античности до начала XX века. Также в 1923–1924 написал монографию «Психология писателя», опубликованную лишь в 1988 году. Основные литературоведческие работы советского времени посвящены Бальзаку. Профессор МГПИ, Тверского государственного университета. Основной составитель первого в России большого (около 60 000 слов) русско-итальянского словаря, изданного в 1934 году. Автор монографии «Как работал Бальзак», изданной в 1958 году. Грифцов переводил Вазари, Бальзака, Флобера, Пруста. Автор автобиографической повести «Бесполезные воспоминания» (1915, отдельное издание — 1923). Умер в Москве 21 декабря 1950 года.

НИКОЛАЙ АЛЬБЕРТОВИЧ КУН — русский историк, писатель, педагог; автор популярной книги «Легенды и мифы Древней Греции» (1922), профессор МГУ. Родился в 1877 году. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1905 году работал в Берлинском университете у профессора Мейера и в музее народоведения. В конце 1906 года вернулся в Тверь; был избран председателем совета Тверского частного реального училища. С открытием в Твери Народного университета в январе 1907 года читал в нём лекции по истории культуры.

В 1908 году был избран профессором всеобщей истории московских Высших женских педагогических курсов Д. И. Тихомирова, где читал лекции до закрытия курсов в 1918 году. В 1911–1912 годах руководил экскурсиями российских учителей в Риме, читал лекции в римских музеях по истории античного искусства, римского Форума, Палатина. С 1915 года — профессор Московского городского университета им. А. Л. Шанявского по кафедре истории религий. С 1916 года он — профессор Нижегородского городского

народного университета. С 1920 года Н. А. Кун — профессор факультета общественных наук Московского государственного университета. Одновременно преподавал историю культуры в 1-м Московском педагогическом институте (1918–1925).

Последние годы Н. А. Кун провёл на даче в Черкизовском парке. Умер в 1940 году. Похоронен на Черкизовском кладбище.

Николай Альбертович написал много интересных книг: «Сказки африканских народов» (1910), «Магомет и магометанство» (1915), «Италия в 1914 г.» (1915), два тома «Сказки цыган» (1921 и 1922), «Предшественники христианства (восточные культуры в Римской империи)» (1922), «Первобытная религия» (1922), «Сказки народов островов Великого океана» (1922). Однако наибольшей известностью до сих пор пользуется книга, написанная в 1914 году «для учениц и учеников старших классов средних учебных заведений, а также для всех тех, кто интересуется мифологией греков и римлян». Под своим первоначальным названием «Что рассказывали древние греки и римляне о своих богах и героях» книга была издана в 1922 году, 1937 и 1940 году.

ПО ШВЕЙЦАРСКОМУ МАРШРУТУ ЭКСКУРСИЯ 1913 ГОДА

Автор И. И.

«Нам, трудящейся интеллигенции, связанной ежедневно скучной и однообразной обыденщиной как делового, так и житейского характера, необходимы поездки группами и именно поездки за границу. Там, вдали от повседневного, среди людей, совершенно друг с другом ничем не связанных, независимых, чувствуется и думается совершенно иначе, лучше, смелее и шире. Сознаешь себя действительно свободным человеком, и мысль, работая совсем в другом направлении, хотя временами отдыхает от мелочной суеты. Хорошее влияние группы, безусловно, чувствуется, и все неудобства путешествия, которые тяжелы были бы для одинокого путешественника, совершенно скрашиваются присутствием группы. Мне особенно была приятна в группе ее разношерстность, где люди сходятся, имея

совершенно противоположные взгляды, мнения и убеждения. Здесь целая бесконечность типов: от людей почти малограмотных до людей высоко развитых, от людей с громадными средствами до бедноты, от людей генеральского чина до обыкновенного смертного, получающего чуть ли не 25 руб. в месяц на всем своем. Всем приходится близко сталкиваться, высказываться об одних и тех же вопросах, ночевать в одной комнате, а все это создает картину жизни, которую нигде не встретишь в таком виде, картину яркую, поучительную, интересную и полезную, и все это достигается без каких-либо хлопот и желаний, делается само собой. Вот лилейный батюшка по церковно-славянски что-то доказывает по поводу слышанного реферата; там другой батюшка из «новых» рассказывает про свою жизнь и как ему живется в батюшках; здесь компания аристократических девиц, уже слившаяся с демократической жизнью группы, выслушивает рассказы какого-то регента архиерейского хора; там земский врач-женщина, зубной врач-армянка, бедная учительница, писец из конторы завода, генерал, статский советник и проч., и проч. Особенно должно хорошо влиять такое разнообразие типов на молодежь, заставляя поневоле вдумываться и разбираться во всем. Большинство говорит смело, открыто, за исключением незначительного меньшинства, которого жизнь так уже забила, что оно никак не может допустить свободы слова.

Впечатлений масса; впечатления яркие и живые. Вот Германия! Общий темп жизни ускоренный. Поезд стоит один миг, и все движется поразительно быстро: и начальник станции, и кондукторы, и публика. Одно мгновение — все сделано, и поезд мчится с головокружительной быстротой. Вот немецкий бравый жандарм на границе — та же быстрота в движениях, в разговоре, в жестах. Тут оказались в уборной маленькие кусочки мыла и для каждого отдельное полотенце.

Делятся впечатлениями экскурсанты, шумят, острят, смеются, сравнивают наши порядки железнодорожной жизни с германскими, удивляются. Вот что-то запахло дымом на площадке вагона. С необыкновенной поспешностью летит туда кондукторская бригада — и опять нас поражает необыкновенная скорость, точность

и аккуратность работы немцев. Один миг, все разобрано, вычищено, опять налажено, и поезд пущен в ход. Нашим понадобилось бы не менее получаса, пока они пришли бы, поговорили, решили, принялись бы неспеша за дело и т. д. А на городских станциях в Берлине, несмотря на массу людей, какой образцовый порядок, как все быстро предъявляют билеты! А у нас — то полезет в один карман, в другой в пиджаке, потом во все карманы жилета, пальто, брюк, и все никак не может найти билета. У немцев и здесь один миг. А как у них все и везде записано, чтобы не сделать ни одного лишнего движения и не потерять времени, написано и то, что должно быть всем известно и, казалось бы, писать-то не следует — все же пишут. А несмотря на все надписи, наши русские все же подойдут, попробуют и так, и этак, а потом уже посмотрят на надпись, увидят, что там написано, успокоятся и отойдут. А немецкое народное гулянье, где не увидишь ни одного из простонародья, в нашем смысле: все в белых крахмальных воротничках, в шляпах — выглядят совсем, как наши господа, и, лишь всмотревшись пристальнее, видишь, что эти господа отличаются от наших и более подходят к нашим рабочим по своим манерам говорить, смеяться, а главное, по интересующему их времяпрепровождению среди народных развлечений. А как редки у них нищие, да и те более походят на первый взгляд на наших господ — и здесь белый воротничок, галстук и шляпа, и все прилично. А как везде чисто, удобно, приятно! Ни одной мухи во всем Берлине; уже в Мюнхене удалось увидеть несколько мух. Моют мостовые так, как у нас бабы в деревне лишь перед Пасхой да Рождеством моют полы. А какой порядок везде! Какая сигнализация рукой, чтобы не столкнуться при поворотах! А какая дешевизна автомобилей! А какая масса цветов на окнах, а как прелестны идеально ровные берлинские мостовые! Как чудно их ремонтируют асфальтом: ночью подъезжает целая машина с горячим асфальтом, заливает, сравнивает и уезжает. А у нас-то везут и устанавливают громадные котлы, разогревают их на месте, вручную мешают, смердят целые недели, а ночью, когда на улицах никого нет — и ремонта нет. А как немцы строят дома! У них тут и подъемный кран, и локомотив, и леса-то разборные, которые в один миг можно пристро-

ить и разобрать; и все на винтах и гайках, ни одного гвоздя не вбивают. Все это поражает и удивляет. Такой высокой культуры долго нам не дожидаться... В то же время удивительная экономия. Дома все серые, крыши серые, и красить их приходится очень редко. А как веселятся немцы, особенно в Мюнхене! Все поет: и хор на сцене биргалки, и все присутствующие гости, и кельнеры, и кельнерши, и сам хозяин, и все очень довольны и радостны, все мило наивны, как дети. Немцу, если хочется петь, то он не стесняется, нравится ли, нет ли окружающим — а он споет. Если ему хочется потрепать свою супругу по щечке, он не стесняется тем, что скажут окружающие; он потреплет ее по щечке и потом сейчас же заснет, сидя в вагоне. Все это характерно для немца, и в то же время нет никаких безобразий, ничего, нарушающего общественную тишину. А главное, совершенно не видно пьяных немцев, как мы привыкли видеть пьяных русских...

В Швейцарии уже не то: и темп жизни много слабее немецкого, и жизнь в ее удобствах как-то серее, хотя природа и постройки красочнее. Швейцарцы и работают медленнее, и нет у них такой молодцеватости, как у немцев, и войска уже уступают во многом автоматным немецким солдатам: тут уже не мгновения, а минуты. В общем настроение какое-то серое, не самодовольное, не радостное — более угрюмое, сосредоточенное. В Бриенце, проживши более двух недель, ни разу не видел, чтобы какой-либо молодой человек ухаживал за швейцарской девицей. Все тихо, скромно и во всем сдержанный порядок. Один из наших, находясь в радостном настроении, после 10 часов вечера, вздумал, было, показать наглядно, как ходят немецкие солдаты, увидавши генерала, и раздался уже откуда-то голос: «Warum so?» Все мы были поражены; ну, кальвинисты! Даже ходить-то после 10 часов следует по улице, крадучись и слегка ступая по мостовой.

В Италии же много нам сродни. Там уже и пылит, и смердит, и кусается и проч., и народ как-то ближе подходит к нашему: хотя и в шляпе, но заплатки имеются, лохмотья тоже существуют, а грязи, пожалуй, не менее, чем у нас, в особенности в Венеции. А главная масса бездельников, полунищих; они высадят

вас из гондолы, когда вы в этом не нуждаетесь, и попросят на чай. Но страна, безусловно, контрастов. Среди бедноты — масса роскоши и драгоценностей; но все в полузаброшенном виде. Австрия ближе всего подходит к немцу, но до немца еще не дошла.

Вот мои краткие впечатления от поездки по Швейцарскому маршруту 4 Б.

ИЗ ДНЕВНИКА ЭКСКУРСАНТКИ

Автор Ф. К. Эль

9-го июня. Я в Швейцарии... Сон стал действительностью. А здесь действительность сменилась сказочным сном... С террасы вид на Бриенцское озеро и на снежные Hasliberge. Какая красота! Каждая точка живет своей особой жизнью — что ни миг, то она меняется, меняется ее колорит... Грандиозно!

В Тюрингии прекрасные линии гор, бурги, руины уносят тебя в другую эпоху — эпоху рыцарства и романтизма.

Здесь же тобой овладел Гордый Дух — он сковывает. Глаз стремится вперед... Но горы скрыли от тебя мир — и указывают только одно направление — вверх.

И чаще думаешь об этом Верхе, о том, что так или иначе с ним связано — о той роковой Силе, которая кует нашу жизнь по своему усмотрению... Но какова бы ты ни была, о Сила, я тебе признательна, что ты привела меня в эти места...

Счастлива теперь — живу в ином мире, отрешенная от земли. Да и фактически-то мы на высоте 600 метров. Дорога от Люцерна была поразительно красива. Подъем превышает 1000 метров. Едем по Zahnradbahn медленно-медленно... Стою на площадке. Мы в котловине гор!

Громады, подернутые туманом, облаками... Снег блестит на солнце... С верхушек пенистыми лентами тянутся книзу воды...

Белые струи то бурлят, кипят, то распыляются и скользят по скалам — беззвучно — не касаясь тверди... Точно туманные при-

зраки, текут беспрерывно — сливаются в потоки шумные, бурные — и текут в озера...

А вот раскинулось озеро (Фирвальшtedтское). Гладкое, только у берега небольшая зыбь. Колорит странный; такого не видала ни на море, ни в водах равнин — то светло-зеленый русалочный, то темнее, вплоть до темного — блеклого. Цвета нежные, неяркие, ибо воздух непрозрачен — напоен влажными испарениями...

Подымаемся выше — висим над пропастью. Налево — скала нависла, давит. Направо пропасть — глубокая, черная. Поезд идет тихо... Гляжу вниз... Там страшно — бурлит поток... И жутко — и хорошо...

Не в силах этого передать. Мне не верится, что это я, что я здесь, среди этой подавляющей красоты. Кажется, что все это сон, сказка... И тот момент, когда очнусь, когда уйду из этого заколдованного мира, будет ужасен. Этого пробуждения я боюсь...

...Товарищ по экскурсии играет Passion Bach'a... не могу рассказывать...

...Как все здесь прекрасно... Тишина озера, благородство линий, величие гор и эти молитвенные, страдальческие звуки.

16 июня. ...Сумерки... Сижу на берегу озера над обрывом. За мной деревенская улица — слышу голоса, шаги... Боюсь оглянуться... так хорошо одной. Озеро сегодня бурное...

Там — горы в тумане, в облаках. Здесь — шум волн... подбегут к камням, обнимут нежно-мягко и, почувствовав жесткое, твердое, разочарованные уплывают. Но задние волны все бьют их, прибывают... Налево мыс — дома... не надо глядеть...

А впереди хорошо — вода и горы... Но и вперед глядеть не хочется. Закроешь этак глаза... и сидишь, думать не думаешь, а так — ощущение, точно душа растет, ширится, растворяется в этом мире красоты.

17-го июня. Накрапывает... Пошли по направлению к церкви — церковь на горе.

Поднимаешься по каменным ступеням, а сбоку скалы дикие, обрывистые. В расселинах кусты, дико друг с другом перевитые,

свешиваются... Церковь высоко на скале каменная, без украшений. Окна — полукруглые ниши с узорчатыми стеклами.

Над самым входом Богоматерь — тоже на стекле — краски бледные, пространство над головой светится голубоватым пламенем.

Старые, ветвистые липы, полусвет от них; старая церковь с простой каменной башней и черепитчатой крышей, в роде тунских; надгробные плиты и памятники, и тебя проникает сознание какой-то торжественности всей этой гробовой тишины, спокойствия от тяжелых, темно-зеленых кипарисов...

Сядешь на плиту — и мысли о бренности всего земного так и сковывают душу...

И все-таки хочется жить... Кругом такая красота разлита...

18-го июня. Rothorn-Kulm. Теперь 6 часов утра. Мы на высоте 2350 м.

Кругом снег, под нами облака... холодно... невозможно писать...

ИЗ ЖИЗНИ В БРИЕНЦЕ

Автор М. Л.

...Вот и Бриенц! Небольшой вокзал на самом берегу озера, напротив пароходная пристань; белой лентой бежит по берегу озера шоссе, застроенное по обе стороны. Типичные швейцарские домики чередуются с небольшими простенькими, но благоустроенными отелями; есть и магазины, но они не блещут богатыми витринами, хотя, по-видимому, заключают в себе все необходимое. Часты лавочки с художественно-резными деревянными изделиями; особенно много медведей — изображение медведя составляет герб Берна.

Бриенцское озеро окружено горами, и их высота скрадывает ширину озера: оно кажется узким, хотя имеет в ширину до 3-х верст, и только в длину протягивается так далеко, что вместе с горами тонет в синеватой дымке.

К вечеру я прошел весь Бриенц: тянется он приблизительно на версту, застроенный без перерыва. Дети резвятся и наполняют улицы. Рабочие деловито проезжают на велосипедах; праздных не видно...

В конце селения, на невысокой скале, приютилась кирха — с простеньким шпицем, укрытая зеленью... За кирхой — кладбище; каменная стена огораживает его от дороги. Пирамидальный тополь да группа громадных акаций растут против кладбища на дороге; но могилы положительно благоухают: целые кусты пышно цветущих роз, белых, желтых, розовых и ярко-красных так и пестрят, куда ни обернешься...

Розы, изумрудное озеро, гордые, недоступные снеговые вершины гор, крутые скаты которых почти сплошь заросли темно-зелеными елями, — это надо видеть, чтобы оценить... Это так красиво, гармонично и таким прекрасным сном является в сравнении с петербургской действительностью!..

После обеда вступили в горы, направляясь к водопаду Гисбах. Ровно и медленно поднимались мы по огороженной дорожке; маленький Бриенц на противоположном берегу краснел своими кровлями... Справа обрывистый берег ниспадает в озеро, слева — скалы почти отвесно нависают над тропой...

Жара открытого шоссе сменилась свежестью леса; из складок пластов просачивается холодная вода, или бежит сверху шипящими белыми потоками...

Руководитель идет, окруженный экскурсантами, поясняя образование пластов, озер, называя породы...

Лес сменился лугами; попались два-три домика и косари; в траве пестреют яркие краски цветов. На нашем пути встречаются скамейки, и забываешь, что тут — горы, а не парк...

Ясно слышен шум водопада. Против самого водопада роскошный отель, специально для богачей; от него к пристани ведет зубчатая железная дорога, и ее полотно легкими воздушными мостками, едва поддерживаемое высокими каменными столбами, пролетает над ущельями... Кругом отеля балкончики, веранды; на громадной террасе — столики, и не хватает только орке-

стра... Я, было, заворчал на такой диссонанс, но отвернулся и... забыл все: по 13-ти уступам Гисбах падает с высоты 300 метров; мелкая водяная пыль сверкает и переливается радугой на солнце. Он весь какой-то раздробленный, пенится, бурлит; но все же есть и массивные, могучие водяные столбы; в одном месте дорожка заворачивает в пещеру, в ней устроены мостки, и через вас с грохотом и вихрем водяных брызг стремительно низвергается водопад...

Тропа-лестница вьется по скалам, поднимаясь вверх и перебегая водопад по легким мостикам; эти мостики очень интересны, в особенности нижний: он со стороны Гисбаха даже огорожен забором, но и через забор несется водяная пыль, а в щели между досок дует насыщенный свежестью ветер...

Мы поднялись выше водопада, тропа окончилась открытой поляной; озеро уже глубоко внизу, оно цвета неба, и так необычайно видеть такую окраску сверху, сквозь чащи глубоко внизу растущих деревьев... На поляне отель — Schweibenalp; я один из запоздавших; экскурсанты сидят уже и наслаждаются видом на горы и окрестности и... вином — говорят, только оно и утоляет жажду при восхождении на горы...

Тихо-тихо кругом, озеро так и замерло — вода кажется густой краской. И запахи такие нежные и в то же время сильные... После ужина у Бера, в «доме Русских Экскурсантов» — импровизированный бал; мазурка вышла особенно эффектной: у большинства танцоров сапоги были подбиты уже гвоздями, для удобства восхождения на горы.

Ночью опять грохотала гроза; на этот раз центр ее приходился как раз над Бриенцем; ослепительно сверкала молния, гром не давал спать, и ему вторило эхо...

Утро встало серое; облака спустились чуть не до кровел — тяжело и неподвижно лежали они, окутывая склоны гор... А нам предстояла интересная прогулка в ущелье реки Аар и, так как были уже заготовлены бутерброды вместо обеда, взяты билеты, то ничего не оставалось, как ехать, не взирая на погоду. Оделись, кто как мог, и по дождю отправились...

Виденное за весь этот путь заставило позабыть про погоду; дождь и потоки с утесов промочили нас совершенно: вид экскурсанток стал жалким, кофточки прилипали к телу, со шляп текло, юбки тяжело путались у ног...

Вечера у нас один лучше другого: вчера у Штерна играли итальянцы, сегодня же у Бера — куда собрались делить Миланские комнаты — разыгрался целый маскарад: вдруг... вваливается медведь! Развалистой походкой, размахивая передними лапами и скаля зубы, шествует он через всю залу, задевая встречных; кругом — смятение, хохот... Экскурсантки стараются узнать, кто это, и с визгом отскакивают от его лап — шум невероятный... Но Сибиряк и тут нашелся: схватившись с медведем в рукопашную, он поднял его к себе на плечи, и... под медвежьей шкурой беспомощно повисли в воздухе самые обыкновенные ноги, принадлежавшие, как сейчас же и открылось, одному из служащих отеля. Ну здесь фу-рор полный! такой, что даже Сибиряк не выдержал и удрал вместе с «skonфуженным» медведем...

Поездка в пещеры св. Беатуса.

Вскоре после кофе почти вся группа собралась в пещеры св. Беатуса, о которых вчера Владимир Михайлович, наш руководитель, говорил нам после лекции по геологии...

Высадились в Интерлакен и прошли его такой нестройной пестрой толпой. Но, должно быть, полдень — ранний час для курортной публики, так как разодетых леди и джентльменов попадалось немного.

От Интерлакена пошли по обычному здесь великолепному шоссе, по северному берегу Тунского озера; минут через 40 все жилье осталось позади нас; дорога побежала по самому берегу, а сейчас же за ней, справа, поднялись скалы, покрытые лесом. Пахло смолой, свежестью воды, и так легко дышалось; пролетали стрекозы, звенели кузнечики; тишину нарушали только наши шаги.

Потом шоссе начало подниматься в гору, сделало излучину около почти высохшего, широкого русла горного потока и привело нас к одинокому ресторанчику «Beatus». Здесь у нас привал; на

широкой, открытой террасе расселись мы пить кофе и истреблять бутерброды, служащие нам обедом. После кофе часть публики улеглась на полянке; консерваторка села за пианино, и звуки музыки так нежно разносились по веранде!

За рестораном дорога, упершись в скалы, потянулась по карнизу, пронизывая туннели; озеро глубоко зеленело внизу. Со скал, нависших на дорогу, падала крупными каплями чистая, как хрусталь, и холодная вода...

Издали, сверху, доносился звон колокола. На небольшой площадке, у самой скалы, высоко вздымавшейся к небу, приютилась маленькая галерейка с колоколенкой и башенкой у входа.

Игнорируя слово «легенда», с более серьезным чувством, чем чувство туриста, я подошел к отверстиям, в которые была видна келейка св. Беатуса: камелек, за грубым столом — старец за книгой (конечно, восковая фигурка, но в натуральную величину и художественно выполненная). Висят сети; на столе — нехитрая снедь: хлеб, огурец, морковь. В переднем углу крест, повитый зеленью, и толстая книга. Здесь же и ложе, покрытое мохом...

Вступили в «пещеры», это — щели в скале. Шумит поток. Идем мостками, заметен подъем. Поднимаемся по лестнице — холодом веет от водопадов... Громадные камни отделились от пластов скалы и образовали двойные проходы. Проходы расширились; хаотические обломки кругом. Забираемся все выше, едва протискиваясь в теснинах. Кругом вода — капает, стекает, бежит, омывая глыбы...

Еще подъем и — глубокая трещина с шумящим водопадом, эффектно освещенным. По преданию, здесь и жил дракон, которого выгнал святой Беатус.

Вниз, по направлению к Туну, мы шли по такой же сказочно прекрасной дороге; только по временам шоссе несколько отходило от крутизны берега, и тогда по обе стороны от нас высились с чудными кронами деревья, увитые плющом... Тунское озеро уходило в необозримую даль, противоположный берег открывал широкий простор. Незаметно мы подошли к спуску, внизу которого была пароходная пристань. Было 6 часов вечера; через 45 минут пароход подходил уже к Интерлакену...

Тихий, благоуханный вечер; высоко рея в воздухе, громко свистят ласточки. Я опять присел на скамейку пред Юнг-фрау; с боков стелются облака, но вершина и средний ледник открыты. Солнце освещает ее. Сзади меня шуршат камешки под ногами гуляющих; с заглушенным шумом катятся экипажи и, как тени, неслышно проносятся велосипедисты. И какое-то странное раздвоенное чувство создается от этого: смотришь на снега гор и вдруг — как очнешься — шум улицы...

И кажется какой-то жалкой эта суэта людей пред неиссякаемой красотой вечной природы... Встало редкостное утро; небо без облачка, горы, даже отдаленные, четко вырисовываются и такая бодрящая свежесть... И без того жаль уезжать, а тут еще такая красота! Торопливый кофе за полупустым столом; торопливое, но сердечное прощанье, и вот уже последний раз мы идем по тихой улице Бриенца; большинство из встречных провожают нас сочувственными взглядами, некоторые раскланиваются...

ИТОГИ

Автор Алексей Диодатов

(В гостях хорошо, а дома лучше...)

Теперь я снова в деревне; снова в обычной, милой мне обстановке, где душа отдыхает на любимом деле, и ум работает не лихорадочно и болезненно, как в городе, а спокойно, хотя и медленно, но упорно. Да, я снова в деревне.

Сейчас, пока, осень ясная, на редкость красивая. Она неспокойна, потому что в ней многое от лета; но скоро будет зима, русская деревенская зима, тихая, нынче, слава Богу, сытая и спокойная. Это впереди. А что же было?

Была весна. Была тревожная, с ожиданием чего-то и надеждою на что-то, весна. Была пора, когда вдруг небо из белого, как бельмо, стало бирюзовым, а потом голубым; когда мертвый лес зашевелился и начал расти; когда вскипела скованная река, взбухла и разлилась на версты; когда свершилось великое чудо — выросла душа

человека, стала вдруг необъятной, многоцветной и дерзкой. Была пора, когда поднялись со дна силы, загорелось любовью сердце и захотелось сказать: «Боже, сколько чувствую я силы, сколько любви! Дай же мне разум воспользоваться моим сокровищем...»

И не зналось, куда деть свою молодость, свою силу; а душа томилась неясным, но страстным желанием.

Вспоминаю я, как был с учениками на реке и как сказал один мальчуган:

— Вот, ежели бы мне, Николай, крылья: полетел бы я вон туда...

А другой его перебил: «— Нет, я бы вон туда...» И думалось мне: «Милые, милые дети, и я не старик, и моя душа хочет лететь, да... крыльев нет...» Такая чудесная, богатая была весна!

Потом пришло лето, на которое каждый сельский учитель возлагает столько надежд и упований. Каждому хочется провести его и приятно, и полезно; поэтому уже с великого поста и даже Рождества каждый учитель строит планы и предположения, как использовать каникулярное время.

Совершенно случайно этим летом я решил ехать за границу. На мою долю выпало небольшое путешествие (я побывал только в Берлине, Дрездене и Саксонской Швейцарии), но оно оставило во мне, если не неизгладимый, то все же глубокий след. До сих пор вспоминаю, как прекрасный сон, и те немногие дни, которые я прожил «за рубежом», и те милые лица, которые разделили со мной мою сказочную, необычайную виденным и пережитым заграничную жизнь.

Поистине так все было чудесно и так непохоже на действительность, что временами мне кажется, что собственно никуда я и не ездил, а только побывал в кинематографе, посмотрел диковинные картинки. И только, когда я чуточку уйду в себя, я чувствую, как выросла и обогатилась моя душа — и это лучшее для меня доказательство того, что я «был» и «видел».

Когда-то противник всяких путешествий, как отвлекающих от дела развлечений, дорогих и потому особенно вредных и опасных (ведь с деньгами всегда сопряжены неприятности и несправедливость), я, теперь вкусивший, всем и каждому говорю: «Поезжай-

те, если есть возможность, за границу и не упускайте счастливого случая».

Не могу передать всего того, что я видел, что приобрел, чему научился, но и не могу не поделиться хотя бы существенным. Здесь я постараюсь ответить на те вопросы, которые пришлось мне чаще всех других выслушивать. Обычным вопросом каждого и в особенности купца и крестьянина было: — Где житье лучше, у нас или у немцев?

И чувствовалось в голосе вопрошающего ожидание какого-то откровения и надежда на то, что есть где-то жизнь лучше, и стоит только узнать ее — и все будет отлично, и не станет больше ни страданий, ни мытарств. И стыдно, и, по правде сказать, досадно было мне, юнцу, говорить пожилым, искушенным жизнью людям избитую истину: что жизнь по существу везде одинакова, что человек сам творит свою жизнь и что учиться надо не у народов, а у великих учителей.

И, Боже, сколько было у одних разочарования, у иных злорадства, что и у немцев плохо, а у третьих — даже недоверие. Не верили больше наши бедные учительницы, зачитавшиеся Вербицкой, не бывавшие дальше своего уездного города и мечтающие с первого дня службы сбежать из деревни. Блеск больших городов, а в особенности Европы, так подкупает, что не хотят верить они, что там люди не наслаждаются и не веселятся только, а и живут в полном смысле этого слова, т. е. и страдают, и блаженствуют, и огорчаются, и радуются и т. д., и что счастливее тот, кто знает, для чего он живет и в чем его жизнь.

Другой, не менее частый вопрос, свойственный больше интеллигенту, это: «Что же вы вывезли из Германии?»

И хочется мне ответить так. Из Германии я вывез великое знание: только в Германии, как это ни странно, я понял русского человека, русскую душу.

Накануне отъезда за границу я был в первый раз в Третьяковской галерее, смотрел немногие картины Нестерова, припоминал его «Святую Русь» и не понимал, что за юродивых полумужчин, полуженщин рисует художник и при чем тут Русь. И только воз-

вратившись в Москву из путешествия, я точно прозрел перед этими картинами. Я понял, что здесь изображены люди, богатые здоровым духом, не знающим границ и условностей, полные женственности, покорности и смирения; люди, которые могли вырасти только в России; я понял, что дрессированные немцы не только никогда не поймут этих людей, живущих, как дети, непосредственно и искренно, но они и не поверят в их существование; я понял, что это почва, из которой вырос сам Толстой.

Вспоминаю теперь тургеневских крестьян, горьковских бояков и мещан и чеховского интеллигента, этого вдруг проснувшегося или, вернее, разбуженного Обломова, испугавшегося, что пора на новую квартиру, и думаю с гордостью и радостью: «ведь это все русское». Пусть Обломов еще спит, но существеннее и характернее то, что он чист, как ребенок; пусть Касьян не работник, но ведь он — воплощение жалости и любви, т.е. того, чем люди живы; пусть Гордеев сумасброд, но разве не чувствуете вы, какая сила и мощь кипит в этом титане и сколько у него порыва. Да, это драгоценное богатство, зарытые таланты; это черноземная почва, которая даст прекрасный урожай; это могучая река, которая ищет русла и может поднять чудовищный груз.

Может быть, я говорю старую истину, но для меня она новость, неожиданная и радостная. Повторяю, я точно прозрел и не могу не поделиться.

Кроме любви и жалости к русскому человеку, я вывел и веру в его нравственные духовные начала, в его будущее.

Да, я верю в будущее, потому что «Святая Русь» — это еще дитя, малое, может быть, и неразумное, но любопытное — способное и жадное дитя. Дайте же ребенку пищи, возьмите его за руку и научите ходить.

И сказал я себе теперь уже вполне сознательно:

— Будет прятаться за спины друг друга и плакаться на безлюдие. Если уж так хорошо умеем мы видеть недостатки, то надо стараться и исправить их. Надо работать и работать.

«Жатвы много, а делателей мало».

Теперь я чувствую у себя за спиной крылья.

ПЛАТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧИХАЧЕВ

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧИХАЧЕВ

Иван Михайлович Саркизов-Серазини один из основоположников лечебной физкультуры и спортивной медицины в СССР, основные труды которого были посвящены методике лечебной физкультуры, спортивному массажу, вопросам курортологии, физиотерапии, климатологии и климатотерапии, закаливания и борьбы с преждевременной старостью, в 1939 году в журнале «На суше и на море» опубликовал статью «Первый русский альпинист». Эта статья была посвящена русскому географу, путешественнику и альпинисту Платону Александровичу Чихачеву. Саркизов-Серазини писал: «Платон Чихачев, имя которого почти совершенно забыто, является первым русским альпинистом и вместе с тем научным исследователем, которого печать в свое время сравнивала с крупнейшими путешественниками мира. Так, например, один из наиболее распространенных журналов в России — «Библиотека для чтения» — писал о Чихачеве в 1842 г. в следующих словах: «... мы имеем между нашими соотечественниками неутомимого молодого путешественника, который разнообразием и смелостью странствований хочет затмить славу Ибн-Батуты и по своему ученому приговору обещает со временем сделаться русским Гумбольдтом».

В этих словах не было никакого преувеличения. Будучи неудовлетворенным службой в николаевской гвардии, Чихачев молодым поручиком ушел в отставку и усердно принялся за науку. Он изучил физику, геологию, астрономию, биологию и, владея в совершенстве европейскими языками, начал путешествовать по всему миру. В качестве натуралиста и геолога он объездил Россию, Европу, Северную Америку (от Канады до Огненной земли), принимал участие в путешествиях в Хиву и внутреннюю Азию.

Во время своих многочисленных путешествий по горным странам он взбирался на ряд горных хребтов и на некоторые до того недоступные вершины: в Колумбии — на вершину Пичинчи, в Лиме — на Паско (обе вершины выше 4000 м). Им были совершены восхождения на ряд вершин в Швейцарских Альпах, Андах и Кордильерах. Первовосхождение на вершину Пиренейских гор — пик Нетоу (3404 м) — принесло Чихачеву мировую славу».

Меня же интересовал родной брат Платона Александровича — Петр, тоже географ, путешественник, но еще и геолог. Он по результатам сво-

их экспедиций по Алжиру написал книгу. Правда, все свои труды Петр Александрович писал на французском языке, но в середине 70-х годов 20 века часть их в сокращенном объеме были переведены на русский. Почему меня заинтересовал Петр Чихачев? Пять раз я путешествовал по Алжиру. Конечно, меня интересовала в основном пустыня Сахара. Но еще мне было интересно выяснить, кто первый из русских путешественников посетил Алжир, и главное, оставил описания своих путешествий. Этим человеком оказался Петр Александрович Чихачев. Вспомнил я о нем, занимаясь обработкой материалов о русских учителях за границей. Я уже писал, что в 1909 году графиня Варвара Николаевна Бобринская создала и возглавила комиссию заграничных и русских экскурсий, имевшую цель предоставить народным учителям возможность участвовать в образовательных путешествиях. Комиссия работала при Учебном отделе Общества распространения технических знаний. Об этом я писал в первой части серии заметок про приключения русских учителей за границей. Уже в 1909 году состоялись первые экскурсии. Так вот когда-то я просматривал документы по истории русско-египетских связей в начале XX века, среди которых были письма графини Бобринской к генеральному консулу в Египте А. А. Смирнову о содействии в организации образовательных экскурсий для русских учителей.

Помимо специальных научных экспедиций, Египет посещало много русских экскурсантов, приезжавших с целью изучения древней культуры Египта. Организовывали такие поездки Комиссия общеобразовательных экскурсий при учебном отделе Общества распространения технических знаний, Комитет морских экскурсий, а также учебные заведения. В экскурсиях принимали участие главным образом представители широких слоев русского общества, демократические элементы из среды народных учителей, студентов, гимназистов. Экскурсии носили массовый характер; в каждой из них принимало участие от 50 до 200 человек. Египетская администрация оказывала большую помощь русским научным экспедициям и экскурсиям в изучении интересующих их вопросов и ознакомлении с достопримечательностями страны.

А теперь — подлинные документы:

«Отношение Комиссии по организации образовательных экскурсий А. А. Смирнову о содействии в получении железнодорожных льгот для группы народных учителей, предполагающих совершить экскурсию по Египту.

26 марта 1910 г.

Ваше превосходительство Алексей Александрович.

Комиссия образовательных экскурсий сим имеет честь довести до Вашего сведения, что ею организуются и в этом году, по примеру прошлого года, экскурсии в Египет, в которых примут участие 4 группы народных учителей и учительниц по 50 чел. в каждой.

В Вашем письме на имя графини В. Н. Бобринской ваше превосходительство изволили выразить согласие и в этом году оказать содействие экскурсантам при посещении ими Египта.

Комиссия, выражая Вам свою глубокую благодарность за выраженное Вами намерение, позволяет себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой не отказать в ходатайстве по примеру прошлого года перед подлежащими учреждениями в получении скидки на проезд экскурсантов по железной дороге из Александрии в Каир, оттуда в Фивы и обратно, и затем из Каира в Порт-Саид.

Кроме того, Комиссия позволяет себе просить Вас также ходатайствовать о предоставлении экскурсантам бесплатного осмотра памятников, музеев и т. п.

Комиссия позволяет себе надеяться, что ваше превосходительство не откажет ей в ее покорнейшей просьбе, а также в уведомлении ее в возможно непродолжительном времени о результатах таковой, и просит ваше превосходительство принять уверение в совершенной преданности.

Председательница Комиссии графиня В. Н. Бобринская
Секретарь Комиссии О. Винтерфельд».

И ответ министра иностранных дел Египта:

«Письмо министра иностранных, дел Египта Рушди-паши А. А. Смирнову о готовности оказать содействие группе русских учащихся в их поездке по Египту.

Александрия, 28 июня 1910 г.

Г-н посланник.

В ответ на Ваши последние просьбы относительно возможности предоставления группам русских экскурсантов — преподавателей и студентов, которые намерены приехать летом этого года на экскурсию в Египет, 50 % скидки на железнодорожные тарифы, а также бесплатных билетов на посещение египетских музеев и памятников, я имею честь довести до Вашего сведения, что Служба древностей всегда предоставляет этим категориям лиц право бесплатного посещения. В связи с этим указанная служба пришлет Вашему дипломатическому агентству по письму для каждой из групп. Эти письма заменят билеты, и по возвращении групп в Каир дипломатическое агентство должно будет, как это было в прошлые годы, возратить их Службе древностей.

Что касается скидки на железных дорогах, то администрация, которую это касается, сообщила мне, что она не имеет никаких возражений против предоставления различным группам русских экскурсантов и студентов 50 % скидки на железнодорожные тарифы для их путешествий по египетским линиям. Однако перед выдачей необходимых билетов администрация желала бы знать точное количество лиц, а также сроки их поездок.

Примите, г-н посланник, уверения в моем высоком уважении. Рушди-паша».

Вот так все решалось каких-то сто лет назад! Письма остаются в прошлом, а мы двигаемся дальше.

В материалах о поездках русских учителей за границу я нашел интересную информацию об анкетировании участников экскурсий, которую с незначительными сокращениями и предлагаю почитать вам:

«Обыкновенно возвратившиеся из заграничных поездок учителя встречались с руководителями Комиссии. За общим чаем они делились своими впечатлениями; поднимался и обсуждался целый ряд вопросов, касающихся их путешествия. Эти вопросы и легли

в основу анкеты, которая была разослана в количестве 1050 экземпляров.

К 10-му ноября заполненными возвращено было 650 листов, т. е. почти 62 %. Этот процент совпадает с количеством лиц, возвращавшихся из-за границы через Москву. Такая отзывчивость экскурсантов знаменательна. При обычном царящем у нас индифферентизме, нельзя было рассчитывать на обратное поступление большого количества заполненных анкетных листов. И вот что мы видим: анкета была разослана 1 сентября в количестве 1050 экземпляров; уже к 20-му сентября, т. е. через 3 недели в канцелярии Комиссии было зарегистрировано 505 ответов — это при затруднительности почтовых сообщений с деревней! Ответы составлены более чем добросовестно.

Разработка опросных листов выясняет, что из 555 человек, возвративших опросные листы, только 15 % окончили высшее учебное заведение, а 62 % со средним образованием; остальные же или сдали экзамен на учителя, или же получили профессиональное и домашнее образование.

Цель Комиссии состояла в том, чтобы за недорогую плату провезти учителей за границу. Поездка должна быть настолько продуктивна в культурном отношении, чтоб окупала те затраты, которые должен производить народный учитель из своего более чем скромного бюджета. Взнос на экскурсию должен быть по возможности низок, чтобы он был доступен самым недостаточным слоям учительства.

Прежде всего, важно было выяснить Комиссии, с какой целью отправляются учителя за границу?

Огромное большинство — 433 чел. из 555, т. е. 80 %, указывают, что поехали для пополнения своего образования. И это вполне естественно. Всем ясно, что учитель, желающий быть на высоте выполнения своего долга, обязан чаще подновлять свои знания. Как может улучшить метод преподавания учитель, незнакомый с постановкой школьного дела на родине и за границей, не посетивший ни одной школы, не видевший школьных музеев, в которых собрано все новейшее в области

педагогической практики? Он должен бороться с абстрактностью обучения, которая является результатом почти исключительно книжного образования самого учителя. Но как может наглядно вести уроки природоведения и географии тот, кто никогда не видел моря, гор, не побывал даже в губернском городе. Как много конкретного материала для уроков по отечественной и всеобщей истории даст знакомство с ней, изучение ее на исторических памятниках, на раскопках древних городов, на остатках построек, в музеях, на коллекциях произведений искусства современных и старинных мастеров. Безыскусственный рассказ очевидца всегда действует сильнее на воображение слушателей, чем пересказ самого серьезного научного трактата. Учитель должен быть интересным, его слово должно быть живым словом наблюдателя, проверившего на опыте то, чему он учит. К сожалению, правительство и земство недостаточно оценивают значение столь важного фактора в деле народного просвещения. Проценты всех экскурсантов так и указывают на самообразование, как на главную цель их поездки. Поэтому очень важно именно на вопросе — достигнута ли образовательная цель поездки проверить правильность постановки всего дела экскурсий народных учителей за границу.

В анкете ставится этот вопрос в следующей формулировке: «Чувствуете ли Вы, что экскурсия дала вам достаточно в образовательном отношении или только возбудила интерес к дальнейшему пополнению образования?» Всего 45 человек ответили утвердительно на первый вопрос: значит, 8 % поехавших наметили определенную образовательную цель в поездке и получили полное удовлетворение. Остальные 92 % указывают, что все виденное скорее поразило их, возбудило ряд вопросов, о которых они и не подозревали, сидя в своей глуши, или важность которых они поняли лишь во время путешествия. Чем же объяснить столь малые результаты поездки в образовательном отношении? Прежде всего, выясняется, что сравнительно лишь немногие чувствовали себя подготовленными к поездке настолько, чтобы суметь использовать ее продуктивно, всего 26 %. Лучше себя чувствовали

лица с высшим образованием; из их числа 37 чел., т. е. почти половина (44 %) готовились к ней серьезно. В общем, преподаватели низшей школы, за исключением 20 %, отмечали полное неумение самим разбираться в тех ощущениях, которые таким стремительным потоком нахлынули на них в пути.

Они плохо подготовлены — это не их вина. Им трудно воспринимать иноземную культуру, чуждую всему укладу русской действительности: слишком далеко ушла жизнь Западной Европы, слишком недоступна она культурному уровню среднего сельского или уездного учителя. Надо поднести ее в наиболее легко усваиваемом виде. Иначе она будет подавлять, а не восприниматься. Поэтому особенно осторожно надо было Комиссии подойти к разработке маршрута, к подбору подходящих руководителей.

На вопрос анкеты: «Думаете ли вы, что вам удалось хотя бы немного ознакомиться с бытом, государственным и общественным строем и с историей посещенных стран?» — 3/4 экскурсантов (72 %) ответили утвердительно. В беседах экскурсанты указывали на то, что быстрая смена впечатлений, разнообразие общественных условий, часто даже разница во внешнем облике жителей, их характере, в манере обращаться с экскурсантами, задавали громадную работу мысли. Из сравнения с картинами родной жизни, из сопоставления их между собой получались яркие впечатления. Но экскурсанты, путешествовавшие по Германии, ближе познакомились с бытом (80 %), чем в других маршрутах; они меньше видели, дольше оставались на местах, и им даже приходилось останавливаться в деревне в Саксонской Швейцарии.

Руководители и местные жители-русские были завалены вопросами, которые свидетельствовали, с одной стороны, о любознательности экскурсантов, но рядом и о полном незнакомстве с самыми элементарными сторонами заграничной жизни. В буквальном смысле, они впервые проходили начальный курс географии Европы по великолепному учебнику — в самой природе и по народной жизни.

Русский народный учитель в громадном большинстве получил образование лишь в средней школе, нежизненность и схоластичность преподавания в которых получили общее признание в официальных сферах. География в них проходится по давно устарелым учебникам. Внешняя политическая история заполняет весь курс истории, в тени остается история культуры материальной и духовной. На изучение быта народов, знакомство с общественным и государственным строем обращено мало внимания. История искусства, иностранной литературы, философии, как ненужная роскошь, пробивается в среднюю школу лишь контрабандой. С такими жалкими обрывками знаний выпускаются как культурные сеятели, будущие учителя начальных училищ. При таких условиях на руководителя налагалась непосильная задача; он должен быть не только энциклопедистом, сведущим во всех отраслях знания, но и педагогом, и в то же время знатоком музеев, картинных галерей, всех деталей и особенностей местной жизни и истории страны, которая намечена по маршруту. Таких руководителей вообще трудно найти, а в истекшую кампанию пришлось набирать руководителей спешно, приглашать их иногда за неделю и меньше до отъезда; некоторые руководители не успевали даже подготовиться по Бедкеру к исполнению своих культурных обязанностей. К счастью, удалось заручиться содействием иностранных представителей. (*Бедкер — немецкий издатель путеводителей. — Примечание Григория Лучанского*).

Почти в каждом городе нашлись лица, которые совершенно бескорыстно давали массу трудового времени на обслуживание своими познаниями экскурсантов.

Что же можно сказать на основании всех вышеприведенных данных анкеты? Считают ли экскурсанты, что поездка дала им в образовательном отношении то, чего они от нее ожидали? Высокая цифра (93,5 %) довольных поездкой вообще является ответом на этот вопрос, а другие цифры содержат признание экскурсантов, что сделано немного, но большего и требовать нельзя от нового, неналаженного дела, где и экскурсанты,

и Комиссия оказались недостаточно подготовленными к поездке.

В беседах с экскурсантами особенно подчеркивалась просьба вдумчиво отнестись именно к этому вопросу. Нужно всегда считаться с тем обстоятельством, что народному учителю нет времени готовиться зимой: он завален работой по школе. Неужели же ему навсегда закрыта дорога в Западную Европу с образовательной целью?

Однако нельзя увлекаться мыслью, что поездка в 1–2 месяца должна дать нечто цельное в образовательном отношении, систематическое, законченное. Надо признать более скромную задачу летней поездки за границу именно — разбудить дремавшее чувство, дать толчок жажде знания и указать правильный путь к нему.

Первоначально Комиссия предполагала отвести как можно больше места для изучения постановки школьного дела за границей. Это заметно, например, на программах германского и лондонского маршрутов. Но анкета показала, что для знакомства со школьным делом поехали только 48 человек, т. е. менее 10 %, из них в Италию всего 1 человек, даже в Англию только 5 человек, и только Германский маршрут привлек довольно много интересующихся — 39 человек. Это составляет 21 % всех экскурсантов I маршрута. Из всех выбравших целью изучение школьного дела, 81 % падает, таким образом, на германский маршрут.

Но даже в Германском маршруте только 1/5 экскурсантов интересовались посещением школ. Из-за этого происходили недоразумения со школьной администрацией. Собирались неохотно, опаздывали. Иногда вместо всей группы приходило человек 5; иногда толпа в 50 человек вела себя очень шумно во время занятий. И все-таки многим удалось несколько познакомиться со школьным делом за границей: видели его с лицевой стороны, например, в Праге и Люблянах, где славяне гордились высокой школьной культурой; познакомились в Германии с изнанкой его, так как немцы не стеснялись в присутствии иностранных

гостей пускать в ход физические приемы педагогического воздействия. Несмотря на это, учителя сумели увидеть громадное преимущество немецкой школы хотя бы благодаря доброкачественности материала, даваемого в учебниках, серьезности программы и ее приспособленности к прохождению в известном возрасте, а также богатству и совершенству наглядных и других учебных пособий. 38 % поехавших по Германскому маршруту изучили в достаточной степени постановку школьного дела, посещая школьные музеи, коллекции, также школы во время занятий и в каникулярное время. Но и по другим маршрутам случайно удалось экскурсантам попасть в школы даже во время занятий, например, в Константинополе, в Иерусалиме, Каире, в Италии и др. Целых 23 % всех экскурсантов остались довольны своим знакомством со школьным делом.

В анкете был предложен еще один вопрос: «Не поехали ли Вы за границу ради отдыха?» Только 29 человек указали на отдых, как на цель своей поездки (5,4 %); из них 19 человек поехали по Итальянскому маршруту. Тем не менее, Комиссия считала возможным поставить такой вопрос экскурсантам. Эту цель очень легко можно было бы осуществить, так как за границей все так устроено, чтобы можно было за недорогую плату действительно отдохнуть, успокоить свои нервы. Разве не важен отдых, не необходимо развлечение для усталого мозга? Не нужно разнообразие в унылой беспросветной жизни заброшенного в глушь, как бы прикованного к месту своего служения народного учителя? Вот что пишет одна экскурсантка:

«Организацией дешевых образовательных поездок народных учителей за границу окончилось наше великое сидение на местах. До сих пор я не могла примириться с ужасной мыслью остаться на всю жизнь в деревне, заглохнуть в ней без свежего воздуха, без смены впечатлений, не видя просвета в своей одинокой жизни и деятельности. Теперь, после поездки, я как бы приобщилась к культуре всего цивилизованного мира, я со знала себя членом культурной семьи обогнавших нас во всем народов; мне не страшно теперь одиночество, и меня опять тя-

нет к школе, в деревню... Поездка дала мне больше, чем 10 лет сидения на одном месте в глуши».

Можно признать одним из целесообразных маршрутов тот, в котором в одинаковой мере будет отведено внимание восстановлению и пополнению не только духовных, но также и физических сил.

Что касается проживания, то вначале помещения не везде были удовлетворительны, кормили местами тоже плохо. Экскурсанты роптали, не желая считаться с особенностями иностранной кухни; они требовали, чтобы их кормили тем, к чему они привыкли на родине. У немцев мало давали хлеба к обеду, мясо нарезалось слишком тонкими ломтиками — экскурсанты насытиться не могли; но если они прикупала хлеба на 10–15 пффенигов, то были сыты. В Италии тоже мало давали мяса и кормили больше макаронами, которые очень не нравились экскурсантам.

Иногда недовольство их бывало несколько неосновательно. Так, одна группа требовала по приезде в Неаполь, чтобы им давали по утрам кофе, а не чай, мотивируя свое требование тем, что по дороге из Одессы они привыкли на пароходе к утреннему кофе. В особенности раздражались экскурсанты, когда Комиссия в своих проспектах обещала больше, чем давала. Например, в проспектах напечатано дословно следующее: «Продовольствие весьма питательное и обильное». Это «весьма питательное и обильное» продовольствие состояло преимущественно из картофельных блюд, мучных и немного мяса. Немцы умеют экономить. Но все-таки кормят они добросовестно. «Картошка да картошка, дали бы хороший кусок мяса, и мы были бы довольны»... «Зачем Комиссия снимает помещения в таких пансионах, где нельзя шуметь, нельзя ложиться позже 11 часа ночи!» Очень серьезное негодование вызывало то обстоятельство, что в проспектах Комиссия обещала предоставить экскурсантам кровати с полным постельным бельем, а во время экскурсии по Саксонской Швейцарии приходилось спать на соломе, покрытой общей простыней. Даже в Египте, в Каире, в первоклассной

гостинице экскурсанты жаловались на дурную пищу. Этот тон недовольства являлся господствующим, преобладающим тоном среди экскурсантов первых групп и двух-трех из последних. Он был замечен большинством посторонних лиц, которым приходилось иметь дело или только сталкиваться с экскурсантами. На это указывал даже проводник из Каира, оказавшийся очень полезным экскурсантам: «Они всем недовольны, на все жалуются».

Отчасти в связи с величиной взноса находится вопрос о размерах групп. Всеми почти признается, что состав группы в 50 человек несколько велик. Руководители терпели массу неудобств, вытекающих из громоздкости групп. Большинство руководителей отмечают совершенную беспомощность экскурсантов на чужбине благодаря незнанию языка. Полное неумение экскурсантов ориентироваться в музеях, в больших городах, на железных дорогах при порядках, столь отличных от всего, к чему они привыкли на родине! Попадая из вагона в Берлин, экскурсанты терялись, и вся масса их нередко имела самый жалкий вид. Многие никогда перед тем не бывали даже в губернском городе. Один руководитель пишет: «Особенно трудно ладить с громадной группой (в 50 чел.) на улицах. Повернешься в одну сторону — и экскурсанты гурьбой кидаются за тобой; повернешься в другую — и громадный веер во всю ширину улицы устремляется в обратную сторону. У трамваев толкотня невероятная. Все торопятся занять раньше места, чтоб не остаться одному, не отколоться от группы. Без языка, без умения читать по-немецки они боятся затеряться в таком шумном муравейнике, как Фридрихштрассе».

В музеях, картинных галереях, в школах, благодаря многочисленности группы нельзя было слушать объяснения руководителя (на это указывают 35 % экскурсантов). При этих посещениях возникал ряд других неудобств от величины группы: неумение вовремя, к сроку собраться, толкотня, шум, невозможность сосредоточиться. На это жалуются 66 % всех поехавших. И тем не менее на вопрос: «Считаете ли неудобство

от многочисленности группы настолько важным, чтобы сократить число экскурсантов в группе, или же ради дешевизны и других положительных сторон можно сохранить тот же размер группы?» — 76 % высказались за сохранение группы в том же размере. Из учителей начальных школ только 20 %, т. е. 1/3, предлагали уменьшить число участников в группе. В вагонах, гостиницах, на улицах размер группы почти не представлял серьезных неудобств; только 4–5 % экскурсантов отмечают их.

Многие руководители, отчасти и экскурсанты, жаловались на разнородный состав группы по занятиям, по образованию, возрасту, материальному положению и интересам. Примирять различные интересы должен был руководитель. Он являлся в буквальном смысле слова хозяином и опекуном целой группы.

От такта, от распорядительности, находчивости руководителя зависел благополучный исход экскурсии. Ему приходилось поднимать настроение группы при неудачах, неизбежных в пути. Он же должен был успокаивать легко возбуждавшихся экскурсантов, когда в Италии, например, их обманывали, отводили плохое помещение, подавали несвежую пищу и в недостаточном количестве и т. д.

К руководителю обращались его «большие дети», как иногда называли себя экскурсанты, для разрешения взаимных недоразумений. Руководитель заблаговременно брал билеты и заказывал вагоны на железных дорогах. Заботился о перевозке багажа, менял деньги для себя и для экскурсантов. Затем вместе со старостами, wybranнми группой, обсуждал порядок следующего дня, улаживая противоречия интересов различных направлений в группе и т. д.

Много энергии уходило на денежные расходы. Один руководитель пишет: «Страх выйти из сметы отравляет все мое существование. Поздно вечером, когда утихнет моя «труппа», я не сплю и все считаю и пересчитываю, и каждый раз выходит по-другому. И мерещатся мне перерасходы; ночью вскакиваю в холодном поту, с сердцебиением, и успокаиваюсь только

к рассвету...». Другой изливается целым потоком горьких жалоб: «Не знаю, что говорят другие руководители, но, по моему мнению, Комиссия совершила преступную неосторожность, подвергнув целый ряд лиц, в том числе и меня, такому длительному моральному и физическому истязанию. Я приеду (если только приеду) совершенно больной и разбитый. Сколько понадобится времени, чтоб прийти в себя, не знаю. То, что испытываю теперь, — какой-то гнетущий кошмар, выводящий меня совершенно из душевного равновесия. Бывают минуты, когда я близок к сумасшествию».

Где тут готовиться к музею! Мыслимо ли иметь свежую голову и ясный ум и не потеряться при самых чудовищных вопросах экскурсантов! Надо быть энциклопедистом и специально изучить все музеи, так как экскурсант требует разъяснения каждой мелочи. Очевидно, самый вопрос о руководительстве в истекшей кампании был поставлен неправильно. Прежде всего, необходимо отделить хозяйственные, организационные функции от культурных. «Совершенно невозможно, — правильно замечает г. Ильин, — быть одновременно казначеем, бухгалтером, нянькой, доктором, поверенным, почтальоном, переводчиком, следить за сдачей и приемкой от прачки белья и т. д., и в то же время быть культурным руководителем». Правда, исключения были. Один руководитель провел две группы за лето и оба раза так удачно, что вызвал почти восторженное отношение к себе, поклонение экскурсантов. «Группа хорошо организовалась, объединилась, жила очень дружно. Иногда устраивались общие собрания, на которых экскурсанты делились впечатлениями, обсуждали их. Читались доклады, возникали интересные прения. Но для собраний было очень мало времени, о чем приходится лишь пожалеть, так как собрания проходили живо и интересно. Все дни заполнены были целиком до последнего получаса, благодаря чему мы получили массу впечатлений. И эти наши впечатления далеко не были хаотичны... Хозяйственная сторона жизни нас абсолютно не касалась: все это было в ведении руководителя. Мы, экскурсанты, пользовались всеми удобствами, не заботясь о них».

И группы эти возвращались в Москву такие бодрые, жизнерадостные; так хотелось им продолжить свое путешествие, несмотря на спартанскую обстановку его, так трудно расставались экскурсанты друг с другом и даже с квартирой, занимаемой Комиссией.

Но таких групп было немного — наперечет. И как бы хорош руководитель ни был, руководитель, с которым группа жила душа в душу, экскурсанты непременно указывали на то, что у него слишком мало времени и сил было на выполнение сложных обязанностей.

Жизнь группы заброшенных на чужбину 50-ти учителей, беспомощных, «глухонемых» и жаждущих знания и отдыха, слишком сложна, чтоб ее можно было вверить в руки только хорошего бухгалтера. Руководитель должен быть образованный, идейный и, если можно так выразиться, доброжелательный. Он должен помнить высокую задачу, которую взял на себя, свою ответственность перед обществом, так как он везет народных учителей, измученных трудной зимней работой, а иногда и тяжелыми условиями жизни в глухой деревне. К наболевшей душе народного учителя, заброшенного всеми, почти пария (отверженный, бесправный — прим. Г. Л.) общества, надо подходить с нежной заботливостью, предупредительностью, терпением. И такие руководители были. Надо было видеть, с какой трогательной нежностью прощались с ними некоторые группы.

Как уже было сказано выше, большой процент недовольных объясняется тем, что самые обязанности руководителя были поставлены в ненормальные условия. Если руководителю не удавалось взять верного тона с экскурсантами, внушить им уважение к своей личности или встать с ними на товарищескую ногу, тогда положение его в группе делалось невыносимым. Требовать же особой выдержки от замученного руководителя трудно.

Путешествие всегда отражается тяжело на нервной системе. Нужно устранять все, что вредно влияет на нее. Взаимоотношения руководителя и группы, незнакомых друг с другом случайных попутчиков, с разными интересами и привычками должны устанавливаться на почве доверия и взаимной уступчивости».

ПЕШКОМ ЧЕРЕЗ С.-ГОТАРД. ЭКСКУРСИЯ 1913 ГОДА

Автор Л. М.

«В Швейцарию мы приехали порядком усталые: в Мюнхене пришлось-таки поработать и головой и ногами, а тут еще бессонная ночь. Утром увидали, что окружены горами, что поезд наш взбирается куда-то выше и выше. Отправляясь в экскурсию, я боялась, чтобы действительность не оказалась ниже тех картин, что рисовало мое воображение. Но здесь все так необычно для меня, жительницы равнин: дорога, проложенная по камню, каменные стены, голые обрывы и зеленые скаты. На остановках манило выскочить и набрать цветов, заглянуть в стороны. Немного нарушала наше настроение забота о будущем распределении комнат. Всякому хотелось отдохнуть в предстоящие 2 недели, хотелось побыть одному, без чужих людей. А одиночных комнат было так мало. Но вот, наконец, мы в Бриенце, и неприятный вопрос кое-как улажен. Мы отдыхаем, гуляем, а время летит, летит. Мы живем на озере. На ближнюю гору лазили почти все, любовались там водопадом. Но видны снежные вершины, вот они как-то особенно тянут к себе. Часто катаемся по зеленому озеру, встречаем настоящих альпинистов, загорелых, с большими палками, в особых башмаках, с рюкзаками и кошками за плечами. Осматриваем их, как диковинки, с любопытством и завистью. Вообще замечаю, что я стала теперь и людей осматривать, как достопримечательности — чуть кругом не обхожу... Не стану описывать наше житье-бытье — боюсь, что тогда не скоро кончу, а скажу только, что с каждым днем росло у меня желание побродить по горам одной. Последним номером в нашей программе был переход через С.-Готард для желающих; и вот я решила сделать его одна, выйти пораньше нашей бегущей компании, идти не торопясь, останавливаясь, где и сколько захочется. Проект мой был встречен немного недоверчиво, да и мне самой, по правде говоря, было жутко. Несколько человек тоже хотели сделать переход через С.-Готард пешком, и я решила начало дороги пройти с ними, чтобы вместе перейти Ронский лед-

ник. Остающиеся устроили нам шумные проводы. Поезд тронулся и повез нас к Мерингену. Дальше мы шли уже все время пешком. Наконец, часов в 9 дошли до маленького селения и стали искать ночлега. Нашли какой-то домишко; половина получила по целой кровати, а другой половине пришлось помещаться вдвоем на одной. Делать нечего. Наши девицы решили помочь неудобству — снять с кровати второй матрац на пол и выспаться, несмотря ни на что. Задала же нам швейцарка за эту выдумку! 2 франка штрафа взяла, а уж бранилась! В 6 ч. утра мы уже двигались дальше. Опять торопились, чтобы переходить через ледник пораньше, когда он не успел еще подтаять. Но до Гримзеля дошли только к 11 ч., и было уже жарко. Это — одинокая гостиница; а дальше уже стеной горы, и дорога, как шнурок, вьется то вправо, то влево, взбираясь все выше и выше. Решили для сокращения пути отправиться не этой торной дорогой, а горной тропинкой. Но тут со мной случилась беда. Я хотела взобраться хоть немного вперед, пока компания сидела в гостинице, чтобы потом отдохнуть, где устану. Понемножку да понемножку я взобралась порядочно высоко по какой-то тропинке. Гостиница вся на виду. Вот вижу высыпали наши, кричат мне, махают платками, зовут назад. Но я так далеко, и когда же я их теперь догоню? Спросила встречных, дойду ли до следующей остановки по этой дороге, и стала сама им махать и кричать, чтобы меня не ждали, что дороги наши разошлись. Вижу, что поняли и пошли карабкаться на соседнюю гору. Долго я видела, как двигались по ней отдельные точки-люди, а потом вверх ползло одно продолговатое пятно. Мы долго перекликались, потом и крик их перестал долетать до меня. Одна, совершенно одна! Встречные иностранцы не рассеивают этого чувства. Сначала мне казалось, что моя гора вдаль сходитя с той, по которой пошли наши, и что мне удастся выйти на ту же дорогу. Но тропка вела меня совсем не туда. Пробовала я, чтобы соединиться с нашими, идти по камням без тропки, но попадала куда-то в непроходимые места и, зная, что помощи мне ждать неоткуда, возвращалась. Кончилось тем, что и тропку свою потеряла. Хорошо, что гора совершенно голая, открытая и выбраться на дорогу нетрудно. Это было уже почти

на самой вершине. Там 2 маленьких славных озера (удивительны эти озера на вершинах) и кое-где лежал чистый снежок. Потоптала его, послушала, как он поскрипывает в июле и покорила своей участи — идти торной дорожкой. И дорога отличная, и никаких хулиганов. Кругом тишина, и далеко видно вперед. Я совершенно успокоилась и шла вперед так уверенно, что у меня дорогу спрашивали. Я даю объяснения. Это неожиданно и смешно. Хорошо бы знать языки получше, а то слово, нужное утром, я вспоминаю только к вечеру. Очень тронули меня одни англичане: я уже подустала, и у меня стала пропадать уверенность, что я иду верной дорогой, — навстречу какая-то девица; спросила ее и получила английский ответ: она не говорила иначе, как по-английски; подошли еще два человека, толкуют по-своему, и я перешла на свой русский. Интересное было объяснение. Стали кивать головами и махать руками. Один достал карту, разложил ее на камне, и стали они меня поучать, где мы, где дорога и следующий отель. Милые, хорошие люди! Раскланялись и дальше. Вся моя дорога теперь для меня ясна. Далеко под ногами долина, и в ней начало Роны: какая жалкая речушка — курица вброд перейдет; там же стоит какой-то одинокий отель, а дальше идет дорога мимо Ронского ледника переходит на другую гору, зигзагами, поднимается к отелю Бельведер, а оттуда в сторону на Фурку и т. д... С высоты все так хорошо видно. А когда знаешь, что идешь верно, та и сил становится точно больше. Проходя мимо ледника, удалось слышать гром и видеть лавину. А мои бывшие спутники слышали только ее грохот. Часам к 5 вечера, наконец, добралась я до Бельведера без особых приключений, если не считать, что, сокращая путь, попала в стадо. Хотя коровы были прекрасные, но все-таки общество их было мне не очень приятно, и я прибавила шагу. В Бельведере встретила неожиданно свою компанию. Путь у них был много короче».

Они уже пообедали, отдохнули и с восторгом рассказывали о перейденном леднике. Но им уже пора в путь, а я остаюсь — мои ноги не идут, да, торопиться я больше не стану. Я разбогатела: А. А. выдает мне деньги, которые я сократила на обедах и ужинах, уйдя раньше срока из Бриенца. Мы прощаемся теперь уже навсег-

да — едва ли когда-нибудь встретимся, а в компании было много симпатичных людей. Вот они уже скрылись за поворотом. Осматриваюсь. Гостиница важная, а комната моя за 3 фр. в 3-м этаже, маленькая с одним окном, а перед ним стеной гора. Все безукоризненно чисто, и постель горой с пуховиком. Написала кое-какие письма и залезла под него; и устала, и холодно — ледник дает себя чувствовать, а от окна так и дует. Отлично спать под пуховиком. Просыпаюсь утром, а в комнате белый свет, и горы перед окном не видно, такой густой снег идет. Как же мне быть? На ногах у меня одни туфли-скороходы, а снег глубокий. Сидеть в отеле неинтересно, да и до какой же поры? Собралась и пошла. Сначала выбирала, где ставить ногу, старалась идти по колее, но снег все-таки забрался в туфли. Ноги мерзли, потом стали гореть. А снег все валил громадными хлопьями и покрывал и горные колокольчики, и желтые цветы. Как и следовало ожидать, внизу снег растаял, и пришлось идти по снежной каше, а затем по жидкой грязи. Дорога теперь идет по долине мимо разлившейся речки, прямая и ровная, далеко видно и вперед, и назад. И много же народа движется по ней в ту и другую сторону, и кажется, что все это иностранцы. Очень мало видно швейцарцев. Будто это страна всех национальностей, а сами хозяева спрятались. Вот и Андермаг и столб с указанием дороги на С.-Готард. Значит, сбиться нельзя. Здесь же сворот на Чертов мост. Время есть, зайду и туда. Соседний городишко стоит в котловине: улицы такие же узкие и неправильные, как и в Бриенце. Иду спокойно, думая, что всюду могу остановиться — ведь гостиницы чуть не через дом. Однако оказалось, что это не так-то легко, — везде все занято. Пришлось остановиться в какой-то плохонькой, где едва могла добиться, чтобы взяли мои бедные скороходы посушить... Чертов мост — самое подходящее название. Это что-то невероятное, и никакие фотографии не могут его передать, слишком уж много значат крутые стены гор справа и слева, рев и бешенство Рейсса с его пеной и брызгами. Кажется, нет возможности удержаться на этих стенах, а волны Рейсса — неминуемая гибель. И вот через него перекинута арка. Каким-то чудом висит она над водой. Страшное это место, и тяжелые мысли на-

водит оно. Под этим впечатлением шла я дальше. Было пасмурно как на душе, так и на небе. Навстречу ползли тучи, а я подбиралась к ним все ближе и ближе. Дул такой холодный ветер, что пришлось надеть мой лоден. Пока я не могла им нахвалиться: и тепло, и удобно, и обещает не промокать. А туман уже налетает и окружает меня сыростью. Луга уже кончились, кругом лежат только голые камни да между ними кое-где снег, кое-где трава. Дорога все такая же хорошая, и все так же много людей идет и едет по ней. Но стоит зайти 2 саж. в сторону, и точно людей и на свете нет, так дико и пустынно. Дорога моя, однако, спряталась в тумане, я замечаю, что она перестала виться и подниматься, а конец ее и начало ушли куда-то в туманное белое небо; вот порыв ветра, и вижу, что она продолжается между двумя озерками, а за ними стоят какие-то фантастические замки. Конечно, это самый обыкновенный отель со своими службами. Решаю остановиться в нем и подождать, не разойдутся ли тучи, не удастся ли полюбоваться С.-Готардом. Сижусь и жду у моря погоды. Но так и не захотела меня побаловать природа: утром стало чуть пояснее, я медленно стала спускаться, но делалось все туманнее и холоднее, наконец пошел дождь и перешел в ливень... Спрятаться некуда, и... мой лоден промок насквозь и стал страшно тяжелым. Передо мной шло какое-то семейство: отец, мать и девочка — сначала шли под зонтиками и выбирая дорогу, а потом и зонты сложили и вполне покорились своей участи. Мой лоден хоть вид имел непромокаемый, а эти трое точно сейчас из воды вылезли: легкие костюмы их совсем потемнели, со шляп вода стекала ручейками. Для сокращения пути они пошли по руслу какого-то ручейка. И я за ними — все равно мокрее нельзя было быть. Ну и плачевный же был вид у меня, когда я добрела до после дней станции Айроло! А надо было еще искать себе уют. Хоть и совестно, но захожу в отель и спрашиваю комнату; пока справляются, к ужасу своему вижу, что на полу с меня натекла уже черная лужа. А места мне нет. В другом отеле я стараюсь наводить справки, стоя под дождем. Наконец-то нашлось и для меня помещение. Скорее сбрасываю с себя все мокрое и холодное — буквально нет сухой нитки; даже взятая про запас смена намочла. Трезво-

ню, чтобы хоть часть взяли сушить, а другую часть развешиваю в своей комнате, а потом греться в постель под пуховик. Поневоле скажешь, что пуховик — хорошая выдумка! Около Айроло много красивых местностей, это было видно по открыткам, и так досадно, что пришлось пролежать до вечера в постели. На другой день мы должны были соединиться все: и шедшие пешком, и едущие в поезде, чтобы продолжать нашу экскурсию. Сначала подошла группа наших пешеходов. Рада была с ними встретиться — за эти дни точно соскучилась. А там подкатил и поезд со всей нашей экскурсией. В вагоне духота, стук, шум. Начались туннели. Можно ли это сравнивать с пешеходением? Как многие завидовали мне, что не решились пройти эту дорогу! Ведь она совсем нетрудна, в ней ничего страшного, рискованного: везде только множество безобидных туристов, да гладкая широкая дорога — и сбиться невозможно. Если надо мной подшутила погода, то ведь это необязательно, да и шутка ее хорошо кончилась: никакой простуды, ни насморка, ни кашля я даже не получила. Всем и всякому посоветую прогулку пешком по Швейцарии, по возможности дальнюю и немногочисленную. В этом одиноком путешествии как-то особенно чувствуется ее культура».

ИЗ ЭКСКУРСАНТСКИХ СКИТАНИЙ

Автор Е. Кобякова

«Последний день в Лондоне! Сегодня вечером соберем свои пожитки, распрощаемся с Wilkie Hous'ом и айда домой, на родину. Ужасно жаль уезжать. Жаль покидать Лондон, в котором осталось еще столько нам неизвестного; жаль, что приходит к концу наша веселая дружная жизнь с бесконечным смехом с утра до вечера; жаль даже покинуть наш отель, несмотря на сомнительную чистоту его комнат и на более чем сомнительную «пищущу», которую мы там вкушаем. А наша «курилка», в которой никто не курил, но где было так удобно сидеть на старых уютных диванах и где так хорошо было болтать до поздней ночи... А наши поездки по шумным

улицам на крыше автобусов, а прогулки в Гайд-Парк! Ну, словом, жаль бесконечно...

Но, тем не менее, последний день пришел, и нужно готовиться к отъезду.

Утром еще побывали в Британском музее, а потом кинулись в магазины. Вдруг оказалось, что всем нужно еще хоть что-нибудь купить. С растерянным видом забегаем в магазины, каким-то непонятным способом достигаем того, что там нас понимают, что-то покупаем, бежим за автобусами, лезем наверх, роняем покупки и деньги, словом, проделываем все, чтобы иметь право сказать и себе, и другим, что последний день в Лондоне мы прожили недаром.

После обеда начинается укладка. Кажется, вообще, дело простое, но у нас есть побочные обстоятельства, которые делают его до невероятия сложным. Во-первых, покупок сделано много, куда-нибудь девать их нужно, а чемоданы этого не понимают и упорно не хотят закрываться. А главное — извольте-ка разобраться и уложить в комнате, в которой живет 7 человек и имеется, следовательно, до 20-ти чемоданов, саквояжей, корзин, картонок и портпледов, где на полу стоит пар 20 обуви, всюду лежат шляпы, пальто, блузки и юбки, и грудями навалено белье от прачки... А открытки, а альбомы!.. а бумага, в которую были завернуты покупки и которая кучами лежит на полу, цепляется за подол платья и безбожно шуршит под ногами при каждом шаге. Мы возмемся, возмемся, хохочем, ворчим, снова хохочем и, в конце концов, к изумлению своему видим, что все уложилось, примялось и поместилось. Чемоданы закрылись и смотрят так приветливо, точно готовы принять в свои недра и еще кое-что...

Час отъезда приближается, и мы спешим в нашу милую «курилку», чтоб в последний раз провести в ней несколько минут. После ужина выступаем. Вещи уже увезли, мы собрались у подъезда, тронулась экскурсия... Пошел дождь. Идем быстро, «экскурсантским» шагом. Дождь припустил сильнее, припустили и мы. Бежим, бежим... Мелькают огни синемаатографов на хорошо знакомой Queens Road, магазины, вывески... Прощай, все это! На-

конец, мы у подземки. Но тут ожидает нас самый неожиданный сюрприз: подземка испортилась и не ходит — случай, почти небывалый в Лондоне. Положительно, нам не везет. Чтобы не опоздать, нам остается только одно — ехать на автомобилях. Руководители усаживают нас по 6 человек, и битком набитые автомобили уезжают на вокзал Чартинг-Кросс. Еще небольшая суета у вокзала: у нашей кассирши нет мелких, у шоферов — сдачи. Мы помочь ничем не можем, т. к. ликвидировали свои финансовые дела, и у каждого осталось английских денег не больше 3–4 пенсов. Но кончилось, конечно, все благополучно: шоферы получили свою мзду, и мы уселись в вагон. Любители шоколада, а таких среди нас очень много, в последний раз доставили себе удовольствие бросить свои пенсы в автоматы, в изобилии украшающие перроны вокзалов, и получить соответствующее число плиток и коробочек с шоколадом. Вообще, вокзальные автоматы сыграли не последнюю роль среди наших экскурсантаских развлечений. Помню один день в Виндзоре, когда нам не удалось осмотреть части дворца, т. к. король был у себя, и пришлось больше часу скучать на станции в ожидании поезда. Шел дождь, и уходить с вокзала не хотелось. Выручает автомат, на котором за пенс можно было на узенькой алюминиевой пластинке выбить свое имя и фамилию. Мы, как дети, теснились кругом невиданной забавы; один из нас, приспособившийся к действию автомата, «принимал заказы», и все наперерыв печатали «визитные карточки» себе, родным, знакомым — «в подарок». Много пенсов заработал тогда автомат!

Но, однако, я и забыла, что мы уезжаем и сидим уже в вагонах. Трогательное прощание с руководителями. Жмем руки, обещаем писать... Поезд трогается. Мы предаемся воспоминаниям о Лондоне, но втайне упорно думаем о том, что море — все ближе и ближе, и через 2 часа нам предстоит переезд через Па-де-Кале. Мы все очень хорошо помним, что сделало с нами это коварное море, когда мы ехали в Англию. Что-то будет теперь! Лучше уж не думать... На пароходе мы все первым долгом бежим вниз, выбираем себе место, где бы лечь, и с трепетом ждем, когда же начнется качка. А качка, точно назло, не начинается. Море и здесь оказалось ко-

варным, обмануло все наши опасения и не качнуло ни разу. Весь путь до Кале мы проехали, как по зеркалу. Прекрасны были огни гавани и маяка, отражавшиеся в тихой воде. Немного беспокоила мысль о предстоящей бессонной ночи. Да, впрочем, не беда, одна ночь не в счет, тем более, что мы легкомысленно надеялись приехать в Берлин на следующий день вечером.

Но уже с утра начались наши злоключения. Рано утром часов в 6, усталые, не выспавшиеся, вялые, как осенние мухи, приезжаем мы в Брюссель. На станции нам говорят, что если мы согласны прождать здесь до 11 час, то нас повезут без пересадки до самого Берлина, и будем мы там не позже 1 часа ночи. Чего же лучше? Кстати и Брюссель увидим, чтобы наша «экскурсанта́нская совесть» была спокойна: все осмотрели, что только можно было осмотреть...

В вагоне мы расположились с особенным удовольствием, предвкушая длинную поездку без всяких пересадок. Немного беспокоит мысль о таможене в Гербестале — чего доброго потащат на осмотр; да и то, авось, обойдется и так.

Подъезжаем к «опасному» месту, и вдруг — на тебе: «Aussteigen!» Мы не верим собственным ушам. «А как же, в Брюсселе нам сказали...»

Но немцы не слушают никаких резонов, и до того, что там сказали в Брюсселе, им нет никакого дела. «Aussteigen!» — и кончено, и при этом еще: «Schnell! Der Zug geht steigen!» Наиболее упорные из нас все еще твердят: «А как же, в Брюсселе...» Но чемоданы и корзины летят в окна, и не проходит и 2-х минут, как мы уже «выкинулись» и стоим на платформе в полном недоумении, что же будет дальше, и когда мы поедем. Кто говорит, что мы будем ждать здесь 4 часа, кто уверяет, что и до вечера прождем. Одно только выяснилось наверное, а именно то, что в Берлине мы будем (увы!) не раньше завтрашнего утра.

Но вдруг перед нами появляется вагон, и немцы начинают вопить, чтобы мы садились и, конечно, садились бы «Schnell!»

Боже, что тут поднялось! Кладь наша со сказочной быстротой очутилась в вагоне, но т.к. вагон попался нам маленький, а число вещей у нас после Лондона возросло чуть не вдвое, то мы оказались

в критическом положении, ибо сесть нам было уже некуда. Немцы только головами покачивали при виде того, где и как у нас лежали целые груды вещей. Мы попали в маленькое 6-местное купе, но поместились там ввосьмером плюс, по крайней мере, 30 штук багажа. И ничего — доехали, даже ухитрились сидеть на каких-то чемоданах и — что самое главное — веселого расположения духа не утратили.

В 6 час. вечера подъезжаем к Кельну. «Экскурсант» берет верх над человеком с его немощами и усталостью, и мы бежим осматривать собор, предварительно, правда, отлично пообедав на вокзале.

И теперь, когда я вспоминаю всю эту бестолковую поездку, я думаю, что вечер в Кельне искупил все.

Была какая-то особенная прелесть в величественном здании собора и в той благоговейной тишине, которая охватила нас, когда мы вошли внутрь. Контраст ли с беспорядочным, суматошным днем на меня подействовал — не знаю, но не хотелось, ни говорить, ни слушать, а только чувствовать красоту строгих величавых сводов и без конца смотреть на ни с чем не сравнимую прелесть разноцветных окон, за которыми погасал тихий вечер.

Долго сидела я там, просидела бы еще дольше, но пришлось уйти поневоле. Тихо позванивая ключами, прошел сторож и, неожиданно нарушив настроение, попросил всех выйти, т.к. пора было запирать двери собора.

Мы разбились на маленькие кучки и разбрелись, кто куда. Некоторые поехали осмотреть город, а мы пошли побродить пешком. Прошли немного и очутились на огромном мосту через Рейн. В потемневшей воде отражались огни. Слышались свистки пароходов, один прошел под мостом, шумно бороздя воду. Широкая река уходила в беспредельную даль. На берегах высились шпицы каких-то церквей, а над всем царил мощный силуэт собора. Дуррачливое настроение дня порой находило на нас. Помню, как мы начали, передразнивая обычную манеру руководителей, говорить о каком-то здании, что оно «выстроено в XI веке, сгорело в XV веке, так что от него осталась одна только крыша, а стены пристроили всего лишь 5 лет тому назад»... и т. п. чепуху.

Но обаяние тихого вечера слишком охватило нас. Мы скоро замолкли и только смотрели и смотрели на окружающую нас красоту. Помню я, как хорошо было сидеть на скамейке, против собора, в самом дальнем конце площади. Стемнело. Всюду зажглись огни, шла шумная жизнь шумного заграничного города. Трубили рожки автомобилей, двигалась толпа. А темный, молчаливый собор казался еще величавее, стройней и выше вздымались его два шпиля, отчетливо рисуясь на темном, но ясном небе... Было хорошо!

Когда я пришла на вокзал, то возня с вещами и обычная вокзальная суета как-то скользили мимо.

Не пугала даже перспектива еще одной долгой бессонной ночи...

Тифлис. 15 сентября 1912 г».

В ТИРОЛИ

**Автор И. Коварский
(Илья Николаевич Коварский)**

В горах

Внизу остался наш горный приют. Вчера он казался нам почти недосыгаемым, сегодня перед нами уже другие недосыгаемые вершины. Исчезает лес. Среди кустарников мы рвем альпийскую розу, украшаем ее ярким цветом наши серые одежды. Зеленый луг все больше вытесняется голым камнем. Еще немного усилий, еще один перевал — и мы в котловине у снегов. Ярко светит солнце, и, быть может, наши товарищи, оставшиеся в городе, жалуются уже на жару. А мы радостно бросаем друг в друга горстями снега.

Почему это место называется «кладбищем»? Грудами набросаны камни, и отдельные глыбы, словно надгробные памятники, поросшие мхом, лежат у подножия могучей цепи скал. Что напоминает здесь место успокоения? Тихо, ни звука. Не бьют родники, не слышно птиц; и жаркое солнце недолго греет эти снега и камни.

Но, чу! слышен металлический звук: словно железо ударяется о камни. Старая ли знакомая? скелет с косою за плечами? Ого-го-го, кто идет?..

Идут сверху навстречу нам путники, в сапогах, подкованных гвоздями, с металлическими кирками, с веревками, торчащими из-за спинных мешков.

Откуда вы? — С тех вершин, которые вон там заволокло сейчас серой дымкой зарождающегося облака. Медленно движемся дальше. Новое поле снега, и протоптанная на нем узкая полоска ведет к самому подножию ушедших в небо громад.

Переходить ли? Кто посильнее и половчей? Гуськом идет часть нашей толпы дальше. Отлогая снежная пелена бежит вниз, перегибается через обрывы и исчезает глубоко вдали. Пройдено. Вверх, в самую глубь скал, идет высеченная в камнях тропинка. Царство холода, ветра и камня! Царство серны, орлов и злых горных духов!

А там, в долине, на горизонте, сколько глаз хватает, извивается серебряная река. Горы кулисами уходят на запад, чем дальше, тем светлее, тем прозрачнее. На зеленых лугах играют солнечный свет и тепло.

С камня на камень, полукарабкаясь, полупридерживаясь за протянутый местами проволочный канат, тянемся кверху. Узкими тропинками идем над бегущей вниз стеной серого растрескавшегося камня. Нас уже немного. Но дальше не пройти и нам.

Заволакивает расщелины, и быстро расплзается туман по горам. Один из нас ушел вверх. А мы спускаемся вниз, собираем по дороге отставших, горюем об ушедшем и тесной толпой торопимся назад, к нашему приюту, где с нетерпением ждут нас остальные, проспавшие горное утро и его красоты.

Мы опять все вместе. Были голодны — теперь уже сыты. Движемся альпийскими лугами, под теплыми лучами солнца, мимо хижин пастухов, через ароматные леса, к бирюзовому горному озеру.

Среди веселья

Большая зала нашего дома. Огни. Дребезжат струны цитры, и полная красок группа тирольцев ритмическим шагом кружит

посредине. И вдруг — сильный крик, рожденный в горах и теперь стесненный четырьмя стенами комнаты, он сразу вздымает с собою гору веселья. Шумит и пенится радость, как шампанское в свеженалитом бокале, и все группы переплетаются в своеобразном ходе.

В окна глядит темная ночь. Ударяют о стекла первые дождевые капли, и молния прорезает собравшиеся тучи. Свежий ветерок врывается в комнату.

Но закрыты окна: стало уютнее. Немолчно жужжит вентилятор.

Затихла цитра. Льются переливы рояля, и дружная хоровая песня волжан, чуждая немецкому уху, оглашает залу: «Вниз по матушке, по Волге...»

Молодая немка, дочь банкира, что-то шепчет на ухо своему жениху, офицеру. Почтмейстерша наклонилась к своему почтмейстеру-супругу, который слушает песню, разинув рот. Учительница из Калуги что-то разъясняет местному городскому чиновнику.

— Из каких это мест песня? — спрашивает меня школьный учитель. И как бы в ответ раздастся: «Из страны, страны далекой...»

В разных уголках уже шепчутся вновь коноводы.

Вот идут опять беспечно, но с ухарским видом тирольцы в костюмах из долин Инна, Циллера, Зальцаха... Дробью отбивают ладонями по ногам, одетым в длинные чулки и прикрытым до колен кожаными штанами. Кружится по полу живая мельница, и веселый «Schuhplattl» не знает конца. Своеобразные танцы альпийской страны перемешались с характерными национальными танцами России.

Разговоры с тирольцами завязываются уже более дружно... у счастливых русских, владеющих немецким языком. И лишь поздняя ночь и боязнь проспять утром поездку в Эрль кладут по-немногу предел веселью.

На мистерии.

Отзвонили уже колокола в церквях, и из ближних горных деревень пришли зрители и лицедеи в маленький живописный городок Эрль на границе Баварии и Тироля.

Мы — в большом театре, сооруженном эрльскими крестьянами. Столетиями то питала, то преследовала церковь религиозные представления: из городов они перешли в деревни. Исчезли всюду и сохранились среди жителей заброшенных горных деревень. Из поколения в поколение вырабатывались лицедеи. От отца к сыну, от матери к дочери переходили роли Христа, Иуды, Пилата, Марии. Своя крестьянская музыка, свое понимание людей и событий.

Медленно и неуклонно развивается величайшая мировая трагедия, жизнь Христа и Его страдания. С утра до вечера, с небольшими перерывами, проходят сцены в Синедрione, на площадях; тайная вечеря, в Гефсиманском саду и у гроба Воскресшего.

Театр полон. Баварцы и тирольцы, англичане и французы, рабочие и крестьянские лица, столь не похожие на лица нашей толпы.

Неустанно работают аппараты наших фотографов; и в редкие перерывы делятся своими впечатлениями те, кто сидит в театре, с другими, предпочитающими наблюдать движение около театра и упиваться созерцанием красот окружающей природы.

Кончено. Мы идем, смешавшись с красивой многоязычной столь разнообразно одетой и обеспеченной, столь различно думающей толпой. Прошел изобразитель Христа с сыном. Быстро пробежал Иуда из театра в свое торговое помещение.

Косые лучи заходящего за горы солнца посылают последний привет дня.

Мимо таможенного здания, где родился крупнейший писатель Тироля Адольф Тихлер, через границу, через быстрый Инн мы спешим к поезду, домой.

К крестьянам

Утро. Туман поднялся и, собравшись полосами, опоясал горы. Чистое небо. Все предвещает теплый, красивый день. Мы идем узким ущельем, вдоль голубой горной реки, шумно бегущей по каменистому дну. Когда-то здесь было страшно бродить, и одинокий путник, вероятно, часто останавливался перед теми иконами и распятиями, что смотрят сверху, из расщелин скал. Теперь по всему пути — мельницы, коlea цементного завода, и в густом лесу, что тя-

нется по вершине бокового хребта, остались одни лишь козули и зайцы. Мы выходим из ущелья, пересекаем поля, проходим мимо приветливой деревушки с домиками, украшенными цветами, и вот мы в лесу того крестьянина, куда лежит наш сегодняшний путь. Сколько черники! Но долго лакомиться нельзя... Нас ждут праздничные пышки тирольского крестьянина. Поднимется ли чей-нибудь голос, чтобы обвинить нас за то, что мы не очень рьяно осматривали крестьянское хозяйство. На вершине холма, у ног которого бежит серебристый Инн, среди полей и лугов, опоясанная хвойным лесом стояла изба тирольского крестьянина. Вдаль, сколько глаз хватало, простиралась среди могучих кряжей широкая долина Инна, и на горизонте белели снежные вершины высоких Тавр.

Мы сидели в беседке под развевающимся флагом Тироля, среди приветливых крестьян, наслаждаясь светом, красками, горным воздухом; до того ли было, чтобы рассматривать винты таранной машины, подающей вверх по трубам воду, рассматривать кухню, хотя бы и с водопроводом, динамо-машину, обслуживающую сеялки и веялки, удивляться барометрам и гигрометрам в избе и постройкам, хоть и своеобразным, но все же человеческим, когда все кругом было полно небесного очарования.

Как коротки вы, минуты радости!

Куфштейн, 1912 год».

НОВЫЕ МАРШРУТЫ 1913 ГОДА

В архиве я обнаружил отчет о кампании 1912 года и проект новых маршрутов 1913 года. Этот отчет и проект подготовил ответственный работник Учебного Отдела Общества Распространения Технических Знаний А. Проппер. Что-то узнать о А. Проппере мне не удалось. В истории сохранилось только имя Станислава Максимилиановича Проппера, издателя газеты «Биржевые ведомости» и журнала «Огонек».

В этих материалах А. Проппер рассказывает о новых маршрутах:

«В настоящее время уже разрабатываются проекты новых маршрутов на лето следующего года. Большинство маршрутов мало изменено сравнительно с прошлой кампанией.

И только на совершенно новых началах строится школьный маршрут. Главное внимание обращено составителем его, лектором Московских Педагогических курсов Г. К. Вебером, на цельность программы. В основу маршрута положено знакомство с народным образованием в Германии, Дании и у наших северных соседей — шведов. Народное образование берется в широком смысле этого слова, не оторванное, а в связи со всей культурной жизнью страны и в разных областях: дошкольного образования, начальной школы, как младшего отделения средней школы, дополнительного, послешкольного, внешкольного. Будет обращено внимание на изучение новейших течений педагогической мысли, и новых практических попыток общества в деле организации народного образования, школ нового типа, в том числе народных университетов, имеющих целью демократизацию знания. Особо будет выделен вопрос о профессиональном и общественном положении учителей, об их подготовке к деятельности.

Предполагается послать только одну группу (не более 25–30 чел.) учителей всех типов школ и деятелей по народному образованию. Предпочтение будет даваться только лицам, которых командировать земства или городские самоуправления. Знание иностранных языков хотя и желательно, но не является непременным условием. Гораздо большее значение имеет предварительная подготовка, относительно которой лучше всего было бы списаться с руководителем экскурсии, по адресу Учебного Отдела.

Из новых маршрутов Учебный Отдел организует в предстоящую кампанию только один маршрут — в Японию, и готовится к 1914 году поездке в Северную Америку. На Японский маршрут указывали в своих устных беседах и в анкете сами экскурсанты. Из

83-х лиц, выразивших в анкете желание поехать в Японию, 30 было учителей низшей школы, и учителей средней — 23. Многие из них были из Сибири. Поэтому маршрут будет иметь 3 сборных пункта: в Москве, в Иркутске и во Владивостоке, куда экскур-

санты могут съезжаться на свой счет. Отъезд из Владивостока назначен между 20 и 25 июня, чтобы можно было учителям вовремя выехать и вовремя вернуться назад. По России будут взяты плацкарты и особые тюфячки. Пароходом в Японию — во 2-м классе. В самой Японии уже все подготовлено в общих чертах; получено предложение от Русско-Японского Общества достать хороших переводчиков и проводников; будут получены льготы на железных дорогах, законтрактованы гостиницы.

В 1913 году предполагается послать за границу всего 35 групп. В Италию и Швейцарию, по местным условиям ж. д. переездов, группы по-прежнему будут отправляться в 50 человек. По другим же маршрутам будет сделана попытка несколько уменьшить громоздкость групп, доведя их состав до 40 человек. Если с финансовой стороны это нововведение выдержит испытание, то можно будет порадоваться за экскурсантов, которым очень мешала тяжеловесность, малоподвижность большой группы.

Реформа с заменой проводников групп казначеями из состава экскурсантов принесла хорошие результаты, между прочим, в том смысле, что группы устраивали свою внутреннюю жизнь на здоровых, товарищеских началах. Если без недоразумений протекала поездка в группах, достигавших в последнюю кампанию солидной цифры 55–60 человек, то небольшая группа в 40 человек может своей сплоченностью очень облегчить организационную работу руководителей на местах».

Интересные сведения по составу экскурсантов за четыре года приводит А. Проппер: «Преимуществом при зачислении в экскурсии пользуются прежде всего учителя и учительницы народных и низших школ, преподаватели, преподавательницы средних учебных заведений, служащие в городских и земских общественных учреждениях, учащиеся и в последнюю очередь — частные лица. Еще в 1910-м году взнос за экскурсии был несколько увеличен. С течением экскурсионной жизни выяснялась невозможность удовлетворить необходимые культурные требования и запросы экскурсантов на минимум комфорта в пути и на местах при установленной в первый год платной норме. Взамен Уч. Отд. вы-

работал целый ряд мер, клонившихся к тому, чтоб идти навстречу наиболее неимущим. Были выработаны особые упрощенные маршруты, сокращена продолжительность одних и уменьшена перегруженность других. Наконец, для поездок 1912 года решено было ввести 2 категории взносов, одну — для учителей начальных училищ и мелких земских служащих, другую — несколько повышенную — для всех остальных экскурсантов. Таким образом, благодаря незначительному (10–15 р.) повышению сравнительно с 1-й категорией взноса для лиц более обеспеченных классов — явилась возможность обслуживать наиболее неимущих на прежних условиях, без всякого элемента благотворительности, т. к. бюджет уравнивался расширением рамок дела и самого контингента экскурсантов. Поэтому Уч. Отд. не возражает против высокого процента участников «частных лиц», (47 % в 1912), т. к. чем больше лиц 2-й категории примут участие в кампании — тем больше будет возможности провезти экскурсантов 1-й категории. Против повышения % частных лиц нельзя возразить и потому, что, расширяя своим притоком рамки дела, они являются также культуртрегерами, разнося в самые разнообразные слои общества семена европейской культуры. Изменение самого состава экскурсантов не могло не отразиться на цифровых данных. В 1909 году, когда экскурсии носили специально учительский характер, 93,2 % падало на учительский персонал, в 1910 году процент этот падает до 66,46 %, в 1911 г. — 54,72 %, в нынешнем 1912 г. — 53,2 %».

Состав экскурсантов в 1912 году выглядел следующим образом: 352 учителя низшей школы, 369 — средней школы, 46 — фельдшеры. «Всего за 4 года побывало за границей с экскурсиями Учебного Отдела — 5397 лиц».

Если взглянуть на карту России с пометками о месте постоянного жительства экскурсантов, то невольно бросится в глаза, что едут они со всей России, Европейской и Азиатской, из центральных, более культурных губерний и из далеких окраин, из глухих деревень Закавказья, Туркестана, восточной Сибири. Переходя к цифровым данным, мы видим, что Европейская Россия послала

1206 экскурсантов, Польша — 37 ч., Финляндия — 4, Сибирь — 56, Манчжурия — 3, Средняя Азия — 34, Кавказ — 100.

Состав экскурсантов был крайне разнообразен. Кроме 767 лиц учительского и фельдшерского персонала, было много учащейся молодежи, 3 профессора, 3 инспектора народных училищ, 19 лиц из судебного ведомства, 4 офицера, 7 священников, 71 врач, 6 журналистов, художники, артисты, рабочие, приказчики, чиновники и др. Изменение контингента экскурсантов отразилось на общем уровне их. Так, образовательный ценз резко повысился. За все три первые года с высшим образованием было всего лишь ок. 500 ч., тогда как за один 1912 г. лиц с высшим образованием зарегистрировано 316. Лиц с средним образованием было 771 ч., с специальным образованием — 145, и на низшее приходится всего ок. 100 ч.

Как и в прежние года, в 1912 г. экскурсанток оказалось значительно больше экскурсантов. 65 % процентов падает на женский пол и только 35 % остается на долю мужчин. Высокий % женщин отмечается по всем категориям поехавших.

В 1912 г., как и в прежние годы, более всего привлекал Итальянский маршрут, затем Швейцария и Тироль; на третьем месте стоит Германия, затем в нисходящем порядке следуют Англия, Восток, Швеция и Норвегия, Париж, Брюссель и, наконец, специальный школьный маршрут. Знакомство с европейской культурой и искусством, отдых среди красот природы, солнца и тепла — вот к чему стремятся экскурсанты, и задача Уч. Отд. придать этим поездкам наиболее культурно-образовательный характер».

РЕСПУБЛИКА МОЛОДЫХ

Автор Туинс

«Одно из наиболее сильных и глубоких впечатлений за время поездки по Америке осталось у нас от посещения так называемой «Фривильской республики молодых», родоначальницы целой сети подобных учреждений, разбросанных по Северо-Американских

Соединенным Штатам от восточной их части до крайнего запада, от штата Нью-Йорк до «мирных берегов» плодородной Калифорнии.

Отправляясь в деревню Фривиль, штата Нью-Йорк, мы знали только, что увидим миниатюрную республику, служащую целям воспитания юного поколения будущих граждан великой федерации. Мы с интересом ожидали увидеть, в какие жизненные формы отлилась эта идея государства в государстве, сама по себе не новая, в энергичных руках практичных американцев, уделяющих так много внимания и средств задачам педагогики.

Мы выехали из Рочестера в пять часов утра, после очень утомительного дня осмотров и почти бессонной ночи. Продремав около трех часов в тряском вагоне (американские поезда ходят быстро, но зато укачивают непривычных пассажиров до настоящей морской болезни), мы прибыли на станцию Фривиль; здесь нас встретил довольно примитивный экипаж, запряженный парой лошадей и управляемый кучером — гражданином республики молодых. Встреча с первым гражданином и окрестности, мелькавшие мимо нас, разогнали остатки дремоты, и мы явились в гостиницу в очень бодром, энергичном настроении, которое и поддерживалось целый день интересным осмотром этого оригинального воспитательного учреждения. Инициатор и руководитель республики с самого ее зарождения М. Джорж — Дэди, как ласково называют его многочисленные духовные дети — появился в гостинице вскоре после нашего приезда, бросив какую-то работу в поле. По первому впечатлению почувствовалось, что этот человек действительно может вести такое большое сложное и ответственное дело и пользоваться огромным влиянием на детей, соединяя в себе недюжинную энергию, сильную волю и строгое следование принципу с мягкостью и добродушием доброго Дэди. Высокий, широкоплечий, лет пятидесяти, с здоровым загорелым энергичным лицом, с живым и в то же время строгим и внимательным взглядом, с добрым и искренним смехом, очень простой в манерах и обхождении, он как-то сразу располагал в свою пользу. М. Джорж встретил нас очень приветливо и после завтрака дал нам краткий очерк истории республики и познакомил нас с ее основными принципа-

ми. Его рассказ, проникнутый любовью к делу, носил очень живой и искренний характер и все время иллюстрировался фактами из жизни молодых граждан, к которым он, по-видимому, питает глубокие отеческие чувства. Из этого рассказа мы узнали, что республика в том виде, как она существует в данный момент, возникла не сразу, а явилась продуктом довольно продолжительной эволюции, во время которой, постепенно, в связи с требованиями жизни, создавались ее отдельные черты; эти черты, соединившись в одно целое, и дали ту стройную организацию, которая теперь так поражает стороннего наблюдателя своей целесообразностью.

Ведя деловой образ жизни в городе Нью-Йорке, М. Джорж всегда интересовался социальным вопросом и с 90-го года стал брать с собой на лето в свое небольшое поместье близ Фривилия от 200–250-ти бедных детей, мальчиков и девочек, чтобы дать им возможность подышать свежим воздухом и отдохнуть от домашней нищеты и сутолоки большого города. Наблюдения над этими детьми поставило его лицом к лицу с вопросами воспитания, удачное решение которых и определило содержание двух основных принципов будущей республики. Он заметил, что бедные дети очень быстро привыкают к своему новому обеспеченному положению и не только принимают, как должное, все заботы и блага, не задумываясь о том, откуда они являются, но даже в конце концов требуют то, на что не имеют никакого права. Чтобы устранить это нежелательное явление, М. Джорж решил на довольно радикальную меру, а именно: он заявил детям, что не выдаст им одежды до тех пор, пока они ее не заработают. Только четверть воспитанников сразу добровольно подчинилась этому требованию, остальные долго упорствовали, и только нужда и пример более благоразумных товарищей заставили их, наконец, приняться за дело. В дальнейшем, этот принцип распространился на другие жизненные потребности и, наконец, вылился в девиз республики: «Ничего без труда».

Вторым главным принципом воспитания, к которому пришел М. Джорж, работая в своей колонии, была необходимость введения в этой колонии полного самоуправления, которое, по его мне-

нию, должно было развить в детях чувство собственного достоинства, самостоятельности и ответственности за свои поступки. К этому принципу он пришел следующим путем: он, за неимением помощников, давал детям очень важные поручения, и всегда находил в них добросовестных исполнителей, гордых возложенными на них обязанностями. Замеченное им остро развитое у детей чувство справедливости и законности побудило его отдать в их руки суд над товарищами, а впоследствии и все управление делами республики. Теперь его вмешательство ограничивается только осторожными советами. Временем основания республики можно считать осень 95 года, когда М. Джорж, решив создать постоянное воспитательное учреждение, предложил желающим из колонии остаться с ним на зиму в Фривиле. На это предложение откликнулось только пять мальчиков. Первая зима была самой трудной эпохой в жизни республики, так как молодым пионерам приходилось не только бороться с материальными невзгодами, но также и страдать от недоверия общества и правительства. Но постепенно республика завоевала себе общее признание и в своем развитии достигла той высокой степени, которую мы можем наблюдать теперь. Наряду с развитием и укреплением основных принципов менялся также и состав граждан республики. Сначала это были просто дети бедных родителей, потом М. Джорж стал отдавать предпочтение детям — преступникам или просто трудным в воспитательном отношении, интересуясь наблюдением над ними. Он нашел, что принципы республики — самоуправление и труд — действуют на таких детей настолько благотворно, что даже самые испорченные из них превращаются в лучших граждан, уважающих и оберегающих закон. Впоследствии, не желая, чтобы его республика носила характер исправительного заведения, и находя также, что воспитание на ее принципах полезно для других детей, он открыл свободный доступ в нее всем желающим, в возрасте от 15 до 21 года; единственным ограничением является требование физической и духовной нормальности. Надо заметить, что в последние годы зажиточные и даже богатые родители и опекуны посылают в республику своих детей, чтобы они научились ценить

труд и привыкли к самостоятельности. Эти дети из богатых домов находятся в республике в совершенно таких же условиях, как их бедные товарищи, так как даже подарки из дома они могут получать только два раза в год и то в определенных небольших размерах. Цифровой отчет за двенадцатый год о вновь поступивших гражданах указывает на общее признание значения республики, как чисто воспитательного учреждения, и на относительное сокращение ее исправительной функции. По этому отчету, из 79-ти новых граждан только 10 совершили какие-нибудь проступки, а 67 — поступили в республику по собственному желанию или по воле родителей. Что касается до источников денежных средств, которыми пользуется республика, то они разнообразны: с одной стороны, это частные пожертвования, с другой — плата за воспитание наиболее богатых детей и, наконец, это собственные заработки молодых граждан. За последнее время эти заработки постепенно возрастают, и М. Джорж надеется, что в будущем республика сможет обходиться вполне своими собственными средствами.

Вот те краткие сведения, которые сообщил нам М. Джорж. Они еще более подняли наш интерес к этому учреждению. Не теряя времени, мы сейчас же после завтрака во главе с м-ром Джоржем двинулись по направлению к видневшимся вдали зданиям, любуясь по пути прекрасной дорогой, окаймленной цементированными тротуарами и тянувшимися по одной стороне ее полями, покрытыми высоким чистым уже спелым овсом с тяжелыми пушистыми кистями. Время уже близилось к полудню, и на открытой дороге лучи южного солнца сильно давали себя чувствовать, но мы шли бодрым шагом и скоро достигли первых коттеджей поселка; поселок, состоящий из 15–20 небольших двухэтажных домиков самой разнообразной архитектуры, расположен среди холмистой местности с широкими открытыми горизонтами. По дороге мы имели случай наблюдать отношение Дэди к его воспитанникам. Нам встретился молодой человек лет 17–18-ти, который шел куда-то быстрой деловой походкой; м-р Джорж остановил его и представил нам, как одного из высших должностных лиц республики, причем тут же ласково похвалил его и похлопал по плечу. Моло-

дой человек очень просто и сдержанно выслушал его похвалы, с большим достоинством ответил на наше приветствие и, улучив удобный момент, еще более ускоренным шагом направился к гостинице. Нас поразило в нем определенно выраженная индивидуальность и умение просто и с достоинством держать себя.

Осмотр некоторых коттеджей дал нам представление о домашней жизни республиканцев. Всех таких коттеджей десять: четыре для девочек и шесть для мальчиков; в каждом из них помещается от 10–15 человек. Обстановка их представляет различные степени комфорта, и в зависимости от этого жизнь в них оплачивается различно от 2 дол. 85 цент. до 4 дол. в неделю. В каждом из них есть гостиная с мягкой мебелью, пианино, общая читальня, столовая, наверху несколько спален. Большая часть всей этой обстановки сделана самими гражданами в их столярной мастерской. Домашние работы исполняются девушками под руководством опытных наемных хозяек. После коттеджей мы отправились осматривать различные общественные учреждения республики. Перед нашими глазами мелькали различные мастерские, где работают граждане, остановившиеся на той или другой специальности, правительственные здания, магазин, банк, школа и т. д. — словом, все то, что мы можем найти в любом городке Соед. Штатов. Мастерские все поставлены на солидную практическую ногу. Прачечная, например, оборудована новейшими машинами для стирки, сушки и глаженья белья, в булочной устроены приспособления для мешания теста и т. д.; везде применяются механические, электрические и паровые двигатели, одним словом, по технике республика старается в мастерских не отстать от подобных учреждений в больших городах. Это и понятно, если принять во внимание, что продукты, выделяемые в мастерских гражданами под руководством наемного мастера, должны не только покрыть потребности жителей поселка, но также принести республике денежный доход, удовлетворяя посторонним заказам. Например, булочная в 1912 году принесла дохода 1700 дол. В магазине, где каждый гражданин может на свои заработанные деньги получать все необходимое, нас встретила миловидная серьезная девица — вице-президент республики, как рекомендовал ее м-р Джорж.

Над магазином помещается банк, куда граждане отдают на хранение свои сбережения; этот банк представляет из себя миниатюрную копию настоящего. Надо заметить, что в республике обмен ведется при помощи алюминиевых монет, которые там же чекаются.

После банка мы зашли в мужскую тюрьму, которая произвела на нас неприятное и тяжелое впечатление. Она представляет из себя очень длинную, совершенно пустую комнату, напоминающую сарай, занятую посредине целым рядом железных клеток, в данное время пустых. В левом углу здания нас неприятно поразил вид кандалов, которые, по словам м-ра Джоржа, еще никогда не употреблялись. Суровостью и холодом повеяло от этой тюрьмы и как-то жутко стало при мысли, что юные граждане могут приговаривать своих товарищей к нескольким месяцам отсидки в подобной клетке, а между тем мы узнали, что в республике практикуется наказание от 1 до 6 месяцев тюремного заключения. Девочки не подвергаются столь суровому режиму и отбывают наказание под домашним арестом.

В библиотеке-читальне мы были встречены президентом республики, юношей лет 20-ти, который очень любезно предложил нам присутствовать на заседании суда. Мы, конечно, с удовольствием приняли это предложение и через пять минут уже были в зале суда, наполненной молодой публикой. Весь зал разделялся деревянной решеткой на две неравные части; большая часть была отведена для публики, а меньшая — для членов суда; в этой меньшей части на небольшой эстраде за столом сидел молодой человек — судья, около него с одной стороны находился помощник, а с другой стоял стул, на который по очереди садились свидетели и эксперты. Все шло обычным судебным порядком: сначала привели подсудимого, обвиняемого в курении табака, потом читался протокол, были вызваны свидетели и эксперты. Дело было пустяшное, и потому заседание велось вяло, с привычным скучающим видом. Для нас, конечно, это заседание представляло очень большой интерес, но сначала мы не могли серьезно отнестись к этим юношам, которые с самым спокойным, невозмутимым видом проде-

львали всю эту церемонию; нам казалось, что они вот-вот перестанут играть комедию, не выдержат и рассмеются, а с ними вместе рассмеется и вся молодая аудитория; но ничуть не бывало, все сидели и внимательно слушали; изменилось постепенно и наше отношение к происходившему; все стало казаться естественным и нужным. Дело приближалось к концу; подсудимого признали виновным, приговорили к доллару штрафа, и суд разошелся.

На обратном пути мы проходили мимо школы, которая летом закрыта. М-р Джорж рассказал нам, что за время своего пребывания в республике почти все граждане проходят через эту школу, причем за половину дня, посвященную наукам, они получают ту же плату, как и за работу.

К сожалению, на этом и закончилось наше кратковременное пребывание в республике, и нам надо было ехать обратно. С грустным чувством мы покидали это необыкновенное учреждение: мы сознавали, что едва ли когда-нибудь нам удастся побывать здесь еще раз, а между тем для полноты картины чувствовалась настоятельная необходимость более продолжительного общения с юными гражданами этого небольшого государства.

Итак, маленький людской муравейник, где все создано трудом юной молодежи, в полном расцвете сил, остался позади. При виде этой здоровой, уверенной в себе, полной сознания собственного достоинства молодежи, проникнутой серьезностью своих задач, все больше начинаешь ценить энергию отдельного человека и общие условия той страны, которая не только дает простор развитию всяких индивидуальных начинаний такого типа, но и идет к ним навстречу в форме как частной, так и правительственной помощи.

Казалось бы, воспитательное значение подобного учреждения должно быть ясно для каждого, и в каждой стране оно было бы не только желательно, но и необходимо; между тем даже Англия только теперь устроила одно подобное учреждение под названием «Маленькое государство», и насколько на ее почве привьются и будут процветать эти питомники молодого поколения — покажет будущее.

Значение республики как исправительного заведения и как школы для воспитания будущих политических деятелей, конечно, огромно; гражданин, прошедший эту школу будет в области политической техники чувствовать себя как дома и, следовательно, быстро сумеет разобраться во всех ее сложностях. Но еще важнее воспитание социальное, основанное на демократическом принципе «ничего без труда». Впоследствии, выйдя на самостоятельную дорогу, они никогда не смогут забыть лучшие годы своей юности, проведенные в дружной работе, и это время неизбежно наложит отпечаток на их отношение к труду, который они будут уважать в течение всей своей жизни.

Некоторые из читателей, может быть, заметят, что республика в глазах автора как бы подернута розовой дымкой, за которой не выделяются ее неизбежные пробелы и шероховатости. Но в этом господстве розового цвета, может быть, и заключается главный недостаток, а вместе с тем и главная прелесть всего нашего американского путешествия. Мы все видели лишь с лицевой стороны; гостеприимные хозяева тщательно скрывали от нас все темное. И мы увозили с собой в Россию неомраченное сомнениями чувство веры в торжество человеческого гения, сумевшего создать такие республики, университеты, заводы, все то грандиозное, эмблемой чего являются нью-йоркские небоскребы, которые в своем стремлении вверх, казалось, не знали ни препятствий, ни границ, и один вид которых наполняет вас сознанием красоты и величия человеческого духа».

ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЯ ЭКСКУРСАНТКИ

Автор неизвестен

«21-го мая был назначен отъезд 1-й группы Итальянского маршрута, в которую я записалась. Я «экскурсантка», одна из 47. На полтора месяца я отказываюсь от собственной инициативы, от самостоятельности и отдаю себя во власть Бюро, с Поварской. Положение для меня необычное, так как, откровенно сказать, при-

выкла и люблю распоряжаться не только собой, но и окружающими, за что прозвана «командиром», а вот теперь добровольно и сознательно поступаю в ряды маленькой армии и счастлива тем, что нас избавляют от всех забот, хлопот, дорожных волнений, расчетов. Благодаря этому поездка принимает какой-то волшебный характер. Все совершается по щучьему велению — это сплошной праздник, сюрприз за сюрпризом. Мы окружены заботой, вниманием, любовью. Живем и наслаждаемся, не отвлекаемся мелочами и дразгами закулисными, не теряем на это дорогого времени, все это берет на себя организация, она за нас думает. Кто может при таких условиях путешествовать? Разве американские миллиардеры! У тех, конечно, будет сказочный комфорт, но там роль будут играть деньги, ради денег, из-за денег, а тут любовь, душа и идея. А этого не купишь!

5-го июня вечером подъезжаем к Риму.

Все столпились у окон в нетерпении увидеть «вечный город». Издали показались арки, колонны, развалины, в полусумраке вырисовывались они, и волнение охватило всех. Вот он, древний Рим! А вдали виднелся залитый огнями современный город.

Поезд медленно подходит, и с перрона мы уже слышим русскую речь. Это «наши» за нами. Получается всякий раз, по приезде, впечатление, что вы приехали к родным, к друзьям погостить в чужой город, вас ждут, вам рады, вам хотят доставить удовольствие. Очень это приятно, ходишь точно именинник!

Пока наши руководители наблюдают за нагрузкой наших чемоданов, мы стоим гурьбой на площади перед вокзалом, и уже восхищены Римом.

Наш багаж имел довольно приличный вид, и ничего специфически русского в нем не было: скромные, но приличные чемоданы. Но мешки с чайниками были комичны: они гремели, падали и приводили в недоумение публику. Уселись мы в трамвай, затем нас высадили и повели пешком. Уж мы шли, шли, сворачивали с улицы на улицу, из переулка в переулочок. Вечером, да по незнакомому городу всегда расстояние кажется дальше. Мой сосед пришел в отчаяние и глу-

бокомысленно изрек: «А я замечаю, по некоторым признакам, что весь этот путь мы проходим по линии трамвая. Руководительница тщательно от нас это скрывает и делает вид, что не знает об этом. Я думаю пойти ей объяснить!» Но не успел он этого сделать, как мы услышали радостную весть: «А вот и наша tratoria!»

Как оригинально и забавно! Попадаем в асфальтовый дворик — под шатер из виноградной лозы. Кисти, к сожалению, еще не зрелые, свешиваются над столами.

Длинные столы уже накрыты, и ужин и вино нас ждут. Электрические лампочки мигают сквозь клен, и так уютно и симпатично за этими столами.

Встречают нас аплодисментами и засыпают вопросами. Здесь мы встречаемся с другой группой, которая приехала из Флоренции и спускается в Неаполь. Конечно, интересуются нашими впечатлениями и хвастаются тем, что едут на Константинополь. Но тех, которые болели между Неаполем и Капри, не соблазнишь большим морским путешествием.

С любопытством осматриваем друг друга.

Кажется, у них мужчины интересные? Но нет, экскурсантки жалуются на то, что они эгоисты и не любезны. «А наши-то, — хвастаемся мы, — наши удивительно милы». «А какая у нас руководительница, мы с ней, как у Христа за пазухой! А как мы дружно едем!» Одним словом, мы рекламируем себя. И не знаю, потому ли что мы довольны собой и окружающими, но и нами руководители довольны и говорят, что мы исключительно симпатичная группа. Дай Бог, чтобы и дальше так.

В первый же вечер нам «попало», нас упрекнули тем, что наша группа смешанная: «где учителя, для которых специально организованы экскурсии»? Но, право, и земский доктор и земский служащий заслуживают не меньше любви и участия; ну, а мы, «вольные», которые примазались случайно, можем только сказать «спасибо» за то, что дали возможность погреться у чужого очага».

Среди материалов о поездках русских учителей на экскурсии за границу есть не только воспоминания в прозе, но и песни.

ПЕСНЯ ЭКСКУРСАНТОВ

(Посвящается 2-й группе Северного маршрута 1913 года)

Автор Вера Г.

Целый год мы сидим за работой;
Летом бодро пускаемся в путь,
Чтоб, душой отдохнув от заботы,
На другие народы взглянуть.
Манят нас колоннады и своды,
И музеи, и гениев труд;
Увлекают картины природы,
Ропот моря и гор изумруд.
Мы посмотрим культуру чужую,
Эту жизнь со своею сравним
И, вернувшись в Россию родную,
Все, что вынесли, ей отдадим!

Мне удалось найти информацию об авторе следующего рассказа. Более того, выяснилось, что после революции 1905 года многие активные члены партии эсеров бежали из России. В эмиграции некоторые работали руководителями русских экскурсионных групп, а Василий Логинович Семеновский, тоже член партии эсеров, даже получил сертификат альпийского проводника, и он не мог не знать члена ЦК своей партии Коварского.

«КОЛОНИИ ОТДЫХА»

Автор И. Н. Коварский

Куфштейн (Северный Тироль)

Задача руководителя на местах, называемых «колониями отдыха», состоит в том, чтобы после шумных, полных нервного движения городов ввести экскурсанта в мир зелени, мир привольной природы, чтобы дать ему обрести себя, ощутить полновочное свое собственное существование. Наши экскурсанты в большин-

стве своем страстно любят природу. А здесь она еще полна своеобразных черт, полна незнакомого очарования. Кто из нас, обитателей равнин, лесов и полей с детства не мечтал увидеть горы, вздымающие свои вершины в небо, увидеть зарождение облаков, пройти до горных речек, буйно мчащих свои чистые зеленые, голубые воды по каменистому ложу, увидеть ущелья, прорытые потоками, побродить по горам и долам, где что ни шаг, то новая картина, новые профили горизонтов; где в действительности жарким летом, когда внизу все цветет полным цветом, можно в несколько часов пройти до мест, лишенных растительности, покрытых снегами; где вся физическая география вместо сухого учебника стоит перед вашими глазами, доступная наблюдению и восхищению; где, наконец, история земли приоткрывает ряд своих любопытных страниц, говорящих о прошлых веках и тысячелетиях, о грозных катастрофах, о бунтующих недрах земли, о работе морей и океанов, о периодах ледников и зачатков человеческой культуры.

Уголок северного Тироля, в котором живут неделю наши экскурсанты, необычайно богат и красотами горной природы, и целым рядом поучительных явлений. Это северные известковые Альпы, свидетели пролежавших здесь ранее морей, так называемые *Kaisergebirge*, возвышающиеся до 2,5 тысяч метров над уровнем моря. Мягкие склоны, которыми эти горы спускаются к городку Куфштейну, покрытые сочной зеленью, скрывают идущие за ними хребет за хребтом, изрезанные профили скалистых сильно выветривающихся известковых и доломитовых пород. Но стоит перейти на противоположный берег Инна, подняться немного в сторону маленьких горных озер, порожденных пролежавшими здесь в былые времена глетчерами, и могучие резкие линии, бороздящие небо выше облаков, встанут перед вашим взволнованным взором. Отсюда в сторону Баварии — типичный мореновый ландшафт. На юго-запад открывается широкая долина Инна, и блестят на горизонте могучие снежные шапки — цепи Высоких Тавр.

Однако, как ни разнообразна природа этих мест и ее красоты, обратить времяпребывание среди нее в «колонию отдыха» так, как его понимают иногда экскурсанты, то есть отдыхать лежа, не дви-

гаясь, мечтательно обводить взором окружающее, пальцем о палец не ударить и ждать, чтобы впечатления приходили сами собою в пансионат, отыскивали соответственного экскурсанта на его покойном месте около окна и забирались ему в душу, играя там всеми красками и предоставляя экскурсанту лишь душевно переваривать эту пищу — такого «отдыха» дать, конечно, нельзя. Почти все нужно взять собственными силами. Надо встать в 4 или в 5 утра, чтобы увидеть восход солнца в горах. Надо сделать 20–25 километров, чтобы среди палящего летнего солнца запустить в своих попутчиков снежками. Надо не бояться промокнуть, чтобы увидеть могучую картину грозы в горах. И если хотеть насладиться поэзией горной хижины в Альпах, с ее приветливыми огоньками на фоне мрачных громад, мелодией перезвона колокольцев пасущегося альпийского стада, надо забыть про комфорт уютной городской комнаты.

Опыт нескольких лет показал мне, что громадное большинство экскурсантов и сами не в состоянии «отдыхать» по типу того малоросса, которому галушки сами в рот валяются. Города, которые проходят перед ними раньше, чем они приезжают в «колонии отдыха», суммою своих разительных впечатлений в такой мере увлекают их в свое движение, до того приучают их жить всеми нервами и всеми силами своего существа, что они и сами не могут, приезжая в Тироль, не двигаться, не искать чего-то нового, красивого, увлекательного. И эта жадность законна для человека, в первый раз в жизни вырвавшегося из своего медвежьего угла, из своей нудной обстановки делового дня и запасящегося впечатлениями на долгие годы, быть может, на всю жизнь.

Конечно, не все одинаково подвижны, не все одинаково восприимчивы, неодинаковы физические и нервные силы. Программа должна это учитывать. Поэтому в Тироле, как и в богемской Швейцарии, странствования по горам я разделяю на более трудные и легкие. Очень часто прогулки устраиваются так, что в первую ее часть направляются все; из них часть с известного пункта возвращается обратно, другая, более сильная часть, направляется дальше (и обычно при этом обе половины почти в одно и то же

время возвращаются домой!). «И нам бы охота подальше», — говорит в таких случаях «насильственного» деления остающаяся половина. «Нельзя» — может быть единственным ответом, ибо для этой второй половины пути нужны большие силы. «Охота смертная — да участь горькая», — так примиряются оставшиеся.

Горная природа, ее флора и фауна, ее характерные явления, строение и состав гор, свидетели былых геологических эпох — все привлекает внимание; но не все удастся увидеть воочию, и тогда приходится обращаться к искусственным средствам. В Куфштейне экскурсанты осматривают поэтому маленький музей, который занимает ряд помещений в местной стариннейшей крепости, ныне уже заброшенной в стратегическом отношении, но сохранившей все черты крепостей средневековья и импозантно возвышающейся среди города на высокой доломитной скале. В музее собраны образцы местной фауны, все горные породы, встречающиеся в округе Куфштейна, найденные в его окрестностях окаменелости и ископаемые (между прочим, пещерные медведи, которых при одной из раскопок вблизи Куфштейна найдено было около 70-ти, так что ими были снабжены отсюда и некоторые столичные музеи). Для того, чтобы все показываемое в музее было по возможности понятнее, читается обычно предварительно или после посещения доклад, который в одной своей части теоретически знакомит экскурсантов с геологией Альп и данных мест в частности. В музее отведено место и быту, отчасти истории Тироля и Куфштейна. Старинные крестьянские комнаты в полной обстановке из данной округи, образцы домашней утвари, костюмы; отдана дань войнам за независимость Тироля 1809 года и их героям — крестьянину Гоферу, монаху Гаспингеру и офицеру Шпекбахеру: старые знамена, орудия, портреты, монеты Гоферова двора, того совершенно исключительного в мире двора, содержание которого обошлось в месяц в 650 гульденов (гульден = две кроны = 80 коп.). Мрачные темницы, служившие для заключения государственных и религиозных преступников, сохранены в крепости полностью; собраны и цепи, и орудия пыток. Оставлены модели

в натуральную величину тех пушек, которые когда-то защищали крепость, бомбы, гранаты...

Истории страны, выдавшей многие виды, отведено свое место в докладах, которые читаются по вечерам в помещении нашего пансионата.

Кроме природы, кроме геологии и истории страны, в программе должно быть место для современного быта, для знакомства с живыми социальными отношениями. Одна из постоянных жалоб экскурсантов — их слишком много возят по кунсткамерам и слишком мало показывают «живой жизни». Приходится часто слышать, что интересно бы познакомиться с тем, как живет немецкая семья. Изучить среднюю немецкую семью в ее обиходе нелегко и постоянно живущему за границей; а уж для того чтобы показать при 3–5-дневном посещении города всем группам по 50 человек одну лишь квартиру среднего достатка немецкой семьи, надо подождать до того времени, когда современная немецкая семья будет демонстрироваться со всем своим обиходом в тех же музеях.

Кое-что, однако, удастся. В Тироле мы осматриваем обычно крестьянское хуторское хозяйство; мы осматриваем его во всех деталях, от молотилки до водоснабжения, от поля и леса (с его сочными черничными ягодами — о, сколько дани мы отдаем им!) до сарая, кухни с водопроводом (и вкусными крестьянскими оладьями!), от спален с кроватями и пружинными матрацами до горницы с барометром, гигрометром, термометром; «демонстрируем» целую крестьянскую семью, от приемыша до бабки. Но как углубиться в эту жизнь, как просто порасспросить о чем-либо стоящих перед нами живых людей, когда громадное большинство не владеет немецким языком? Есть еще один способ знакомить с жизнью; посещать народные празднества, вмешиваться в гущу толпы и, если и не жить с нею общей жизнью, то хоть бродить среди нее наблюдателем. В Куфштейне мы достигаем этого в известной мере, когда отправляемся в среду или в субботу вечером на городскую площадь, где играет оркестр, составленный из местных жителей; радуемся, когда замечаем в составе играющих только что подававшего нам за ужином служащего нашего пансионата, успевшего

уже принарядиться в короткие тирольские брюки, зеленую куртку и шляпу с неизменным пером; бродим среди собравшихся жителей всех классов и состояний, любуемся их чинностью, ласковостью, приветливостью, добродушием. Или, когда под праздник приходят к вечеру поезда, преимущественно из недалекого Мюнхена, собираемся около вокзала и с недоумением встречаем высыпающих на площадь туристов в полном альпийском вооружении, быстро направляющихся в ближайшие горы, чтобы еще сегодня же поспеть к подошвам тех исполинов, на которые назавтра намечено взобраться. А забравшись в полуторадневный перевал на ночлег в излюбленную туристами гостиницу, отчасти и сами приобщаемся к их жизни — и долго вечером в комнате, где играет тиронец на цитре незатейливые мотивы, вместе с другими поем песни, обмениваемся тостами, а наутро, расходясь в разные стороны, перекликаемся горными кликами.

И туризм и спорт — тоже полные жизненного значения уголки европейской культуры. В городе экскурсант слышит об этом, здесь он отчасти видит. Чтобы понять значение альпинизма для европейского жителя, отдающего ему все свои досуги, каждый воскресный и праздничный день и ищущего в нем отдохновения от своей тяжелой будничной жизни, чтобы оценить также некоторые заслуги перед наукой, нужно знать, какие громадные суммы затрачивают горные клубы и общества на устройство хороших горных дорог и тропинок, на альпийские гостиницы, на музеи, собирающие флору, фауну и мертвую природу гор; нужно знать, что число членов, например, Немецко-австрийского альпийского Общества составляет около 100000 человек; что в дни бегства на лоно природы железнодорожная статистика приводит колоссальные цифры увеличения специальных поездов.

Куфштейн — городок с 6-ю тысячами жителей; но он прекрасно говорит всякому одним своим внешним видом, что жизнь может быть благоустроена, чиста, красива, уютна. На здании почты глазу приятно остановиться; школы — лучшие здания в городе. Все утопает в зелени, в цветах, все домики индивидуально красивы.

Мы осматриваем начальную школу, одно оборудование которой обошлось городу в полмиллиона крон; все в здании — новейшее слово гигиены. Мы осматриваем интересное среднее учебное заведение — одну из немногих введенных недавно в Австрии 8-миклассных, так называемых реальных гимназий.

Чем живет этот городок, имеющий свою газету, свой ряд больших и малых книг и по истории и по географии и просто живописующих эти благословенные места? Мы уже знаем, что во многом — туризмом: в нем около 20-ти гостиниц, летом всегда переполненных. Но в нем есть и жестяная фабрика и цементный завод, воздушная проволочная дорога которого видна из окон нашей столовой; в нем много ремесленных мастерских: столярных, горшечных, печных. Каков облик их хозяев и работников? Нам удастся увидеть их близко. Мы устраиваем обыкновенно «званный вечер», на котором местный «фэрейн для поддержания обычаев и костюмов старины» появляется у нас в полном составе. Здесь перед нами тирольцы в их изящных одеяниях, с их песнею и танцем; здесь перед нами почтальоны и сапожники, парикмахер и служащий в гостинице, рабочие и работницы, маляр и печник. И среди других гостей наших, среди местных банкиров, членов магистрата и думы, почтмейстера, высших ж. д. и таможенных чинов с их женами и дочерьми, как трудно установить разницу в их внешних манерах, как обще им уметь держаться среди людей и вызывать к себе уважение чувством такта и собственного достоинства.

Как ни мало, однако, удастся показать экскурсанту «жизни» заграничного общества, все же к концу путешествия у всех участников складывается твердое и совершенно основательное убеждение: здесь люди умеют устраивать жизнь; им знакомы и радости бытия. И когда мы в иной день за 4–5 часов прогулки раза 4 пересечем границу, шагая из Австрии в Германию и из Германии в Австрию, почти и не замечая этого, сама собою вырастает простая и ясная мысль о том, как искусственны человеческие границы и как, однако, может отличаться жизнь за некоторыми из этих рубежей.

То, что заключает программа пребывания в Куфштейне, далеко, конечно, не дает еще представления о Тироле в целом. Как

в горной стране, где жители одной долины иногда годами не видятся с жителями соседней даже и при теперешнем состоянии дорог, различные уголки Тироля по-своему характерны и по-своему интересны; не говоря уже о южной, итальянской, части Тироля, где итальянец превалирует над немцем и где тяготенье ирредентистов к Италии доставляет не мало неприятностей австрийскому правительству. Мы только издали любуемся цепями снежных Альп центрального Тироля и с горечью вздыхаем, зная, что побывать у истоков рек и у глетчеров нам не удастся. Я понимаю, что это и очень далеко и изрядно дорого, чтобы могло вписаться в наши тощие бюджеты; приходится мириться на том, что в один из вечеров экскурсантам показывают световые картины наиболее любопытных городов и мест Тироля. Однако я отношу это к недостаткам тирольской программы. Чтобы исправить их хоть отчасти, я предлагаю Учебному Отделу для будущего года маленькое нововведение: предложить экскурсантам данного маршрута за особый взнос в 5 руб. сверх установленной платы восполнить указанный недочет, т. е. побывать и в глетчерах, и в Инсбруке.

В настоящем году полному исполнению программы даже и в принятой части сильно помешала дождливая погода. Однако она имела своим следствием то, что мы побывали на представлении Страстей Господних в тирольской деревне Эрль. Нас привлекло туда в дождливый день крытое помещение и то, что мы слышали об аналогичных представлениях в Обераммергау. Экскурсанты не пожалели тех трех часов, которые они провели там: помимо характерных типов зрителей, наполовину состоявших из крестьян, и оригинальной обстановки крестьянского театра среди гор, перед нами в своеобразной игре деревенского жителя прошла тень средневековых религиозных мистерий, остатки которых сохранились ныне почти исключительно в горных католических местах южной части Германии и граничащей с ней Австрии. (Мистерии в Эрле разыгрываются раз в 5 лет. В прошлом году был выстроен в Эрле новый театр, и громадные расходы (около 150000 крон) побудили деревню поставить представления и в этом году. Но рекламирование было плохое, а пресса, недо-

вольная утачением представлений, отнимающим у них прелесть редкости, замалчивала их).

Я привел программу пребывания в Тироле, поставив ее в связь с изложением тех задач, которые мне казалось необходимым разрешить на месте наших «колоний отдыха». Ясно, что «отдыха» в прямом смысле этого слова здесь нет и в помине. Понятно поэтому, что некоторые руководители настаивали на том, чтобы в наших проспектах «колонии отдыха» были переименованы в места «пребывания». Этим будут избегнуты совершенно естественные опасения со стороны экскурсантов, дорожащих полнотой программы. С другой стороны — и это надо всегда иметь в виду — наша программа не есть нечто обязательное: каждый может применяться к ней в меру своих сил и своих желаний. Мне кажется, что при этом условии сказанное выше об отдыхе, понимаемом как смена впечатлений и уход от буден, получит свое полное оправдание.

Герренскретшен (Богемская Швейцария)

Те же соображения, которые были высказаны мною в первой половине настоящего отчета и которые были положены в основу при составлении программы в Тироле, руководили мною и в богемско-саксонской Швейцарии.

Картина природы здесь по-своему характерна. Этот небольшой уголок земли тянется в длину по обоим берегам Эльбы километров 40 на юго-восток от Дрездена, считая примерно от станции Пирны (на 16-й версте), где впервые выступает характерное строение берегов; километров 30 в ширину по обе стороны Эльбы на указанном протяжении — вот и вся область так называемой Богемско-Саксонской Швейцарии. Вдоль берегов тянутся исключительно полосы так называемого «квадренного песчаника», получившего это название за свою характерную форму; того самого песчаника, из некоторых частей которого построен чуть ли не весь новый Дрезден и его великолепный вокзал и ратгауз. Словно искусственно сложенные горизонтальные плиты этой легко выветривающейся горной породы, обычно удивительно правильных линий, громоздятся одна над другою, придавая побережью вид сплошных укреплений. То там, то здесь вы-

сятся причудливые замки и отдельно стоящие башни, в которых глаз нелегко отличает лишь красивую игру природы. Попадающиеся по пути действительные замки и крепости: Лилиенштейн, Кенигштейн, известное Bastei — необычайно гармонируют с природой, сливаясь с нею как бы в одно целое. По берегам — ряд живописных селений, одно из которых, находящееся верстах в 35 от Дрездена, — маленький курорт Schandau, центр Саксонской Швейцарии, довольно широко известно и у нас в России.

Герренскретшен, в котором проводят 3–4 дня наши экскурсанты, лежит в 1,5 час. езды от Дрездена на австрийско-германской границе, между Саксонией и Богемией, уже на богемской стороне. На всем протяжении Богемско-Саксонской Швейцарии вдоль берегов Эльбы я считаю это место, находящееся всего лишь на 120 метров над уровнем моря, наиболее красиво расположенным. Здесь крутые берега теснее, чем в других местах, обступают Эльбу, места кажутся более дикими, чувствуется, что внедряешься в глубь природы. Сам Герренскретшен — деревушка с 700 жителей, расположившаяся одной коротенькой улицей в ущелье, вдоль шумного притока Эльбы, Камница. 7–8 отелей и десяток-другой домиков местных жителей, занимающихся частью при тех же отелях, частью ремесленников, лавочников да рабочих ближайших каменоломен или судоходствующих по Эльбе. И скалы, и обширные леса, и берега, и даже наиболее крупные гостиницы во всей округе принадлежат князю Клару, одному из тех владетельных князей, в руках которых в Богемии находятся грандиозные земельные участки. Железная дорога идет от Дрездена по Саксонии по левому берегу Эльбы до станции Schon; отсюда паромный перевозит нас на противоположную сторону Herrenskretschchen. Высаженным на берег экскурсантам, попадающим под скалу к единственному дому и отданным на поток и разграбление таможенным чинам, вероятно, кажется здесь в первый момент довольно неудобно. Положительно некуда податься: в одну сторону узенькая дорожка под скалами вдоль берега, в другую сторону путь преграждает Камниц, и дорога загибает за дом в ущелье; кажется, что попал в какую-то берлогу. Все это проходит, однако, очень быстро. Когда на следующий день мы взбираемся на один из берегов нашего ущелья, и взо-

ру открываются необъятные горизонты по обе стороны Эльбы, с ее крутыми берегами, с одинокими то там, то здесь возвышающимися горами внутри страны, столь характерными для ландшафта Богемско-Саксонской Швейцарии, придающими ей вид хуторского хозяйства горной природы; когда здесь с высоты мы словно на карте разбираемся в очертаниях и слегка приоткрывается завеса над тайнами природы, когда перед умственным взором встает картина залегавших здесь и отступивших впоследствии морей, последующее разрушение осадочных пород, когда начинаешь различать профили вулканических и осадочных гор, слышишь о порфирах и гранитах, о базальтах, представляющих основы некоторых из них, — тогда чувствуешь, что есть где побывать, что увидеть и над чем парить и на этом уголке земного шара.

Мы посещаем Edmundsklamm и Wilde Klamm — необычайно живописные ущелья, пробитые Камницом недалеко от Herrnskretsch. Дорога идет здесь среди круто нависающих грандиозных скал, то вдоль потока, то над потоком по искусственным галереям, пристроенным к скалам; порою она прерывается, и приходится совершать часть пути на лодках. Чтобы убедиться в том, что величавая, ровная, спокойная округлая шапка Большого Винтерберга, манящая нас издали своею вышиною, вулканического происхождения, мы забираемся туда, унося с собою на обратном пути образчики базальта. Чтобы познакомиться с характером разрушений местных песчаных пород, мы посещаем Prebischt. Это грандиозная арка, промытая в скале, в данном отношении один из смелейших замыслов природы в Европе; арка находится на высоте 400 слишком метров над уровнем моря, среди диких скалистых гор, бродить по которым истое наслаждение. Здесь же среди этих невысоких, но порою совсем неприступных гор экскурсанты могут часто наблюдать и все эксцессы горного спорта, дающего в общем громадное количество жертв. Одна из групп в течение 1,5 часов с неослабевающим вниманием наблюдала, как три смельчака, связавшись шелковыми канатами, карабкались по совершенно отвесной стене, взбираясь на вершину естественной башни. Аплудисменты русских туристов не часто достаются на долю здешних спортсменов; на этот

раз кроме чувства собственного удовлетворения и они были им наградой за отвагу.

Герренскретшен — место повального туризма.

Однажды нам пришлось увидеть своеобразную группу в 40 человек рабочих одного хемницкого завода, путешествовавшую под предводительством своего хозяина, крупного фабриканта, и его жены. Тем, кто держит руку хозяина, на этом свете и за границей живется лучше. В другой раз мы потеряли одну из экскурсанток. Остановились, отрядили одного на поиски. Ждем в унынии. Вдруг слышим победные звуки марша, видим выходящих из-за поворота и спускающихся со скал молодых воинов, с палками за плечами, впереди шествуют генералы — в середине, в плену, наша экскурсантка. Слегка уставшую и затерявшуюся, ее встретила большая группа берлинских школьников под предводительством учителей и, узнав, куда мы направлялись, победно доставила нам на выкуп свою добычу.

Мы воспользовались и близостью Шандау, чтобы взглянуть на жизнь маленького курорта, с его чинной, подчищенной и подстриженной жизнью, с его пышными отелями и курзалом. В Herrenskretschen'e все несравненно проще и не только потому, что это не курорт, а туристский пункт, а еще и потому, что здесь мы... в Австрии, а не в Германии. Все-таки в этой стране, еще не устоявшейся в современной немецкой культуре, бродить если и не так удобно, то все же как-то свободнее, дышишь как будто привольнее. Впрочем, это уж, быть может, только для русского человека, привыкшего немного к беспорядку, немного к халатности; в этом отношении Австрия нам отчасти сродни. Из Шандау мы возвращаемся в Герренскретшен по Эльбе. Бродим мы и пешком вдоль Эльбы, когда посещаем выстроенный на крутой скале Бельведер, открытую сцену, где несколько столетий тому назад местные графы из Бинсдорфа устраивали спектакли в греческом вкусе. С амфитеатра открываются такие широкие горизонты природного театра, что мы считаем себя не менее счастливыми, чем графы того далекого времени.

Мы знакомимся далее с общим видом саксонских и богемских деревень и осматриваем подробнее крестьянское хозяйство и школу на богемской стороне.

Я крайне жалею, что не удалось в этом году показать крупную богемскую сельскохозяйственную экономию. В стране, которая положила начало учению об устройстве крупных имений и об управлении ими, где иные латифундии достигают многих десятков тысяч десятин и тем не менее ведутся без сдачи в аренду, следовало бы обратить на это внимание.

Я показываю экскурсантам богемскую школу (в Elbleiten, пробираясь туда великолепным ущельем Durrkamnitz) и охотнее предоставляю нашему учителю возможность поговорить на этот раз с богемским учителем, ибо немецкие школы и немецких учителей они уже видали.

Мне могут сказать, что раз в Герренскретшене нельзя вести руководство в духе цельности германского стиля, то надо избрать другой пункт. Сделать это, конечно, можно; быть может, это и приведет к тому, что ни о чем, кроме Германии, в новом пункте и говорить не придется. Но не пострадает ли еще при этом живость дела, нуждающаяся в сравнительном материале, это большой вопрос.

Заканчивая изложение программы пребывания в Богемской Швейцарии, не могу не отметить того, что в смысле более близкого знакомства с «жизнью» страны сделано было мало. Сказывается ли в этом то, что ныне первый год в данном месте устроен руководительский пункт, и мы не успели еще завязать той широкой связи и получить те возможности, которыми пользуемся, например, в Тироле; или, что самый пункт слишком мал — решить пока не берусь. Но я должен был пожалеть и о том, что не могу подвести экскурсантов поближе к людям, как мы это делаем в Куфштейне на нашем званом вечере; что не мог даже раздобыть проекционного фонаря, чтобы показать окружающие нас города и оставшиеся неизвестными картины природы хотя бы в световых картинах. Было бы не вредно, если бы удалось еще детально осмотреть и саксонскую деревенскую школу.

Опыт учит, недостатки замечены — работе будущего года предстоит их исправить.

Не сомневаюсь, однако, что и то, что видели экскурсанты, предоставило достаточно обширный материал для живого размышления».

СТОИТ ЖИТЬ!

Автор Ксения Абкович

«Каждый из моих товарищей по экскурсии, вероятно, если не сказал себе, то почувствовал эти слова: да, стоит жить! Перед нами, как в калейдоскопе, промелькнули шумный и мощный Берлин, тихий, уютный Дрезден, величавая и немного суровая, чуть-чуть грустная саксонская Швейцария. И всюду — быстро ли мчались мы на автомобиле, глядя с птичьего полета на Берлин, любовались ли шедеврами искусства в музеях, созерцали ли красивые, как музыка, движения детей у Далькроза, отдыхали ли, наконец, на головокружительной вышке в горах, всюду чувствовали мы, как что-то в груди ликovalo и пело радостный гимн жизни и красоты. Кто приехал усталый и разочарованный из России, тот возвращался бодрый, полный надежд, готовый сказать: «Мы еще повоюем!»

Если жизнь на Западе так содержательна, интересна, если в ней так много духовной силы и глубины, то, казалось, не может быть, чтоб наша маленькая, серая жизнь не изменилась к лучшему. Казалось, от нас самих зависит сделать ее красочной и многогранной, внести движение, искры и теплоту...

Но, кроме жадной любознательности, кроме бодрящего оптимизма, мы вынесли из экскурсии еще одно ценное и важное. Три недели мы прожили вместе, сообща радовались, огорчались, делились впечатлениями. И почувствовали себя одной большой, тесной семьей. В России мы, наверное, прошли бы мимо друг друга холодно и равнодушно. Здесь же сплотились на почве глубоких культурных интересов, да и просто братской близости человека к человеку. Нам, русским, надо беречь каждую каплю этого чувства, так как в нем верный залог роста общественности».

Я пробовал найти информацию об учительнице Ксении Абкович. Нашел, но уверенности, что это та самая, у меня нет. Тем не менее, предлагаю познакомиться с найденной информацией.

АБКОВИЧ КСЕНИЯ РАФАИЛОВНА. Дочь генерала Р.А. Абковича. Родилась в 1887 году. Образование высшее педагогическое. Профессия — учитель.

Была арестована 19 апреля 1920 года. Спустя какое-то время была отпущена. Впоследствии, работая в адвокатской конторе, стала писать стихи и прозу. Умерла в 1945 году. В 1922 году опубликовала сборник стихов «Огни и дали». Желающие почитать ее стихи теперь могут их найти в Интернете. Вот одно стихотворение из этого сборника:

Я умчаться хочу в край далекий
И в толпе затеряться людской,
На простор я стремлюся широкий
С непонятною, жгучей тоской.
Видеть красок хочу переливы,
Средь развалин безмолвных бродить,
Как сменяются в буре приливы
На разгневанном море, следить.
И в пустыне хочу я безводной
Пролететь, как слепой ураган,
И на льдине прозрачной, холодной
Меж снегов обогнуть океан.
Средь невиданных, странных растений,
Опьяняющих, дивных цветов
Заблудиться хочу в сладкой лени
И забыться под тенью листов...

АНКЕТА

Автор А. П.

«В день отъезда каждая группа экскурсантов собиралась к 2-м часам в помещении Учебным Отделом, и один из членов Совета Учебного Отдела знакомил с правилами общего распорядка, давал необходимые указания и сведения, которые могли бы понадобиться в пути. Экскурсанты ехали в этом году самостоятельно, без проводников, и потому волновались, и к назначенному для беседы часу являлась обыкновенно вся группа полностью. Отмечая такое нововведение, как отмена проводников, попечению которых вве-

рялась в прежние кампании забота о группе в пути, представитель Учебного Отдела обращал внимание экскурсантов на то, что желательно возможно больше самостоятельности и инициативы со стороны самих экскурсантов, что дело экскурсий растет и крепнет, благодаря сознательному отношению участников, что серьезное, внимательное, критическое отношение экскурсантов к самой постановке дела, к тем или иным дефектам организации является лучшим залогом его прогресса.

Поездка за границу с образовательной целью такой массы интеллигентных лиц имеет громадное значение не для них одних, но и для поднятия культурности во всех уголках России, откуда стремятся они в экскурсии Учебного Отдела. Поэтому их долг принимать участие в важном общественном деле и после путешествия хотя бы заполнением анкетных листов, которые им будут посланы в начале августа.

Наше общество крайне индифферентно ко всяким общественным начинаниям, и обыкновенно очень вяло реагирует на рассылаемые анкеты, имеющие часто большое значение. В этом сказывается, несомненно, и отсутствие культурных навыков, которые так облегчают жизнь нашим западным соседям. В таком же деле, как экскурсии, наибольшее количество ответов участников поездок на предложенные анкетой вопросы важно не только с принципиальной, но и с практической точки зрения. Общими силами и общей работой создается, крепнет и развивается дело экскурсий.

Анкеты прошлых кампаний были заполнены 62 % экскурсантов в 1909 г., 50 % — в 1910 г. и 30,5 % — в 1911 г., и имели громадное значение для упорядочения дела. В 1912 году из 1452 экскурсантов возвратило анкеты — 812 чел., т. е. 55 %, и такую отзывчивость можно считать более или менее удовлетворительной. Из 800 присланных ответов составляется материал, по которому можно судить о кампании и делать определенные выводы для будущего.

Анкета затрагивает культурное обслуживание групп (по маршрутам и по отдельным странам и пунктам), хозяйственную сторону дела (стол, помещение, переезды), ставит вопрос о желательности того или иного изменения маршрута, о том, как повлияла отмена

проводников на внутреннюю жизнь группы, насколько необходимо присутствие проводника в экскурсии, и, наконец, считает ли экскурсант свою поездку удачной и находит ли целесообразным поездку за границу не одному, а с группой Учебного Отдела.

Наиболее отзывчивыми на вопросы, предложенные анкетой, явились учителя низшей школы и фельдшерский персонал, из которых вернуло анкету 63 %. Затем следуют учителя средней и высшей школы, приславшие 55 % ответов; из частных лиц отозвалось 46 %, учащихся всего — 43 %. 40 лиц вернули анкету, не указав своей профессии.

По маршрутам более всего ответов получено от поехавших в Германию — целых 68 %; затем по итальянскому маршруту вернуло анкету 58 %, по швейцарскому — 54 %, парижскому — 53 %, северному — 52 % и лондонскому — 51 %.

На вопрос «Удовлетворил ли Вас маршрут в образовательном отношении?» 80,5 % ответило утвердительно; по отдельным профессиям — экскурсия удовлетворила 82 % учащихся, 81 % учителей высшей и средней школы, 79 % учителей низшей школы и фельдшерского персонала и 78 % лиц других профессий.

Не вполне удовлетворены поездкой в образовательном отношении 19,5 %.

На что же именно указывают они в своих ответах? Чаще всего попадают указания: 1) на беглость осмотра того или иного города, 2) на слабое знакомство с современностью, 3) на недостаточность культурных руководителей в отдельных городах, 4) иногда выражается недовольство каким-либо руководителем (в Лондоне).

Желание ближе знакомиться с современностью все чаще и чаще выражается экскурсантами. Их интересует самый ход иностранной жизни, течение общественной и политической мысли, строй государственного механизма. Они хотят аналогий, сопоставлений с нашей русской действительностью; их интересует все, чему они могут научиться у западной культуры. Этому интересу к современности Учебный Отдел стремился удовлетворять, по мере возможности, и в целом ряде городов эта сторона руководительского дела не вызывает жалоб. Менее всего удовлетворяет экскурсантов

в этом смысле Италия — страна искусства и великого исторического прошлого. Действительно, большая часть осмотров и объяснений посвящается в Италии памятникам прошлого и сокровищам античного искусства. Но здесь уж надо считаться с тем значением, которое имело в глазах руководителей прошлое Италии, «в его лучах тонет и меркнет современная общественная жизнь». Но и здесь Учебным Отделом предприняты шаги для расширения руководства в желаемом для экскурсантов смысле, в виде рефератов и бесед, связанных с современной жизнью Италии.

Среди указаний на желательность продления пребывания в таких городах, как Берлин, Мюнхен, Вена, Париж, Милан, Неаполь, Константинополь и Афины, слышатся голоса за уменьшение остановок в Стокгольме и Берневале — местечке, избранном для отдыха на берегу Атлантического океана. Берневаль как отдых не понравился многим из-за частых дождей, неприветливого климата Нормандии и однообразия жизни.

Что касается тех замечаний, которые относятся к постановке руководительского дела, то в них много справедливого. Здесь надо оговориться, что вообще отношения между экскурсантами и руководителями не оставляли желать лучшего, и письма и воспоминания экскурсантов полны самых теплых, подчас восторженных отзывов о руководителях. Кроме обычных причин, в недостатках руководства играли иногда роль непредвиденные иные случайности, болезнь или внезапный отказ, как, например, было в Париже, где за несколько дней до начала кампании принуждены были отказаться от принятого на себя руководства два художника; благодаря этому Париж остался без руководителей по Лувру. Все эти недочеты смогут, конечно, быть устранены в будущем году, если, как надо надеяться, ничем не будет нарушена планомерная и спокойная подготовительная работа.

Что касается хозяйственной стороны дела, условий переезда, помещения и стола, то и здесь подавляющее большинство экскурсантов высказывают полное удовлетворение. Только 12 % недовольны переездами (10 % учителей низшей школы и фельдшерского персонала, 9 % учителей средней и высшей школы, 13 % частных

лиц), причем чаще всего указывают на совершенно неизбежные ночные переезды по России, от Берлина до Парижа, из Венеции в Вену. Переезды эти, действительно, очень тяжелы, особенно за границей, в тесных вагонах, при полной почти невозможности спать. Но, к сожалению, избежать их нельзя, потому что иначе приходилось бы или увеличивать стоимость проезда, или терять лишние дни на дорогу. Все возможное в распределении маршрутов, в смысле удобства, уже сделано, и изменения могут зависеть уж не от Учебного Отдела, а от перемены расписания железнодорожного движения.

Неудовольствия по поводу стола и помещенья заявлены 14,5 % экскурсантов. Здесь менее всего удовлетворены учителя средней и высшей школ — 18 %, затем следуют учителя низшей школы и фельдшерский персонал — 15 % и 12 % частных лиц. В большинстве случаев неудовольствия вызваны случайными причинами, как, например, одновременным пребыванием в городе 2–3 групп, что неизбежно сказывается на тесноте помещения. Но этого трудно избежать, в таком, например, городе, как Берлин, где останавливается большая часть групп. В Лондоне, благодаря вышеупомянутой неподготовленности маршрута, помещение и стол действительно оставляли желать многого, и в будущем году хозяйственная сторона этого маршрута так же, как и культурная, будет поставлена на должную высоту. Что касается Италии, Венеции, Неаполя, то здесь больше, чем где-либо, трудно наладить хозяйственную часть по чисто местным условиям. Хорошие гостиницы и пансионы страшно дороги, рассчитаны на не стесняющихся в средствах туристов, и все то, что подходит к бюджету экскурсий, с большим трудом удовлетворяет человека, привыкшего к минимуму комфорта и чистоты. То же касается и итальянской кухни. Она решительно непригодна для русского желудка, и упорядочить хоть сколько-нибудь меню итальянских трапез — задача почти невыполнимая. Но уже в этом году удалось во многом улучшить эти условия; так, например, в некоторых городах кушанье готовилось для экскурсантов по специальному «русскому» меню, и хотя обычных макарон и оливкового масла не всегда удавалось

избежать, но все же желудки страдали значительно меньше. Надо надеяться, что с течением времени можно будет достигнуть значительно больших удобств, чему поможет, с одной стороны, самая практика экскурсионной жизни, а с другой — стремление итальянских содержателей гостиниц идти навстречу небезвыгодной для них ежегодной жатве. Вообще лицам, руководившим хозяйственной стороной дела, приходилось много хлопотать и много воевать с хищническими наклонностями хозяев. Один из руководителей пишет, что случалось вступать в самые неприятные объяснения, требовать того, что было условлено заранее, иногда даже ставить вопрос об увольнении какого-нибудь не в меру ретивого до хозяйских интересов кельнера. Такие прижимы со стороны содержателей гостиниц и пансионеров случались в самый разгар кампании не только в Италии, но и в Германии (Берлин) и Австрии (Вена), когда по самому ходу дела невозможно было удержать или перевести уже пришедший в движение экскурсионный механизм.

К вопросам хозяйственной организации относится также перемена проводников. В прежние кампании каждая группа отправлялась в сопровождении проводника — лица, на котором лежала вся забота о группе в дороге и отчасти на местах. В этом году принята была иная система. С группой ехали лишь казначей, один из экскурсантов, на ответственности которого лежала забота о денежной отчетности и о билетах для экскурсантов. Во всем же остальном экскурсанты были предоставлены собственной инициативе и самостоятельности, и путешествие, за редкими исключениями, совершалось, так сказать, без няньки. В каждом городе встречать их на вокзал являлись руководители, по голубым значкам узнавали экскурсантов, и тут же, на месте, от приезда до отъезда, группа поступала в ведение руководителей данного города.

90 % экскурсантов довольны такой постановкой дела и отмечают ненужность специального проводника. Только 10 %, и именно из тех групп, в которых, по местным затруднениям переезда, были оставлены проводники и в этом году, указывают на желательность сохранения проводника и на будущее время. В этом году проводниками пользовались 2 группы Северного маршрута, затем одна

(первая) группа Итальянского маршрута, которой, благодаря закрытию Дарданелл, пришлось внезапно изменить намеченную дорогу, и одна (первая) группа Германского маршрута, состоявшая почти целиком из лиц, ехавших впервые и совершенно незнакомых с немецким языком. Остальные же экскурсанты выбирали из своей среды «старост», которые, как выяснилось, превосходно справляются с делом.

На вопрос о предложении каких-либо иных маршрутов больше всего указаний получено на желательность поездок в Америку, Японию и Испанию. Экскурсии в Испанию пока не могут быть осуществлены по дороговизне жизни и путей сообщения и по отсутствию необходимых для удачного выполнения экскурсий связей. С Америкой уже ведутся переговоры и предполагается, что с 1914 года можно будет объявить этот маршрут. Что касается Японии, то уже в этом, 1913 году, и будет отправлена пробная экскурсия.

На вопрос «Считаете ли Вы свою поездку удавшейся» (в общем) 98,4 % ответили в положительном смысле. Только 1,6 % признало поездку неудавшейся.

ПЕШКОМ ЧЕРЕЗ С.-ГОТАРД ВОСПОМИНАНИЯ ЭКСКУРСАНТКИ

Автор неизвестен

«Итак, решено, мы идем через С.-Готард! Из всей группы в 55 человек, набралось только 15 человек желающих и шестнадцатый — Антон Борисович, наш руководитель. Мы выходим в воскресенье, после обеда. Все запаслись палками, рюкзаками, а некоторые теплыми вещами, так как опыт показал, что на леднике ой-ой как холодно! Все волнуются, справляются не забыли ли чего, укладывают свои вещи, мешки. Надо убрать свои чемоданы, снести их вниз, сказать, чтобы не забыли их при отъезде остающиеся. Дела много! Наконец, мы пообедали и ждем с нетерпением четырех часов, когда назначено выступление в поход. Кто-то

из остающихся еще не может успокоиться от зависти и указывает, желая нас разочаровать и тем успокоить себя, на рискованность подобного перехода. Но мы не боимся, даже странно, что чего-то можно бояться! Я жду от этого перехода много хорошего. Жаль только, что погода неважная! Говорят, что в такую погоду мы получим мало удовольствия, так как красивые виды будут затянuty туманом. Но это нас мало останавливает. Ведь одно сознание, что мы перейдем через Ронский ледник, сделаем С.-Готардский перевал, даст нам удовлетворение и наполнит наши сердца гордостью. А, может быть, небеса смилостивятся и пошлют нам солнышко? Вот четыре часа. Ант. Бор. встает и громко говорит: «Господа, идем — пора!» И мы двигаемся на вокзал, сопровождаемые остающимися. Там нам устраиваются торжественные проводы. Еще бы, ведь мы, как-никак, герои! Мы сели в вагоны, шлем прощальные приветы, жмем протягиваемые нам руки, и под крики пожеланий счастливого пути поезд отходит. Полчаса езды, и мы в Meiringen'e, где делаем закупки провианта, и отсюда уже трогаемся в наш далекий путь. Идем бодро, погода хотя неважная, но дождя нет, и это нас очень подбадривает. Сегодня нам надо пройти 16–17 км, чтобы добраться до Gouttannen, где у нас назначен первый ночлег. Мы поднимаемся в горы тропинкой и, наконец, выходим на шоссе, идущее все время долиной бурной реки Аары. Еще никто не устал, и мы идем все бодро, даже многих приходится просить умерить шаг, но ноги все время непослушно ускоряют его. Погода прояснилась настолько, что видно далеко впереди себя, Meiringen уже сзади внизу, маленький, точно игрушечный. Долго останавливаться нельзя, нужно идти дальше. А перед глазами картины одна лучше другой: иной раз глаз не оторвешь от этой бурной реки и ее скалистых берегов.

Начало смеркаться. А вечер в горах — лучше этого и представить себе нельзя. Темные горы как бы нависают над тобою, как бы приближаются друг к другу; так и ждешь, что сейчас раздавят тебя, маленькую букашку.

Господи, как хорошо, что я пошла! А впереди, наверное, картины еще лучше, величественнее и загадочнее... Уже совсем стемне-

ло, когда мы подошли к Gouttannen, где в хорошей гостинице мы получили за 1 фр. (37,5 коп.) чистую постель, на которую, попив кофе и поев бутербродов, с удовольствием улеглись, думая о завтрашнем, самом трудном переходе.

Встаем в 6 часов. Сегодня нам надо пройти до Grimsel, а там подъем на Ронский ледник и переход через него. Чем дальше поднимаемся, тем становится холоднее. Роскошная альпийская флора средних высот сменяется мхами, кустарниками; начинает попадаться снег. Наконец, мы идем уже среди снегов; дико, пустынно и как-то на душе жутко от этой дикости. Точно приближаемся к чему-то неизмеримо торжественному. Вот и Grimsel Hospiz. Среди скал, строгих, диких, покрытых снегом, на берегу двух небольших озерков, прозванных Todtensee за холодную температуру воды, стоит он. Можно удивляться людям, которые круглый год живут среди вечных снегов. Мы входим в Hospiz, подкрепляемся горячим кофе и начинаем переговоры с проводниками, могущими нас провести через Ронский ледник. Каково же наше отчаяние, когда мы узнаем, что проводники отказываются идти. Снегу, говорят, много напало, и идти с большой неопытной компанией очень рискованно. Мы все приуныли. Еще бы, одно дело перейти ледник, другое совсем — посмотреть на него издали. И погода, и наше сильное желание — все в пользу перехода, и вдруг такое препятствие, как отказ проводника, без которого идти невыносимо. Только, было, мы собрались помириться с горькими обстоятельствами, как один, только что перешедший ледник гид изъявляет свое согласие нас провести очень легким и удобным путем. Восторг неопиcуемый! (Если бы было можно, я бы его расцеловала). Наконец, гид немного отдохнул, мы все закутались теплее; трогаемся в путь. Но где же тропинка, по которой мы будем подниматься вверх? Смотрю — ничего подобного; проводник начинает подниматься на почти отвесную скалу. Все вереницей поползли за ним, осторожно ступая по его следам. Идти нужно очень осторожно Необдуманный шаг, и можно опять съехать вниз. Страшного ничего нет; чувствуешь себя бодро и хорошо, хотя смотришь только себе под ноги и мысли все направлены на то, чтобы лучше укрепиться. Мы шаг за шагом,

медленно взбираемся все выше и выше. Оглянулась назад: Hospiz чуть виден! Жаль только, что немного туманно, и мы не увидим всех прелестных видов, какие можно увидеть с такой высоты. Кто-то скатился, одна из спутниц завязла в снегу и не может вытащить ног. Смешно и вместе жутко. На самой высокой точке (3600 м) мы сделали небольшой привал, прямо на снегу. Какое-то странное впечатление чего-то неопределенного. Тут снег, а знаешь, что внизу лето, и сегодня же, через несколько часов, спустившись вниз, мы найдем роскошную растительность. Долго сидеть нам не дали, так как дул сильный ветер и можно было простудиться. Трогаемся дальше и уже начинаем спускаться на ледник. Идем теперь узкой тропинкой, над страшной высотой, по колено в снегу.

Ветер дует страшный, идти все труднее и труднее. Снегу столько, что с трудом передвигаешь ноги. Ветер и холод пронизывают до костей. Идем, идем и конца не видно этой тропинке. Ледник уже под нами, а мы все еще не спускаемся; устали до того, что охватило отчаяние. Появилось такое чувство, что этому переходу и конца никогда не будет. Жутко стало, да и силы уже не те... Наконец, спускаемся на ледник по морене, камни сыплются из-под ног. Ветер прямо невероятный. Иногда такие порывы, что приходится ложиться, на ногах удержаться трудно. У всех одна мысль: «Скорее бы конец!» Руководитель и более прыткие из нас уже перешли, а мы, едва подвигаясь, тащимся сзади. Вот и ледник. Но снегу, действительно, так много, что поверхность вся сглажена. Нет того, что бы хотелось видеть, а именно глубоких трещин, ледяных мельниц, всего того, что так характеризует ледник. Местами только попадаются трещины, но очень маленькие, через которые ничего не стоит перешагнуть. Сил уже совсем почти нет, идешь только по инерции и потому, что идут другие. А то так и легла бы тут на ледник. Слава Богу, перешли небольшой подъем, а там спуск и внизу отель. Наши идут далеко по тропинке и подходят к отелю, а мы с гидом подходим к совсем почти отвесной скале, по которой сойти нет возможности. Как быть? Наши уже в отеле, сидят в тепле, смотрят из окон и смеются над нами. Обходить очень далеко, минимум четверть часа, а отель так близко, совсем под нами внизу.

Гид подзывает одну экскурсантку, велит ей садиться, садится сам, и они торжественно, под дикий хохот наших, едут вниз. Что долго думать, сажусь и я и тоже переважно съезжаю к самому отелю. Моему примеру следуют все остальные отставшие. С хохотом вбегаем в отель: ноги мокрые, зуб на зуб не попадает от холода, ветер последние силы выдул, но все это пустяки; зато гордое сознание того, что я перешла Ронский ледник. Теперь самое трудное осталось позади, на завтра осталось самое легкое, а там и конец. В отеле оживленные разговоры, шум, все делятся впечатлениями. Вконец развеселил эпизод с «козиным молоком», как выразился наш милый Ант. Бор. Выйдя из отеля, мы быстро стали спускаться, так что пока дошли до ночевки в Realp, все уже высохли и согрелись. Так кончился самый трудный день нашего путешествия. Придя в гостиницу, мы, несмотря на страшную усталость, едва передвигая ноги, собрались в столовую, где долго сидели, делясь впечатлениями и вновь переживая все тревожения прошедшего дня. Несмотря на все трудности, многие изъявили желание пережить все это еще раз, а некоторые даже завидовали Ант. Бор., которому предстояло совершить этот переход еще с четырьмя группами.

На следующий день, встав немного позднее, чем накануне, мы в чудное солнечное утро вышли и пошли по долине реки Рейсса. В этот день нам предстоял нетрудный перевал через С.-Готард. Но прежде мы дошли до Andermat'a и оттуда зашли немного в сторону на Чертов мост, где был Суворовский переход. Смотря на совершенно гладкие, крутые скалы, на чрезвычайно бурный в этом месте Рейсс, поражаешься той гениальной смелости, с какою был совершен переход. Полюбовавшись на красивый водопад, который образует в этом месте река, осмотрев памятник, высеченный в скале героям, погибшим при переходе, мы двинулись обратно. Пообедав в Andermat'e, мы дошли обратно до Hospental, откуда начинается подъем на St. Gothard. Дорога легкая, подъем все время по шоссе совершенно незначительный, мы бодро идем вперед и незаметно добираемся до самой высокой точки, после которой уже начинается спуск — это Gothard Hospiz (2114 м). Здесь очень красиво расположилось несколько небольших горных озер, кру-

гом очень красивый вид на снежные вершины (сами мы уже значительно ниже них). «Да, это уже не то, что вчера. Сегодня мы ни разу в снег не попали, не померзли, как следует», — жалеют некоторые. Я не особенно жалею о вчерашнем переходе через ледник и сегодня уже не хотела бы его совершить; но и мне бесконечно жаль, что еще часа три-четыре, и мы будем внизу, а не среди этих величественных вершин, мы будем обыкновенными смертными, а не С.-Готардскими путешественниками. Кидаем последний взгляд кругом и начинаем медленно-медленно спускаться вниз. Вот уже внизу под нами конечный пункт нашего путешествия, полуитальянский, полушвейцарский Airolo, где мы будем ждать до завтра всю нашу группу, едущую по железной дороге. Жаль, безумно жаль, что кончилось это поистине сказочное путешествие. Да, я была там, видела собственными глазами то, о чем я раньше только читала, и даже представит себе не могла всей красоты и величественности горной природы. Все идет тихо, как бы подавленные виденным. Как сплотилась за эти дни наша маленькая компания, и мы с ужасом думаем, что завтра уже в 2 часа не будет с нами Ант. Бор. Все окружили его и медленно шагаем, слушая, как он рассказывает нам о Париже. Вот и Airolo. Отыскиваем дешевую гостиницу около вокзала, располагаемся, и долго еще сидим маленькой дружной компанией, тихо беседуя.

Да, конец, для большинства навсегда. И долго, наверное, разбросанные по всем уголкам России «с.-готардцы» будут вспоминать это чудное путешествие, а вместе с ним всех членов маленькой семьи, совершившей его.

В ТИРОЛЬСКИХ АЛЬПАХ

Автор П. Роговский

- Куфштейн! Старосты!
- Где старосты? Как же вещи?
- Господа, ждите руководителя!
- Вот он!

— Выходите скорее! Дамы, вперед!

В вагоне сразу становится шумно и весело. Поезд останавливается. Толкая друг друга, роняя ручные вещи и тесным кольцом обступая Илью Николаевича Коварского, нашего куфштейнского руководителя, из вагона положительно вываливается крикливая стая экскурсантов.

Мелкий затяжной дождь. Горы затянуло туманом. Перспектива просидеть все пять дней в Realschul, вместо прогулок в горы, пугает нас, а потому так естественны наши тревожные вопросы о возможной погоде, которыми мы засыпаем улыбающегося Илью Николаевича.

— Да, господа, погода для вас не особенно удачная. Здесь несколько недель уж идут дожди. Однако будем надеяться на лучшее.

Несколько недель идут дожди! Лица у экскурсантов вытягиваются. С улыбкой смотрю я на Дрейсиха, за плечами которого виднеется тирольский мешок, приобретенный им в Мюнхене. Дрейсих добродушно ухмыляется и утешительно похлопывает меня по плечу.

— О вещах не беспокойтесь. Идемте! — говорит Илья Николаевич. Постараемся использовать время продуктивно. Ничего категорически определенного обещать не могу. Не забывайте, господа, что вы в горной местности, где погода удивительно капризна.

Мы сами понимаем это и утешаем себя надеждой, что хоть день-два будем любоваться горами при ярком солнечном свете. Неужели мы такие уж несчастные! И настроение наше еще более улучшается, когда Илья Николаевич говорит, что еще не было примера, чтобы группа просидела все время дома из-за дурной погоды. Поэтому предложение его совершить после обеда небольшую прогулку принимается единогласно, хотя дождь упорно не желает перестать.

Зонтики раскрыты. Со шляп холодными струями сбегает на шею и спину вода. Но лица у всех бодрые, веселые и какие-то ожидающие. словно скоро-скоро должно произойти что-то весьма заманчивое и неожиданно-прекрасное.

Вот и тропинка. Начинается подъем. У некоторых, которые, как выяснилось потом, не в силах были совершать горные прогулки, замечается желание во что бы то ни стало ползти вверх, хотя ноги их скользят куда-то в сторону, дыхание со свистом вырывается изо рта, и все побагровевшее лицо имеет воистину страдальческий вид.

— Ровным шагом, не спеша! Дышите полной грудью, вентилируйте свои легкие!

— Здесь не хотел бы дышать — так задышишь, — думаю я, слыша за своей спиной какое-то бульканье и клокотанье. Это — почтенный коллега К-ко, добродушный и немного... тяжеловесный, заставивший как-то до упаду хохотать экскурсантов рассказом о том, как он, математик по специальности, вел, по предложению директора, в первом классе немецкий язык.

На площадке останавливаемся на пять минут. Оглядываемся на Куфштейн и долину Инна, которую со всех сторон обступили горы, теперь полузакрытые облаками. Виден Пендлинг, Тирберг с развалинами замка и далеко, на горизонте, благодаря случайно образовавшемуся прорыву в облаках покрытые вечными снегами кряжи. Холодным ледяным спокойствием веет от этих белых вершин, таких неприступных, чистых. И, быть может, потому, что так далеки эти снежные вершины, таинственно белеющие на горизонте, кажутся они чертогами ледяного великана, недоступным царством духа гор, того злого, мстительного духа, который толкает неосторожного путника в темные, страшные пасти пропастей, сбрасывает на него снежные лавины и своим ледяным дыханием сбивает с пути в жуткую горную метель.

— Подыдемся еще немного, господа. Дорога будет несколько труднее. Пробуйте свои силы. Ровным, мерным шагом!

Тропинка узка, и нога скользит по мокрым полуистлевшим листьям. Тихо шуршит дождь... Все выше и выше... Раиса Александровна, вся пунцовая («альпийская роза», как называет ее всегда заключающий шествие К-ко), ушла вперед. Изредка из-за поворота тропинки мелькает между деревьями ее сияющее, довольное лицо. А Дрейсих, этот милый маленький Дрейсих, свернул с тро-

пинки и, как дикая коза, прыгает в желтых сандалиях по склону горы в мокрой траве.

— Дрейсих, промочите себе ноги! Куда вас понесло!

— Ого-го-го!.. — Слышится сверху радостный беспечный голос, и Дрейсих стоит уже выше на тропинке и героически-приветливо машет шляпой.

«Hinterbarnbad»

День идет за днем. Впечатления, одно ярче и неожиданнее другого, мелькают в быстрой смене. И так жаль отошедшего дня, так полон ожиданий наступающий новый.

Хочется, чтобы время остановило свой неуклонно-стремительный бег в вечность, чтобы «сегодня» длилось долго-долго, а наступавшее завтра было так же прекрасно и так же длительно...

Еще одно утро, туманное, серое.

Махнув рукой на хмурое, мокрое небо, отправляемся небольшой группой в горы. Когда мы входим в лес, дождь перестает. Воздух сырой и тяжелый. Он весь наполнен мириадами невидимых глазу капелек тумана. Не играют причудливыми пятнами тени на свежей холодной от утренней прохлады листве, на влажной, покрытой мягким ковром перегной почве. Лес стоит безмолвный, однотонный, и с мокрых ветвей гулко падают холодные капли. Своеобразная музыка...

Сворачиваем в сторону, к «Чертовой кафедре», — одиноко стоящему с отвесными боками утесу, с вершины которого, по тирольской легенде, проповедовал дьявол свое учение о зле и насилии. Кругом утеса в котловине разбросаны огромные камни в самых разнообразных группах. Это окаменевшие слушатели сатаны, наказанные справедливым гневом бога.

С вершины утеса, куда мы взбираемся по скользким ступеням деревянной лестницы, открывается жуткий вид. Внизу точно бездонная пропасть. Руки невольно крепко сжимают деревянные перила, когда перегибаешься, чтобы заглянуть в лежащую в тумане котловину. Кругом амфитеатром горы, закрытые молочной пеленой. «Чертова кафедра», как трон, высится на склоне котловины, страшная и величественная. А когда туман вплотную подходит

к нам, заволакивая все окружающее своим мокрым флером, кажется, будто вокруг бесцветное северное море, будто утес, как корабль, бесшумно плывет по колеблющейся водяной равнине.

Через полтора часа, измокшие и продрогшие, обедаем мы на террасе горного отеля. Слышатся шутки, смех, публика чувствует себя весело и непринужденно. Прямо против террасы возвышается «Церковь смерти», огромный отвесный лик, недоступный и суровый. Немало смельчаков погибло уже при невероятно трудном, прямо фантастическом восхождении на его таинственную вершину. Но по-прежнему манят к себе отважных духом его отвесные склоны, по-прежнему каждый год несколько человеческих жизней приносятся в жертву безумному желанию взобраться во что бы то ни стало на его недоступную вершину.

Приятно пить холодное молоко из запотевшего стакана и, видя вокруг себя оживленные, молодые лица, думать о том, как хорошо жить — двигаться, мыслить, страдать каждодневно и каждодневно быть хоть секундочку счастливым, а не лежать бесформенной, окровавленной грудой мяса и костей на дне глубокой пропасти.

После обеда Илья Николаевич с частью группы отправляется выше, в горы. Через час приходят они с букетами альпийских роз, усталые, но довольные. Д. убрала свои золотистые волосы красными розами, которые поднес ей улыбающийся Дрейсх. И у всех, у всех на шляпах, в волосах или прямо в руках краснеют рододендроны, дары природы высоких Альп. По дороге домой люблю красивым водопадом».

ПЯТЫЙ ГОД ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОЕЗДОК ЗА ГРАНИЦУ

Нашлись в России энтузиасты, которые без помощи государства, более того, преодолевая сопротивление государственного аппарата, сделали очень хорошее дело. Когда я читаю в этих материалах про логику и поступки царских чиновников, мешающих делу, у меня четко складывается понимание, что те чиновники — «царские» близнецы чиновникам «путинским». В наше время,

когда пассивность и обособленность от всех и от всего у людей приобрели масштаб эпидемии, мне очень хочется показать воспоминания о прекрасном начинании самих организаторов, т. е. тех энтузиастов и просветителей, которых нам сейчас не хватает. При чтении материалов у меня сложилось впечатление, что с тех пор ничего не изменилось ни у нас в стране, ни в отношении европейцев к нам — жителям России. Я предлагаю почитать воспоминания А. Проппера, как все начиналось и как были организованы специальные экскурсии — чисто педагогические. Воспоминания я привожу в значительном сокращении.

Воспоминания А. Проппера

«Вспоминаются тревожные и радостные летние дни 1909 г. В узеньком переулке на Смоленском рынке, в скромном помещении, состоявшем из двух комнат, с раннего утра толпились народные учителя. Собрались они со всех концов России, с более чем легким багажом, в упрощенных по-дорожному костюмах. Лица озабоченные, возбужденные. Как бы сами удивились и испугались своей решимости вырваться из медвежьих углов и «очертя голову» броситься в неведомые страны, в далекое путешествие. Не менее поражена была своей смелостью, видимо, и та небольшая горсточка членов Учебного Отдела О. Р. Т. 3., затеявшая без средств, без больших связей отважное предприятие перекинуть 1000 «беспомощных, безъязычных» учителей за границу, провезти их за безумно низкую плату по культурным странам Западной Европы и Ближнего Востока...

А по вечерам на Брестском или Брянском вокзалах можно было уже наблюдать трогательные сцены нежного расставания смельчаков, связанных скорой, но нежной дружбой. И те, кто были в вагоне, и кто оставался в Москве, чувствовали, что от них, от их выдержки зависит вопрос: быть или не быть образовательным поездкам учителей за границу. И те и другие пролагали путь следующим поколениям. И когда они возвращались из поездки, они считали своим долгом продолжить свое общение с комиссией и заполня-

ли анкетные листы, в которых откровенно рассказывали обо всем, что им пришлось испытать и узнать в пути. И таким образом установился самый жизненный принцип общественной организации, именно — дружная совместная работа всех участников экскурсий. И этому принципу не изменяли впоследствии руководители экскурсий, и им только можно объяснить успех и прочность всего предприятия, так неожиданно появившегося на поверхности волны, несущей в Россию свет знания, культурности и человечности.

Доброе семя упало на подготовленную почву.

В 1902–03 гг. состоялся первый съезд представителей учительских обществ взаимопомощи. Съезд признал образовательные экскурсии чрезвычайно важным фактором в деле самообразования учителей и вынес резолюцию, приглашающую учительские общества взаимопомощи оказывать учащим содействие в организации товарищеских поездок. В 90-х годах Нижегородское, Петербургское, Казанское, Пермское и Тамбовское учительские общества взаимопомощи объединились для совместной деятельности в этом направлении. Отозвались также некоторые земства, как Курское, которое организовало в 1901, 1902 и 1903 гг. ряд экскурсий учителей в Москву, Крым, Кавказ и по Волге, при содействии Курского Учительского Общества Взаимопомощи. Откликнулись столичные и крупные провинциальные просветительные общества, как общества грамотности, комиссии по организации учительских летних курсов и т. д. И, наконец, при Московском Учебном Отделе Общества Распространения Технических Знаний, который своими многочисленными комиссиями уже 40 лет несет посильные труды на пользу просвещения, зародилась идея помочь народным учителям организовать коллективные поездки с образовательной целью за границу. И за пять лет удалось Учебному Отделу переправить за границу около 4500 учителей. Не лишне поэтому, кажется нам, вкратце напомнить историю борьбы Учебного Отдела за право способствовать учителям возможно целесообразнее, с наименьшей затратой душевных и физических сил, материальных средств и времени, знакомиться с историей, культурой и современной жизнью наших соседей.

В декабре 1908 года в московских газетах появились заметки о том, что Учебный Отдел О. Р. Т. 3. организует поездки учителей с образовательной целью за границу. В первые же месяцы записалось около 5000 чел., и за первый же экскурсионный год проехало 1089 человек, преимущественно народных учителей, а остальным — не учителям — пришлось отказать. С тех пор в течение пяти лет к декабрю ежегодно выпускался сборник-отчет и объявление новых маршрутов, и уже до 1-го января начиналась запись экскурсантов.

Всего за пять лет поехало 7217 человек; из них 4426 учителей.

Экскурсии создавались в свое время для учителей, главным образом, низшей школы и лиц фельдшерского персонала, связанных так же, как и сельские учителя, с широкими массами простого народа. Соответственно с этим удалось в 1909 году исходатайствовать льготы: в России — коллективный паспорт — 1 на 50 лиц и удешевленный проезд по железным дорогам (в 3-м кл. по тарифу 4-го кл., т. е. 50 % скидки); за границей — в Италии — бесплатное посещение музеев и картинных галерей, отдельные вагоны на ж. д. и всюду — содействие русских иностранных миссий и местных учительских и общественных организаций, и т. д. Но с первого же года начались попытки отнять эти льготы, а затем в течение следующего года отменена была выдача коллективного паспорта, а в 1911 г. экскурсии лишены были железнодорожной скидки, и, следовательно, пришлось повысить плату за поездки. Эти причины сразу понизили % народных учителей, причем с 63 % народных учителей, принимавших участие в поездках первого года, число их постепенно упало, в 1913 г., до 49 % учителей низшей и средней школы. Чтобы как-нибудь, несмотря на благоприятные условия, сохранить то же количество учителей-экскурсантов, Учебный Отдел должен был прибегнуть к заполнению групп неучительским персоналом. Таким образом, возможно, было все предприятие держать на должной культурной и материальной высоте. Учебный Отдел не считает это понижением в смысле культурной ценности экскурсионного дела. Напротив, громадное большинство экскурсантов принадлежит к так называемой трудовой интеллигенции,

т. е. к тем классам общества, которые не пользуются лишь сливками культуры и чужим трудом, а сами своей общественной полезной работой принимают участие в созидании и накоплении культурных ценностей в стране. Для сохранения такого контингента участников Учебный Отдел пользуется двумя способами: 1) существует очередь записи. В первую очередь удовлетворяются просьбы о зачислении учителей, затем учащихся, и, наконец, лиц интеллигентных профессий. Только оставшиеся места, для укомплектования групп, отдаются другим лицам. Во 2) чтоб облегчить поездку специально учителей начальных школ и фельдшерского персонала, с 1912 года установлены две категории взносов: одна для учителей низшей школы и лиц фельдшерского персонала, на 15–20 рублей ниже нормальной цены, и другая — для остального количества экскурсантов. Таким образом, при общей раскладке суммы удастся дать народным учителям возможность проехать по минимальной цене и по некоторым маршрутам, как, напр., по Итальянскому, Германскому и Швейцарскому удалось стоимость поездки уравнивать с первым, 1909 годом, когда льготы давали возможность назначать минимальную сумму за маршруты.

Если, несмотря на все указанные шаги, все же количество учителей начальных школ не так велико, как было бы желательно, то этому надо искать причину в неблагоприятных условиях нашей действительности, в особенности паспортной системы. Мы знаем, какие мытарства приходится претерпевать нам, горожанам, чтобы достать заграничный паспорт. Насколько же труднее получить его сельскому учителю и жителю глухой провинции! С отменой коллективных паспортов, упрощавших и удешевлявших процедуру получения иностранного паспорта, учителю приходится доставать каждому для себя, ездить несколько раз, следовательно, к инспектору за разрешением, в полицейский стан, в город и т. д. и т. д. Это — главное, часто почти непреодолимое препятствие для сельского учителя.

Кроме того, 2 года назад Министр Народного Просвещения разослал попечителям Учебных Округов циркуляр, в котором указывалось на нежелательность разрешения учителям участвовать

в экскурсиях, устраиваемых общественными просветительными организациями; в том же циркуляре рекомендовалось устраивать собственные заграничные экскурсии для учителей при каждом Учебном Округе. В результате, хотя экскурсии при Учебных Округах и не были организованы, но многим учителям было задержано разрешение в отпуске, если они в прошении указывали, что собираются ехать за границу с экскурсиями Учебного Отдела. Может быть, это случайность; но на нее жаловались учителя, не получившие своевременно отпуска.

Наконец, было два момента в марте 1910 и 1911 гг., когда неожиданно, по формальным причинам, Учебному Отделу было запрещено отправлять экскурсии за границу. Учебный Отдел принужден уже был передать всю организацию Московскому Обществу Туристов, которое согласилось продолжить дело на тех же условиях. Но через 3 недели удалось восстановить деятельность, благодаря введению нового параграфа в устав Учебного Отдела.

И вот, переходя в 6-й год существования, Учебный Отдел может, кажется, не боясь никаких внешних осложнений, продолжать свою трудную, нервную для его сотрудников работу над развитием, углублением и совершенствованием дела.

Учебный Отдел организует поездки для учителей, и все же он надеется и уверен, что и «неучителя» — экскурсанты тоже содействуют просвещению России. Несколько статей руководителей и экскурсантов посвящены спорному вопросу: какими должны быть экскурсии — общеобразовательными или специальными; что должно преобладать в них: знакомство с искусством, со стариной или надо усилить элемент современности, быта, общественной, а на искусство и историю смотреть, как на средства к постижению современной жизни и культуры общества.

Другие статьи руководителей и заметки экскурсантов освещают обстановку, в которой происходили экскурсии последней кампании. Редакция сборника стремилась дать больше места критике, часто очень строгой, но всегда необходимой. Мы должны помнить, что сборник, расходящийся в 7–10 тысячах экземпляров, имеет в виду еще обширные кадры учителей и вообще туристов, которые

по тем или иным причинам предпочитают путешествовать самостоятельно, организуют свои группы и нуждаются в знакомстве с опытом Учебного Отдела. По этому поводу нелишне привести слова знаменитого общественного деятеля, ныне министра иностранных дел Северо-Американских Соединенных Штатов Брайана. Принимая наших экскурсантов, Брайан сказал следующее: «Мы, американцы, будем очень рады, если дорогие гости узнают из американской жизни что-нибудь полезное для себя. Если же они заметят какие-нибудь недостатки и укажут их нам, мы будем им очень благодарны»...

Позвольте привести один из любопытных фактов, указывающий на серьезную потребность у русского народного учителя, во что бы то ни стало вырваться из своего захолустья и хоть одним глазом взглянуть на другую жизнь. В печати промелькнула следующая заметка: «Несколько начальных учителей устроили как бы «беспроигрышную» лотерею. Ежемесячно они откладывают по несколько рублей. К концу учебного года набирается сумма, достаточная для взноса на поездку в Италию. Тянут жребий. Счастливец едет и продолжает делать взносы до тех пор, пока все участники этой своеобразной страховой кассы не перебывают за границей».

Такие и еще более трогающие случаи проявления стремления к свету обязывают. И мы, члены Московского Бюро экскурсий, с чувством глубокого удовлетворения можем свидетельствовать о горячей привязанности и преданности делу всех участников экскурсий — и руководителей, и экскурсантов. Оборачиваясь на пройденное пятилетие, Учебный Отдел в указанном распространном смысле своего состава может с легким сердцем сказать: «Feci, quod potui, faciant meliora potentes» («Сделал, что мог, пусть делают, кто может лучше»)

Далее я считаю необходимым остановиться сначала на специальной экскурсии для изучения народного образования в Германии, которая была организована в этом году впервые и, по отзыву ее руководительницы Х. Ф. Вознесенской, прошла чрезвычайно удачно.

ХРИСТИНА ФЕДОРОВНА ВОЗНЕСЕНСКАЯ. Родилась в 1880 году. До революции — учитель и воспитательница Василеостровской женской гимназии. После — работала старшим преподавателем кафедры иностранных языков филологического факультета Ленинградского университета. В 1939 году опубликовала учебник «Немецкая хрестоматия по химии». Умерла во время блокады в апреле 1943 года. Похоронена в братской могиле на Пискаревском кладбище.

Еще в 1909 г. при выработке своих маршрутов Комиссия убедилась, насколько трудно создать программу, охватывающую все стороны западно-европейской жизни, включающую знакомство со всеми теми памятниками истории и сокровищами искусства, которыми так богат культурный Запад. Программа после целого ряда изменений и сокращений оказывалась все же далеко не всегда удачной: экскурсанты жаловались на ее «перегруженность», отсутствие единства, системы. В числе участников поездок находилось немало лиц, уже бывавших за границей, знакомых с западно-европейской культурой и теперь стремившихся более глубоко и серьезно изучить лишь какую-нибудь одну сторону: политический и общественный строй, народное образование, искусство и т. п. Вполне понятно, что эти лица менее всего оказывались удовлетворены поездкой, программа которой была приспособлена для тех, кто хотел видеть за границей «все». Если в 1909 г., когда дело только еще налаживалось, произвести опыт специального маршрута оказалось невозможно, то во второй год создание таких маршрутов стало насущной необходимостью. В первую очередь было решено открыть запись на специальную экскурсию для изучения постановки народного образования на Западе. Детальную разработку маршрута, программы осмотра, наконец, ведение предварительной переписки с различными учреждениями и лицами, которые могли бы оказать свое содействие в том или ином отношении, — все это взяла на себя руководительница Х. Ф. Вознесенская, которая лично руководила поездкой.

Целый ряд известных немецких деятелей по народному образованию согласились дать указания относительно того, какие именно учебные заведения представляют наибольший интерес для

осмотра, и каким образом лучше всего было бы составить маршрут. Воспользовавшись советами всех этих лиц и руководствуясь различными практическими соображениями, г-жа Вознесенская, по соглашению с Комиссией, решила выбрать для изучения немецкие школы. Между прочим, «Германия была выбрана потому, что в ней стремление к новой школе особенно остро и деятельно; была выбрана народная школа, так как в ней сейчас, подобно нашей, ведется борьба за единую общеобразовательную школу, за реформу образования и воспитания; была намечена средняя школа, так как в ней вопрос о массовом или индивидуальном воспитании и соотношении между образованием и воспитанием решается разными идеологами того и иного направления. Германская народная и средняя школа представляют богатый материал для изучения; это изучение важно для нас, так как вопросы, выставляемые жизнью германской школы, ставятся и нашей школой, а жизнь Германии придает этим вопросам особый широкий размах, в котором и разрешение их делается ярче и образнее». Был выработан маршрут, включавший восемь городов, и намечена продолжительность поездки — около 6 недель. Главным затруднением явилось то, что летом, когда в России кончаются занятия в учебных заведениях, за границей школы остаются открытыми лишь очень небольшой период времени: нужно было торопиться с выездом, чтобы хоть часть школ посетить до начала летних каникул. Невозможность выехать слишком рано помешала многим из записавшихся на поездку принять в ней участие. Экскурсия выехала всего в составе 17 лиц, в числе которых больше половины были преподаватели низших школ разных типов, были и педагоги средних учебных заведений. Большинство членов группы знали немецкий язык.

Центром знакомства в области низшей школы должна была сделаться школа, приспособленная к обучению и воспитанию в ней групп детей с разными способностями, школа, приспособляющаяся сама к детскому развитию, а не приспособляющая его к себе (Маннгеймская система обучения). Далее идет знакомство с новейшими усовершенствованными методами преподавания различных предметов, с учреждениями, в которых вырабатывают-

ся эти методы и подготавливаются учительские силы (семинарии, педагогические факультеты университетов). Далее рамки задач экскурсии расширяются и охватывают ряд учреждений, предназначенных для образования широких кругов народных масс: дополнительные школы, библиотеки, народные университеты, народные дома и др. К ним тесно примыкают организации, созданные для лучшего ведения школьного и внешкольного образования, — учительские союзы, учительские библиотеки, музеи наглядных пособий и т. д.

Таковы были задачи и перспективы, стоявшие перед специальной экскурсией, и предстоявшая шестинедельная работа должна была показать достижимо и выполнение этой программы, и что может дать русским учителям подобное знакомство с делом народного образования в передовом западно-европейском государстве.

Отчет г. Вознесенской содержит чрезвычайно подробное описание того, как была выполнена намеченная ею программа поездки. Работа, судя по отчету, шла чрезвычайно дружно, в каждом из входивших в маршрут городов были осмотрены учебные заведения разных типов, заведующие школами давали пространственные объяснения, наконец, кое-где читались нашим экскурсантам лекции. Время, свободное от осмотров школ, было посвящено ознакомлению с теми или иными достопримечательностями посещенных городов. К числу дефектов в постановке дела отчет относит недостаточную осведомленность участников поездки относительно программы всей экскурсии и неимение даже элементарных сведений о постановке народного образования на Западе; необходимо, чтобы не только большинство, но обязательно все экскурсанты знали местный язык. Сильно затрудняло работу то обстоятельство, что при большом числе городов, включенных в маршрут, материал для изучения оказался слишком обширным. «Обилие предложенного учителям материала, — говорится в отчете, — при слабой подготовленности их к восприятию, еще увеличивало их утомление, вызванное, кроме работы, переездами, высокой температурой, невозможностью хотя бы на короткое время уединиться и отдохнуть. Приходилось поэтому сильно со-

кращать программу экскурсии, чтобы не переходить за пределы человеческих сил и восприимчивости. Последняя ставит руководителю экскурсии очень тесные рамки, к которым нужно принаравливать содержание экскурсии, тем более, что наши учителя и учительницы отправляются в экскурсию сейчас же после трудового года. Отчет проведенной экскурсии, пожалуй, может поставить вопрос, не лучше ли было бы вместо большого количества городов ограничиться меньшим, так, чтобы на долю каждого из них пришлось больше времени». Упоминается в отчете и о других недостатках: неоднородность состава группы, недостаточная организация на местах и т. п. — но эти недочеты особенно существенного значения не имели. В общем же, по мнению руководительницы, «проведенная специальная экскурсия по народному образованию, конечно, сильно расширила кругозор учителей в области вопросов педагогических, в области народного образования. Экскурсантам в короткое время пришлось столкнуться с таким количеством разных школ, просветительных учреждений для образования широких масс, видеть столько форм культурной деятельности, встретиться со столькими разнообразными взглядами на методы воспитания и пр., что трудно себе представить, чтобы такая работа могла пройти бесследно для участников экскурсии. Если не все разрешено, выяснено, исчерпано, то зато, безусловно, поставлено много вопросов, внесено стремление к самостоятельной прогрессивной работе, в этом, мне кажется, и состоит заслуга специальной экскурсии». Отношения участников школьной экскурсии к делу и к Комиссии нашли себе выражение в телеграмме, посланной в последний день пребывания за границей, следующего содержания: «Закончив с полным удовлетворением свою работу, группа по народному образованию шлет свой горячий привет и благодарность Комиссии за ее труды. Глубоко верим, что произведенный опыт специальной экскурсии послужит на пользу экскурсионного дела. Шлем свое спасибо и пожелание успеха в дальнейшей работе». В заключение г-жа Вознесенская выражает горячую благодарность участникам

поездки «за то хорошее, дружеское отношение, которое подбодряло и воодушевляло меня в тяжелые минуты».

Дружно и умело проведенная специальная экскурсия с несомненностью доказала, что в будущем, когда дефекты в постановке дела будут устранены и результаты произведенного опыта будут тщательно учтены, специальные экскурсии имеют все шансы на успех. Комиссия должна увеличивать число таких поездок, создать наряду со школьным и другие специальные маршруты. Те экскурсанты, которые воспользовались уже услугами Комиссии и побывали один или даже два раза на Западе и получили общее представление о жизни и культуре тех или иных европейских стран, в будущем, несомненно, захотят углубить свои познания, более серьезно изучить те стороны жизни, которые вызвали у них наибольший интерес: лишь специальные маршруты смогут удовлетворить их и поддержать завязавшуюся между Комиссией и этими экскурсантами связь.

В этом году Комиссия, помимо организации специальной школьной экскурсии для ознакомления с вопросами народного образования более широких кругов экскурсантов, пригласила в качестве руководительницы по отделам Брюссельской всемирной выставки, в которых были собраны экспонаты по народному образованию, В. С. Костромину, посвятившую много лет на изучение народного образования.

КОСТРОМИНА ВАРВАРА СЕМЕНОВНА

Родилась в 1855 году. В 1880–1900 годах организатор Московских воскресных школ. Автор статей по народному образованию. Сотрудничала с педагогическим журналом. В 1913 году работала учительницей в Москве. Умерла в 1939 году.

В своем отчете г-жа Костромина, между прочим, говорит о том, что условия для осуществления намеченной ею задачи были далеко не благоприятные: материала на выставке было немного, всякие обзоры и каталоги или совсем отсутствовали, или выходили только в августе, не было почти таблиц и диаграмм, отдел наглядных пособий был чрезвычайно беден.

«Многие экскурсанты были весьма не удовлетворены осмотром выставки, — пишет г-жа Костромина, — называя ее материал «мертвым» в сравнении с непосредственным наблюдением школьного дела во время занятий в школах, другие, напротив, углубляясь в изучение этого материала, находили в нем много поучительного и полезного. После общего осмотра отделов они возвращались к тем экспонатам, которые их особенно интересовали и самостоятельно изучали их часто весьма подробно.

Для многих были новостью занятия в детских садах по методу Фребеля, обучение слепых, глухонемых, отсталых, и они с большим интересом рассматривали экспонаты, относящиеся к этим вопросам, расспрашивали, записывали. Других интересовали ученические тетради, учебники, методы обучения, и они требовали самых подробных объяснений, до изложения содержания ученических сочинений включительно. Всеобщий интерес привлекали предметы и подробности школьной обстановки, которая горячо обсуждалась, сравнивалась с родной обстановкой и часто вызывала вздохи сожаления и огорчения о невозможности обставить у себя пребывание детей в школе так, как это представляли многие экспонаты различных стран. Менее всего интересовало учащихся обучение ручному труду и гимнастике, хотя эти учебные предметы были представлены на выставке очень полно и интересно во всех странах. Очевидно, в русскую школу идея необходимости физического развития и педагогического значения ручного труда еще не проникла, не отдается этому большого внимания, и многие из учащихся с полным пренебрежением отзывались об уроках, которые должны восполнять пробел в нашем книжном, отвлеченном обучении. Были и такие лица, которые не находили ни в чем интереса, считая, что все экспонаты приготовлены специально для выставки, что на деле обучение ведется не так, как это представлено, и, следовательно, никакого интереса экспонаты эти представить не могут. Но они часто были неправы, на что им и указывалось руководителем, более подробно изучавшим выставку. Это предубежденное отношение, а также иногда и высокое, преувеличенное мнение о превосходстве постановки дела образования

в России сравнительно с Западом мешали учащим более внимательно отнестись к обзору, результатом чего было поверхностное отношение к изучению различных сторон учебного дела, а затем и неудовлетворенность выставкой. Профессиональное образование также не интересовало учащихся, которые очень ярко отражали собой наше общее тяготение к общеобразовательной школе, хотя она совершенно не готовит учащихся к жизни, часто не дает им средств к существованию и порождает недовольство и разочарование, презрение к ручному труду и к его представителям».

Подводя итоги тому, что было сделано Комиссией в области ознакомления экскурсантов с постановкой народного образования на Западе, можно указать, как на крупный шаг вперед, только на специальный школьный маршрут; остальные группы, в силу указанных выше причин, а также вследствие отсутствия руководителей со специальной подготовкой, осматривали школы далеко не во всех городах. Удалось все же организовать этот осмотр в Берлине, Мюнхене, Неаполе, Константинополе. В Лондоне, при содействии представителей английского Учительского Союза, было осмотрено немало учебных заведений разных типов. Все это, в общем, далеко не достаточно, и приходится ставить вопрос о расширении этой части программы в будущем. Мне, казалось бы, целесообразным, во-первых, ввести в программу осмотр школ лишь для первых, наиболее ранних групп, во-вторых, сформировать эти группы из учителей исключительно и, наконец, в-третьих, пригласить в города, где осмотр школ представляет особый интерес, руководителей-специалистов в области педагогики.

В большей степени оказалось возможным ознакомить экскурсантов с городской жизнью. Главным образом удавалось наблюдать иностранцев в праздники, во время всяких гуляний и развлечений на улицах и бульварах, в общественных садах и скверах. С интересом присматривались экскурсанты к незнакомой для них кипучей жизни европейских центров, немало поучительного вынесли они во время своих многочисленных прогулок по городским паркам и улицам. Однако такое соприкосновение с уличной жизнью их не удовлетворяло: хотелось посмотреть, как работают за

границей, видеть обыкновенную, будничную жизнь городского обывателя; постоянно были разговоры о том, что хорошо бы было заглянуть в частные жилища и буржуа, и рабочего, осмотреть все, «до помойных ям включительно», как говорили экскурсанты в Мюнхене. И вот о таком-то знакомстве с частной жизнью в европейских городах не могло быть и речи при кратковременности остановок и обширных программах осмотров.

Жизнь трудовых слоев населения, городских рабочих в особенности, занимала экскурсантов, им хотелось познакомиться с условиями работы на фабриках, в мастерских. Музей охраны труда в Берлине вызывал громадный интерес среди всех экскурсантов, от сельских учителей до частных лиц включительно.

С интересом осматривались музеи, в которых представлены успехи промышленности, техники, как, например, прекрасный Deutsches Museum в Мюнхене, который, по словам местных руководителей, «произвел неизгладимое впечатление на экскурсантов своей замечательной систематичностью, наглядностью и богатством своих коллекций».

Трудно перечислить все то, что было осмотрено этим летом в различных городах и что особенно интересовало экскурсантов. В общем их внимание привлекало решительно все, что могло характеризовать те или иные стороны европейской жизни: и заседание парламента, и процессия суфражисток, и церковное богослужение, и военный парад, и какое-нибудь празднество — все это вызывало бесконечную массу вопросов, все это заставляло работать мысль... Экскурсанты часто говорили о том, что это путешествие открыло для них целый новый мир вопросов и интересов. И уезжали в Россию они с твердым намерением взяться за книгу и попытаться там, у себя, на досуге разобраться в нахлынувших на них широкою волной впечатлениях; в этих книгах можно будет найти и ответы на все те вопросы, которые только поставила, но не решила их заграничная поездка. Мне думается, что если экскурсии и не познакомили участников их со всеми сторонами европейской жизни, то они пробудили серьезный интерес к этой жизни, и в этом их громадная заслуга».

АЛЕКСЕЕВСКИЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Тот, хоть немного сталкивался с практикой путешествий и экскурсий, прекрасно понимает ценность хорошего проводника (руководителя, инструктора) группы. От его профессионализма и нравственных качеств напрямую зависит и безопасность, и эффективность туристского и образовательного мероприятия. В материалах Учебного отдела Общества распространения технических знаний за 1911 год я нашел статью В. Алексеевского о проводниках экскурсионных групп русских учителей за границей. Что касается автора статьи, то я предполагаю, что это Алексеевский Владимир Александрович. Родился он в 1884 году в семье чиновника, надворного советника. Окончил Воронежскую гимназию (1903), юридический факультет Московского университета (1910). Поднадзорный с 1903, эсер. В 1905 член Воронежского комитета партии социалистов-революционеров, в 1906 — член Московского комитета, разъездной инструктор. Был выслан в Вологодскую губернию с заменой на выезд за границу. В 1917 поручик, комиссар 4-й армии, делегат I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от Юго-Западного фронта. В конце 1917 избран членом Учредительного собрания. В феврале 1918 помощник уполномоченного в продкомитете Московской области. С марта 1918 в Екатеринбурге, с лета 1918 (после прихода чехословаков) в Самаре, член КОМУЧа. В конце декабря 1918 мобилизован в белую армию в чине офицера. В 1919 служил в армии Колчака. В конце 1919 работал в продкомитете в Красноярске. В июле 1920 выехал в командировку в Москву и по разрешению руководителей Красноярского продкомитета остался работать в столице. В 1920–21 в Красной Армии, взводный командир. Затем работал консультантом по хозяйственно-правовым вопросам во Всероссийском союзе кооперации инвалидов. Арестован 3 декабря 1936. Обвинялся в участии в контрреволюционной повстанческо-террористической эсеровской организации. Расстрелян 17 июня 1937 года. Место захоронения — Донское кладбище.

ПРОВОДНИКИ ГРУПП

Владимир Алексеевский

«Подводя итоги истекшей экскурсионной кампании, описывая большую работу, которая была выполнена за границей представи-

телями и руководителями на местах, я уже имел случай в нескольких словах упомянуть о проводниках групп, на которых этим летом лежала обязанность обслуживания экскурсантов в пути. О том, кто были эти проводники, в чем состояли их обязанности и как они с этими обязанностями справились, я и предполагаю по возможности вкратце сказать в этой главе.

Из сказанного раньше выяснилось, что уполномоченные Комиссии на местах заботились о группе лишь во время ее остановок; с отъездом же из данного города связь с местными представителями обрывалась, и до тех пор, пока продолжался переезд до следующего пункта остановки, экскурсанты находились целиком на попечении проводника. Эти переезды, в особенности по морю, например, в восточном или итальянском маршрутах, были очень продолжительны и сопровождались часто кратковременными остановками в городах, где никаких представителей не было. Все это время единственным лицом, несшим ответственность за всякие неудачи и недоразумения, был проводник группы: он заботился об устранении неизбежных, на каждом шагу возникающих путевых осложнений, сглаживал острые углы в групповой жизни, а главное всюду расплачивался. Он же служил и переводчиком, будучи часто единственным человеком в группе, знакомым с языком страны. На местах, при остановках, его обязанности и в частности ответственность за ход дел лишь уменьшалась в объеме, но он, как и в пути, продолжал неотлучно находиться при группе и производил всевозможные расчеты и расплаты.

Все обязанности проводника, таким образом, сводились к двум основным функциям: заведыванию хозяйственной стороной дела и в частности групповой кассой и посредничеству между группой и всякими учреждениями и лицами за границей. Культурные функции на проводника совершенно не возлагались, и в этом отношении организация этого года — большой шаг вперед сравнительно с прошлым годом, когда руководитель совмещал в себе решительно все обязанности.

Значительная часть средств, ассигнованных Комиссией на культурную часть, должна была быть израсходована на возна-

граждение и содержание специалистов на местах; на проводников же могла быть уделена очень небольшая сумма. Можно считать установленным, что жалованье, которое получали проводники (1 р. 25 коп. в сутки), служило лишь компенсацией, и не всегда достаточной, тех расходов, которые они должны были производить в пути на свои нужды. Если же учесть при этом вероятность просчетов и ошибок, которые были неизбежны при неопытности проводников в счетоводном деле, то нужно будет признать, что ничем, кроме вознаграждения натурою (проезд и содержание наравне с экскурсантами), труд проводников не оплачивался.

Эта недостаточность вознаграждения послужила серьезным препятствием для подыскания достаточного числа проводников заблаговременно.

Весной уже выяснилось, что лиц, желавших работать на тех условиях, которые им предлагала Комиссия, и в то же время подходящих для этой работы, находилось очень мало. И это вполне понятно: для тех, кто согласился бы работать из побуждений идейного характера, деятельность проводника, у которого были отняты наиболее интересные, культурные, функции, была мало привлекательна; те, кто искал заработка на лето, не соглашались ехать на таких невыгодных материальных условиях. Надеялась Комиссия привлечь прошлогодних экскурсантов, выделившихся в группах своей энергией и знанием языков, но эти лица, знакомые только с тем маршрутом, который они проделали годом раньше в качестве экскурсантов, редко соглашались ехать по старому маршруту. Поэтому прошлогодних экскурсантов оказалось недостаточно для заполнения всех 36 мест проводников. Приходилось искать среди незнакомой публики: был сделан целый ряд газетных публикаций, и в канцелярию Комиссии стала являться масса народа с предложением своих услуг. Положение членов Бюро, заведовавших зачислением проводников, оказалось далеко не легким: найти достаточное число проводников было необходимо и в то же время было немисливо вверять интересы группы совершенно неизвестным людям. Необходимым условием для зачисления было знание иностранных языков, знакомство с местностями за

границей и главное — представление рекомендаций от лиц, известных своей общественной или педагогической деятельностью. Целая масса лиц, не удовлетворявших одному из этих условий (а являлись и такие, которые не удовлетворяли всем трем), были признаны неподходящими. Когда приближалось время отъезда первых групп и кандидаты в проводники узнавали точнее о характере своих будущих обязанностей, они нередко отказывались и на их место наскоро приходилось подыскивать заместителей. Под конец пришлось смягчить ту строгость, с которой производился выбор кандидатов в проводники, и зачислить несколько лиц, оказавшихся далеко не на высоте положения. Нужно было выбирать между назначением лиц, недостаточно известных Комиссии и отменой групп. Последнее было немыслимо по многим причинам, без проводника группа не могла ехать, и поэтому подчас выбора никакого не было.

Теперь интересно выяснить вопрос о том, кто такие были эти проводники, каково их общественное положение, как они распределяются по профессиям. Попутно было бы интересно выяснить также и те побуждения, которые заставили этих лиц взять на себя эту трудную, так плохо оплачиваемую работу. К сожалению, анкета, производившаяся среди проводников, этого вопроса не затрагивала, и здесь нам приходится ограничиваться предположениями. Очевидно, лишь меньшинство прельстилось денежным вознаграждением и относилось к своей поездке как к заработку; большинство неудачных проводников, несомненно, относится к этой категории. Остальные проводники, так же, как и сами экскурсанты, стремились в Европу, чтобы посмотреть новые страны, приобрести новые знания, основательнее познакомиться с европейской жизнью. Таким проводникам были близки и понятны интересы и нужды участников экскурсии, и у них быстро устанавливались хорошие, дружественные отношения с товарищами по поездке. Некоторыми просто руководило стремление послужить симпатичному начинанию, сделать для него все, что было в их силах.

Всего обязанности проводника этим летом исполняли 36 лиц, 16 женщин и 20 мужчин. По общественному положению прово-

дники распадались на две основные категории: педагоги (18) и учащиеся высших учебных заведений (12), представители остальных профессий составляли незначительное меньшинство (6). Из них 4 инженера-технолога.

Все эти лица по возвращении в Москву представили чрезвычайно обстоятельно составленные описания своего путешествия; не упуская никаких мелочей и подробностей, они рассказывают о том, как им удалось справиться со своей задачей. Отвечая на вопросы предложенной им анкеты, проводники дают общую оценку проведенной кампании, отмечают сделанные успехи и останавливаются на тех недочетах, с которыми им пришлось лично столкнуться. Особенно подробно они останавливаются при этом на всяких деталях и мелочах, из которых складывалось то, что можно назвать жизнью группы в пути.

Для разработки планов кампании будущего года эти материалы, несомненно, будут иметь огромное практическое значение. Однако в большинстве случаев отчеты носят настолько специальный характер, что печатание их в сборнике целиком или даже в значительных выдержках представляется малоинтересным.

Напротив, крайне любопытно познакомиться с общей оценкой постановки дела, которую мы встречаем в ответах на вопросы анкеты; именно проводники, вынесшие на своих плечах огромную работу, являются компетентными судьями в целом ряде организационных вопросов. Их замечание об условиях своей работы и указание на основные дефекты в постановке дела и пути к их устранению в будущем представляются особенно ценными.

На первом плане в деятельности проводника были обязанности, так сказать, административного характера. Как единственное лицо, обязанное неотлучно находиться при группе, проводник немало сил должен был положить на то, чтобы внести некоторый порядок в жизнь группы. Нелегкая и неблагодарная задача! Если представители, которым приходилось видеть группу всего несколько дней, часто приходили в отчаяние от безуспешности своих попыток сплотить, организовать группу, то каково же должно было быть положение проводника, по роду своих прав

и обязанностей пользовавшегося значительно меньшим авторитетом у экскурсантов, чем работники на местах? Нелегко внести дух порядка и солидарности во всякую группу случайно встретившихся, незнакомых друг с другом людей, но в особенности это требует огромных усилий, когда объединять приходится людей, между которыми не только нет, но и не может быть ничего общего. Здесь приходится коснуться все того же большого вопроса кампании этого года о разношерстном составе групп. Несомненно, что вследствие этого вынужденного для Комиссии, крайне досадного допуска в группы посторонних, «частных лиц» особенно остро должны были пережить проводники. Встречались в группах лица, не желавшие признавать никаких правил, для них хотя немного стеснительных, если они изводили своих товарищей-экскурсантов своими грубыми выходками, если они третировали, как наемных гидов, руководителей на местах, то с проводником они еще меньше церемонились, пытаясь всеми силами низвести его на положение личной прислуги. Экскурсанты объединялись и общими усилиями старались защищаться от выходок этих неприятных господ, руководитель был достаточно независимо поставлен, чтобы попросту игнорировать присутствие их в группе, и лишь один проводник всю дорогу должен был вести борьбу с теми, кто заставлял его чуть ли не носить чемоданы и подавать чай. Нужно удивляться такту и терпению тех проводников, которые сумели сохранить с большинством группы хорошие, иной раз сердечные отношения, при тех постоянно повторявшихся попытках внести хаос и дезорганизацию в групповую жизнь, которые исходили от немногочисленных, но чрезвычайно настойчивых в данном случае представителей этой пресловутой категории «частных лиц». Были, конечно, и среди педагогов люди, доставлявшие немало хлопот проводнику; большое значение имела в этом случае недостаточная осведомленность экскурсантов о характере обязанностей, возложенных Комиссией на своих работников. Личный такт и умение проводника ладить с участниками своей группы имели большое значение, и, несомненно, целый ряд конфликтов с проводниками объясняются исключительно отсутствием у некоторых из них так-

тичности. Однако нужно отметить все же, что в очень небольшом числе случаев проводник был кругом повинен во всех недоразумениях: гораздо чаще всему виной было то напряженное состояние, в котором находился проводник, боясь на каждом шагу просчетов, ошибок, опаздываний и т. п.; присутствие в группе неуживчивых, вздорных элементов доводило и терпеливых проводников до высшей степени раздражения.

Совсем иную картину представляли отношение проводника с группой, однородной по своему составу, дружной, объединенной общностью цели своего заграничного путешествия. Здесь не требовалось особого искусства для сплочения воедино всех участников поездки. Сами экскурсанты помогали проводнику всем, чем могли. Поездка проходила дружно, возвращались в бодром, приподнятом настроении. Прощание экскурсантов друг с другом и с проводником носило задушевный, подчас трогательный характер. Таковы были по большей части чисто учительские группы, в которых не было большого числа посторонних лиц. Однако при всяких дорожных осложнениях, при всякой случайной путанице и здесь дело не обходилось без трений.

Не всегда помогали в этом последнем случае те старосты, которых избирали экскурсанты из своей среды для контроля действий проводника, с одной стороны, и для помощи ему и всей группе — с другой. Иногда, правда, в особенности в группах дружных, солидарных, старосты приносили существенную пользу и действительно способствовали упорядочению ведения дела. Таково было положение во многих группах; по крайней мере, конфликты между старостами и проводниками были исключениями. Не столько неудачный подбор старост, выбиравшихся в самом начале поездки, когда экскурсанты еще друг друга почти не знали, был причиной конфликтов и осложнений в групповой жизни; гораздо в большей степени конфликты эти объясняются неосведомленностью экскурсантов о той цели, ради которой старосты избирались. Особенная путаница была в вопросе о контроле проводника; цель этого контроля заключалась в том, чтобы, с одной стороны, в отсутствие представителей на местах, т. е. в пути, ни одна копейка экскурсант-

ских денег не была израсходована бесконтрольно; с другой стороны, старосты, будучи знакомы с состоянием групповой кассы, должны были держать в курсе дела всех своих товарищей о денежной стороне поездки. Комиссия полагала, что истинный характер всего ее дела может выясниться только тогда, когда все участники экскурсий получают возможность убедиться на примере своего группового бюджета, что Комиссия никаких материальных выгод от организованного ею дела не получает. Если старосты таким контролем и осведомлением товарищей только и ограничивались, то дело шло гладко, без недоразумений. Однако некоторые старосты, поддерживаемые иной раз большинством группы, обнаруживали узурпаторские тенденции: им хотелось, игнорируя совершенно смету и фактическое состояние кассы, вносить изменения в порядок расходования денег, избирать для той или иной ассигновки совершенно новое назначение. Проводник, на котором лежала целиком ответственность за то, чтобы деньги были израсходованы согласно смете, совершенно основательно противился такому способу обращения с групповой кассой, указывая, что старосты, требующие дополнительных расходов, никакой ответственности перед Комиссией за свои действия не несут и что он, а не старосты, будет признан виновным в том случае, если группа не доедет благополучно обратно в Москву. Прежде чем эта очевидная истина становилась ясной экскурсантам, бывало испорчено немало крови и у проводника, и у тех старост, которые обнаруживали склонность слишком широко толковать свои права. Опыт контроля проводников старостами, несомненно, в общем удачный, сам указывает и направление в дальнейшем усовершенствовании дела: необходимо в инструкциях точно выяснить обязанности и права и самого проводника, и тех лиц, которые его должны контролировать. В отношении между всей группой и проводником эта определенность внесла бы немало хорошего и во всяком случае предотвратила бы целый ряд осложнений.

Отношение проводника со старостами и со всеми остальными экскурсантами в значительной степени зависели от того, какую роль играли в разрешении всяких конфликтов и недоразумений

местные представители. Экскурсанты обращались к ним со всякими жалобами на проводника, просили их быть судьями в возникших спорах и большею частью считали для себя нравственно обязательными их решения. И нужно считать установленным, что во многих маршрутах поездка обошлась без серьезных столкновений между группой и проводником исключительно благодаря тому, что представители своим вмешательством предотвращали самые поводы для недоразумений.

И не только в области, так сказать, административной много зависело от такта и распорядительности местных представителей; не меньшее значение советы и указания этих представителей имели и в области чисто финансовой, в вопросах о расходовании групповых денег. Здесь по смыслу инструкции проводник был абсолютно лишен самостоятельности, по крайней мере, в пунктах остановок. Ни один расход не мог быть им произведен без согласия представителя Комиссии, указание этого представителя были для проводника безусловно обязательны. Сами проводники таким порядком были чрезвычайно довольны, так как с них этим снималась огромная ответственность за правильность расходования средств и, главное, в глазах экскурсантов они переставали быть козлами отпущения за ошибочно составленную смету, за высокие цены в гостинице или ресторане и вообще за все промахи в постановке этой стороны поездок. Вместе с положительными отзывами об организации денежного контроля со стороны представителей на местах проводники указывают на слабую сторону этого контроля — на неосведомленность представителей о тех условиях, при которых группе придется совершать дальнейший путь. Сметы не могли предусмотреть всякого случайного расхода, и потому почти всюду общая сумма расходов уклонялась от сметы в ту или другую сторону. Проводнику приходилось все время заботиться о том, чтобы уклонение в сторону перерасхода в общей сумме не вызывали за собой общего перерасхода. Вот именно в этом-то случае значительно могло бы улучшить дело общее финансовое единство маршрута в смысле осведомленности каждого представителя о положении дел в других городах. Такое финансовое

единство маршрута избавило бы проводника от лишних хлопот и волнений. Иной раз проводник проникался таким страхом перед будущими перерасходами, что начинал всеми силами экономить на покрытие предполагаемых сверхсметных затрат. Лишь в конце пути выяснялось, насколько эти опасения были неосновательны и как напрасно группа терпела различное стеснение из-за недостатка средств.

Нужно отметить, впрочем, что некоторые проводники и сами недостаточно ясно понимали свою задачу и сэкономили средства просто для того, чтобы привезти Комиссии «остаточек». Местным представителям приходилось объяснять не в меру рьяным блюстителям комиссионных интересов ненужность для Комиссии никаких «остаточков», к тому же еще образовавшихся путем ухудшения условий путешествия экскурсантов.

Если не считать этих немногочисленных недоразумений со сметами, то можно сказать, что свою задачу кассиров проводники выполнили блестяще. В течение всего пути они держали Комиссию в курсе дела, посылая из каждого города подписанные представителями и старостами ведомости расходов; вместе с тем они вели дневники, заносая в них те же расходы по дням. Многие проводники вкладывали в это дело столько усердия, что за все время путешествия нигде и ничего не видали, употребив все время на вычисления и расчеты.

Как ни сложны и трудны были обязанности администратора и кассира, ими деятельность проводника, однако, еще не ограничивалась. Иной раз гораздо больше хлопот причиняла проводнику его должность переводчика. Нередки были случаи, когда с языком тех стран, через которые ехала группа, были знакомы два-три человека, иной раз вся группа, где-нибудь в Англии, Италии, оказывалась «безъязычной». Тут-то проводнику приходилось очень плохо: на каждом шагу он должен был являться посредником в сношениях экскурсантов с местным населением. Особенно скверно приходилось именно тем проводникам, которые проявляли наибольшую уступчивость и готовность помогать экскурсантам в их чисто личных, частных делах, что совершенно не входило в круг

их обязанностей. Все почти время у таких проводников уходило на объяснение на почте, в магазинах, со всевозможными торговцами, прислугой гостиниц и ресторанов и т. п. Хуже всего было положение того проводника, который и сам оказывался где-нибудь «без языка»: тут уж ему доставалось и от экскурсантов, и выходила путаница во всевозможных учреждениях и кассах. Как ни странно такое положение, при котором проводник группы оказывается незнакомым с языком той или иной из посещаемых стран, с ним приходится мириться, как с неизбежным злом. Ведь для того, чтобы уметь всюду объясниться, проводнику, например, итальянского маршрута нужно знать 4 языка, в том числе турецкий и новогреческий. При нашей бедности людьми, знающими несколько иностранных языков, найти такого проводника-полиглота, да еще за 1 р. 25 коп. в сутки, совершенно немыслимо. Это обстоятельство должно быть разъяснено всем экскурсантам, в особенности тем, кто склонен требовать от проводника исключительных познаний в области знакомства с новыми языками. Несомненно, в вину многим экскурсантам нужно поставить то, что они, отправляясь за границу, не знали буквально ни слова ни на одном иностранном языке. Хотя самым небольшим запасом наиболее необходимых иностранных слов должны обладать все без исключения участники поездок. А ведь некоторые не умели прочесть слова, написанного латинскими буквами, и таких было немало. Если руководителям бросалась в глаза и служила серьезным препятствием в их деятельности общая неподготовленность экскурсантов, то для проводников большим затруднением было это незнание экскурсантами иностранных языков. Значительно больше получили бы участники экскурсий за время своего заграничного путешествия, если бы они знали хоть несколько слов на чужом языке; освобожденный от обязанности говорить всюду за всех, проводник имел бы больше времени на исполнение других своих обязанностей.

Отметив в немногих словах условия деятельности проводников в области хозяйственно-административной, я должен был бы остановиться также и на отзывах проводников относительно всех сторон закончившейся кампании.

Такие отзывы мы встречаем в ответах проводников на предложенные им в специальной анкете вопросы. К сожалению, привести хотя бы в выдержках соображение всех 36 проводников о тех или иных сторонах летней работы Комиссии совершенно немыслимо за недостатком места. Кроме того, следует отметить, что большинство вопросов в анкете проводников совпадают целиком с вопросами руководительской анкеты и что, следовательно, развивать подробно оценку и организационно-хозяйственной, и культурной сторон дела по отзывам проводников значит повторять сказанное в первых трех главах настоящей статьи. Дело в том, что по вопросам, где оказывались солидарны все руководители, проводники по большей части лишь вкратце повторяли их мнения. Кроме того, в некоторых случаях, в особенности в области культурного обслуживания групп, далеко не все проводники могут быть признаны компетентными судьями. Во всяком случае, отвечая на вопрос о достаточности культурных сил, о целесообразности программ осмотров и т. п., проводники едва ли могут сказать больше, чем экскурсанты. Пожалуй, даже меньше, так как часто, занятые по горло текущей работой, они не имели времени присмотреться к культурной работе местных руководителей. Таким образом, не отрицая значения за ответами проводников на анкету, я не привожу этих ответов, как совпадающих или сходных с мнениями работников на местах или экскурсантов.

Замечаниями, заслуживающими серьезного внимания, являются отзывы проводников, где они дают оценку тех сторон кампании, о которых представители говорили лишь со слов экскурсантов; сами же экскурсанты нередко в своих суждениях были склонны переоценивать значение темных, отрицательных сторон в постановке дела и далеко не всегда были достаточно объективны.

Так, в области чисто культурной проводники отмечают один очень серьезный дефект, на который указывали и руководители. Недоставало, по их мнению, в маршрутах идейного единства: очень часто в течение путешествия экскурсантам от разных руководителей приходилось слышать одни и те же объяснения. Не было достаточной связи между этими объяснениями, каждый говорил то,

что он находил нужным, не всегда считаясь с тем, что говорили руководители в других городах, или даже попросту не имея об этом никакого понятия. Именно проводнику, наблюдавшему положение дел на протяжении всего маршрута, это обстоятельство в особенности бросалось в глаза.

Отмечают проводники и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство — это утомление группы от слишком многочисленных и продолжительных осмотров. По некоторым маршрутам, например, итальянскому, где городов было особенно много, это утомление доходило до крайних пределов и лишало группу способности воспринимать новые впечатления.

Из дефектов чисто хозяйственного характера проводники отмечают неудовлетворительность помещения и питания в некоторых городах, недостаточность сметных ассигновок на различные нужды, неработанность самых смет. Останавливаются они на вопросе о многочисленности пересадок и неудобстве ночных переездов. То и другое создает в группе настолько повышенное настроение, что положение проводника, которого эти пересадки самого страшно утомляют, становится совершенно невыносимо. Если при этом самый маршрут оказывается разработанным наскоро, как это было с измененным планом движения двух итальянских групп, ехавших вместо Константинополя на Будапешт, Триест, Неаполь, то проводникам нужно было употреблять героические усилия для предотвращения форменного возмущения.

Много других вопросов затрагивают проводники в своих отчетах, подчас чрезвычайно интересных. Однако, по соображениям, указанным выше, я не нахожу возможным на них останавливаться и позволю себе ограничиться приведенными строками.

Резюмируя сказанное в этой заметке, можно констатировать, что опыт этого года обслуживания групп в пути оказался удачным. Приглашенные Комиссией лица, несмотря на новизну дела и ряд неблагоприятных внешних условий, справились вполне удовлетворительно с взятыми на себя обязанностями. Недостатки в постановке дела, неизбежные в таком молодом учреждении, каким является Комиссия, представляются легко устранимыми

без коренной ломки организации, выработавшейся в результате двухлетнего опыта. Опыт этот ясно говорит, что при улучшении материальных условий труда проводников, при своевременном их приглашении, при более точных правилах и инструкциях, проводники будущего года смогут избежать промахов, которые были допущены со стороны их предшественников, и сумеют прекрасно справиться со своей задачей.

В заключение ко всему, что сказано выше об отношении экскурсантов к заграничным работникам Комиссии, мне остается лишь добавить несколько слов о том, как, по отзывам руководителей и проводников, экскурсанты смотрели на самую Комиссию и начатое ей дело. В анкете, производившейся среди работников на местах, был между прочим поставлен об этом специальный вопрос. Материалом для ответа служили те многочисленные выражения своего отношения к самой идее заграничных поездок, которые на каждом шагу приходилось слышать и руководителям, и проводникам. Там, за границей, во время поездки отзывы участников всегда носили характер непосредственности и искренности, что делает их особенно ценными.

И вот во всех отчетах, где имеются сведения по данному вопросу, мы в разных выражениях встречаем в сущности одну и ту же основную мысль, которая проходила красной чертой через все отзывы экскурсантов.

Все почти экскурсанты, за самыми незначительными исключениями, выражая свое отношение к Комиссии, сходятся в том, что считают ее дело глубоко жизненными, отвечающим давно назревшей потребности. Ценно, по мнению экскурсантов, не только то, что Комиссия дала возможность познакомиться с европейской культурой таким лицам, которые без ее помощи никогда не попали бы за границу, но в особенности то, что это знакомство было не поверхностным, а серьезным, основательным. Экскурсантам удалось благодаря умелой работе руководителей вынести из своей поездки значительно больший запас знаний, чем выносит обыкновенный турист, путешествующий со справочником и пользующийся услугами наемного гида.

После каждого интересного осмотра, после всякой удачной лекции экскурсанты неизменно заявляли о своей удовлетворенности поездкой, о том, что они глубоко признательны всем вложившим свой труд в это полезное просветительное начинание.

Громадное количество писем, телеграмм от целых групп и отдельных участников поездок, заявление от возвратившихся групп, наконец, отзывы анкеты — все это в общей сложности служит прекрасной иллюстрацией по вопросу об отношении экскурсантов к самой Комиссии. Все участники экскурсий как этого, так и прошлого года, при оценке деятельности Комиссии, с полным единодушием констатируют тот факт, что идея общедоступных групповых поездок за границу встречает серьезное сочувствие в самых широких кругах русской интеллигенции и что Комиссия может рассчитывать на поддержку в своей нелегкой работе всех тех, кто познакомился с этой работой и понял ее огромное культурное значение.

Много светлых, хороших минут доставили работникам Комиссии выражения сочувствия и благодарности, которых так много они получили за последнее время. Ведь только атмосфера общественного сочувствия, только широкая моральная поддержка всех, кто вошел в соприкосновение с Комиссией и стал ее другом, поможет ей продолжать свою работу, выйти победительницей из борьбы со всякими препятствиями и все дальше и дальше идти по пути усовершенствования начатого ею дела».

ЗНАМЕНСКИЙ СЕРГЕЙ ФИЛИМОНОВИЧ

Среди материалов о поездках русских учителей в образовательные путешествия по европейским странам я нашел статью С. Ф. Знаменского об образовательных экскурсиях. К сожалению, по техническим причинам эту статью пришлось сократить наполовину, чтобы показать этот материал в сетях. Мне кажется, он интересен и для педагогов, и для историков экскурсионного дела в России. Я предполагаю, что автор статьи — это Сергей Филимонович Знаменский — педагог, историк, политический деятель. Он преподавал историю

в Петербургской школе Карла Ивановича Мая. Школа чрезвычайно интересная. Информацию о школе я разместил в конце этой заметки, для меня эта школа стала очередным интереснейшим открытием, в ближайшей же поездке в Питер я обязательно посету музей в этой школе. Что касается Сергея Филимоновича Знаменского, то он родился 24 января 1878 г. в Санкт-Петербурге в семье протоиерея Исаакиевского Кафедрального Собора. В 1896 г. после окончания с золотой медалью курса Санкт-Петербургской VIII гимназии Сергей Филимонович Знаменский поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Ещё в бытность студентом проявил себя как способный исследователь. В это же время увлёкся революционными идеями. В марте 1900 г. окончил полный курс историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета и получил свидетельство. 12 июля 1910 г. подал прошение на имя директора гимназии Карла Мая с просьбой «предоставить уроки истории во вверенном Вам учебном заведении». Сотрудничал с Учебным Отделом — выступал в роли руководителя групповых экскурсий. К сожалению, педагогическая деятельность С. Ф. Знаменского в школе Карла Мая была непродолжительной — в 1911 году он был арестован и приговорен к ссылке на три года в Вологодскую область, но из-за болезни ему было позволено уехать за границу.

С. Ф. Знаменский был известен и как политический деятель, входил в ЦК партии трудовиков. Позднее он вошёл в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов. После 1918 г. Знаменский, по некоторым сведениям, оказался на территории Дальневосточной Республики. В 1921 г. С. Ф. Знаменский был арестован и 20 апреля 1922 года приговорен к ссылке в Коми на 3 года. В мае 1929 находился в ссылке в Катта-Кургане. Дальнейшая судьба неизвестна.

У Сергея Филимоновича был родной брат — профессор — педиатр Владимир Филимонович Знаменский (1883–1964). Владимир Филимонович был одним из первых российских и советских детских врачей. Основоположник петербургской педиатрической школы.

ЧЕМ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭКСКУРСИИ (в сокращении)

Автор С. Ф. Знаменский

«Когда просишь приехавших из России рассказать о чем-нибудь отрадном из русской жизни, нередко указывают на рост экскурсий. В этом готовы видеть своеобразное проявление нарастающей энергии, попытку уйти из обывательской тины. Странничество было исстари чем-то родным русскому народу. Веками брели божьи странники и странницы из крестьян, богомольцы и богомолицы. Брели и к «светлому Иерусалиму-граду», и к местным «угодникам». Древние сторбленные старухи с котомками за плечами, молодые девушки, пожилые мужики. Бывали и другие странники — богатые бары, изъездившие Европу из конца в конец. Но теперь бродячая Русь сильно изменилась в своем составе и объеме. Страннический дух начал проникать в средние слои населения и даже в городские низы, захватил их и стал принимать совершенно новые формы. Создался особый тип странника — современный экскурсант, турист, по психике резко отличающийся и от богомольца, и от странствующего барина. Таких новых туристов можно видеть и на вокзалах, и на пароходе, и в музеях, и просто по улицам и площадям больших и маленьких городов. Путешествуют в одиночку и группами; взрослые и учащиеся, люди среднего достатка и рабочие. Точно поднялась какая-то экскурсионная волна и идет по России. Так говорят наблюдавшие жизнь в России, и их рассказы совпадают с тем, что можно наблюдать и за рубежом. Прилив русских за границу тоже усилился. Русская речь постоянно звучит на улицах больших европейских городов, особенно же в таких узловых пунктах для всякого путника и из России, как Берлин или Вена. Русских можно встретить всюду. Но это не эмигрант, не больной, едущий в заграничные курорты, не барин, странствующий от нечего делать, — это турист из недавних русских обывателей, которому больше не хочется всю жизнь сидеть в своем углу и которого потянуло в новый мир.

Экскурсионная волна идет по России, и ее воды переливаются за границу. Но когда слушаешь рассказы о проведенных экскурсиях, читаешь про то же или наблюдаешь экскурсии непосредственно, убеждаешься все более и более, как много еще в новом деле хаотического и непроработанного. Люди странствуют, нередко не отдавая себе ясного отчета, зачем именно они снялись с места, что и как они могут взять от экскурсий. Движение остается неорганизованным. Возьмите маршруты отдельных экскурсантов. У составителей их видно одно лишь стремление — ввести в маршрут как можно больше городов, чтобы посмотреть все дворцы, все парламенты, все памятники, всех Рафаэлей или Рубенсов. Что произойдет от такого переполнения экскурсии материалом и к чему нужны все такие повторения, об этом не размышляют. В городах же начинается настоящее метанье: экскурсант носится с утра и до вечера от предмета к предмету, уделяя каждому бесконечно мало времени, но зато обегает все, что стоит в русских и иностранных Бедеккерах.

(Карл Бедеккер — немецкий издатель, основал в 1827 году в Кобленце издательство путеводителей по разным городам и странам. Известным при жизни его сделали непревзойденная достоверность и издательское качество путеводителей, носящих его имя, быстро ставшее нарицательным для изданий такого вида. — Прим. Г. Л.).

Вопрос о ценности подобных метаний и их необходимости не поднимается. Так рекомендовано в Бедеккере, этом евангелии всякого туриста, и так делают все! При осмотрах все еще бесконечное время уделяют музеям и памятникам старины, словно вне музейских стен нет никакой жизни, и современность — ничтожество по сравнению с прошлым. А как происходят обзоры самих музеев! Нередко здесь осматриваются предметы, замечательные лишь тем, что они принадлежали великим мира сего. Подобных промахов, ошибок и недоразумений, пробелов и излишеств можно было бы привести еще очень много. Движение началось, но настоящие пути пока не найдены.

Отсюда задача каждой организации и учреждения, так или иначе соприкасающихся с экскурсионным делом, не только по-

ставить правильно свои экскурсии, но и содействовать выработке типа экскурсий вообще. Подобная работа не по силам единицам, но может и должна быть выполнена крупной корпорацией. Кому много дано, от того много и спросится!

Общеобразовательные экскурсии — понятие, содержание которого в основных чертах ясно каждому. Но когда пробуешь определить его более детально, сразу же сталкиваешься с рядом спорных вопросов, то или иное решение которых имеет большое значение для работы как руководителей, так и экскурсантов. Прежде всего, встает вопрос, что должно преследоваться такими экскурсиями и что они должны дать. Думаю, все согласятся, что экскурсии могут конкретизировать уже имеющиеся знания, давать новые, развивать или создавать умение подходить к явлениям из жизни природы и людей, усиливать интерес к изучаемому и вызывать переживания в области чувств. Но что должно быть выдвинуто в экскурсиях вперед? Не может быть спора, что не область чувств. Но знание или навыки? Здесь взгляды расходятся. В то время, как одни требуют от экскурсии, чтобы она, прежде всего, давала знания, например, при обзоре художественных музеев получалось конкретное представление о содержании отдельных эпох или при посещении заводов — представление о положении промышленности, другие, прежде всего, стремятся дать или усвоить навык глядеть и видеть произведения искусств, явления природы, события из разных областей жизни людей. Поскольку дело шло бы об ученических экскурсиях, я не затруднился признать равноправность той и другой задачи. Скажу то же, пожалуй, даже и о местных экскурсиях для взрослых. Но в заграничных экскурсиях такое выдвигание развития навыков в принципе недопустимо. Поездки за границу всегда сопряжены с большими затратами и частыми быть не могут. Поэтому здесь каждая минута должна быть дорога и правильно использована: время должно быть употреблено на то, что недоступно дома. Умение же и навыки такими признаны быть не могут. Экскурсант не ученик, у которого все находится еще в процессе развития, он уже поживший, развившийся человек. Если же у него навыки не развились, он может развить

их у себя дома, не предпринимая далеких странствий. Для этого должны служить местные экскурсии и посещения музеев, лежащих вблизи, в центрах. Так может сложиться и социологизм, т. е. чутье к связности явлений в жизни человека, и историзм, т. е. сознание процесса исторического развития, и умение правильно подойти к произведениям искусств. Тогда в заграничных экскурсиях придется не приобретать навыков, а применять их к познанию чужой жизни. Заграничная экскурсия будет не началом, а завершением образовательной работы. Таким образом, в заграничных общеобразовательных экскурсиях на первый план должна быть выдвинута конкретизация и приобретение новых знаний, но выдвигая эту сторону, я не имею в виду совсем оставить без внимания развитие навыков. Оно может войти сюда как добавочный и в то же время неизбежный элемент. Если у человека имеются уже навыки, новый яркий материал даст возможность для их дальнейшего развития. Например, редко когда приходится в течение небольшого промежутка времени сразу обозревать жизнь целого государства и задумываться над связью всех его сторон, как это происходит при заграничных экскурсиях. Но развитие навыков пойдет попутно, наряду с центральной задачей — приобретением знаний.

Из самого понятия «общеобразовательные экскурсии» само собою вытекает, что они должны охватывать и природу, и человека, т. е. быть в одно и то же время естественно-историческими, географическими и гуманитарными. Также понятно, что при их разработке надо исходить не из стремления дать бодрящие впечатления путем освещения лишь положительных сторон, а ставить дело так, чтобы жизнь была взята по возможности всесторонне. Но зато много разногласий вызывает вопрос о взаимоотношении между отдельными областями жизни, какие могут быть разобраны на экскурсиях. Особенно касается это взаимоотношения между современным и прошлым и места для искусств в общей схеме экскурсий. На том и другом вопросе я и остановлюсь. Итак, что должно быть более выдвинуто в общеобразовательных экскурсиях: прошлое или современность? По отношению к загра-

ничным экскурсиям у отдельных лиц прямо установилась традиция — особенно много места отводить прошлому: обзору всякого рода памятников и остатков старины, отчего экскурсии нередко приобретали характер исторических. Считая такой тип экскурсий очень желательным сам по себе, в то же время думаю, что выдвигание в общеобразовательных экскурсиях на первый план прошлого больше не должно быть. Прежде всего, потому, что по отношению почти ко всем областям жизни знание современности имеет большее значение, чем знание прошлого. С какой бы целью ни приехал экскурсант, он все равно делает наблюдения над заграничною современностью и приносит их с собою на родину. Все, окружающее его здесь, — люди, внешняя обстановка, природа, в силу своего своеобразия бросается в глаза, привлекает внимание. Отгородиться от современности невозможно и незачем, поэтому остается лишь облегчить знакомство с чужим, расширить и углубить его, чтобы принесенное из экскурсии было действительно знанием. Что касается до прошлого, то устранить его совсем из общеобразовательных экскурсий тоже не приходится. Прошлое необходимо для правильного понимания современности и отношения к ней; остатки прошлого нередко окружают нас наряду с современностью; в прошлом много культурных ценностей, подойти к которым действительно необходимо. Если оставить в стороне область искусств, приходится сказать, что прошлое сыграло свою роль — послужило подготовкой для настоящего и уже пережито.

Что из отдельных областей должно быть дано во время экскурсий?

Начну с области социально-экономических отношений, так игнорируемой сейчас. Как бы мы ни смотрели на сущность исторического процесса, громадное влияние хозяйства на всю жизнь народа ясно всякому, отсюда необходимо иллюстрировать перед экскурсантом и эту область отношений. Разумеется, экскурсант может принести с собою соответственные знания. Но, оставляя в стороне вопрос, как часто с такими знаниями едут в экскурсию, надо признать, что привезенных знаний недостаточно. Они подобны тем, какие получают при ознакомлении с художником

не по оригиналам, а по снимкам. Возьму для примера Англию или Германию. Все слышали про развитие промышленности и торговли в этих странах. Слышали, и не воспринимали реально, ярко. Другое дело, если экскурсанту удастся соприкоснуться с самою жизнью, с ее немногими, но типичными проявлениями. Тогда возникнут яркие впечатления, благодаря которым имевшиеся у экскурсанта знания об английской или немецкой промышленности и торговле сразу оживут, приобретут иную силу. Поэтому в английский или германский маршруты обязательно должен быть включен какой-нибудь крупный промышленный центр. Пусть у последнего не будет ни великого исторического прошлого, ни памятников искусств. Но как много может дать простое посещение здесь какого-нибудь широко поставленного завода с его складами сырья и готового товара, машинными отделениями, с рабочими поселками, с собственными больницами, со школами, библиотекой, театром и т. д. — со всею его напряженной и в то же время прекрасно организованною жизнью! То же самое должно быть сделано и по отношению к торговой жизни. Если страна имеет большую внешнюю торговлю, в маршрут необходимо должен быть включен какой-нибудь торговый порт. Его сооружения — все эти молы, каналы, бассейны, подъездные пути, маяки, элеваторы, верфи, склады, сами товары, разнообразные суда, самое движение дадут возможность действительно заглянуть в торговую жизнь.

Другим крупным отделом из области экономической жизни должен быть сельскохозяйственный. Этот отдел обыкновенно совершенно не затрагивался на экскурсиях, маршрут которых захватывал лишь города. Но без знакомства с ним как может быть полным знакомство с экономической жизнью нации! Например, как быть в Англии или Пруссии и не повидать крупного поместья английского лорда и прусского юнкера или не познакомиться с хозяйством немецкого крестьянина. Другое дело, когда сам крестьянин поведет экскурсанта по своим владениям и покажет свое богатство или управляющий крупного поместья познакомит с хозяйством своего патрона. В дополнение к таким посещениям заводов, магазинов, складов, поместий и пр. должны быть введены обзоры

соответственных музеев. Здесь нет самой жизни, но лишь модели, образцы и таблицы, отсюда нельзя вынести таких ярких впечатлений, как от непосредственного соприкосновения с явлениями жизни, зато музей дает возможность брать не отдельные явления, а всю область целиком. Музеи железнодорожный, строительный, торговый, почтовый, морской, сельскохозяйственный и пр. дают цельную картину организации путей сообщения, способов сношения, технических сооружений и пр. и связывают в единое целое уже имеющиеся у экскурсанта впечатления от самой жизни.

Другую обширной областью для наблюдения и изучения является духовная жизнь. Но ее отделы далеко не в одинаковой мере могут быть затронуты во время экскурсий. В то время как одни будут представлены необыкновенно богато, другие, в силу своего материала, будут совершенно отсутствовать. По богатству материала на первый план, конечно, должно быть выдвинуто искусство. Но здесь подбирать и распределять материал для экскурсии приходится несколько иначе, чем в области социально-экономических и политических отношений, да и задачи для осмотра будут поставлены несколько иные. Область искусства в отличие от других областей может иметь значение не только для ума, но и для чувства; и момент эстетического наслаждения, эстетических переживаний, ни в каком случае не должен быть исключен из экскурсий. Другую особенностью является взаимоотношение между прошлым и настоящим.

Осталась еще одна область из мира людей, которую тоже необходимо осветить на экскурсиях — этнографическая. Чтобы представлять народ, еще недостаточно знать его экономическую жизнь, его социальную и политическую организацию, его искусство, науку и образование, необходимо присмотреться к типу самого народа и его отдельных представителей, к их нравам, самому укладу жизни, всей внешней обстановке — быту. Поставить эту сторону систематически и полно крайне трудно. Как, например, познакомиться с домашней жизнью отдельных классов? К рабочему или крестьянину еще возможно иногда зайти в жилище — но к лицам состоятельным? Подобные же затруднения будут встречаться

на каждом шагу. Но для несистематических наблюдений материал во время экскурсий получается богатый. При всех посещениях и осмотрах, во время поездок и на остановках перед экскурсантами проходят типы из жизни или вскрываются какие-нибудь уголки последней. Рабочий, инженер, чиновник, продавец, полицейский, извозчик, педагог, народный оратор и т. д. и т. д. Каждый памятник, каждый дом говорит о характере народа. Надо лишь уметь глядеть.

Рядом с миром людей в общеобразовательных экскурсиях видное место должна занять природа. Не только потому, что знание природы так же необходимо, как и знание человеческих отношений, но и ради связанных с природой духовных переживаний. В ней заключен богатый материал как для ума, так и для сердца, к ней можно подходить с самыми разнообразными запросами. Природа в целом и в своих отдельных проявлениях влечет свою красотой и мощью. Ею можно и любоваться, и вдохновляться нередко больше, чем произведением искусств или человеческим подвигом. Просто хочется увидеть ее, уйти в нее, с ней слиться. От такого соприкосновения с ней слагается в душе громадное богатство из переживаний и впечатлений. Его не получить ни из описаний природы в книгах, ни из снимков. Среди природы надо быть. Почувствовать природу можно всюду: у себя на родине так же хорошо, как и за границей. Но те или иные особенности местной природы вносят особые оттенки в душевные переживания, то усиливая, то ослабляя их и придавая им особый отпечаток. Поэтому уже давно в маршрут экскурсий включались места, известные своей природой. То же самое необходимо сделать и по отношению к общеобразовательным экскурсиям. Но в этом соприкосновении с природой в какой-то мере будет заключаться и познавательный момент. Временами возникает желание не только чувствовать и видеть природу, а и понять ее.

Остановлюсь лишь вкратце на двух вопросах: роли руководителя групповых экскурсий и отчасти работы экскурсанта. Деятельность руководителя прежде всего должна сводиться к подбору материала, объектов и явлений, какие будут продемонстрирова-

ны пред экскурсантами. Зная страну и местные условия, руководитель сумеет выбрать наиболее яркое и типичное, освещающее сразу же целую сторону жизни. Другою задачею руководителя является помочь экскурсантам заметить нужные черты, попытаться связать наблюдаемый объект с имеющимися у экскурсантов знаниями и лишь отчасти пополнить их какими-нибудь детальными подробностями или тем, что может быть известно только на месте. Должен больше говорить сам объект или явление, а не руководитель. Но, к сожалению, сейчас работа руководителя сильно усложнена и часто должна принимать совершенно иное направление благодаря отношению к экскурсиям самих экскурсантов. У нас месяцами, а иногда и годами копят деньги для заграничной экскурсии, но лишь небольшая часть копит таким же образом знания о странах, куда едут. Нередко экскурсант приезжает без всякой подготовки и без всякого даже представления о том, что его здесь ожидает. Понятно, что оно не может взять и десятой доли того, что берет уже подготовленный экскурсант. А вместе с тем такой состав экскурсии изменяет всю деятельность руководителя. Ему приходится уже не конкретизировать имеющиеся знания и дополнять их, а начинать прямо с элементарных сведений. Прежде чем идти в представительное учреждение, говорить о местной конституции и партиях; перед посещением завода рассказывать о положении промышленности вообще; в художественном музее давать сведения о той или иной эпохе. В экскурсии наряду с осмотрами проникла лекция. Само по себе все это очень хорошо. Но только возникает вопрос, зачем экскурсанту тратить время на то, что он мог бы прочесть или услышать у себя, когда здесь много материала, недоступного для наблюдения в других местах.

А между тем все пошло бы иначе, когда бы экскурсант имел хоть некоторую подготовку. Но еще хуже, что часть экскурсантов приезжает не только без знаний, а и без навыков подходить к явлениям жизни. Тогда руководителю приходится и давать знания и развивать навыки, показывая, как нужно подходить к картине, к явлениям природы, к событиям из политической или социальной жизни. Ошибкой многих экскурсантов является то, что они

едут в заграничные экскурсии, не проделав предварительно местных экскурсий и не изучив, как следует, местных музеев. Пусть такие экскурсии будут непродолжительными и крайне несложными, но все же они дадут меньше подходить к жизни. Впрочем, такая неподготовленность экскурсантов отчасти объяснялась самой постановкой экскурсий. Когда маршрут захватывает несколько стран, трудно подготовиться к ним всем. Влияет также и отсутствие приуроченной специально для общеобразовательных экскурсий литературы. Другое дело, если рядом с большими трудами будут существовать небольшие отдельные книжки о природе страны, о ее экономической жизни, о ее политическом устройстве, о постановке образования и пр. Тогда экскурсант уже привезет с собою запас элементарных сведений, да и руководитель будет знать, чего ему можно не касаться. Необходимо также, чтобы экскурсант, отправляясь в экскурсию, знал не только маршрут, но и что приблизительно перед ним будет продемонстрировано.

В заключение хочу предостеречь от переоценки общеобразовательных экскурсий. Такая экскурсия, если к ней участник готовится заблаговременно, даст знания. Но все же их объем, ввиду непродолжительности самой экскурсии, не надо преувеличивать. Зато экскурсия может вызвать интерес, который заставит дома у себя взяться за дальнейшее ознакомление с жизнью страны, и даст много материала для дальнейшей переработки».

Теперь коротко о Петербургской школе Карла Мая

Это учебное заведение Санкт-Петербурга основано в 1856 году Карлом Ивановичем Маем. В школе учились целые поколения Рерихов, Римских-Корсаковых, Семёновых-Тян-Шанских, Бенуа. По инициативе нескольких немецких семейств, стремившихся дать детям среднее образование, носившее более прикладной характер, чем в казённых учебных заведениях того времени, в надворном флигеле дома № 56 по 1 линии Васильевского острова 22 сентября 1856 г. была открыта частная немецкая мужская школа. Её возглавил талантливый педагог-практик, последователь передовых педагогических взглядов Н.И. Пирогова и К.Д. Ушинского Карл Иванович Май (1820–1895),

в своё время с отличием окончивший Главное немецкое училище Св. Петра (1838 г.) и историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского Университета (1845 г.).

В первые годы школа была начальной, а с 1861 г. получила официальное название «Реальное училище на степени гимназии», что отражало усиленную по сравнению с казёнными учебными заведениями прикладную направленность образования.

Основным девизом школы было изречение основоположника современной педагогики Яна Амоса Коменского «Сперва любить — потом учить», в соответствии с которым был создан коллектив педагогов, состоящий только из людей, обладавших высокими нравственными и профессиональными качествами.

В конце 1850-х годов один из школьных спектаклей открылся шествием герольдов с флагами, на которых был изображен майский жук; этот символ очень понравился директору и всем присутствующим. С тех пор учившиеся в этой школе на протяжении всей жизни называли себя «майскими жуками».

Педагогическими принципами школы Карла Мая были:
Сперва любить — потом учить.

Главная задача наставника — подготовить юношу к труду, полезному для общества.

Давайте ученикам истинное знание, так как только оно имеет непреложное значение и истинную силу.

Пусть пути будут различны, но образование и воспитание должны оставаться конечной целью всякого преподавания.

Нельзя всех и каждого стричь под один гребень, действовать следует разумно, применяясь к свойству предмета личности, степени развития учеников и учителей.

Ум, нравственные качества, эстетическое чувство, воля и здоровье ученика в равной степени должны быть заботой учителя.

Ценны не голые сведения, а внутренняя просвещённость, чуткость правды, сила воли.

Тот ряд практических занятий действительно плодотворен, где требуется от учеников самостоятельность, а сами знания подобраны по их силам.

От учеников надо требовать только то, что они в состоянии исполнить, что не превышает возможностей класса и каждого ученика в отдельности.

Пример преподавателя — самое действенное средство воспитания.

Дисциплина — ещё не воспитание.

Воспитание имеет целью не сломить волю ребёнка, а образовать её.

От юного существа можно добиться всего посредством высказывания к нему доверия.

Увлечение какими-либо занятиями и усердие к ним достойны поощрения, а неосторожное невнимание учителя может привести к апатии ученика.

Наказание только тогда действенно, если оно понятно провинившемуся ученику и вполне соответствует степени тяжести содеянного проступка.

Семья, школа и церковь — это три силы, которые воспитывают человечество.

Выпускники школы достигли больших успехов в различных отраслях науки и культуры. Более 100 из них стали докторами наук, 29 избраны действительными членами или членами-корреспондентами Академии наук или Академии художеств.

12 мая 1995 года академик Д. С. Лихачёв открыл музей, посвященный школе Карла Мая. На фасаде здания была открыта мемориальная доска, на которой воссоздан барельеф майского жука.

Школа работает и по сей день в доме 39 на 14-й линии Васильевского острова Санкт-Петербурга, и это здорово!

Об отзывах руководителей экскурсионных маршрутов

Среди воспоминаний русских учителей о своих образовательных поездках за границу в 1911 году есть статья, в которой анализируются отзывы руководителей экскурсионных групп и рассказ об организации колоний. Так называли организаторы экскурсионные маршруты отдыха. К сожалению, пока я не выяснил, кто является автором этой статьи, тем не менее, статью с небольшими сокращениями можно прочитать ниже.

ОБ ОТЗЫВАХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ЭКСКУРСИОННЫХ МАРШРУТОВ

Автор неизвестен

Руководители, прекрасно учитывая все неблагоприятные условия, в которых оказалась Комиссия, не ставят ей в вину того, что им пришлось нести этим летом местами «поистине каторжный труд». В большинстве случаев сами они были настолько увлечены своей работой, что брали на себя гораздо больше дела, чем предполагалось вначале. Многие отдавали целиком свои силы экскурсантам: не ограничивались беседами при осмотрах и лекциями, но и остальную часть дня, несмотря на сильную усталость после хождения по музеям, проводили с группами. Далеко не было исключением такое положение вещей, при котором руководителю приходилось 7, даже 9 часов ежедневно проводить с группой на осмотрах: подниматься с ней на высокие сооружения, бродить по развалинам иногда при 30-градусной жаре, совершать загородные прогулки и т. п. И при этом ни на одну минуту не прекращалась беседа со всей группой или с отдельными экскурсантами; часто не хватало времени и физических сил, чтобы на все отвечать. Вопросы иногда были совершенно неожиданные, касались самых разнообразных предметов.

Уже по дороге от гостиницы до какого-нибудь музея или памятника, в особенности, если расстояние было значительно, голосовым средствам руководителя приходилось выдерживать серьезное испытание.

«По большой оживленной улице течет непрерывный поток пешеходов, экипажей, трамваев; свистят автомобили, мчатся, лавируя между публикой, велосипеды, и среди всей этой обычной сутолоки, останавливая на себе взгляды всех проходящих, иногда даже задерживая на момент все движение, тянется «caravano russo». Все идут тесной толпой друг за другом, боясь хоть на секунду оторваться от товарищей и затеряться в чужой толпе. Впереди, окруженный кучкой экскурсантов, идет «саро caravano» — глава-руководитель. На каждом шагу непривычных к европейской уличной

жизни экскурсантов что-нибудь поражает: все так странно и непонятно. И в один голос с нескольких сторон руководитель слышит самые неожиданные вопросы. Почему название вот уже третьей улицы подряд начинается словом «via», разве все улицы называются одинаково? Зачем это понадобился на крыше автомобиля «спасательный круг»? «А в каком это стиле?» — спрашивает кто-нибудь по поводу какого-нибудь дома в виде обыкновенного квадратного ящика с обыкновенными дырами-окнами. Какая это форма, куда идут солдаты, почему на этом здании флаг? и т. д. Трудно представить себе всю ту массу подчас невероятных по своей наивности вопросов, под градом которых руководитель идет до музея. И чем с большей готовностью отвечает руководитель, тем вопросов задается больше и больше: начинают спрашивать уже не о том, что встречается на улице, но о том, что видели вчера, что заинтересовало в другом городе. Руководителю приходится перекрикивать весь уличный шум, одновременно отвечать на все вопросы, следить за тем, чтобы кто-нибудь не попал под трамвай, наконец, время от времени останавливаться и рассказывать что-нибудь про тот или иной памятник, встретившийся на пути. Одновременно идет и урок итальянского языка: как сказать по-итальянски то-то и то-то, что значит вот то, что выкрикивает этот господин в дверях магазина? Вдруг неожиданная остановка: солнце печет немилосердно, из магазинов так соблазнительно глядят разные фрукты: «Одна секунда, мы купим персиков, они утоляют жажду». Вокруг дремавшего на пороге продавца целая толпа: все спешат купить поскорее, перебивают друг друга, протягивают деньги, спрашивают, сколько стоит. Итальянец не понимает вопросов, публика ни слова не может разобрать из ответов торговца: нужно вмешаться самому «professore» и занять положение посредника-переводчика. Несколько минут уходит на возню с покупкою фруктов; наконец, все удовлетворены, и «saavano» движется дальше. Решено сесть на трамвай: сотый раз объявляется номер трамвая, стоимость проезда, описывается подробнейшим образом та площадь, на которой нужно сходить. Подходит трамвай, наполовину уже наполненный пассажирами; все зорко смотрят за руководителем, что он

сделает. Вот он поднимается на ступеньку вагона; немедленно вся группа устремляется за ним, каждому хочется ехать с руководителем и быть уверенным таким образом, что не заблудишься. Свободных мест не хватает и для половины, кондуктор изо всех сил выкрикивает «completo, signori, completo!», но страх ехать в трамвае без руководителя так велик, что signori втискиваются по 20 человек на площадку, становятся между местами в вагоне, беспомощно виснут на подножках. Руководитель умоляет лишних сойти, уверяя их, что ошибиться и не увидеть назначенного для сбора группы места невозможно; наконец, публика уступает и остается ждать следующего вагона. Внутри вагона — полная путаница: не могут столкнуться с кондуктором, дают иной раз русские или австрийские деньги; снова руководитель объясняет, переводит, успокаивает. По дороге руководителю успевают задать несколько вопросов соседи в вагоне, итальянцы: какой нации, зачем сюда приехали, всегда ли лежит в России снег и очень ли там холодно зимой? Но вот уже трамвай у музея; группа выходит из вагона, поджидает отставших, и, наконец, проделав необходимые формальности при входе, оказывается в вестибюле музея. Здесь обычно делается небольшое сообщение о данном музее, иногда краткий очерк по истории искусства той эпохи, к которой относятся большинство образцов. Затем начинается осмотр. Утомленный разговорами и лекцией, руководитель старается спасти остаток своих голосовых средств: он просит экскурсантов по возможности не задавать частных вопросов, он сам постарается сказать все необходимое, просит не говорить громко, не расходиться по соседним залам, не отставать и т. п. Не всегда и не все советы достигают цели: так трудно удержаться от вопроса, так хочется поделиться впечатлением с товарищем, интересно заглянуть и в боковую комнату, мимо которой прошел не останавливаясь руководитель, досадно быстро уйти от вещи, которая сильно заинтересовала. Руководитель идет дальше, жаль упустить объяснения, надо еще успеть записать их в книжечку, а то после все перепутается, забудется. Группа растягивается, задние не видят, отставшие не все слышат; снова приходится возвышать голос, повторять сказанное

и все же отвечать на вопросы. Время летит быстро, голоса не хватает, напряженное внимание слушателей слабеет. Утомительно 2–3 часа смотреть, нелегко слушать, запоминать и еще записывать, но труднее всего, пожалуй, толкаться в группе, становиться на носки, чтобы взглянуть через головы, просить не мешать, не разговаривать. Сколько горечи было в словах тех, кто жаловался на трудность осмотра при хождении стадом, толпой! Именно здесь, перед картиной, перед статуей это чувствовалось особенно остро. По мнению многих, весь смысл осмотра пропадает при таком положении: хочется остановиться подольше у понравившейся картины, нужно сосредоточиться, прочувствовать ее красоту, запечатлеть в памяти тот или иной прекрасный образ, а здесь необходимо идти, иначе не услышишь нужных объяснений, без которых не обойтись. Это чувствует и руководитель; ему ясно, что здесь, в области искусства, где все так субъективно, индивидуально, совершенно немыслимо как-нибудь целесообразно распределить время: 10 минут на Аполлона Бельведерского, 5 — на Венеру и т. п. Как хорошо понимает он тех, кто чуть не у каждой статуи просит: «Подождите еще хоть секунду!» Как хотелось бы ему остановиться, прекратить это беганье из залы в залу, посмотреть на одну вещь и говорить об ее красоте! Но время не ждет: задержишься около Аполлона, не успеешь показать Лаокоона, а второй раз уже придти сюда не удастся: завтра предстоят новые осмотры, не менее важные, необходимые. И остается делать единственное, что во власти руководителя, — сокращать количество осматриваемого. Как можно дальше необходимо идти в этом сокращении, смело вычеркивать и то, что «Бедкер» отмечает хоть двумя звездочками, проходить мимо целые залы. Опыт двух лет мне говорит ясно: при осмотре всего музея экскурсанты не выносят ровно ничего, и впечатление тем ярче и глубже, чем меньшее число вещей осмотрено. Не всегда проходит без недоразумений осмотр; часть публики выражает недовольство по поводу сокращения программы: «Нам нужно видеть все, пожалуйста, ничего не пропускайте, почему вы не зашли в ту комнату, там так много интересного!» Снова и снова приходится напоминать о том, что имеются же пределы челове-

ской восприимчивости и что всего осмотреть немислимо. А тут еще и внешние препятствия: в разгар объяснений в зал входит толпа англичанок во главе с нахальным гидом. Гид и англичанки торопятся, у них впереди сегодня еще несколько музеев, и вот гид, не стесняясь, громко начинает рассказывать свои небылицы и анекдоты, англичанки размещаются под носом у наших экскурсантов. В соседнем зале та же картина; приходится менять план осмотра, начинать с другого конца, рискуя все же и здесь встретиться с теми англичанками. С отчаяния руководитель прибегает все к тому же спасительному средству — возвышению голоса. Счастье его, если его соперник-гид устал еще больше, чем он, и не в состоянии его перекричать. Англичанки оставляют поле сражения и бегут жаловаться администрации музея: им не дают возможности осмотреть музей, эти русские так невежливы. С большим трудом удастся выяснить, что не русские, а англичане игнорируют присутствие всей другой публики в музее и громко разговаривают, что русским больше ничего не оставалось, как ответить тем же. Но, наконец, осмотр кончен; группа опять с целым рядом недоразумений размещается в трамвае и отправляется в столовую. Экскурсантов ждет обед и небольшой отдых до нового осмотра. Вторая часть дня посвящается осмотру какого-нибудь исторического места, памятника и т. п. Опять беседа, 2–2,5 часа хождения по развалинам, расспросы, объяснения. К вечеру и экскурсанты, и руководитель окончательно измучены: еле могут дождаться ужина, чтобы после него разбрестись по своим комнатам. Лишь самые крепкие и сильные после дневного хождения отваживаются отправиться посмотреть какую-нибудь достопримечательность, которую по «Бедкеру» полагается смотреть при лунном освещении. Руководитель, прежде чем отправиться домой, должен еще объявить программу на следующий день, а если он исполняет еще и обязанности представителя, то и отдать необходимые распоряжения ресторатору, свести счета с проводником и, наконец, выяснить целую массу вопросов, с которыми к нему обращаются экскурсанты. Поздно вечером, после того как уже решительно все дела кончены, можно отправиться домой; дома ждут полученные

за день письма, на которые нужно немедленно ответить. Утром снова осмотры, беседы, лекции, и так все лето, иной раз без одного дня перерыва. (Приведенный отрывок взят из моего отчета о культурном обслуживании групп в Риме).

Если руководитель нес еще и обязанности представителя Комиссии, что бывало почти всегда, то он должен был доводить до крайнего минимума число часов для сна и отдыха. Приходилось улаживать инциденты в группах, наблюдать за проводниками и все это делать урывками, от осмотра до осмотра. К концу летней работы большинство руководителей были крайне переутомлены работой, случались и заболевания от этого переутомления.

Однако работа была трудна не только количественной стороной; особенно плохо приходилось руководителю, когда он за отсутствием специалиста в той или иной области должен был давать объяснения «по всем вопросам». Естественно, такие объяснения мало приносили пользы экскурсантам и оставляли досадное чувство неудовлетворенности у руководителя. Особенно жалуются берлинские и венские руководители на отсутствие специалистов-естественников: без них оказалось невозможным организовать осмотр естественно-научных музеев, зоологических садов, аквариума и т. п. Экскурсанты, если в их среде не оказывалось ни одного естественника, который мог бы им помочь разобраться в массе материала, должны были или бродить по залам музея во все без руководителя, или выслушивать пояснения руководителя, который ограничивался переводом на русский язык различных надписей на клетках или витринах. Это чрезвычайно досадно, в особенности потому, что сами экскурсанты проявляли громадный интерес к естествознанию.

Чувствовался недостаток и в руководителях, хорошо знакомых с современной общественной и частной жизнью тех стран, которые посетили наши группы этим летом.

Слишком позднее приглашение некоторых руководителей лишило их возможности подготовиться к своим обязанностям, возобновить в памяти сведения о том городе, куда они были назначены и где они бывали последний раз, быть может, очень давно.

Им приходилось подновлять свои познания во время пребывания первых групп, причем часто времени на самостоятельные занятия совершенно не оставалось.

Как на недостаток в организации культурной части некоторые руководители указывают на отсутствие интеллигентных и энергичных помощников. Как я раньше уже упоминал, помощников предполагалось пригласить из местной русской учащейся молодежи; однако далеко не везде удавалось подыскать подходящих лиц, приходилось выписывать из других городов, иногда даже из России, людей, плохо знающих местный язык и почти незнакомых с городом. Помощь таких сотрудников была совершенно недостаточна, особенно в первое время их приезда.

Далее останавливаются руководители в своих отчетах на вопросе о слишком большом числе участников в группе. Если и в хозяйственно-организационном отношении многочисленность групп ведет к целому ряду неудобств и затруднений, то для правильного культурного обслуживания группы ее многочисленность служит весьма серьезным препятствием. Еще руководители 1909 года указывали на своих совещаниях на желательность сокращения числа участников в группе хотя бы до 40 человек. Это пожелание по многим практическим соображениям оказалось невыполнимым, и нормальный состав группы должен был остаться и в этом году тот же, что и прежде — 50 человек. На практике и этот максимум был превышен, и некоторые группы насчитывали по 50 человек с лишним; произошло это по причинам, от Комиссии не зависевшим, и руководителям пришлось мириться с этим злом. В будущем, по мнению многих руководителей, такое положение не должно быть допускомо ни в каком случае. Для самих экскурсантов эта многочисленность состава была крайне неудобна. В небольших залах музеев вся группа не могла иногда поместиться, объяснения руководителя не были слышны всем, наконец, немислимо было рассмотреть картину или статую тем, кто оставался позади. Создавалась в самой группе атмосфера раздражения и недовольства, настроение это заражало временами руководителя, и в результате осмотр оставлял неудовлетворенными обе стороны.

На улицах наши группы останавливали на себе общее внимание; иногда, особенно, если соединялись две группы вместе, шествие растягивалось на громадное пространство, и было невозможно всех собрать для того, чтобы что-нибудь объяснить, показать. Где руководителей было достаточно, там удавалось разделять группы на две половины, иногда даже на несколько маленьких групп (например, в Мюнхене): осмотр при таких условиях был несравненно продуктивнее. Но, повторяю, это было возможно лишь при достаточном числе руководителей, что осуществлялось в немногих лишь городах, в остальных же приходилось ходить «караваном» в 50–60 человек, а иногда, по болезни одного из руководителей или по каким-нибудь другим причинам, доводить размеры этого «каравана» до 100 и даже более. Неудобства от многочисленности групп в общем настолько значительны, что и в этом году приходится настаивать на пожелании прошлогодних руководителей: понизить нормальный состав групп насколько возможно. Во всяком случае, необходимо считать за неперемutable правило недопустимость повышения числа участников группы выше известной, заранее установленной нормы.

В связи с вопросом о многочисленности групп, руководители затрагивают и другой вопрос: о разнородном составе их. Мне приходится возвращаться к этому вопросу, затронутому в первой части моей статьи, в виду того, что и руководители в отчетах о своей культурной работе подробно останавливаются на нем. Отвечая на вопрос анкеты: «мешал ли разнородный состав групп при объяснениях», руководители по большей части не ограничиваются одним только утвердительным ответом, но приводят в подтверждение своего мнения различные соображения.

Объяснения только тогда достигают цели и делают продуктивным осмотр, когда лектор хорошо приспособился к среднему уровню слушателей, когда он говорит понятным языком и когда содержание его сообщения одинаково для всех интересно. Вот как раз при смешанном составе групп таких условий и не было: немислимо было приспособиться к аудитории, в которой были люди с различной подготовкой, с самыми разнообразными запро-

сами и интересами. К тому, что интересовало одних, другие были совершенно равнодушны, то, что казалось слишком общеизвестно одним, было трудно для понимания другим. Всякая попытка руководителя столкнуться со всей группой о тех или иных подробностях осмотра кончалась полной неудачей: на каждый вопрос получалась масса различных ответов. Приходилось изыскивать всевозможные компромиссы и часто оставлять неудовлетворенным значительное большинство группы.

Наиболее серьезный интерес проявляли учителя и учительницы народных школ: для них все, что они смотрели, казалось чем-то замечательным, необыкновенным, каждая мелочь вызывала бесконечное число вопросов. К словам руководителя они относились с огромным вниманием. По отзывам некоторых руководителей, им редко приходилось встречать такую чуткую, благодарную аудиторию. Те многочисленные выражения признательности, которые получали руководители от этой публики, дышали всегда глубокой искренностью и правдивостью.

К сожалению, учителей низших школ было меньшинство в этом году в составе групп, в некоторых маршрутах их не было почти совсем. Преобладали педагоги городских школ и средних учебных заведений. Более интеллигентные, чем их сельские коллеги, они в то же время проявляли меньший интерес ко всему; многие из них уже бывали в столицах, некоторые не в первый раз приехали за границу, и все в общем относились к поездке значительно с меньшим воодушевлением, чем сельские учителя. Были, конечно, и между ними очень серьезные люди, глубоко интересовавшиеся всем, что им приходилось видеть за границей.

Наименьший интерес к тому, что входило в программу осмотра, проявляли частные лица, которых было немало во всех группах. В особенности люди состоятельные, далекие от трудовой жизни, всегда были противниками всяких серьезных осмотров. Школы, художественные музеи и галереи, просветительные учреждения — все это интересовало их очень мало. Гораздо больше тянуло их в увеселительные места разного рода; большую часть времени они посвящали беготне по магазинам за покупками. При

всяких осмотрах они не стеснялись делать самые неуместные замечания, заявляли, что все, что им показывали, — малоинтересно, скучно. В своих суждениях они твердо придерживались обывательской точки зрения, редко можно было услышать из их среды какое-нибудь искреннее самостоятельное мнение — все было страшно шаблонно, избито.

«Чрезвычайно требовательные, капризные, не умеющие или не желающие подчиняться общему распорядку, согласовать свои действия с интересами группы, они вносили немалую дезорганизацию. За что Комиссия заставила нас возиться с этими господами?» — спрашивает г. Сватиков, один из римских руководителей.

СВАТИКОВ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Родился в 1880 году. По окончании ростовской гимназии учился на юридическом факультете Петербургского университета. Был исключен за участие в студенческом движении. Завершил образование в Гейдельбергском университете, получил в 1904 степень доктора философии. Сотрудничал в журнале «Освобождение» издававшемся П. Б. Струве. Вступил в РСДРП, меньшевик. Читал лекции в петербургских рабочих клубах по истории освободительного движения в России, проводил экскурсии для рабочих в музеях. В 1905 издал книгу «Общественное движение в России» и брошюру «Созыв народных представителей». Статьи и рецензии Сватикова публиковались в журналах «Былое», «Голос минувшего», «Исторический вестник», «Русское богатство», «Современный мир», «Русская мысль». С 1910 года проживал за границей. Ряд работ посвятил истории высших учебных заведений: «Русские университеты и их историческая биография», «Опальная профессура 80-х» и другие.

Активный участник февральской революции. Был комиссаром Временного комитета Государственной думы и Совета рабочих депутатов в Технологическом районе Петрограда. 18 марта 1917 назначен помощником начальника Главного управления по делам милиции. В мае 1917 направлен в качестве комиссара Временного правительства в западноевропейские страны для ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции и проверки дипломатических служб. Написал книгу «Русский политический сыск за границей» (Ростов на Дону. 1918 год). В 1941 году эта книга была переиздана НКВД «для служебного пользования». В 1919 работал у Деникина. В 1920 уехал в Париж. Читал в Сорбонне лекции по истории политиче-

ских идей и студенчества в России. Участвовал в проведении литературных утреников для детей эмигрантов, Дней русской культуры, выступал с докладами и чтением произведений русских классиков. Умер в 1942 году во Франции.

«Главный недостаток этих лиц, — по мнению г. Сватикова, — заключался в той узости и отсталости общественных взглядов, которые моментами были прямо поразительны. Так, их ужасало критическое отношение к папству и католической реакции XVI века, утверждение, что изображение младенца Христа у Перуджино (и вообще у итальянских и нидерландских художников) никуда не годится и т.п. Миф, напечатанный во всех гимназических учебниках, оскорблял нравственность этих добрых людей, дети, которых еще в третьем классе прочли «Санина» и кузьминские «Крылья». Скажу откровенно, отсталость этой группы произвела на меня отвратительное впечатление».

Рядом с этим отзывом, пожалуй, наиболее резким, встречается немало отрицательных замечаний по адресу частных лиц и в других отчетах. Вот что пишет г. Соболев, представитель Комиссии в Каире: «Были экскурсанты, которых не интересовали ни памятники старины, ни музеи, ни общественная жизнь. Они приехали в Египет как туристы: их прельщала прогулка по морю, поездки на ослах, шатанье днем по базарам Каира и ночью «танец живота» в арабских кофейнях. Они не стеснялись в денежных средствах, желали бы большего комфорта в дороге и большей свободы на прогулках. Культурных интересов у них было мало; некоторые даже не ездили посмотреть на Сфинкса и пирамиды. Таких экскурсантов Комиссия не удовлетворила, лекций они не посещали, на осмотры не ездили и вообще держались в стороне от общей жизни группы, отчего и получили название «аристократов». В заключительных строках своего доклада г. Соболев говорит: «В заключение не могу не пожелать для успеха будущего более однородного состава групп и более высокого развития экскурсантов. Не надо туристов и некультурных людей. При смешанном составе групп то, что для одних казалось слишком примитивным, было для других малодоступно и непонятно. Пестрота группы застав-

ляла ее дробиться на мелкие кружки, отсутствие общих интересов вызывало разногласия и даже ссоры. При большей однородности групп будет больше единения, меньше внутренних трений, и экскурсанты вынесут из путешествия больше поучительных и приятных впечатлений, чем это было, может быть, в этом году».

Г. Соломин, руководитель в Берлине, пишет, между прочим: «Большинство неучительского элемента наши программы не удовлетворяли. Иные считали их ниже своего достоинства, другие просто ненужными. Даже такой общекультурный предмет, как искусство, среди этого элемента часто встречал холодность и равнодушие. Гораздо интереснее и продуктивнее работа с учительскими группами. Здесь мы встречали более или менее тесно сплоченную массу, проникнутую желанием побольше узнать, больше видеть. Между ними и нами как-то сразу устанавливалось полное доверие, их одинаково сильно интересовали как чисто педагогические вопросы, так и общекультурные. Я лично чувствовал полное удовлетворение только среди чисто учительских групп. И мое мнение таково, что нужно окончательно отказаться от пестрых групп или, если это необходимо, выделить учащуюся молодежь и все элементы, не имеющие касательства до педагогики и путешествующие не с культурными целями, в отдельные группы. Для них, как я уже высказал в анкетном листке, не нужны культурные руководители, а нужен хорошо осведомленный проводник, который бы мог показать им всякие достопримечательности, до ночных включительно».

Можно было бы привести отзывы и других руководителей о неудобствах пестрого состава групп, но я полагаю возможным ограничиться сказанным выше. В разных выражениях во всех отчетах повторяется одна и та же мысль, проходящая всюду красной чертой: в будущем году состав групп обязательно должен быть однородным. Лицам, далеким от всяких образовательных целей, доступ в экскурсии должен быть закрыт. Тогда в деле образовательных поездок будет сделан дальнейший шаг вперед. Целый ряд дефектов в постановке дела в 1909 г. вызвал немало улучшений, которые заставляют признать кампанию этого года проведенной

сравнительно успешно. С устранением из состава групп посторонних элементов исчезнет основное препятствие к дальнейшему совершенствованию дела.

В заключение мне остается выяснить еще один вопрос — об отношении экскурсантов к самим работникам на местах; вопроса этого придется коснуться кратко, так как подробно он освещен будет данными анкеты. Здесь можно лишь сказать, что сами руководители отношением экскурсантов очень довольны. Судя по тем речам и письмам, которыми обменивались экскурсанты со многими руководителями, громадное большинство участников поездок увозили в Россию хорошее, светлое воспоминание о тех, кто работал для них это лето. «На почве этой совместной работы небольшая кучка руководителей и сотни экскурсантов спланивались в одну тесную и родную семью, — пишет берлинский представитель г. Шнеерсон. — Экскурсанты не могли не чувствовать, что для этой кучки людей они на целое лето стали фокусом внимания, вне которого ничто не существовало; поэтому экскурсанты настраивались как-то сразу на дружеский лад, создавалось чувство взаимного доверия, на почве которого легко забывались неизбежные прорехи нового дела. За удачно прочтенную лекцию, за умелое демонстрирование музея платили всегда глубокою благодарностью, которую выражали и в письмах, и в прощальных речах, и в желании сняться на прощанье совместно с руководителями. Это горячее отношение экскурсантов к своим руководителям служило им могучей поддержкой и особенно в тот трудный период, когда в городе налицо были 2–3 группы и когда приходилось разрываться на части, чтобы на всех поспеть».

Об этом хорошем товарищеском отношении экскурсантов к руководителям мы читаем и в других отчетах. Громадное большинство руководителей придают самое серьезное значение этому отношению и, как и г. Шнеерсон, полагают, что лишь благодаря атмосфере сочувствия и поддержке, которую они всегда находили среди своих слушателей, они смогли справиться с взятой на себя работой».

ВОЙНА — ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Следующую часть материала можно назвать «Война — возвращение домой». Внезапно началась Первая мировая война, а в Европе находилось 11 групп русских учителей — это примерно 500 человек! Начались аресты наших экскурсантов и борьба за их освобождение. А дальше был трудный и долгий путь домой в Россию. В своих воспоминаниях наши учителя написали все предельно откровенно. Мои комментарии тут не нужны. Читайте...

ШЕСТОЙ ГОД ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОЕЗДОК ЗА ГРАНИЦУ (ИЗ ДОКЛАДА ОБЩЕМУ СОБРАНИЮ УЧЕБН. ОТД. О. Р. Т. З.)

Автор А. Проппер

«В аналогичной статье сборника за прошлый год, заключая обзор экскурсий за 5 лет, составитель писал: «И вот, переходя в 6-й год существования, Учебный Отдел может, кажется, не боясь никаких внешних осложнений, продолжать свою трудную и нервную для его сотрудников работу над развитием, углублением и совершенствованием дела». Действительность не оправдала этой скромной и, казалось бы, вполне обоснованной надежды. Именно внешние осложнения в самой грозной, стихийной форме обрушились на Европу.

В какой форме выльется дальнейшая работа Экскурсионного Бюро, трудно, да и невозможно сейчас сказать. Можно наметить вехи дальнейших путей дела, но пока не уляжется мировое волнение, пока разбушевавшиеся воды не войдут снова в свои, быть может, иные, культурные берега — до тех пор нельзя сказать ничего определенного относительно деятельности Учебного Отдела в области заграничных поездок. При обстоятельствах данного времени предполагается не прерывать окончательно работы, перенести центр тяжести ее на ознакомление с Россией,

с сердцем ее — Москвой. Предполагается помогать устраивать групповые поездки, например, врачей по нашим курортам, которые должно приспособить к нуждам раненых и больных солдат и офицеров и заменить нам обычное лечение у зарубежных источников. Однако журнал по изучению природных богатств России предполагает создать экскурсию по Волге и привлечь к ней крупные научные силы, которые могли бы придать ей не только интерес, но и серьезную культурную ценность. С Учебным Отделом ведутся переговоры об организации этой экскурсии совместно с редакцией. Кроме того, намечается ряд других экскурсий для ознакомления с отдельными областями и сторонами жизни нашей родины, но пока все это в проекте и окончательно выяснится не ранее весны. А пока Учебный Отдел занят тем, чтобы не порвать налаженных связей и отношений, поддержать тот огонь, который так ярко горел все 6 лет, и при первой возможности, при первых признаках успокоения, возобновить дорогое ему дело и повести его во всей его полноте.

В настоящий момент, например, Экскурсионное Бюро устраивает образовательные экскурсии по таким достопримечательным местам Москвы, как Кремль, дворцы, музеи, картинные галереи, зоологический сад — для преподавательниц московских городских школ, чтобы выработать кадры опытных руководителей для раненых, для детей беженцев, для рабочих, для учащихся в начальных школах, и устраивает это Бюро совместно с членами экскурсионной комиссии при Обществе Грамотности.

Человеку, имевшему соприкосновение с обычной зимне-весенней лихорадочной работой Экскурсионного Бюро, странно и немного жутко было бы теперь заглянуть в ее разоренное гнездо. Там, где раньше кипела работа, подготовлялась во всех деталях кампания предстоящего лета, где раздавались веселые и тревожные голоса экскурсантов и ежедневно разбирались вороха заявлений со всех углов России о желании быть зачисленным, теперь только одна комната занята Экскурсионным Бюро и в ней, как в надорванном тяжелой болезнью сердце, медленно

и прерывчато идет работа. В других комнатах вместо столов — постели, вместо экскурсантов — раненые, сестры милосердия, врачи, и здесь чувствуется энергичное биение пульса жизни, ее живая, непосредственная связь с действительностью. В сентябре месяце Учебным Отделом в помещении Экскурс. Бюро был устроен лазарет на 12 раненых, затем открыт был, так же как и первый, на пожертвования членов Учебного Отдела, второй лазарет в Неопалимовском пер. на 10 чел.

И несколько позже еще лазарет на 6 человек в местности Лосиноостровской при гимназии общества благоустройства. Как оборудование, так и ведение дела и дежурства лежат главным образом на членах Учебного Отдела.

Квартира в Неопалимовском переулке предоставлена безвозмездно членом экскурсионной комиссии Е. А. Чернцовой. (Это Елизавета Арсеньевна Чернцова).

Такова в общем картина настоящего. Но нельзя не обернуться на прошлое и не сказать о том, как же удалось перенести и ликвидировать последствия так неожиданно разразившейся грозы.

Весенняя работа не предвещала никаких осложнений. Группы собирались и уезжали в определенные дни, и к 6 июля отправка экскурсантов была закончена, и члены комиссии собирались, по обыкновению, отдохнуть и разъехаться до новой страды. Но отдохнуть не пришлось. Сначала смутные слухи о грядущей войне, затем все более и более определенные вести, и, наконец, 18 июля разразилась катастрофа. К этому времени за границей застряли 11 групп. Положение Учебного Отдела было критическим. Вся ответственность за экскурсантов лежала на нем, и не было никакой возможности оказать нужную немедленно помощь. Телеграфное сообщение прекращено, границы закрыты, а денег, хватавших в обрез на нормальный ход экскурсионного дела, в запасе на местах не было. Трудно, да и невозможно передать всю ту тревогу, те волнения, хлопоты, отчаяние подчас, которое овладело членами комиссии при полном почти сознании своей беспомощности. Тем не менее,

было сделано все, что возможно было сделать. Но необходимо не только отметить, но и подчеркнуть, что если удалось ликвидировать возвращение экскурсантов хотя бы так, как это было, честь и заслуга этого почти всецело принадлежат как деятельности зарубежных руководителей, проявивших громадную энергию и самоотверженность, так и всеобщему участию и помощи, оказанной экскурсиям народных учителей за границей. В то время, как тысячи и тысячи русских путешественников томились в плену, выносили грубейшие издевательства, Германия оказалась терпимой к экскурсантам Учебного Отдела, и ореол имени народного учителя привлекал и помощь, и даже участие. Говорить, что пленным группам жилось легко, конечно, нельзя. Нет, приходилось недоедать, спать подчас на соломе, выносить окрики полиции, но по сравнению с теми условиями, в которых находились русские в те тяжелые дни, положение экскурсантов можно назвать более чем благоприятным. Широко открыла руку помощи всем русским без различия еврейская берлинская община; социал-демократы, с которыми в то время заигрывало правительство, добились разрешения устроить комитет для помощи русским; в их пользу устраивались сборы, и, наконец, благодаря участию через профессора Кареева профессора Schiemann'a, комендант дал разрешение группам на выезд, причем отправил их в первую очередь. Четырем рабочим и берлинскому руководителю Знаменскому, застрявшим с группой экскурсантов русских на 6 недель близ Мекленбурга, пришлось значительно хуже.

Профессор Кареев Николай Иванович — русский историк и социолог, педагог. Член кадетской партии. В 1914 году находился в немецком плену. Умер в Ленинграде в 1931 году.

Об отношении нейтральных, а тем более дружественных стран можно отозваться лишь с глубокой благодарностью. За исключением разве нескольких тяжелых моментов, пережитых двумя группами, оставшимися в Берне в те дни, когда швейцарское правительство в отчаянии от создавшегося положения собиралось выслать всех русских из пределов своей территории

за невозможностью прокормить нуждающихся, положение экскурсантов не было особенно тяжелым. Те тягостные моменты, которые останутся на всю жизнь в памяти каждого из них, надо отнести в значительной мере на долю личных и общих переживаний, тревоги, неизвестности, отчаяния, что на родину отрезаны все пути, все возможности. Но от швейцарского правительства было предоставлено и помещение в школе, и стол и, когда наступило время отъезда, бесплатный проезд до итальянской границы. Швейцарские руководители Учебного Отдела вместе с профессором Рейхесбергом, от которого экскурсанты пользовались в течение нескольких недель самым серьезным содействием, сумели своим сердечным уходом за учителями скрасить очень тяжелые недели пребывания вдали от родины.

Что касается Италии и тех групп, которые по своему маршруту или по обстоятельствам момента застряли там, то их вызволению Учебный Отдел в значительной степени обязан как венецианскому консулу, который проявил большое участие, достал под запись паспортов денег на долю каждого экскурсанта и выхлопотал кредит на пароходе, так, главным образом, неутомимой энергии М. А. Осоргина. Без денег, без возможности выменять русскую монету на итальянскую, без возможности снестись и получить поддержку Учебного Отдела, без свободных путей, вагонов и т. д. только личной энергией и именем народного учителя на свой страх и риск М. А. Осоргин выручил и отправил на родину все застрявшие итальянские и швейцарские группы.

Не говоря о Франции, где к русским вообще относились с большим энтузиазмом и экскурсантам пришлось не раз быть предметом самых шумных дружественных манифестаций и где, благодаря исключительной любезности и содействию Северной Компании железных дорог и военных властей, экскурсантам было предоставлено право немедленного выезда и бесплатно вагоны воинских поездов в то время, когда передвижение частных лиц было прекращено, не считая, повторяем, Франции, особенно и неожиданно трогательным оказалось отношение

северных нейтральных держав. В Норвегии все, до последнего кондуктора, относились к экскурсантам с исключительным вниманием и теплом. Благодаря участию М. И. Левина, крестьянский союз предоставил помещение, обильный стол, по телеграмме министра при вынужденной остановке экскурсантов были предложены вагоны для их ночлега; до Стокгольма в распоряжение групп были отданы специальные вагоны, и там, где невозможно было бесплатное продовольствие, оно отпускалось даже частным лицам по минимальной цене. «От всей поездки по Норвегии у нас осталось впечатление, — пишет один из экскурсантов, — что мы мирно путешествуем, любуемся красотами природы, городов, а норвежцы стараются наше путешествие сделать как можно более приятным и удобным». «Прием шведов тронул нас до слез, — пишет г-жа Мрост. — На больших станциях были приготовлены бутерброды, чай, молоко, фрукты, даже папиросы в изобилии и бесплатно. В Калеберге нас встретили члены городского управления, ученики школ были освобождены от занятий, чтобы встретить и угостить русских. В Рауме нас пригласили после обеда осмотреть здание учительской семинарии» и т. д. и т. д. Что же касается Англии, то помощь, оказанная экскурсантам национальным учительским союзом останется навсегда одной из лучших страниц в истории международных отношений родственных профессий. Когда в Лондоне, казалось, совершенно безнадежно застряли без денег и возможности выехать две группы экскурсантов, то учительский союз широко пришел на помощь своим русским собратиям и, поддержанный сочувствием всего общества, предоставил в их распоряжение сначала помещение, стол, специальные трамваи, пониженный пароходный тариф, а затем и сумму в 10.000 руб., и это дало экскурсантам возможность вернуться в Россию с большим комфортом и по интересному маршруту.

В настоящее время еще нельзя подвести итогов финансовой стороны всего дела. Столько запутанных счетов, погибших чеков, неопределенных данных, что о какой-либо строгой отчетности пока не может быть и речи. Группы, застигнутые войной,

не успели провести всей намеченной программы. Им нужно вернуть часть взноса, ими неиспользованного. Но нельзя ограничиться простым арифметическим исчислением, т. к. Экскурсбюро должно было расплатиться с хозяевами гостиниц, с другими агентами, по контракту, даже за незажитое время. С другой стороны много чеков пропало в Германии. Наконец, пришлось сделать большое напряжение, чтоб выручить группы, попавшие в беду. Поэтому Экскурсбюро не смогло взять на себя все сверхсметные расходы, расходы, вызванные условиями военного времени, так как все сметы по экскурсиям составлялись всегда в обрез. Одно ясно: ни дефицита, ни долгов у комиссии экскурсий не будет, и те счета, которые еще не ликвидированы, как-то: с англ. союзом учителей, с некоторыми консульствами, министерством иностранных дел и др., будут урегулированы при первой возможности. Например, по требованию швейцарских руководителей, Экскурсбюро выслало 20.000 франков на имя профессора Рейхесберга в Берне. Деньги эти профессором Рейхесбергом были получены после отъезда групп из Швейцарии, но до сих пор, по формальным условиям, не возвращены в Экскурсбюро.

Кампания 1914 года закончена более чем необычно, но среди всего того тяжелого и подчас страшного, что пришлось пережить и перенести, нельзя не отметить и того хорошего, что вывилось особенно ярко; того тепла и того сочувствия, которые среди всех ужасов и неурядиц военного времени пришлось испытать экскурсантам, благодаря ореолу, окружающему имя народного учителя, не забыть ни Учебному Отделу, ни экскурсантам. И с глубокою благодарностью низко кланяясь всем, кто помогал нам сочувствием и делом в эти тяжелые дни, мы присоединяемся к словам, заключающим очередную статью М. А. Осоргина: «У нас одна мечта — чтобы мир и культура вернулись в те страны, где развивалась наша маленькая деятельность, уже начавшая давать плоды. И да не будет эта мечта напрасной».

ВМЕСТО ОТЧЕТА

Автор М. А. Осоргин

(Это писатель Михаил Андреевич Ильин — о нем информация в предыдущих заметках).

«От минувшего лета нас отделяет целая вечность, заполненная такими внешними событиями и внутренними чувствованиями, что я положительно не уверен, что смогу дать вам хоть сколько-нибудь исчерпывающий отчет о ходе экскурсий в Италии за последний год. Возможно, что этот шестой год был, действительно, нашим последним годом работы. Если это так, то позвольте мне, — и пусть это будет предисловием — охарактеризировать нашу совместную шестилетнюю работу с особой точки зрения. Мы работали не только для просвещения русских народных учителей и других материально слабообеспеченных слоев русской интеллигенции, мы работали для европейского мира, для братства народов. Посылая русских экскурсантов во все страны Европы, в Америку, в Японию, на Восток, мы вырывали их из ограниченного мира российских переживаний, часто переживаний медвежьего уголка России, стремясь приобщить их культуре мировой, сделать их гражданами вселенной. Как бы мало экскурсанты ни получали от этих экономических поездок, а по их отзывам они получали немало, — какими бы скромными и скромнейшими задачами не ограничивал своей деятельности в этой области Учебный Отдел — все же за какие-нибудь шесть лет работы мы смогли хоть на время, на летний сезон, ввести в семью народов несколько тысяч русских интеллигентов, смогли открыть для них границы государств, толкнуть их на улицы европейских столиц, в гул незнакомой речи, в немолчную струю чужой жизни, к чужим морям и горам, к чужим горизонтам. И это чужое скоро делалось для них уже знакомым, близким, своим; уезжая, часто с искренним сожалением, они мечтали вернуться, пожить здесь подольше, узнать все поближе. Вспомните, как в Италии, в Норвегии, в Англии, даже в Германии и в Австрии наши экскурсанты входили в общение, пусть слабое, с элементами местного населения. С нашими груп-

пами в Европе свыкались, к ним выработывалось особое, хорошее отношение, отличное от обычного полупрезрительного отношения к «путешествующим господам». Мне известно, что в Италии среди местных учителей возникла мысль устроить экскурсии «по образцу русских»; значит, наше дело было замечено. Кто знает, быть может, со временем мы могли бы развить нашу деятельность в двух направлениях: отправка русских групп за границу и прием в России групп иностранных: начало этому, как известно, было уже положено. Европейская война положила предел этой работе...

Да, подводя теперь итог шестилетней работе, вспоминая, какие огромные трудности встречали мы на пути, какие запасы энергии и выдержки были пущены в ход, какое нервное напряжение требовалось от всех, посвятивших себя этой деятельности, мы положительно не имеем права недооценивать нашей цели: мы работали для европейского мира и для братства народов, для того далекого будущего, которое сейчас кажется еще более далеким. Далеким, но неизбежным! Именно нам и легче других в это верить; для нас государства были не вражескими станами, а странами культуры, просвещения, красоты. Помогая русским знакомиться с чужими странами и народами, мы внушали им уважение к чужой культуре и чужим нравам, дружбу к народам, независимо от того, были ли это французы, англичане, немцы. Врагов для нас в Европе не было, и никто из нас не погрешил в своих объяснениях, речах, лекциях национальной кичливостью или шовинистической выходкой. Скорее, напротив: мы слишком подчеркивали преимущества культуры европейской (в которую верили больше, чем верим сейчас!), слишком часто ссылались на нашу русскую отсталость. И ту Германию, которая в момент объявления войны арестовала наших экскурсантов и заставила их пройти через все мытарства, — эту Германию мы называли нашей учительницей, почти недостижимым для нас примером! Эти слова не пройдут даром; они вспомнятся позже, когда пройдет кровавый угар, и народы вновь протянут друг другу руки.

В тяжелые дни, переживаемые всем культурным миром, пусть это сознание будет нашим утешением. Работа наша бес-

плодной не была. Если из тяжелого испытания русское общество не выйдет побежденным (с расцветом узкого национализма, с гордостью своим квасом и презрением к чужой философии), то в этом будет капля и нашего участия. Работу, сейчас пресекающуюся, позже продолжат другие; звание застрельщиков — это уже великая честь для нашего сознания!

Итак, несколько слов о последнем годе экскурсий в Италии.

В общем, это был год удачный. Не было того досадного различия по городам в хозяйственной организации и культурном обслуживании групп, которое все же наблюдалось раньше и было источником неудовольствия экскурсантов, отвлекая их от работы. Не с полной удачей шла работа в Неаполе, труднейшем городе в смысле организации хозяйства и постановки занятий. Первым группам пришлось потерпеть кое-какие неудобства, прежде чем дело направилось более или менее сносно. Однако по сравнению с предыдущими годами и здесь уже наблюдался большой прогресс. Неаполь, бывший раньше нашим «чистым наказанием», теперь имел лишь тот недостаток, что экскурсанты уезжали из него равнодушно, без особых воспоминаний, и, говоря по правде, без особого сожаления. Зато остров Капри остался местом очарования и отдыха, как и в прежние годы.

Впервые за шесть лет нам удалось, наконец, поставить Флоренцию на ту высоту, которой, бесспорно, заслуживает этот глубокий и серьезный город. Трудная, сложная, цельная, почти исчерпывающая программа, лелеянная и раньше, была наконец выполнена. Благодаря полному успеху и хозяйственной части, Флоренция заняла в Италии первое место, или, во всяком случае, оспаривала это первое по удаче место у Рима, занимавшего его пять лет. В смысле цельности и серьезности впечатления, выносимого экскурсантами из ознакомления с городом, примат Флоренции несомненен. Это приходится отнести целиком на счет прекрасного руководства. Можно, конечно, оспаривать правильность крайне субъективного метода преподавания, избранного руководителем Флоренции, волновавшим экскурсантов своими личными художественными переживания-

ми, парализовавшим в них силою своего несомненного таланта склонность к самостоятельной оценке предмета изучения, — но нельзя отрицать, что Флоренция была в последний год настоящей кафедрой искусства. Один ее вполне заслуженный успех может быть достаточным эквивалентом всех недочетов дела организации в других городах. Флоренция, по общим отзывам, дала впечатление неумирающее. К счастью, всем группам удалось спокойно закончить флорентийскую программу, так как вспыхнувшая европейская война застала последние группы уже в других городах.

О Риме, в общем, пришлось бы повторить то же, что и в прежние годы. Издавна выработавшаяся программа, в малом измененная, спокойная работа, незаметно вкрадывающееся в душу путешественника «чувство Рима», грусть расставанья с вечным городом... Волнующие флорентийские впечатления несколько ослабляли силу римского очарования. Больше, чем когда-нибудь, чувствовалось, что неделя — слишком малый срок для даже самого поверхностного ознакомления с городом. В силу улучшения повсюду хозяйственной организации и внешних условий жизни, прежние римские условия жизни (особенно плохие отели) начали казаться несколько стеснительными. Вообще следует сказать, что наряду с прогрессом хозяйственной части, сильно повышаются требования экскурсантов, несколько избалованных лучшими условиями путешествия в других странах.

На прежнем уровне стояла и Венеция; но теперь она была не первым городом маршрута, а последним. Это, конечно, отражалось на впечатлении. Экскурсанты приезжали уже усталыми от месячного путешествия, озабоченными предстоящим возвращением домой. Венеция, и без того город рассеянных и относительно неглубоких впечатлений, должна была восприниматься более или менее поверхностно. Опыт местных руководителей дал возможность сделать из Венеции последний красивый штрих картины итальянских впечатлений.

Милан не является самостоятельным пунктом программы — это добавочный город маршрута швейцарского, а слиш-

ком недолгое в нем пребывание и в прежние годы совершенно уничтожало смысл посещения. Милан мог бы много дать для изучения Италии современной, как ее наиболее характерный культурный этап. Но для этого пришлось бы создать в Милане настоящую кафедру современности, что недостижимо при двухдневном пребывании в Милане экскурсантов.

В общем, повторяю, год был ровным и удачным. Несовершенства организации от нас не ускользают; но сомнительно, чтобы при данных условиях времени, усиленной экономии и степени средней экскурсантской подготовки к путешествию возможно было создать большее. О желательных реформах много было говорено раньше; увы, теперь об этом говорить, быть может, уже бесполезно!

Остановлюсь на событиях последних недель нашего сезона. Вспыхнувшая война заставила нас сократить срок пребывания в Риме и в Венеции трех последних групп итальянского маршрута. Отослать всех сразу в Россию через Австрию оказалось невозможным. С группами, готовыми к отъезду в Венеции, оказалось на нашем попечении в Италии целых пять групп, и не было никакой надежды достать для них нужное число прямых вагонов.

Маршрут, рассчитанный по дням и утвержденный Главным управлением железных дорог, разом изменить было невозможно. Телеграфные сношения с Веной и Москвой затруднились. Но главным затруднением был недостаток денег: для двух последних групп чеки из Москвы лишь ожидалось, и нечем было платить за билеты до Вены. Тревожные известия не давали нам сверх того уверенности в возможности проезда групп через Австрию.

Не буду описывать наших тревог и волнений. Самым опасным представлялась нам паника, которая могла начаться среди экскурсантов при известии о невозможности проезда домой по намеченному пути. Поэтому главной заботой нашей было поддерживать в экскурсантах полное спокойствие духа, не скрывая от них серьезности положения. Это было достигнуто отчасти

тем, что в Риме до последнего дня аккуратно и последовательно выполнялась программа осмотров, хотя и сокращенная, ввиду уменьшения срока пребывания здесь вдвое. Дважды в день, за обедом и за ужином, делались подробные сообщения о положении дел в Европе согласно последним телеграммам. Сообщения эти подробно комментировались как со стороны объективной, так и в смысле возможного влияния событий на судьбу наших групп. Было немало минут тревожных и минут торжественных; так, трудно забыть впечатление момента, когда пришлось сообщить экскурсантам, что Германия объявила войну России и Франции. В эту минуту, мне кажется, соображения о личной судьбе отошли на далекий план...

В то же время у нас шел оживленный обмен телеграммами по всей линии. Несколько телеграмм, касающихся возможности проезда, было почему-то задержано цензурой, что причинило нам немалые затруднения. Дня за три до объявления войны Германией один из римских руководителей взялся провезти девятую группу шестого маршрута через Германию. Ему удалось сделать это в самый последний момент, и сам он вернулся в Италию уже застигнутым войной, вернулся по «удостоверению личности» итальянского студента, в воинском поезде с солдатами, выдавая себя за итальянца (рожденного в «сицилийском городе Дубоссары»), рискуя быть арестованным и, возможно, расстрелянным за обладание русским паспортом, который он не решился бросить в Берлине. Нескольким экскурсантам, отправившимся через Германию днем позже за свой страх, пришлось остаться в Мюнхене, и о дальнейшей их судьбе мы узнали лишь месяц или более спустя из русских газет. Такая же участь постигла одну из групп швейцарского маршрута.

На наших руках оставалось еще три группы, да две группы ожидалось из Швейцарии. Все пути теперь были закрыты, кроме морского, также сомнительного в виду слухов о событиях на море и о закрытии Дарданелл. Денег по-прежнему не было, даже для уплаты ресторанам. Консульства в Риме и в Венеция не имели свободной копейки, банки не меняли русских де-

нег. Не зная, чем будем платить, мы все же заранее заняли полтора места на пароходе, отходившем из Венеции в Константинополь. Не стану описывать, путем каких ухищрений удалось добыть нужную в обрез сумму. Факт тот, что всем экскурсантам удалось уехать на первом пароходе, не воспользовавшись помощью русских дипломатических учреждений. Зато ни в нашей кассе, ни в экскурсантских карманах, наверное, не осталось ничего по уплате за проезд с содержанием. Все же никакой паники не было.

Только грустнее обычного было провожать в Россию соотечественников, с которыми за ряд тревожных дней мы успели дружески сблизиться. Через неделю пришла телеграмма об их благополучном приезде в Одессу. Думаю, однако, что им немало пришлось претерпеть в пути, в трюме и на палубе грязного итальянского парохода.

Итак, итальянские группы были «сбыты с рук». Да простят мне это выражение, но нашей целью было как можно скорее выслать всех экскурсантов из Италии, позиция которой к этому времени еще официально не определилась. Для их же пользы мы старались не промедлить ни одного дня. Позже мы убедились, что поступили правильно.

Одновременно с последними группами итальянского маршрута разъехались и все руководители, кто в Россию, кто на отдых тут же, в Италии. Мы были уверены, что две швейцарские группы успели заблаговременно проложить себе путь через Германию или же остались в Германии, где мы им помочь все равно не в силах. На посланные в Швейцарию телеграммы ответа не получалось. Лишь неделю спустя удалось узнать, что эти две злополучные группы, действительно направившиеся в Германию, были выброшены оттуда обратно в Швейцарию и живут в Берне, в положении самом безвыходном, питаюсь на благотворительный счет, переходя от отчаяния к безнадежности. В эти дни в Берне собралось несколько тысяч русских, не знавших, куда им двинуться; еще меньше их знало русское посольство в Берне. В то время, как через Италию ясно определился

совершенно свободный проезд морем, русские в Берне считали себя погибшими и безвозвратно отрезанными от родины. Путем обмена многочисленными телеграммами нам удалось вызвать в Италию и этих последних наших путешественников; тот же руководитель, который совершил рискованную поездку в Германию, съездил за ними в Берн, успокоил их и довез до Венеции, где мы заранее заняли достаточное количество мест на пароходе. Вместе с экскурсантами приехало еще тридцать человек русских, которых мы временно приняли на экскурсантское положение. Деньги у всех были, так как бернское посольство выдало пособия на отъезд под запись в паспорта. С своей стороны консул венецианский, проявивший вообще большое участие при отправке русских подданных на родину, устроил нам кредит на пароходе, так что главная забота о деньгах была устранена. Нечего и говорить, что все наши «чеки» застряли в Австрии, так что теперь наш бюджет состоял лишь из долгов в ресторанах и отелях Рима и Венеции.

Как бы то ни было, отошел и этот пароход. Наш последний сезон закончился. В этот момент война была уже в полном разгаре. Вы не потребуете от меня — да я и не смог бы выполнить — отчет о внутренних наших переживаниях. Пока наши дни да и наши ночи были заняты хлопотами, посылкой и получением телеграмм, «обработкой» экскурсантского настроения, разъездами по городу и по городам, было некогда углубляться в думы о том, что совершается в Европе. Позже, когда отошел последний пароход, иные мысли и иные тревоги охватили душу, и теперь, издали, эти пережитые сумбурные дни кажутся такими пустяками, о которых как-то даже совестно вспоминать в дни и месяцы длительного ужаса и безумия, переживаемого народами. Маленький, незначительный обывательский эпизод на фоне великой европейской катастрофы...

И все же, повторяю еще раз, все мы работали для культуры и для мира. И у нас одна мечта: чтобы мир и культура вернулись в те страны, где развивалась наша маленькая деятельность, уже начавшая давать плоды. И да не будет эта мечта напрасной...

Рим. Декабрь, 1914».

ЖИЗНЬ В БРИЕНЦЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ (13 ИЮЛЯ –19 АВГУСТА)

Автор Л. Василковская

13/26 июля. Неласково встретила нас Швейцария: дождь затянул все горы, точно их нет; небо серое, безотрадное. В семь часов утра Цюрих. Надо ждать два часа. Конечно, идем смотреть город. Руководитель, житель Цюриха в течение уже нескольких лет, показывает нам все интересное. Погода прояснилась, открылись горы, временами проглядывает солнце, и картина сразу меняется. В Люцерне опять пересадка и полчаса в нашем распоряжении. Срок, слишком маленький, чтобы походить по городу. Успели пройти лишь по красивой набережной и купить провизии: ведь в Бриенце мы попадем только к ужину. Теперь мы едем со встретившим нас А. А. Опять въезжаем в полосу дождя; он мешает любоваться красотами брюнигской дороги. Наконец, Бриенц. Все устали, хочется спать. Часть экскурсантов поместилась в отелях, часть в домах крестьян.

Последнее, на мой взгляд, интереснее: ближе видишь жизнь швейцарцев. Моя комната прямо на озеро, за ним горы, местами снег. Так холодно, что с удовольствием залезаю под перину и засыпаю.

Здесь нет большой столовой, которая вместила бы всех (в двух группах больше ста человек), поэтому еда происходит в трех отелях. Центральным местом служит один их них, самый большой. Здесь-то после ужина мы собрались. А. Б. ознакомил нас с распорядком дня, с тем, что предстоит увидеть в Швейцарии; нас ожидает много интересных прогулок. Все дело в погоде.

14/27 июля. С утра хорошая погода. После шумного казарменного Берлина, после Мюнхена, уютного и изящного, но все же утомительного, здесь особенно хорошо. Я пошла за Бриенц, вдоль озера. Кругом дивные красоты; казалось, точно перенеслась в другой мир; жизнь больших городов с их суетой отошла куда-то далеко; на душе легко, спокойно... После обеда, несмотря на дождь, поехали в Мейринген, оттуда в ущелье р. Аара.

15/28 июля. Нам предстоит прогулка в течение целого дня. На пароходе едем в Интерлакен; Юнгфрау не пожелала показаться. По электрической дороге, отчасти пешком, направляемся к пещерам св. Беатуса. Обедаем по пути в маленьком ресторанчике.

Дорога лесная, иногда над самым озером. Мне хотелось дойти до того места, с которого был бы виден городок Тун, но побоялась запоздать и пропустить своих. Опять по электрической дороге в Интерлакен. До парохода остается с час, ходим по Hoheweg, любимся красивыми магазинами с досады, что Юнгфрау по-прежнему закрыта облаками. Многих тянет в горы, хочется увидеть ледники, собираются покупать подходящую одежду, спешат подобрать обувь гвоздями.

16/29 июля. Погода безнадежная, до обеда прогулка невозможна. Н. А. сделал нам очень интересное сообщение об альпинизме. Много нового узнала я о проводниках: они обязаны клятвой помогать всем, застигнутым непогодой в горах, сбившимся с дороги, хотя бы погибающий был врагом. После обеда прояснилось. Поехали на ту сторону озера к водопаду Giessbach. Наверх ведет красивая лесная дорога, она переходит в тропинку, подъем затрудняется. Многие стали отставать, другие, более выносливые, уже в полной амуниции горных туристов, поднялись на значительную высоту. Домой вернулись группами в разное время. До ужина еще порядочно. Я пошла побродить. Когда все время находишься среди многолюдной и шумной компании, приятно остаться одной. Прошла мимо церкви и кладбища на самом конце деревни. Хорошо здесь! Не хочется ни о чем думать, надо только наслаждаться. Согласно с Карамзиным, который, приехавши в Швейцарию, воскликнул: «Счастливые швейцары!» Действительно, счастье жить в этой прекрасной стране, называть ее своей родиной.

17/30 июля. Безмятежная жизнь наша сразу оборвалась.

Иду утром пить кофе. Мне говорят: «Укладывайтесь, едем в Москву». Ничего не понимаю, считаю, что со мной шутят. Но это была самая печальная правда. Оказывается, еще вчера, поздно вечером, получена телеграмма из Парижа от Семенова, чтобы всех экскурсантов отправлять через Берлин в Москву.

Всеобщее волнение. Мы знали, что Сербия и Австрия уже воюют, но какое отношение к нашему возвращению имеет их война? Одно смущает: русские деньги падают с необыкновенной быстротой. Устраиваем очень бурное собрание, мы хотим оставаться в Бриенце все назначенное время. Наше решение сообщили руководителям. Они послали срочную телеграмму в Москву, ехать ли немедленно или можно подождать. Что-то скажет ответ! А пока для общего успокоения пошли с А.А. на небольшую горку — Ballenberg. Плохо помогло: разговоры вертелись все на одном. Усилившийся дождь заставил поспешить домой. Одна экскурсантка, напуганная своими знакомыми, только что приехавшими из Германии, уже двинулась в Россию. В 8 часов вечера из Москвы пришла телеграмма (не ответ на нашу): «Путь через Вену закрыт. Италия отменяется, группы возвращаются через Берлин». Жаль уезжать из Швейцарии, ничего не выдавши, не побывавши даже в Берне, еще обиднее не заехать в Италию.

18/31 июля. Ждем ответа из Москвы. До обеда собрание. Известия в газетах далеко неспокойны. Одна из экскурсанток получила письмо от отца, отставного военного, чтобы она возвращалась немедленно: дорога каждая минута. Погода хорошая, хочется отвлечься, проехаться. Собирается большая компания, отправляемся на Rothorn. Дорога очень интересна, поезд поднимается все выше, леса уже нет, мы в области альпийских лугов, пасутся стада, слышен мелодический звон бубенчиков. Становится холодно; приехали. Высота свыше двух тысяч метров, лежит много снега. С версту надо пройти пешком. Внизу было ясно, светило солнце, а здесь все окутано туманом, в нескольких шагах ничего не разберешь. С Rothorn'a должна, по описанию, открываться панорама Альп, цепь снежных вершин, а мы окружены непроницаемой для глаз мглой. Загадали — если прояснится, откроются горы, то попадем в Италию. Действительно, точно в театре, облачный занавес стал подниматься, далеко внизу блеснуло Бриенцское озеро, совсем крошечное, за ним снеговые горы. Красота, которую поймет только тот, кто видел ее, описать нельзя. Несмотря на холод, долго пробыли на вершине Rothorn'a, любуясь горами, нашли Юнгфрау

и много других альпийских великанов. Туман стал опять надвигаться; погрелись горячим шоколадом и — назад. В Бриенце та же мучительная неопределенность и томительное ожидание. После ужина собрание. Гнетущее настроение еще усилилось; положение очень серьезное: того гляди война России с Германией.

19/1 и 20/2 июля. Ответа все нет. Утром собрание. Решено, что обе группы сегодня уезжают через Берлин в Россию. А. Б. предложил каждому внести по 50 франков на случай, если придется ехать кружным путем через Копенгаген. Я начинаю собирать с нашей группы; вносят кто франками, кто рублями. Многие дают последнее и даже занимают. Спешно обедаю и опять за деньги, боюсь просчитаться: такой большой суммы никогда не было у меня на руках. Но все благополучно, отдаю А. Б. Надо еще уложиться. Сегодня в Бриенце объявлена мобилизация, она прошла очень просто и скоро: по улицам кто-то проехал, что-то прочитал, мужчины стали вытаскивать свои мундиры, чистить их, и деревня, всегда мирная, приняла необычайный вид. Наша хозяйка плачет: у нее берут двух сыновей. Она говорит, что во всем виновата Россия, зачем она вступилась за Сербию. В четвертом часу уезжаем, с нами Н. А. и А. А., в Бриенце остается человек 14–15 и А. Б.

В Люцерне и Цюрихе пересадки. Всюду масса народа, суета; вокзал охраняется войсками. Много мужчин в штатском платье и с ружьем: они едут на место своей службы. Сегодня национальный праздник, но нет веселья, нет радости, лишь кое-где на горах горят огни. Около часа ночи Шафгаузен, и опять пересадка, должны ждать до утра. Сидя дремали, кто на платформе, кто в пассажирском зале. Особенно ценятся места около стола: на него можно положить голову. Утро. Кофе несколько подбадривает. Мы в Зингене, уже в Германии. Около платформы, за решеткой, толпа народа, смотрят не очень дружелюбно. Наш дальнейший путь лежит на Франкфрут. Узнаем, что Германия объявила войну России. Как проедем? Страшновато. К счастью, нам встречаются русские, которые бегут из Германии, рассказывают всякие ужасы и советуют вернуться. Решаем ехать в Берн, оттуда через Женеву в Париж, а там на Копенгаген и Швецию и Россию.

Вдруг задержат на германской границе? Благополучно минуем ее. На душе легче: мы опять в Швейцарии, т. е. в безопасности. В Шафгаузене пересаживаемся и едем дальше. Из вагона видно Рейнский водопад. Люцерн и опять пересадка. В Цюрихе бесконечное ожидание. Наконец, около девяти часов вечера невероятно измученные добрались до Берна, сдали вещи на хранение (длинная процедура!) и отправились в отель Roux. Свободных комнат, благодаря мобилизации, очень мало, мы должны помещаться по две на кровати. Невероятное счастье раздеться, лечь и заснуть.

21/3 июля. Идем в миссию в надежде получить пособие. Русских масса. Всем отказывают: нет денег. Пока только обменивают рубли на франки по курсу 250, и то хорошо: в банках вовсе не меняют. Руководители хотят нас отправить через Женеву в Париж. Узнаем, что этим путем ехать нельзя: граница закрыта, во Франции мобилизация. Возвращение в Россию возможно только через Константинополь. В миссии обнадеживают, что для русских будет даровой пароход, о нем уже начались переговоры с итальянским правительством. Прошлись по Берну. Прелестный город. Старинные фонтаны, дома с аркадами придают ему своеобразный вид, уносят в далекое прошлое. На портале собора изображен очень наивно Страшный Суд. Идет дождь; уныло и на душе. Я и еще несколько экскурсанток переселяемся в другую гостиницу «Schlussel». Дрянь ужасная, постоялый двор. Ужинаем (громко сказано, правильнее: пьем молоко) в общем зале по соседству с солдатами; раздаются крики, пение; грязь и отвратительный воздух. Все окружающее еще больше нагоняет тоску. Мое место для спанья на чердаке, там один ужас. Добрая К. А. берет меня в свою комнату и даже уступает кровать. Сегодня нам дали на пропитание по два франка.

22/4 июля. В миссии опять разговоры о пароходе. Желающие русские могут бесплатно ужинать на вокзале. Многие из наших пошли; давали гороховый суп с хлебом. К вечеру настроение становится лучше, хочется забыться, начинаются шутки, слышим даже смех. Сегодня именины М. С. Небольшой группой уселись в общем зале у окошечка, именинница угостила нас шоколадом. Поболтали, вспомнили наше безмятежное пребывание в Бриен-

це первые дни, милый Мюнхен, осмотры музеев с И. А. Как давно и в то же время недавно все это было!..

Нам выдали только по 65 сантимов.

23/5 июля. Со времени выезда из Бриенца мы живем на деньги, собранные при отъезде; их остается уже мало, надо экономить. В десять часов мы должны собраться в локале (наша миссия наняла для русских зал какого-то ресторана, при нем сад; многие бездомные проводят здесь целые дни). Приходит Н. А. и сообщает, что найдено более дешевое помещение для нас. Две экскурсантки идут с ним, чтобы узнать дорогу. Мы расходимся по своим отелям, берем вещи и ждем. За нами приходят, двигаемся пешком, нагруженные багажом, вроде переселенцев. Новое наше жилище — «Garten Linde» — на конце города близ кладбища; оно представляет громадную комнату, разделенную занавесками на множество маленьких кабинок; прислуги не полагается, убирать должны сами; умывание и все удобства оставляют желать лучшего. С человека берут по франку в день, да на пропитание нам будут давать франк. Следовательно, каждый день нам обходится свыше двухсот франков. В. Д., Л. С. и я за недостатком места поместились рядом, на частной квартире, но уже через несколько часов нам отказали: видимо, не хотят держать русских. Поселяемся напротив, пока хозяева любезны. Англия объявила войну Германии. В миссии получена из Рима телеграмма, что русский посол хлопочет о пароходе.

Вечером к нам в гости пришли мужчины, они живут около вокзала и говорят, что у них лучше.

24/6 июля. Приехал А. Б. и остававшиеся в Бриенце, кроме поляков, которым нельзя возвращаться домой: там уже немцы. В локале прочла объявление о дешевых русских обедах: три блюда с мясом 80 сантимов, без мяса 50. Пошла по указанному адресу, потратила много времени, но нашла, очень близко от нас. Обед действительно хорош, после постоянного недоедания была страшно сыта. Завтра туда собираются многие из наших. Сегодня первый день, что принимают телеграммы; послала в Москву, она пойдет через Францию и Данию. Не ручаются, дойдет ли.

25/7 июля. Дарового парохода все нет, да и будет ли он? Денег у нас остается очень мало, хватит самое большее дней на 7–8. Хлопочут о бесплатном помещении в школе. Профессор Рейхесбер принимает в нас большое участие и старается устроить. Сегодня чудная погода; небо безоблачное; Альпы так красивы, что не налюбуешься. Хорошо здесь пожить, когда спокойно на душе, есть кров и пища, а не существуешь на 2 франка в день и знаешь, что скоро не будет и их...

Вечером пришел А. Б., советовал выбрать каждой группе своего президента, помощника и кассира. Завтра выберем в саду миссии. В президенты наметили было доктора, да он хочет уезжать, не может больше жить в подобных условиях. Наши хозяева сегодня менее любезны, а вечером попросили нас выселиться, очевидно, причина опять та же: мы русские.

26/8 июля. Оказалось, что вместе с доктором уехало еще двое, а вчера они молчали! Выбрали «президиум»: В. А. президент, П. Н. помощник, я опять кассир. После обеда в русской столовой, конечно, без мяса, зашли на кладбище, посреди него крематорий. Люблю я бродить среди могил, они дают какой-то покой душе. Теперь в нервно настроенной публике часто рождаются нелепые слухи, они быстро распространяются, им верят. Так и сегодня начались толки, что всех иностранцев выселяют из Швейцарии за недостатком съестных припасов. Мы даже обрадовались: значит, попадем в Россию. Отправила, по примеру других, заказное письмо в Москву, авось дойдет. Очень тяжело, что почти месяц не имеешь никаких известий. Хлопоты увенчались успехом: швейцарское правительство дает нам даровое помещение (стены и солому) и стол. Собираем свои пожитки, тащим их на вокзал, где бесплатно ужинаем, опять тем же горохом. Трогаемся на новую квартиру. Впереди полицейский, за ним длинная вереница экскурсантов, нагруженных вещами. Идти далеко. Школа совсем на конце города; красивые улицы-аллеи; внизу Аар, везде масса зелени. Обходим выставку. Чудный вид на город и Альпы. Первая ночь в школе произвела удручающее впечатление, некоторые даже плакали. В распоряжение дам предоставлены три класса, мужчины помещены

этажом ниже. Комнаты большие, совершенно пустые, около стен солома; постельных принадлежностей: подушек и простынь — конечно, нет; освещаются тусклым фонарем. Невольное сравнение с тюрьмой; в довершение сходства, как только мы улеглись, за фонарем пришел тюремный сторож, т. е. полицейский. Всем тяжело, некоторые неестественно веселы. Противное шуршание соломы и еще более противные мысли не дают спать.

27/9 июля. Кофе пить идем в соседний ресторанчик, там же будем обедать и ужинать. Н. А. сообщает нам правила новой жизни и распорядок дня. Он следующий: мужчины пьют кофе в 8 ч., обедают в 12, ужинают в 6,5. Мы кофе пьем в 8 и 3/4, обедаем в час, ужинаем в 7,5. Кофе дают с молоком и хлебом, в неограниченном количестве, но без сахара, запасы которого уже истощаются в Швейцарии. Хлеб очень невкусный, точно сырой. За обедом суп, плохой, и жареная колбаса, все с тем же хлебом. За ужином суп, иногда вместо него будет молоко. Хозяева и прислуга ресторана к нам очень внимательны. Уходить из школы можно, но желательно после ужина быть не дальше двора. Решили послать срочную телеграмму в Москву в Учебный отдел, хотя руководители уверяют, что мы даром потратим деньги: ответа не получим. Телеграмма вышла длинная и дорогая, больше 60 фр.; сообщаем о нашем тяжелом положении, просим прислать денег.

28/10 июля. Наша школа стоит очень хорошо, рядом лес, кругом масса прогулок. Ходили к Аару, подошли к самой воде, к перевозу, на той стороне ресторан. Жара нестерпимая. В лесу дорожки, много скамеек. После обеда отправилась в миссию, отсюда порядочное расстояние: целый час ходьбы. Там нет ничего утешительного: даровой пароход лишь миф.

29/11 июля. Получена телеграмма от Осоргина из Рима. Он спрашивает: где экскурсанты и сколько их. Все ожили, уверены, что он устроит нам отъезд; его некоторые знают и говорят о нем только хорошее. Но, очевидно, скоро не уедем.

30/12 июля. Наша жизнь идет однообразно, ежедневно раз, а то и два ходим в миссию, в надежде что-нибудь узнать. Но там мало осведомлены и наводят страх, рассказали об опасности возвра-

щения в Россию, о возможности закрытия Дарданелл и т.п. Настроение тяжелое: то является маленькая надежда на отъезд, то полное отчаяние. Ввиду неизвестности, сколько здесь жить, каким путем возвращаться, боишься тратить деньги даже на необходимое. А часто идешь голодная; в кондитерских и гастрономических магазинах выставлены разные вкусные вещи, стараешься на них не смотреть: дорог и может в будущем пригодиться всякий франк.

Не имея возможности отдавать белье прачке, многие стирают его на школьном дворе, у фонтана в холодной воде.

Завтра уезжает Г. А. Завидую ему, но ехать не решаюсь — вдруг Дарданеллы закрыты, и у меня не хватит денег, чтобы ехать на Сербию и Румынию. Вечером повсюду — на лестнице, на окне, а то прямо на полу, спешно пишутся письма: Г. А. опустит их в Одессе.

М. С. осенила счастливая мысль; составляем телеграмму, рассчитываем, когда получим деньги, сразу повеселели и успокоились. Полные надежды идем обедать. В. А. только что вернулся из миссии. Спрашиваем, что нового. Говорит: «Ничего», но что-то подозрительным показался его тон. С нами обедал А. Б. Кто-то сказал: «Счастливый Г. А., он уже далеко». На это А. Б.: «Неизвестно, кто счастливее: он или вы». Странные слова. У многих от предчувствия чего-то дурного пропал аппетит. Кажется, возврата в Россию нет. А. Б. сказал, что хорошо бы нам поискать в Берне какую-нибудь платную работу. Мы с А. В. попытались, ходили по нескольким указанным адресам, но вполне безрезультатно.

2/15 августа. Несколько экскурсанток получили приглашение работать в миссии. Благодаря войне там масса бумажного дела, с которым служащие не могут справиться. Идут к девяти часам, занимаются весь день часов до 7. Возвращаясь из города, я попала под страшный ливень, стала пережидать его под аркадами. Улицыерна очень удобны: во время дождя можно ходить по тротуарам и не вымокнешь. Разразилась невероятная гроза, стало совсем темно, в магазинах зажгли электричество. Это в час дня! Все льет, за вокзалом спасительных аркад нет, домой пришла вымокшая. Но в Швейцарии с ее чистым горным воздухом не простуживаются.

4/17 августа. Миссия дала нам тысячу рублей. Серое небо и осенний дождь наводят невозможную тоску, кажется, все отдала бы за луч солнца.

5/18 августа. Получили еще две тысячи. Маленькая надежда на отъезд. Вечером бурное собрание. Поднят вопрос о коллективе; предложено внести все личные деньги, поделить их, чтобы дать возможность уехать неимущим. Расплачиваться, конечно, по приезде в Россию. Подсчитали, на каждого приходится по 140 франков. Послали телеграмму Осоргину, можно ли с такой суммой пустаться в путь.

6/19 августа. Слухи, что Италия мобилизуется, что Австрия предъявила ей ультиматум. Опять перемена настроения и страх, что останемся в Швейцарии, как в ловушке. Несколько экскурсанток пошли в миссию помогать нашим, там сегодня особенно много работы: разбираем и приводим в порядок адреса до 7 часов вечера. От Осоргина ответная телеграмма, что с нашими деньгами ехать нельзя, к тому же опять слухи о закрытии Дарданелл.

7/20 августа. Одиннадцать экскурсантов решили ехать одни. Послали телеграмму Осоргину с просьбой содействовать и указать город, где сесть на пароход. Н. А. получил от Осоргина письмо, он советует уезжать всем, у кого есть возможность. В пять часов в локале, по желанию каких-то здешних русских дам, служитя молебн священником из-под Волочиска. Он лечился в Карлсбаде и спасся в Швейцарии. Служба в очень необычной обстановке, без певчих, без дьячка. Молятся усердно, даже плачут. Батюшка обратился ко всем с советом уезжать немедленно: иначе будет поздно. Сам он едет завтра рано утром. Из миссии по отдельным паспортам получили еще 1200 рублей. Теперь на человека приходится уже 200 франков. Опять телеграфируем Осоргину.

8/21 августа. С утра дождь и слухи о закрытии Дарданелл. Опять уныние. После обеда собрание. Общее настроение таково, что больше ждать нельзя. Поставлен на голосование вопрос, ехать ли немедленно, не взирая ни на что, даже на закрытие Дарданелл. Все, кроме троих, за немедленный отъезд, каким только возможно путем. А. Б. убеждал подождать хотя бы ответа Осоргина. Не хо-

тим ничего ждать, ехать же завтра. Я стала укладываться. Вдруг в коридоре радостный гул: от Осоргина телеграмма: сегодня приезжает за нами его помощник Курфюрст, и мы уезжаем. Все счастливы. После ужина несколько экскурсантов идут на вокзал встречать Курфюрста и убедиться своими глазами, что он приехал. Никого не встретили. Настроение сразу падает: отчаяние и самые неправдоподобные предположения.

9/22 августа. Пытаемся во всех банках разменять швейцарские деньги на итальянские, но напрасно: лир нигде нет. Настроение тревожное, приехал ли Курфюрст? Я с М. С. идем в локал, на мосту встречаем сияющую В.: «Курфюрст приехал, видела его, мы завтра едем!» Идем убедиться сами, собственными глазами, видим К. По дороге домой делаем необходимые для дороги покупки. Последний раз иду по здешним улицам. Много тяжелого пришлось пережить в Берне; может быть, поэтому я сжилась с ним, сроднилась, он мне не чужой. После обеда собрание. Читается телеграмма Осоргина, что все готово к нашему приезду. Спешу докончить укладку: мне еще предстоит собирать деньги. Серебра набрались целые мешки. Мужчины нашего президиума до поздней ночи возились с деньгами. Прощаться с нами приходил профессор Рейхесберг и его брат. Все очень благодарили его за заботы. Поздно ложимся. Последняя ночь на соломе!

10/23 и 11/24 августа. Проснулись в половине четвертого. Глубокая ночь. Окончательная укладка в темноте, все спешат. Вещи выносим к лестнице, солдаты берут их и складывают на подводы. Выходим в последний раз из школы. Туман, на два шага ничего не видно. Идем по дорожке, по которой так много раз ходили то полные отчаяния, то надежды. Берн закутан туманом. На дороге и на выставке горят фонари, еле мерцают. Подходим к вокзалу, слегка рассветает. Все руководители нас провожают. Для нас отдельные вагоны и даровой проезд до итальянской границы. Прощанье и, наконец, блаженный миг отъезда. Поезд идет тихо. Кругом красиво; кое-где стелется туман, солнце его прогоняет. В Люцерне пересадка, пьем кофе. Едем мимо милого Бруннена, Axenstrasse, все знакомые места. Мы в тоннеле. Направо от него, у самой воды,

должна быть часовня Телля, этот поэтический уголок озера Четырех Кантонов. Хотя и говорят, что Телля не было, все лишь красивая легенда, но хочется думать, что он действительно жил и именно в этом месте выпрыгнул из лодки, спасаясь от тюрьмы. Здесь все полно Теллем, все говорит о нем... Озеро уже позади, поднимаемся выше. Погода хорошая, и С.-Готардская дорога этот раз кажется мне еще лучше, чем первый, когда я проезжала ее под дождем. Громадный тоннель, и мы почти в Италии. Растительность роскошнее, слышен итальянский разговор. В 10 часов вечера Киассо и осмотр багажа. Опять пересадка, уже в итальянские вагоны. Едем очень быстро. Около часа ночи Милан. Поезд на Венецию идет только в 7 ч. 37 м. утра. Ночь провели на вокзале. Я устроилась на полу: Б. предложили мне место на их резиновом плаще; под голову положила альпийский мешок и спала так хорошо, как давно не спала. Проснулась в половине пятого и долго не могла понять, где я, почему лежу на полу. Многие, не бывавшие раньше в Милане, пошли смотреть собор. Я осталась и опять заснула. Поезд летит со страшной быстротой, и во втором часу приехали в Венецию. М. А. Осоргин встретил на вокзале. «Будьте совершенно спокойны, у нас в Италии паники нет, вы благополучно доедете до России». Его слова сразу внесли бодрое настроение. Доехали до Риальто и путаными улочками дошли до «Ferrari bravo», где нас ждал обед, не суп и колбаса, а настоящий обед, о каком в Берне мы могли только мечтать. Хотя я и устала, но не вытерпела: отправилась побродить по Венеции. Мы прошли по Риальто, полюбовались на корзины красивых персиков, ярко-красных помидоров, закупили фруктов, отправили телеграммы домой и по Merceria назад в «Ferrari bravo» заниматься делами. М. А. удалось устроить, что мы за проезд до Константинополя пока ничего не платим, за нас вносит за каждого русский консул, мы же даем ему расписки, что вернем 95 франков по возвращении в Россию; оставляем свои адреса.

12/25 августа. Чудно выспалась и сама себе не верила, что лежу в чистой мягкой постели, а не на соломе, которая так противно шуршит и колется. Я зашла в собор св. Марка. Там заупокойная

месса по папе. Посреди церкви катафалк, покрытый красной парчой, кругом растения. Хорошее пение и орган. К сожалению, долго не могу оставаться: времени до отъезда мало, а мне хочется походить по любимым местам. Мимоходом кормлю голубей, они без страха садятся на руки. Успела побывать в Академии. Видимо, приезжих теперь мало: кроме меня там было только двое. Проходя по Риальто, остановилась наверху, люблю я смотреть вдаль, по направлению к Maria della salute на Canale-grande, залитый ярким солнцем. После обеда в гондолах отправились на «Sardenia». М. А. нас провожает на пароход; прощаемся с ним, горячо благодарим, ведь он устроил наш отъезд; без его содействия, возможно, мы бы еще сидели в Берне. В четверть четвертого снимаемся с якоря. Грустно расставаться с Венецией, грустно всегда, когда уезжаешь из Италии, точно покидаешь дорогую родину... Почему?

Проходим мимо Lido, и мы в Адриатическом море. Едем в эмигрантских условиях, как выразился М. А. Дамам предоставлено помещение в трюме, там койки с тюфяком сомнительной чистоты, простынь и подушек нет. Большинство хочет спать на палубе, по крайней мере хороший воздух. Умыванье на палубе, около лестницы. Одной рукой надо нажать кран, другой умываться, стараясь стоять как можно дальше, иначе вся будешь мокрая. В наш билет входит продовольствие. Каждому десятку дали большую оловянную лохань и десять маленьких лоханочек, десять ложек и десять вилок. С большой лоханкой мы должны ходить за кушаньем, из маленьких есть. Посуда остается у нас все время, сами должны ее мыть. Утром кофе, в 12 часов обед и в 6 ужин. В нашем десятке установилось дежурство по два каждый день; дежурные ходят за кушаньем, самое ужасное — моют посуду. Столов и стульев не полагается, мы все расположились на палубе, отчасти на чемоданах, отчасти на полу. Картина получилась очень своеобразная. За ужином дали несъедобное мясо с картофелем. Ножей нет, надо держать кусок на вилке и откусывать. Не жалеют вина: на десяток полагается по три бутылки. Бутылки мы должны беречь и перед каждой едой ходить с ними за вином. Ночью спала на палубе; тепло, надо мною яркие звезды.

13/26 августа. Кругом открытое море. Погода чудная. Раз показались вдали берега Италии и скоро скрылись.

Опять только небо и вода. Теперь выяснилось, что еда ужасная. Утром кофе с сахаром, но без молока, хлеб очень жесткий, невкусный. Сегодня за обедом суп с макаронами и говядина с горохом. Но, несмотря на плохие условия, все очень веселы, ведь мы едем в Россию! О Дарданеллах забыли. В одиннадцатом часу вечера Бриндизи. Наш громадный пароход никак не может пристать: и причаливание продолжается чуть ли не час. Садится много пассажиров, преимущественно русских, среди них граф Витте. На пароход приносят виноград, очень вкусный и сладкий. Спать иду вниз, хочется раздеться.

14/27 августа. Корфу. Останавливаемся на якоре. Нас окружает масса лодок с фруктами; продавцы взбираются на пароход; поднимается суматоха, крик. Накупили персиков, необыкновенно сладкого винограда без косточек и душистых апельсинов на веточках с листьями, очевидно, они только что сорваны. Проходим мимо дворца и парка Вильгельма и греческого короля, масса зелени.

15/28 августа. Море чудное. Во время обеда огибаем почти самую южную оконечность Европы — мыс Матапан, высокий скалистый выступ. Идем на север. Часу в одиннадцатом Пирей. Стали на якоре. Всего в семи верстах Акрополь и Афины, моя мечта многих лет, и я не могу ее осуществить. От пристани идет туда трамвай, еще обиднее становится: знаешь, что через какие-нибудь сорок минут можно очутиться в Афинах, и в то же время они недосягаемы...

17/30 августа. Кошмарные Дарданеллы отошли в область прошлого. Мы шли их в течение пяти часов. Мраморное море сначала походит на озеро, видны оба берега, потом расширяется. Сегодня вместо хлеба давали галеты. Это большие толстые лепешки, их не только есть, даже разломать невозможно; они жесткие, как камень. Побросали в море; может быть, рыбы будут менее прихотливы. Около 11 часов вечера показываются огни Константинополя.

18/31 августа. Мы в Черном море, все страхи кончены.

19/1 августа. Наконец-то мы на русской почве!

Неосуществимое, как казалось в Берне, осуществилось».

ИЗ ДНЕВНИКА РУКОВОДИТЕЛЯ ГРУППЫ

Автор М. Мрост

Берлин. 10 июля. С нетерпением я ждала этого дня. Шесть недель непрерывной напряженной работы по приему экскурсантов, калейдоскоп лиц, масса впечатлений, забот и тысяча административно-хозяйственных мелочей сильно утомили меня, хочется передышки.

В моем распоряжении свободная неделя до приезда первой обратной группы из Лондона.

Знакомая немецкая семья предлагает поехать на взморье, но я не решаюсь покинуть Берлин. В Австрии после сараевской катастрофы назревают грозные события. Легко может случиться, что итальянские и швейцарские обратные группы придется направить вместо Вены на Берлин.

15 июля. Австрия объявила войну Сербии. Всполошилась и Германия.

А между тем у нас несколько групп находятся еще в Италии, Швейцарии, Париже и Лондоне. Решаем поэтому возможно скорее стянуть их в Берлин и отправить их в Россию, благо в Александрове граница еще открыта. Телеграфно сносимся со всеми центрами, чтобы урегулировать прием и отправку групп; опасаемся задержки из-за отсутствия денег.

Хозяйка пансиона старается использовать положение, повышает плату за содержание и ставит массу препятствий. Приходится лавировать: атмосфера очень насыщена, малейший толчок может вызвать крупную неприятность. Русских кредитных денег в банках уже не меняют. Берлин, по-видимому, готовится к войне. Не сегодня-завтра ждут объявления мобилизации. В городе оживленное движение. Тысячи народу съезжаются с курортов и взморья. Все вокзалы буквально запружены багажом. Повсюду только и говорят о грядущих событиях.

17 июля. Немцы негодуют; они не хотят войны. Удастся ли попытка Кайзера «локализовать» спор Австрии с Сербией?.. «Что это Россия вздумала мобилизоваться?!» В воздухе чутся гро-

за. Нам удастся с большими трудностями отправить две группы в Россию. Как-то они доедут!

Воскресенье, 19 июля. Что ответит Россия на немецкий ультиматум? Немцы в тревожном ожидании. Утром приехала группа типографов из Лейпцига. Советуем им поменьше показываться на улицах и при первой возможности уехать. С большой трудностью достаем билеты на Копенгаген (на Александрово поезда уже не идут). Громадный наплыв отъезжающих русских. Вряд ли еще пустят больше двух поездов, а там сношения с Данией прервутся. В 6 ч. вечера должна приехать швейцарская группа (4 а). Мы (С. Ф. и я) спешим на Анхальтский вокзал встретить ее. Молча, по подземной дороге пробираемся к Potsdamer Platz. Весь Берлин на ногах, кафе переполнены. Отовсюду раздается «Deutschland, Deutschland uber Alles» и «Die Wacht am Rhein», исполняемые оркестрами и подхватываемые тысячами голосов. (С. Ф. — Сергей Филимонович Знаменский — о нем в заметке № 21). На вокзале трудно протолкаться. На перрон не пропускают. Поезда приходят с громадным опозданием (10–12 ч.). Масса отъезжающих военных. В 7 ч. вечера делается известным объявление войны России. «Nieder mit Russland» то и дело слышится по всему вокзалу. А мы ждем группу в 60 человек; незаметно пробраться с ней, конечно, не удастся. Остаться на вокзале тяжело, да и небезопасно.

По телефону узнаем, что группе типографов уехать не удалось: она была арестована вместе с руководителем вскоре после нашего ухода. Полиция запретила хозяйке пансиона держать у себя русских. Ожидаемую группу поместить некуда. За пансионом следят. Час от часу не легче.

10 ч. вечера. Поезда из Мюнхена нет. Он мог, однако, прийти и на другой вокзал или оставить пассажиров за городом, с тем чтобы они добрались до Берлина на пригородном поезде. Обходим все вокзалы, группы нет.

11ч. Я одна. С. Ф. ушел. Хорошо, если бы ему удалось еще сегодня уехать в Копенгаген. Остаться в Берлине теперь опасно: мужчин арестовывают.

12 ч.-1 ч. Группы все нет, и я переезжаю с вокзала на вокзал. За мной начинают следить...

2 ч. Пришел наконец Мюнхенский поезд. Schutzmann'ы оцепили наших мужчин и повели их в отдельный зал. Грозный полицейский майор пересчитал их и отдал приказ арестовать. Попытка моя освободить их от ареста не увенчалась успехом, хотя майор выслушал меня и прочитал имевшуюся у меня бумагу прусского министерства народного просвещения. Мужчин увели. Измученные долгим переездом в переполненном поезде, взволнованные арестом мужчин, растерянные, голодные экскурсантки имели ужасный вид. Сдав багаж на хранение, мы молча, крадучись по глухим закоулкам, добираемся до вокзала круговой жел. дороги, чтобы поехать в Charlottenburg: авось нам удастся переночевать в пансионе, хозяйка которого в отъезде; с прислугой легче сговориться...

Мы у ворот дома. Швейцар не пропускает: «Военное время...», «приказ полиции...» После долгих убеждений жена швейцара сжалилась над нами. Мы в пансионе... Авось удастся хоть несколько часов отдохнуть. Сорока кроватей конечно, нет. Располагаемся на полу, кое-как разместившись в пяти комнатах. Мне не спится. В 6 ч. нужно снова ехать на вокзал проводить несколько экскурсантов, оставших от своих групп. Утром последний поезд. Удастся ли освободить арестованных мужчин? Уехал ли С. Ф.?

Понедельник, 20 июля. Мужчины освобождены, успели уехать с последним поездом. К счастью, хватило денег на их отъезд. В пансион явилась полиция. Держала себя довольно корректно. Министерская бумага, предъявленная мной, очевидно, подействовала. Нам посоветовали не показываться на улице, чтоб избежать эксцессов со стороны толпы.

Во время обеда второй визит полиции. Тщательно осматривают прически — нет ли среди нас переодетых мужчин. Приехала хозяйка пансиона; согласна нас держать с условием помогать ей в хозяйстве: одной прислуге не справиться с работой. Мобилизация в полном ходу. Мы не выходит из дому.

Вторник, 21 июля. Утром еду в железнодорожное правление. У меня остались неиспользованными билеты на Александрово на несколько сот марок.

По подземной дороге большое движение; поезда круговой железной дороги ходят реже — каждые 15 мин. вместо 1–1,5 мин. Контролируют билеты женщины. Настроение у публики серьезное, лица озабоченные. На улицах все время слышно пение: резервисты направляются к вокзалам. Прием в правлении вначале довольно суровый: дежурный чиновник отказывается доложить начальнику о моем приходе (он знает, что я «русская»). Я настаиваю и добиваюсь аудиенции. Деньги мне вернули, но вести неутешительные: придется дней десять ждать возобновления пассажирского движения.

По дороге домой пришлось пережить несколько тяжелых минут. Чтобы возбудить ненависть толпы к русским, «объявившим войну» (?!), выпускались провокационные листки: то «русская нигилистка» бросила бомбу под автомобиль крон-принца и убила его, то русские оказали вооруженное сопротивление при обыске и убили нескольких немцев. Сейчас русские среди бела дня стреляют в городских. Один из пассажиров подземки был сам свидетелем того, как одна русская убила городского на Witteubergen Platz. Немцы негодуют, раздается ругань по адресу русских, требование выселить всех русских из Берлина. Я не сомневалась, что это провокация. Хоть до ближайшей станции было 3–4 минуты езды, мне оно казалось вечностью. До 9-ти часов вечера поглощена устройством группы, стараниями оградить экскурсанток от могущих их встретить неприятностей. Идут аресты, обыски у русских, почти всех мужчин забрали; судьба их неизвестна. Говорят, что увезли в Spandau и Doberitz, как военнопленных; носятся слухи, что обращение в участках очень грубое, что толпа позволяет себе издеваться над русскими, ругать их, оплевывать.

Меня особенно интересует судьба моей хозяйки (она очень большая женщина), еду проведать ее.

Среда, 22 июля. Вернуться к экскурсанткам вчера вечером не удалось: меня арестовали; ночь я провела в участке. Уже

несколько раз в течение дня полиция справлялась обо мне на квартире. Не успела я приехать домой, как за мной явились три дюжих schutzmanna. Предупредивши меня, что я обратно не вернусь, они настаивали, чтобы я взяла с собой все свои вещи. Захватив самое необходимое, я последовала за ними. Женщина, сопровождаемая городскими, явление в Берлине необычное, поэтому толпа провожала нас до самых дверей участка, и из нее раздавались враждебные выкрики по моему адресу.

Участок. Приемная комната. Сидят несколько русских. Я среди них единственная женщина. Краткий допрос и предложение подождать лейтенанта (нечто вроде нашего пристава). Ожидание длится часа 1,5–2 «Очевидно, его сегодня не будет, придется ждать до утра», — спокойно замечает один из дежурных. Мне предлагают лечь в темной камере на нарах; дают арестантское одеяло. Я здесь не лягу, а буду сидеть до утра в приемной — категорически заявляю я. «Вы обращаетесь со мной, как с преступницей; я себя таковой не чувствую, здесь какое-то недоразумение. Я не буду спать в сарае, где ночуют пьяницы и бродяги». «Воля ваша, у нас другого помещения нет».

Я вернулась в приемную. Через несколько минут мне предложили комнату дежурного телефониста. «Лучше уберу это, всяко бывает», — сказал мне schutzmann, снимая со стены висевшие на ней револьверы. Дверь закрывается. Я одна с тяжелой думой, что будет с группой, если меня надолго задержат, как передать в пансион некоторые распоряжения...

Телефонные звонки, распоряжения о новых арестах, обысках, называют ряд фамилий, среди которых немало немецких. Снова тишина. Усталость берет свое. Я начинаю дремать, засыпаю. «Heraus», — вдруг раздается надо мной.

Преодо мной огромного роста schutzmann с искаженным от злобы лицом... Я встаю и выхожу в приемную. До меня доносится зычный голос возмущенного до глубины души пруссака: «Как можно впускать «русскую» в телефонную комнату, где хранятся важные документы, слышны телефонные распоряжения?»

«Сейчас мое дежурство, я за все отвечаю... По какому праву ты потревожил даму, разве ты знаешь, кто она?! Ты не смеешь этого делать, убирайся!..»

«Мне все равно, она русская, и этого достаточно...»

Через несколько минут все успокоилось. Наделавший столько шуму schutzmann ушел.

«Вы простите, это страшный русофоб, он готов всех русских потопить в ложке воды. Не все из нас понимают, что вы не ответственны за войну и приехали сюда с культурной целью поучиться у нас. Ложитесь, я ручаюсь, что никто больше не посмеет вторгнуться к вам...» В три часа ночи резкий звонок, шум, крик. Я вскакиваю и выхожу в приемную. Оказывается, привели пьяного плачущего немца. Толкнувши его в угол комнаты, шуцманы грубо и сурово приказали ему смирно сидеть. Начался допрос. Schulz (так звали приведенного молодца) провел весь вечер в ресторане; разговоры о войне, а еще больше, вероятно, пиво, вдохновили его на патриотический лад. Подняв кружку, он произнес тост в честь императора. Кто-то из присутствующих осмелился в это время сидеть, держа руки в кармане. Это так возмутило Schulz 'а, что он выплеснул пиво ему в лицо. Завязалась драка, в результате которой Schulz очутился в участке.

«Я патриот, люблю нашего императора, разве я не имею права вступить за его честь», — всхлипывая, причитал пьяный.

«Вы женаты?» — продолжал schutzmann.

«У меня жена и двое детей».

«Лучше бы сидели дома, в кругу своей семьи, а не шлялись по кабакам, чтобы в пьяном виде провозглашать тосты», — поучал его schutzmann.

Через несколько минут Schulz'а отпустили, хотя он слезно умолял оставить его переночевать в участке: он боялся выйти на улицу, где его могли снова побить.

В 6 час. утра участок просыпается. Дежурные сменяются... Мне предлагают умыться, через 0,5 часа приносят кофе.

«Вчера я вас пощадил и не сказал всей правды: вас сейчас передадут военным властям, вы обвиняетесь в шпионстве. Впрочем,

может быть, имеющиеся у вас документы спасут вас. Вы внушаете мне доверие, я думаю, что обвинение неосновательно. Все же пока дело выяснится, может пройти довольно много времени: у нас масса дел, вас, русских, арестовано очень много. Мужайтесь, будьте по-прежнему спокойны и держите себя непринужденно».

Всех арестованных зовут в отдельную комнату, запирают окна и двери. Schutzmann одевает каску: он при исполнении своих служебных обязанностей. Мы, арестованные, обязаны беспрекословно всему подчиняться. Военная дисциплина!

«Смирно сидеть, не смей разговаривать, ждать дальнейших распоряжений». Проходит несколько минут напряженного ожидания.

«Привести даму», — слышу я за дверью. Лейтенант окидывает меня испытующим взором.

Предъявив ему все свои документы, я прошу позволения объясниться, доказываю неосновательность каких бы то ни было подозрений относительно меня; ссылаюсь на знакомство с немцами, занимающими видное общественное положение.

Лейтенант совещается с товарищами, и мне объявляется следующая резолюция: «Мы ошиблись, вас приняли за другую; можете идти домой, вы свободны».

Мне повезло — я была в пригородном участке; в самом Берлине нельзя было бы так легко отделаться.

Пятница, 24 июля. Личность моя удостоверена; оснований для ареста больше нет. Я чувствую себя свободнее в действиях, хожу к знакомым русским, немцам, которых мне необходимо видеть по делу. Деньги у нас на исходе; нужно как-нибудь устроиться, тем более, что наше пребывание в Берлине затягивается и может длиться неделями.

В испанском консульстве мне категорически заявили, что на денежную помощь рассчитывать нельзя. Я решила поэтому, обратиться в берлинскую городскую управу (Magistrat). Запасшись документами, я направилась к знакомому немецкому адвокату (он гласный городской думы и член рейхстага). Узнаю от него, что по закону город обязан нас содержать, раз мы не могли выехать по

обстоятельствам, от нас не зависевшим. По моей просьбе адвокат едет со мной в магистрат. Нас приняли очень любезно, и у меня является надежда получить материальную поддержку от управы на все время нашего вынужденного пребывания в Берлине. После непродолжительного разговора мне вручили официальное письмо хозяйке пансиона, в котором мы жили. Она приглашалась явиться на следующий день для заключения контракта, в силу которого город уплачивал бы ей по три марки с каждой экскурсантки, т. е. в общем 129 марок в день!

Едем с хозяйкой в магистрат. По дороге между нами завязывается задушевная беседа, из которой выясняется, что в Берлине она живет всего года два. Дочь ее страдает припадками меланхолии; единственный сын взят на войну. «Зачем эта война, кому она нужна?» — заканчивает она свою печальную историю. В управе мы узнали, что предполагавшаяся ассигновка в три марки на экскурсантку не утверждена. «Русские не должны, по мнению управы, получать помощь в большем размере, чем немцы; у нас и без того много жен запасных, детей, безработных, нуждающихся в общественной помощи». Хозяйка идет на уступки и соглашается получать по 1,5 марки в день, которые ей предлагает член управы, но только за соответственно более скромное содержание и в этом смысле готова подписать контракт с городским управлением. Окончательный ответ нам обещан через несколько часов. Во время нашего собеседования какой-то чиновник докладывает члену управы, что в распоряжении управы имеется барак на 45 кроватей при приюте для бедных (Armenasyl); таким образом, помещение ничего городу стоить не будет, а прокорм в приюте обойдется во всяком случае дешевле 1,5 марок в сутки.

«Позволяю себе указать, что даже в условиях военного времени помещение народных учительниц хотя бы враждебной нации в приюте для бедных не соответствует традициям культурной Германии и ее обычному уважению к школьному учителю», — заметила я, чтобы дать понять, что мы на предложение управы не согласимся.

Член управы поспешил успокоить меня: он вполне соглашается со мной. Это, однако, не помешало ему прислать хозяйке в тот же день заявление приблизительно следующего содержания (я цитирую на память, но помню содержание в точности):

«Милостивая Государыня!

К великому нашему сожалению, мы не можем ассигновать большой суммы для русских учительниц. Ввиду этого предлагаем вам переехать в приют для бедных, где приготовлен совершенно отдельный большой барак на 45 кроватей. Русские учительницы будут в нем совершенно изолированы от немцев. Советуем вам переехать в приют ночью, во избежание каких бы то ни было неприятностей со стороны толпы. Обратитесь в ближайший полицейский участок с просьбой послать 2–3 городских для вашей охраны. Заведывающий приютом предупрежден. Будьте любезны сообщить ему по телефону о времени вашего прибытия».

Хозяйка (frau Zwick) пришла в негодование, нас не отпустила; соглашается получать плату за одно только наше пропитание. От группы я скрыла ответ управы. Зачем без нужды расстраивать людей! Они и без того тяжело реагируют на свое положение. Вынужденное бездействие, отсутствие книг, неопределенность положения — все это и так уже дало себя знать.

3 августа. Давно ничего не записывала, а сколько было пережито!

Хочется сказать еще несколько слов о нашей хозяйке. Созвано было собрание союза содержательниц пансионеров (Pensionsbesitzerinnenverein). Цель собрания — выработка правил, обязательных для всех пансионеров, по отношению к иностранцам.

«Сейчас военное время, мы должны чем-нибудь проявить наш патриотизм и дать почувствовать иностранцам, что они во вражеской стране! Пусть дороже платят! Нам есть кому помогать, сколько жен и детей запасных!» — ораторствовала одна из собрания.

Присутствовавшая тут же наша хозяйка заявила: «Я считаю ниже своего достоинства оставаться членом общества, которое требует от меня мести ничем неповинным русским учительницам. Не с ними воюет Германия! Я выхожу из союза».

Экскурсантки не могут простить немцам своего плена. Мобилизация давно прошла, а выезд из Берлина запрещен. Они нервничают, беспокоятся о доме, боятся потерять свои места. Ненависть к немцам растет. Описанное выше заседание немецких хозяек подлило масло в огонь; нашим тяжелее стало. А немцы ликуют, весь Берлин расцвечен флагами: началось их победоносное нашествие на Бельгию и Францию.

5 августа. Шпиономания дошла до крайних пределов; начали преследовать своих же: арестовывали даже баварских офицеров и вообще военных, форма которых была мало знакома. Однажды распространился слух, будто Франция посылает России золото, которое будет перевозиться в автомобилях. И вот полиции отдается приказ — останавливать автомобили. Погоня за ними длится недели две. Лишь после того, как убили одну княгиню, спешившую на заседание Красного Креста, одного помещика, члена рейхстага, и еще несколько других немцев, охота за автомобилями прекратилась.

Каждый немец считает своим долгом ловить шпионов. За нашим пансионом, конечно, следят. Первое время экскурсантки не выходили; теперь гуляют маленькими группами по 2–3 человека, но возвращаются домой не позже 6–7 часов вечера, когда по улицам и в кафе большое оживление: ждут вечерних известий, телеграмм. Неистовства немцев постепенно стихают. В газетах и на столбах появляются воззвания: не подобает де культурной нации проявлять варварство относительно мирных жителей, поневоле застрявших в Германии; ведь не с ними ведется война; свою мощь Германия покажет на поле брани; там можно будет померяться силами. Дни тянутся за днями. Мобилизация давным-давно кончена; пассажирское движение постепенно восстанавливается, но иностранцам выезд из пределов Германии все еще воспрещен.

6 августа. Сегодня была в испанском консульстве, которое взяло на себя охрану интересов русско-подданных. Русских принимает здесь один из секретарей выехавшего русского консульства. Сотни народа осаждают консульство в надежде узнать, когда же можно будет наконец покинуть Берлин, нет ли каких-нибудь уте-

шительных известий из России, будет ли оказана материальная помощь нуждающимся, можно ли послать телеграфно весточку в Россию. Часами приходится ждать очереди, и чего-чего только тут не пришлось увидеть и услышать! Первые дни консульство служило настоящей ловушкой; немецкая полиция арестовывала всех, приходивших туда мужчин от 15–16 лет до 50.

Женщины доходили до обморока от усталости, голода, отчаяния. Многие с детьми и вещами располагались тут же на улице, в гостиницах их не принимали. Одна дама с больным ребенком умоляла дать ей под аккредитив в 15 тыс. марок хоть немного денег, чтобы не остаться на улице ночевать. Одна учительница института поступила в качестве горничной-няни в нем. семью; другая учительница помещена была полицией в Hospiz, третья — в приют для бедных. Начальницам гимназий, заведывающим училищами приходилось жить на 20–30 пфен. в день. Рассказывали о случаях психического расстройства. Мы, оказывается, находились в еще сравнительно хороших условиях. Но экскурсанткам не легче от того, что другим плохо. Они начинают нервничать.

Приближается начало учения, многие опасаются лишиться мест за несвоевременное возвращение.

8 августа. Безденежье сильно дает себя чувствовать, а об отъезде и думать не приходится.

Но нет положения, к которому человек не приспособился бы; иной вопрос, какой ценой это достигается. Экскурсантки распределили между собой все обязанности по хозяйству, назначили дежурства. Некоторые очень рьяно чистят картофель и овощи к обеду, заваривают чай, убирают столовую, выдают обеды и ужины. День распределен: по утрам группами читают вслух, изучают немецкий язык, шьют, вышивают. В час обед, который ждут обыкновенно с нетерпением: я сообщаю газетные «новости» либо то, что удастся узнать стороной. Во время ужина (7 ч.) та же жажда новостей, либо бесконечные разговоры об отъезде. Мы живем полными отшельницами, никто к нам не заходит. Чувствуем себя в пансионе, где помимо нас никого нет, свободно. Нам позволяют даже стирать и гладить белье. Вре-

мя за работой не так мучительно тянется. Меня снова требуют в полицию. Я даю подписку о невыезде из Берлина и обязуюсь каждые три дня являться в полицию. Некоторые экскурсантки просят поехать на вокзал, разыскать недостающий багаж. Мы обошли все склады Fundbureau, все багажные отделения; нам всюду любезно предоставляли возможность искать наши вещи. К сожалению, мы ничего не нашли. Не могу не упомянуть об отношении полиции к нам на этом же вокзале.

Одна из экскурсанток осталась без паспорта (муж ее был арестован в момент приезда, но его на следующее же утро выпроводили в Россию; паспорт у супругов был общий). В консульстве этой экскурсантке наотрез отказались выдать какой бы то ни было вид на жительство, несмотря на то, что положение ее было самое критическое ввиду очень строгой проверки паспортов. Пришлось достать свидетельство полиции об аресте и высылке мужа. Так как экскурсанты были арестованы на вокзале, я и обратилась к вокзальной полиции. В дежурной комнате находились несколько шуцманов. Я изложила свою просьбу о свидетельстве. Они колебались исполнить ее без разрешения лейтенанта. Мне удалось однако их переубедить, и один из шуцманов сел было уже писать его. В это время вошел лейтенант; ему доложили о моей просьбе. «Да это наша священная обязанность дать даме удостоверение, иначе у нее могут выйти неприятности», — последовала его резолюция.

9 августа. Из немецких газет я узнала, что Петроградская академия наук выхлопотала разрешение на отъезд немецким ученым, приехавшим в Россию наблюдать солнечное затмение. У меня мелькнула мысль использовать это известие в интересах возможно скорого освобождения экскурсанток из немецкого плена и обратиться с соответственной просьбой в прусское министерство народного просвещения (kultusministerium). Больших надежд на успех я, правда, не питала, так как наш отъезд зависел от военного министерства и министра внутренних дел. В Берлине скопилось к этому времени до 25 т. русских, и нам важно попасть в первую очередь. В числе застрявших в Бер-

лине было много русских с видным общественным положением (члены Государственного Совета, Думы, финансисты и т. д.). Все они хлопотали о разрешении на выезд, о материальной помощи нуждающимся. Первой откликнулась еврейская берлинская община, которая стала помогать русским (без всякого различия национальности) деньгами, давала приют. Затем взялись за организацию помощи русским также несколько немцев с.-д. и, надо им отдать справедливость, вложили много души и энергии в это дело. Так как немецкое правительство заигрывало в это время с с.-д., то скоро им удалось добиться разрешения организовать официально комитет для помощи русским. Было созвано предварительное собрание, на которое явились и официальные представители немецкого правительства, директора банков, общественные деятели и испанский посол. Один из присутствовавших немецких общественных деятелей нарисовал тяжелую картину положения русских, привел много фактических данных и, между прочим, говоря о нашей группе, упомянул о предложении магистрата поместить нас в приют для нищих. Речь его произвела впечатление. Нами заинтересовались, начались специальные сборы в нашу пользу.

Председательствовал в вышеуказанном собрании популярный в Германии историк-профессор Schiemann, не раз бывавший в России. По просьбе профессора Н. И. Кареева, застрявшего в Дрездене, Schiemann согласился принять участие в организации помощи русским. Когда дело было налажено, в комитет был приглашен и сам Кареев. Schiemann телеграфно вызвал его в Берлин и помог ему получить разрешение берлинского коменданта на право пребывания в столице. (Профессор Кареев Николай Иванович — русский историк и социолог, педагог. Член кадетской партии. В 1914 году находился в немецком плену. Умер в Ленинграде в 1931 году. — Примечание Г. Л.).

10 августа. Я познакомилась с Н. И. Кареевым. Сегодня мы были с ним у проф. Schiemann'a. Последний близок ко двору и пользуется большой популярностью среди немцев. По моей просьбе Schiemann согласился лично поговорить с комендан-

том о нашем отъезде, и я передала ему официальный список группы.

11 августа. Сегодня узнала о результате хлопот проф. Schiemann 'а. Нам будет оказано предпочтение: мы будем отправлены первым поездом. Деньги на дорогу обеспечены. Н. И. Кареев был у нас в пансионе, познакомился с группой. Он принимает в нас очень теплое участие.

12 августа. Весть о нашем успехе быстро распространяется среди русских; к нам начинают обращаться с просьбами присоединить их к экскурсии: учительницы, начальницы, заведывающие училищами — всем важно возможно раньше попасть в Россию. Мы решаем организовать всех педагогов и лиц, имеющих отношение к учебному ведомству, чтобы подать коллективную просьбу о совместном с нами отъезде. Комитет, членами которого были профессор Кареев, князь Бебутов и др. русские, конечно, сочувственно отнеслись к нашему предложению.

Князь Бебутов — ДАВИД ИОСИФОВИЧ БЕБУТАШВИЛИ (БЕБУТОВ) родился в 1859 году. Представитель тифлисского армянского рода. Окончил Пажеский корпус, офицер в лейб-гвардии Преображенском полку, в 1895 г. вышел в отставку и перешел на службу в дворцовое ведомство. В начале XX в. увлекся общественной работой, принял активное участие в организации Партии народной свободы (кадетов) и от нее был избран депутатом I Государственной думы. Масон, секретарь ложи «Полярная звезда» в Петербурге, затем секретарь Верховного совета всех русских лож «Великого Востока» во Франции. Однако в феврале 1910 г. чрезвычайное собрание масонских лож, опасаясь усиления его влияния, объявляет русское масонство «уснувшим», приостанавливая его деятельность, что позволило отстранить Бебутова и его единомышленников от руководства. Свою библиотеку и коллекцию документов и нелегальной литературы XIX–XX вв. князь перевез на специально снятую квартиру в Берлине. Его архив посещали русские революционеры-эмигранты, в том числе Ленин. Застигнутый в Германии началом Первой мировой войны, он создаёт комитет для

помощи интернированным русским, организует их отправку на родину через Швецию. Сам князь Бебутов вернулся в Россию в конце 1916 г. При Временном правительстве был обвинён в связях с немцами (участии в секретных переговорах о сепаратном мире с Германией), был помещён под домашний арест, у него прошел обыск, но дело было прекращено за отсутствием доказательств. Умер в 1923 году.

Оставил 600 страниц воспоминаний, где рассказывает, как дал Азефу 12 тысяч рублей для убийства Николая II. Архив князя представляет собой крупную коллекцию партийных документов предреволюционного периода. Свои права на него предъявляли, как меньшевики, так и большевики. В настоящее время архив находится в Париже.

Я по целым дням занята: запись громадная; народу много, трудно всех удовлетворить. Китайская стена, которая отделяла экскурсантов от внешнего мира, рушилась, к нам ходит масса народу. Во избежание неприятностей, я заявляю полиции о своем участии, хотя и не официальном, в комитете. С каждым днем крепнет надежда на скорый отъезд.

16 августа. Хозяйка требует большей платы и надеется на мою поддержку. А у нас и без того долг больше, чем на тысячу марок (мы приютили несколько человек, бывших в особенно тяжелых условиях, да нас 43 человека).

С большим трудом убедила хозяйку согласиться на условленную плату (2 м. в день). Она, видимо, недовольна, требует письменного обязательства выслать деньги из России, не стесняется даже требовать залога: у экскурсанток-де есть золотые вещи. Наши обижены, негодуют; ненависть к немцам находит новую почву. Конечно, никаких обязательств и залогов давать не будем. Зато удалось убедить комитет уплатить за нас долг. Обещаем лишь «добровольно» прислать из России еще немного денег.

20 августа. День Седана Берлин в этом году праздновать не будет; обычный военный парад отменен. Но берлинцы не лишены приятного зрелища: на Unter den Linden будут выставле-

ны трофеи войны: бельгийские, французские и русские пушки, в которые будут запряжены настоящие «казацкие» лошади. Берлинское население приглашается воздержаться от осмотра этих трофеев в первый же день во избежание чрезмерного скопления народа.

22 августа. Сегодня в комендатуре начинается выдача билетов на отъезд. Каждый пассажир первого класса обязуется оплатить 2 билета третьего класса, а пассажир II класса — один билет III класса. Таким образом, будет обеспечен хоть отчасти отъезд неимущих. Билеты пришиваются к паспорту, который снабжается штемпелем комендатуры. Без этой пометки выезд не разрешается. Нам удалось получить билеты на первый поезд. Едем на Швецию. Берлин — Гёфле, затем пароходом до Рауме (Финляндия), оттуда в Петроград. Отъезд в субботу 23 авг. в 10 ч. вечера специальным поездом на 1200 человек. Экскурсанты довольны — наконец-то наступил давно желанный день! Начинаются сборы в дорогу, идет тщательная «чистка» багажа, уничтожение всех писем, записок, заметок, чтобы не было никаких задержек на немецкой границе. Мне предстоит еще сделать последний визит в полицию: я должна заявить о нашем отъезде.

В полиции — недоумение. Паспорта с пометкой комендатуры о разрешении выезда успокаивают всполошившихся полицейских. Я прошу прислать на всякий случай охрану при отправке багажа. Мне советуют ехать на вокзал не всем вместе, а маленькими группами.

23 августа. Весь день проходит в хлопотах. Многие нам завидуют. Некоторые в отчаянии, узнав, что профессор Кареев уезжает вместе с группой. Немцы, члены комитета, обещают хлопотать об оставшихся мужчинах-педагогах. Врачи тоже организовались; им разрешен выезд, но установлена известная очередь. Необходимо, чтобы в каждом поезде было несколько врачей, так как едут и больные с курортов. С нашей группой едет женщина-врач. Она запаслась дорожной аптечкой.

Последний ужин. Мы спешим на вокзал. Прощание с хозяйкой холодное. Досадно, что в бочку меда она влила ложку дегтю. В 8 час. мы уже на вокзале, хотя поезд уходит только в 10 ч. Наплыв публики громадный. Нам удается сдать багаж носильщикам и поручить им занять отдельный вагон. Сами становимся в очередь. Пропускают публику медленно, так как идет тщательная проверка паспортов. Полицейский и военный наряд с мешками в руках требует отдачи писем и грозит арестом в случае неподчинения. Публика спешит очистить карманы. За полчаса до отхода поезда на перрон являются все члены комитета помощи русским. У некоторых в руках цветы, которые они раздают отъезжающим русским, главным образом, тем, кто им помогал в трудном деле организации помощи. Теплое, задушевное прощание. Нас просят написать с дороги.

«Надеюсь, что наступит другое время, будет мир, мы снова увидим всех вас у себя», — говорит мне немец, когда поезд уже тронулся. Бесконечно болит душа об оставшихся.

Невольно мне вспомнилось обычное душевное состояние, когда я ежегодно оставляла Берлин. Как оно разнилось от теперешнего. Образовалась пропасть между нами и вчерашними нашими друзьями. Как немцы не-шовинисты могут простить Вильгельму Лувен, Бельгию! Когда они очнутся от патриотического угара и прозреют? Это пробуждение начинается уже у отдельных личностей. Когда-то оно сделается всеобщим? Сколько жертв еще потребуется для этого! Что сейчас у нас в России? Ведь мы почти шесть недель были совершенно отрезанными от нее. Предстоящая дорога волнует; хоть бы благополучно добраться до дому!

Петроград, 28 августа ст. ст. Вчера мы благополучно приехали. Нужно отдать справедливость организаторам нашего переезда: все было образцово устроено, нигде никакой задержки, всюду приготовлены поезда, заказаны пароходы. Ехали все время прекрасно. Прием шведов тронул нас до слез. На больших станциях были приготовлены бутерброды, чай, молоко, фрукты, даже папиросы; все это в изобилии предлагалось нам всем бесплатно. В Калеберге нас

встретили члены городского управления; ученики школ были освобождены от занятий, чтобы встретить и угощать русских. Для меня радушие шведов было особенно неожиданно: в Берлине немцы уверяли, будто шведы нас пропустить не хотят и что потому-де так долго и затягивается наш отъезд. Между тем, все население Швеции оказывало нам по дороге самый радужный прием, на вокзалах нам оказывали массу услуг, отправляли телеграммы, письма, давали охотно всякие указания, вступали в разговор, расспрашивали о нашем самочувствии. В Гефле на берегу были расставлены столы с различными яствами, чтобы мы могли подкрепиться с дороги.

В Рауме нас пригласили после обеда осмотреть здание учительской семинарии.

Переезд через Ботнический залив утомил меня (меня сильно качало). Из Рауме в Петроград я поэтому поехала ближайшим поездом, в котором был только II и I кл. Группа же экскурсанток выехала двумя часами позже. На вокзале в Петрограде масса народу; к нам бросились с расспросами. Случайно я имела возможность дать сведения о некоторых оставшихся еще в Берлине... Городская управа, еврейская община, польское общество предлагают приезжающим помощь, квартиры для ночлега. Я обратилась к члену городской управы с просьбой устроить на ночь нашу группу, которая должна приехать через несколько часов. Я вышла встретить группу, пришлось ждать довольно долго, так как поезд пришел с опозданием. В двух вагонах электрички, заказанных городской управой, нас доставили в приют для нищих (на углу Торговой и Английского проспекта).

Было уже около 12 часов ночи. Я раздала экскурсанткам деньги для дальнейшего проезда и условилась встретиться с ними на следующее утро. Получив на ужин чай с черным хлебом, экскурсантки кое-как устроились на ночлег: свободных мест для всех не оказалось. Утром на следующий день простилась с группой. Экскурсантки разбрелись по всем концам России. Своей заграничной поездки они, вероятно, так скоро не забудут. Стольких впечатлений, они, конечно, не ждали. Но что значили наши переживания в сравнении с общим бедствием?»

ВЕНЕЦИЯ. ПЛЕН И ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Автор неизвестен

«Сколько читалось и говорилось в свое время о Венеции! И так хотелось хоть одним глазком взглянуть на «водяной город». Признаюсь, неровно сердце билось, когда приближались к огонькам Венеции. Был уже вечер; в вагоне полумрак; все прилипли к окнам.

Приехали. Вещи гондольеры укладывали в черные гондолы, а мы торопливо усаживались на пароход. Как было бы хорошо, если бы не смутная тревога в душе, рожденная слухами о предстоящей войне. Разместили нас по несколько человек в довольно грязных (таких большинство в Венеции) переулках. «Пикколло» притащили вещи и, конечно, попросили прибавки «ancora dezi centesimi». Затхлый воздух комнаты поразил нас, пришлось открыть первым долгом окно, но на другой день мы очень пожалели об этом: вся «наша квартира» была в красных точках — нас искушали москиты. Впечатление от Венеции испорчено. Подымается вопрос, не лучше ли возвращаться сразу в Россию, не оставаясь здесь положенных по маршруту дней. Руководители успокаивают, и группа остается. Утром отправляемся на площадь св. Марка, где происходит традиционное кормление голубей. Площадь эта исключительная во всех отношениях, нет другой такой в мире. Ее называют «приемной залой Венецианской республики». Действительно, это скорее зал, чем площадь в обычном смысле слова: пол мраморный, кругом 3 дворца тоже из мрамора, а с четвертой — Собор св. Марка с 4-мя бронзовыми конями. Здесь смешение всех стилей, всех вкусов, настроений и эпох! Подымаемся на колокольню, откуда видна вся Венеция. Входим в собор. Прежде всего поражает обилие мозаики, которую так любят венецианцы. Много уже знакомых нам византийских святых и др. аллегорических фигур. И так весь день ходим, смотрим и слушаем, но душа двоится: одной своей половиной она уже в России, откуда вести все тревожней.

Все же вечером группами собираются экскурсанты на Пьяцетте, усаживаются в гондолы слушать серенады... То там, то здесь мелькают «черные птицы» с искрящимся глазком-фонариком

на носу гондолы. Вот мы скользим по переулочкам — пикколо — каналам, едва освещенным. Тихо и грустно немножко. Умолкли разговоры. Каждый занят своими мыслями. Вот мы опять в Большом канале. То там, то здесь попадаются лодки с массой больших круглых цветных фонарей — это певцы. Их окружают гондолы со слушателями.

Слышали мы традиционную «Santa Lucia» и др. народные песни, которые чередовались то с более легким жанром, то с ариями из опер. В антрактах по гондолам шагает сборщик с кошельком, и всякий опускает свою лепту в 10 и 20 centesimi.

Возвращаемся домой поздно по Прямой улице (она на самом деле ломаная); магазины закрыты, но публика еще не разошлась. Мужчины бросают далеко не скромные взоры. И не только ночью, но и среди бела дня норвят «заговорить». В особенности глядят на блондинок, так как тициановские женщины с золотистыми волосами в далеком прошлом Венеции; теперь нет ни одной такой венецианки. Вообще бросается в глаза отсутствие на улицах женщин. Их чрезвычайно мало, тогда как мужчины толпами на улицах и площадях. Невольно задаешь себе вопрос, когда они работают, что их постоянно так много на улицах?

Потому ли что Венеция иным не нравится, а другие рвутся в Россию, собрались все в «Ferrari Bravo», волнуются, жужжат: в Австрии мобилизация — это плохой признак. Волнуются, но почему-то решают остаться еще на день. Зачем? Недоумеваю, но покоряюсь, так как, говорят, на Вену все равно уже ехать нельзя: границу вот-вот закроют, и одной опасно вырываться.

Тревога растет, и я почти не воспринимаю того, что говорит руководитель о дворце Дожей. Вечером приехал руководитель из Неаполя. Говорит горячо, он очень взволнован: «Ехать нужно сейчас же и непременно на Берлин. В Вене манифестации и движение прекращено»... У руководителей денег нет: почта и телеграф не действуют, и «Москва» не могла прислать для нашей группы. Положение скверное, но не безнадежное. По подписке собираем со всех экскурсантов своей группы, сколько кто может, на коллективную сумму покупаем билеты. До Мюнхена едем бесконечно долго.

На каждой станции толпы народа. В Мюнхене ночью. Много шуцманов и публики. И. Аб. сообщил, что война с Австрией объявлена, и что мост какой-то взорван... Экскурсанты чрезвычайно взволнованы. Пробираемся с вокзала с обходами и, так как, несмотря на поздний час по Bayerntsrasse и у вокзала толпы манифестантов. Мы, как воры, молча пробираемся по 2–3 человека в разные пансионы (виват Аб-чу! Он все это замечательно хорошо устроил, экспромтом). Hospiz закрыт для экскурсий, т. к. кампания закончена, притом теперь 3 ч. ночи. Настроение подавленное... Целый день не ели, ночь в вагоне без сна. Для отдыха было всего лишь 3 ч. — в 6 утра пришлось встать, «бежать» в Hospiz (сборный пункт) и на вокзал. Поезда полны. Носильщиков нет... На перроне толпы. Втаскиваем вещи, выбиваясь из сил, и устраиваемся в проходах. Кое-кто уселся на вещах. Остальные стоят. Я стояла 6 час, пока не ушла какая-то немка с ближайшей лавки. Немного провизии было куплено, но так как все мы были размыканы по разным вагонам, то далеко не все ели. В том числе и я, т. к. не было немецких денег, чтобы купить на станции. Да и рискованно было выходить: шум на станциях необычайный, плач и пение гимна. Оказывается, мы едем с резервистами, которые подсаживаются на каждой станции, их приветствуют громкими криками, машут платками. У каждого моста стоят добровольцы-солдаты с ружьями и национальными повязками. Стоим на станциях и среди поля по произволу, и 10 м., и час. Едем от Мюнхена до Берлина 18 часов!

По-русски говорить нельзя. Время тянется мучительно долго. За час (приблизительно) до Берлина отобрали у нас паспорта, и тогда как немцы сразу прошли в город, мы беспомощно стояли на перроне, не зная, что делать, как двинуться дальше. Увидели в толпе Мальвину Марковну, обрадовались необычайно, все верили в нее.

Но вот дамам возвратили паспорта, а мужчин наших арестовали, обыскали и увели... С тех пор мы их не видали. Говорят, что они утром уехали с последним поездом через Торнео. Одни уверены, что они проскочили и завидуют им, другие предполагают, что застряли где-нибудь по дороге, и со страхом думают, что с ними?

Нас привели в пансион, где мы разместились по 6–8 и 10 человек в комнате. Спим на полу. Обещают через несколько дней выпустить, чуть только кончится мобилизация. Но дни за днями идут, как тени. Так проходит месяц. Целый месяц! Даже больше — 5 недель!

На другой день (по приезде) пришел шущман, чтобы убедиться, нет ли среди нас переодетых мужчин, и заставил нас продефелировать перед ним, он осматривал волосы.

Первую неделю мы совершенно не выходили из пансиона, так как на улицах творилось что-то невообразимое. Манифестации достигали колоссальных размеров и переходили в нечто стихийное. Не дай Бог попасть в такой момент в толпу и обнаружить, что ты русский. Итак, мы военнопленные. Почему? Зачем? Явная бессмыслица держать случайно, проездом арестованных женщин! Долго томились, тосковали, не обошлось и без слез, но смирились, т.к. узнали, что в Германии арестовано около 75 тысяч русских, и многие находятся в безвыходном положении: из пансионных их выгнали, и они остались без денег и без крова. Мы считались счастливыми, нам завидовали: ведь мы имели горячее каждый день, а другие — только хлеб!

И вот организовали мы дежурства по кухне, столовой и своим комнатам, так как одна прислуга не в состоянии была бы справиться с 40 человек, притом она была яркой патриоткой и вовсе не хотела служить русским!

Чистим картофель, моем посуду, полы и «ванную». Сами стираем белье, так как денег нет немецких, и ни один банк не меняет. Кормит хозяйка в долг и поэтому скверно: похлебка, чечевица с картофелем или морковь и т.д.; вечером хлеб с намеком на колбасу или сыр. Рисовая каша и суп с сосисками были самыми лакомыми блюдами. Хлеба уничтожали огромное количество, черствый зачастую и кислый, он все же съедался с аппетитом. И посторонние (русские) нам завидовали: «счастливые — едят горячее», а Эмилия (служанка фрау Цвик) издевается: «Я лучше ем, чем вы у нас! Это только свиньи едят и коровы». Противная она была ужасно. Расколотит посуду, а хозяйке скажет, что мы.

Назло нам стирает свое грязное белье в той посуде, в которой моются наши чашки, тарелки и т. п. Притащит на балкон свое белье, а наше в кучку сдвинет. Грубит при всяком удобном и неудобном случае. Да мало ли еще, всего не расскажешь. Душа заболит, заплачешь и идешь к «консулу» утешаться. Конечно, консула самого никто из нас и в глаза не видел, но зато кто же не «потолкался» в толпе у подъезда на улице среди своих «соотечественников», кто не пытался «узнать», когда мы уедем?! Стоишь, бывало, часами и ждешь «доктора», он узнавал «новости» у консула и сообщал массе. Но часто (увы!) ответы консула (испанского) были так уклончивы, все построены на «кажется», «но» и «может быть». А тут и в Россию нельзя дать знать. Нельзя не только уехать, но и узнать, когда уедешь. Мучительно!.. Но вот кто-то принес от консула радостную весть — можно послать телеграмму через Бухарест и испанское посольство, за это нужно заплатить несколько марок; можно написать казенный текст: «здорова» или «пришлите столько-то» (Но денег так никто и не получил в ответ на эти телеграммы!)

Через некоторое время стали менять русские деньги (жаль, что менять-то у нас почти нечего было!), но по чрезвычайно низкому курсу.

Время от времени какая-нибудь жалкая новость, и так тянутся долгие дни, а еще длиннее ночи: ложиться нужно было рано, фрау Цвик не позволяла жечь электричество позже 10 часов. Изю дня в день 40 женщин вместе без дела, надоели друг другу страшно, нервы взвинтились донельзя: ссоры из-за всяких пустяков... друг друга возненавидели... Жить с каждым днем становилось невыносимее. «Когда мы, наконец, уедем?» — все чаще и чаще слышится вопрос со слезой... Чтобы как-нибудь забыться (хотя так трудно это!), стали придумывать развлечения. Иногда слышишь, как кто-нибудь, проснувшись утром, со вздохом протянет: «Господи, что делать?! Не постирать ли что-нибудь».

Но если вначале стирка отвлекала от тяжелых дум, то потом она так опротивела, что не знали, как избавиться от нее... Кое-кто купил на последние гроши вязанье и вышиванье, другие организо-

вали группу и занялись изучением немецкого языка. А были и такие, что забывались «винтом», «дураком» или «сидоркой».

«Знают ли в России, что с нами? Пишут ли там что-нибудь в газетах? Не лишили ли нас мест? Живы ли наши родные, друзья?» — неотвязчивые вопросы мучают всех и по сто раз в день задаются друг другу. «Когда мы уедем?» — самый ужасный вопрос, на который никто не мог ответить определенно: через 5–8 дней или до конца войны. а войны бывают и «тридцатилетние»! Из немецких газет мы узнаем ужасы про Россию — час от часу нелегче: то там голод, холера или чума, то революция; казаки сдались, то Варшава занята немецкими войсками, Либава сожжена, а Одесса горит. И так далее без конца. И веришь и не веришь, плачешь и мучаешься. А тут еще этот звон ежедневный, сообщающий, что государыня молится, и призывающий всех к молитве в этот час. Звон нервный, проникающий в душу, тревожный и такой монотонный. На столбах плакаты с надписью: «Мы должны победить, мы победим». Какой-то гипноз.

Неужели и правда, думаешь, додержат нас до зимы, и мы, как некогда французы в летних шляпках и кисейных блузочках поедем. Но будет ли хозяйка держать нас так долго? Подумываем, не перейти ли в бараки? Пришел однажды Кареев навестить нас. Поговорили о войне и, конечно, «на злобу дня». Он сообщил нам, что местные богачи — русские собрали некоторую сумму денег, она поступила в комитет, членом которого состоит и он, пожертвования поступают каждый день, и он сможет заплатить нашей хозяйке. Это была очень приятная для нас новость. Вторая новость та, что наша судьба скоро решится: между военным министром и властями города переговоры относительно отправки русских на родину. Есть надежда, что вопрос скоро решится и решится утвердительно. Ждем трепетно. Наконец вопрос решился принципиально: женщины, дети и старики за 45 л. будут отпущены, остальные остаются в качестве заложников.

Разнесся слух, что учительницы уедут в первую голову, к нам примкнули одинокие учительницы, и наша группа возросла до

150 чел. Слух о возможности скорого отъезда становится все настойчивей, упорней.

Настроение повышается с каждым днем, с каждым часом. Кто-то изобразил кривую настроения с первого дня экскурсии. Вещь любопытная. Наконец, после обеда М. М. сообщает, что завтра к нашим паспортам пришлют билеты. Боишься верить, но радость закралась уже не в одно сердце. Улыбаются. Напевают.

25-го вечером выезжаем. Правда ли? Не сон ли это? Зашевелились, заволновались. Спешно покупается провизия. Билеты в руках — сомневаться нечего. Только бы за пределы Германии! На вокзале тысячная толпа русских, рвущихся вон из «очаровательного Берлина», и глазеющих немцев. Решетка закрыта, и над ней плакат, написанный по-русски и по-немецки: «Воспрещается брать с собой в Россию письма, открытки и посылки — тот, у кого таковое окажется, лишается права на выезд. Тут же стоит вокзальный служащий с мешком. Пропускают по одному и еще раз задают вопрос: «Haben Sie Brief?» Мешок быстро наполняется, так как публика в волнении, из боязни остаться, бросала туда даже совершенно чистые художественные открытки и невинные заметки, сделанные в пути еще в Швейцарии и Италии.

В 9 ч. 20 м. поезд тронулся. Вагоны полны. Все сосредоточены, молчаливы. Слишком выстрадаано много, и радость не может сразу наполнить душу. Холодно. Утомление страшное. Кое-кто дремлет, склонившись к плечу соседки. А вот одна разостлала на полу бумагу и улеглась на собственном кулаке. Но холод не дает ей уснуть, и импровизированная постель уступается следующей и т. д.

В 3 ч. дня 26 мы уже в Заснице. Тут таможня. Дважды прошли сквозь строй. Огромный пароход. Приехал шведский консул встречать. Всем выдали бутерброды, кофе, чай и т. п. С Германией счеты кончены. Оживление полное, даже чересчур: кто-то бранится из-за места. В 11 ч. на шведской станции Halsberg мы были чрезвычайно ласково встречены представителями города. Нам предложили «еду и питье», дарили цветы, национальные флажки свои, безделушки. После германской грубости, после всего горя пережитого, трогает всякая, даже самая незначительная ласка. Ма-

шут платками и стар и мал. Наши многие так растрогались, что плакали. Переезд через Швецию — сплошной триумф. Из окон такие милые пейзажи — леса и озера и на фоне их такие радушные поселяне: вот две старухи машут фартуками, а там пастух — серой шапчонкой.

От Gafle'a до Raum'a 12 ч. на пароходе. Перед отплытием нас угостили великолепным супом и отличным хлебом. Мы бесконечно были благодарны... Шведы такой симпатичный, гуманный народ. Такие все приветливые, жизнерадостные. По крайней мере, нас они очаровали до того, что всем захотелось непременно организовать экскурсию в Швецию и Норвегию в будущем. Хорошо и в Финляндии, но несколько холодней, официальной. Что-то не то.

Чем ближе к России, тем скорее хочется попасть в нее. Мы высчитываем часы и минуты.

Вечер. Видны огоньки Петербурга. Этим огонькам мы обрадовались гораздо больше, чем когда-то венецианским. Смело могу сказать, что все мы стали гораздо патриотичнее, чем прежде, гораздо больше полюбили и оценили матушку — Русь».

ДВА МЕСЯЦА В ГЕРМАНСКОМ ПЛЕНУ

Автор Сергей Филимонович Знаменский

Автор этого рассказа Сергей Филимонович Знаменский — о нем я рассказал в заметке № 21.

«К 10-му июля экскурсионная кампания в Берлине была закончена, и мы собрались после напряженной работы на отдых: кто на родину, а кто просто в какое-нибудь местечко под Берлином. Но налетевшая военная буря спутала все наши расчеты и заставила нас снова вернуться на свои места. Из Москвы, Лондона, Парижа, Рима, Вены, Мюнхена и Бриенца посыпались телеграммы с запросами о возможности направить группы экскурсантов в Россию через Берлин, а вслед за телеграммами двинулись и сами группы, не только те, которые значительно позже должны были возвра-

щаться через Германию, но и некоторые из итальянских и швейцарских групп, для которых дорога через Австрию или Италию казалась закрытой...

Тяжелые были дни, особенно последние, перед открытием военных действий. Мы то часами сидели в нашей штаб-квартире на Savigny Platz, то мчались в город встречать и провожать экскурсантов, доставать деньги, добиваться железнодорожных билетов, устраивать багаж и пр. Трудно было решать, что отвечать на запросы о возможности проезда, когда каждый час положение дел изменялось и приходилось исходить из крайне противоречивых сведений. Кто может ручаться, что будет завтра? А между тем, от того или иного ответа могла зависеть ближайшая судьба целой группы. Трудно было даже и непосредственно обслуживать группы: встречать их и провожать. Всегда аккуратные немецкие поезда начали запаздывать сперва на 1–2 часа, а в последние дни на 10–12. На вокзалах Anhalter, Potsdamer и Friedrichstrassebahnhof с приходящими поездами все перепуталось. Никто не знал не только, когда придет поезд, но к какому вокзалу и на вокзале к какому перрону. Вокзалы переполнены народом. Массы берлинцев при первых же известиях о надвигающейся войне хлынули обратно в столицу из курортов и мест летнего отдыха. Приезжающих с нескрываемым беспокойством ждут на перронах родные и знакомые. Тут же австрийские запасные, спешащие вернуться к себе под знамена. Провинциалы, спешно покидающие Берлин. Все перроны сплошь завалены багажом, который успели выбросить с поездов, но не успевали таскать в склады багажа. Шум, суета. Прямо незабываемая картина! Мы бегаем с вокзала на вокзал, с перрона на перрон, часами ожидая среди этой сутолоки наших групп. Протискиваемся среди толпы, лезем по грудам сундуков и чемоданов, всматриваясь в приходящие поезда, и разыскиваем знакомых лиц, чтобы скорее вывести их из этого хаоса.

Группа встречена, но надо провести ее в находящийся довольно далеко пансион, наскоро накормить и вести на новый вокзал, чтобы с ближайшим же поездом отправить в Россию. Обычным караваном, с ручным багажом, пробираемся по берлинским улицам, по которым

еще так недавно спокойно расхаживали наши экскурсанты. Но теперь Берлин прямо неузнаваем. Все в нем кипит, точно в громадном котле. Правда, группам не приходится проходить по наиболее захваченным движением центрам. Массы стремились все время ко дворцу, с балкона которого император Вильгельм несколько раз обращался к народу с речами об единении, заявляя, что для него сейчас нет больше партий, и затопляли собою Unter den Linden и Friedrichstrasse. В этих же центральных районах происходили шумные манифестации, постоянно звучала: «Deutschland, Deutschland uber alles» и тысячами раздавались листки экстренных приложений. Но улицы около вокзалов тоже были полны народом, среди которого должен был пробираться наш караван. Русская речь, внешний вид экскурсантов, столь отличный от вида берлинской толпы, наш багаж невольно обращали внимание публики, и слышались сдержанные восклицания: «Russen, Russen!»

Не по себе было идти среди этой толпы, с каждым днем тревожнее, по мере того как между нами и ими росла пропасть. Но вплоть до 20-го июля, т. е. до начала военных действий, жаловаться ни на толпу, ни на власти не было ни малейшего основания. Возникновение конфликта с Россией для берлинской массы было полною неожиданностью, и нужно было известное время и большие усилия шовинистов, чтобы в нации вспыхнула ненависть к русским, какой у них до сих пор не было. Порою на нас бросали угрюмые взгляды, но ни одного грубого слова, ни одного угрожающего жеста. Как всегда любезно и вне очереди принимал нашу руководительницу директор отдела казенных железных дорог, по-прежнему предоставляя в распоряжение экскурсантов целый вагон, несмотря на массовый спрос на билеты. Как всегда, начальник станции Zoologischer Garten, прежде чем подать сигнал к отходу поезда, подходил справиться, все ли у нас готово. Неизменившимся оставалось и отношение носильщиков. Когда с посадкою одной группы на Friedrichstrassebahnhof произошла из-за давки задержка, немцы из публики даже стали помогать экскурсантам втаскивать багаж. Только кое-кто из кондукторов отказывался брать от нас, русских, на чай, да чаще прежнего около появлялись немецкие сыщики.

Смотря вслед уходящему поезду, мы радовались, что еще одна группа проскочит на родину. А затем снова совещания о следующей группе. Успеет ли она? Как мы встретим и проводим ее? Удастся ли где-нибудь занять денег для ее отправки, так как с изменением маршрутов групп ассигновки на них не могли аккуратно приходиться...

Наступил наиболее трудный день, 20-е июля. Бесперывно появляющиеся экстренные приложения несли все более и более грозные известия. Война объявлена. Русские войска перешли немецкую границу у Эйдткунена, немецкие — русскую у Александрова. Прозвучали первые выстрелы. Первые известия об убитых и раненых. Мобилизация по всей Германии в полном ходу. С завтрашнего дня после 2-х часов, ввиду передвижения войск, пассажирское движение по железным дорогам будет прервано на 10 дней. В публику стали проникать первые сведения, что Англия готова начать войну с Германией, а Италия вместо помощи обещает своим союзникам лишь нейтралитет. Арена войны все раздвигалась, и чудилось, что в войну будут втянуты скандинавские и балканские государства. Под влиянием этих событий в Берлине мало-помалу стало намечаться то, что навсегда останется позорным пятном на Германии этой эпохи. Власти принялись за грубое выселение русских, а берлинская чернь — за погромы.

Жребий был брошен, война началась, и пред мерами, проводимыми во имя этой войны с чисто прусской уозостью и последовательностью, должны были преклониться все, свои и чужие. В военное время для немецкой военщины казалось ненужной сентиментальностью считаться с интересами случайно находящихся на немецкой территории подданных враждебных государств. После полудня начались аресты русских, к вечеру же они обратились в массовые. Брали и только что приехавших с курортов русских, и тех, кто жил годами в Берлине. Но только мужчин. Арестованных отвозили сперва в участки, а отсюда в берлинское градоначальство, в знаменитый Polizeipresidium на Alexanderplatz, или в военную тюрьму в Шпандау. Здесь часть задерживали, как подозрительных, большинству же после нескольких часов ареста объ-

являли, что они изгоняются из Берлина, Пруссии и Германской империи и должны до 12 ч. следующего дня выехать из Берлина, иначе с ними будет поступлено по законам военного времени. Ночью кое-где в участках и били русских. Наряду с властью действовала и толпа, в настроении которой произошел резкий перелом. Берлинец в течение всего кризиса как-то верил, что дело не дойдет до войны, так как Россия уступит. Когда же война и война в лучшем случае на два фронта неожиданно стала совершившимся фактом, в массе вспыхнула яркая злоба прежде всего против тех, кто не оправдал возложенных на них ожиданий. Заявление правительства с императором Вильгельмом во главе, будто на Германию напали во время переговоров о мирном посредничестве, еще больше разжигало толпу, а официальный призыв к народу о помощи правительству в деле поимки шпионов и сенсационные известия газет о будто бы уже совершенных этими шпионами многочисленных покушениях на воинские поезда и железнодорожные мосты давали направление для проявления злобы. Толпа местами — и чем ближе к ночи, тем чаще — начала издеваться над русскими, осыпать руганью, грозить и бить».

«В этот день мы ждали приезда двух групп: группы типографских рабочих, ездивших на книжную выставку в Лейпциг, и группы швейцарского маршрута. Первая группа приехала днем, когда еще было относительно спокойно, и благополучно добралась до пансиона. Ее мы решили отправить на Копенгаген. Делали это со страхом, так как не знали, надолго ли останется свободной дорога через Швецию и Финляндию, и не придется ли пробираться через Норвегию на Белое море. Тревожил и вопрос, достанем ли у русского консула в Дании денег, так как своих денег на дальнейшую дорогу не хватало.

Однако нашим рабочим не удалось уехать, не испытав на себе воздействия со стороны властей и толпы. В то время, как группа в ожидании поезда вместе с руководителями находилась в пансионе, в помещении неожиданно появился отряд полицейских, всех обыскал и в автомобилях увез в берлинское градоначальство, где как экскурсантам, так и руководителям было объявлено об их

выселении из Германии. Отставших от группы четырех рабочих по требованию толпы дважды таскали в полицию, причем толпа била их. Большинству группы, хотя и с большим трудом, удалось вместе с руководителем выехать с тем знаменитым ночным поездом, в котором места занимались отъезжающими прямо с бою. В купе ехало по 15–20 человек, всю дорогу стояли даже в уборных, некоторых втаскивали в окошки, тогда как других новые волны беглецов выталкивали с занятых мест на платформу. Творилось нечто невероятное! Большая часть багажа группой была брошена в Берлине.

Швейцарская группа, которую мы ждали часами на вокзале, приехала лишь ночью. Тут же на вокзале она была временно задержана полицией вместе со встретившей ее руководительницей г-жой Мрост, и затем вместе с последней пережила долгие, тяжелые дни в Берлине, пока не стали снова пускать русских на родину. Так как из-за закрытия границ приезда новых групп ждать было нельзя, мог и я попытаться с последним поездом выехать на Копенгаген, чтобы везти оттуда в Россию рабочую группу, если последняя еще не уехала, или одному каким бы то ни было путем пробираться в Москву для оповещения Учебного Отдела о местопребывании еще не вернувшихся групп и организации через Копенгаген или знакомых в Христиании пересылки денег задержанным экскурсантам. Денежный вопрос становился сейчас самым существенным.

Я уехал 21-го июля, в понедельник, с утренним поездом. Поезд шел в удвоенном составе и был весь переполнен, хотя уже не было ужасающей давки вчерашнего дня. Ехали почти одни русские, по большей части беглецы из австрийских и немецких курортов, так называемые курортные гости. Повсюду во всех купе бесконечные рассказы о пережитом накануне и особенно ночью. У многих на лицах еще лежал отпечаток перенесенных неприятностей и испытанного ужаса. Почти все побывали под арестом в полицейских участках, пока им не было объявлено о выселении за пределы Германии. Многих по приезде в Берлин не хотели принять ни в одну гостиницу, других выгоняли из нанятых комнат. На вокзалах и на улице осыпали бранью, били палками и зонтами.

ками. Я сам видел у одного разбитое в кровь лицо. На него набросилась толпа, когда он выходил из здания русского посольства. Когда же, спасаясь от толпы, он пробовал забегать в подъезды домов или отелей, его выталкивали швейцары. Побили и в участке. Другой пострадал при посещении русского консульства. Здесь была устроена полицией засада, и всякий приходящий русский отводился швейцаром, еще вчера служившим консулу, во двор, где его уже ждала полиция. Жалобы, жалобы и жалобы на немцев слышались в каждом углу поезда. Но бывали и другие рассказы. Кое-кого совсем незнакомые немцы пробовали и в дороге и в Берлине укрыть от полиции и толпы, а берлинские хозяйки ходили в полицию ходатайствовать за своих жильцов. Некоторые отказывались даже от получения платы за квартиры: «Пришлете из России, а теперь вам нужно».

В поезде я встретился с несколькими отбившимися от групп экскурсантами. Когда поезд отошел, нас всех охватило радостное чувство. Мы боялись, что не попадем на поезд, что поезд не пойдет, но, раз мы были в пути, не приходило даже в голову, что всех этих мирных россиян могут еще где-нибудь задержать. Всем нам категорически говорили в полиции, что 21-го днем мы можем вполне спокойно ехать в Данию. То же самое подтверждали и железнодорожные власти. Но действительность разбила наши мечты. Не проехали мы и два часа, как на станции Neustrelits раздался грозный крик: «Alle Russen raus!» скоро ставший нам так привычным. Не понимая, в чем дело, выходим на перрон. Нас окружают солдаты, одни с обнаженными саблями, другие с ружьями наперевес. Офицер кричит, чтобы мы захватили багаж, и ведет нас куда-то по городу среди озлобленной провинциальной толпы, сбежавшейся посмотреть на так часто упоминаемых в газетах русских шпионов. Ведут всех русских, кто был в поезде: едва плетущихся больных и здоровых, мужчин и женщин, взрослых и маленьких детей. Багаж должны тащить мы же сами. Один положил свою ношу на панель. Из толпы закричали: «Шпион!» Тотчас же на него набросились два солдата, полицейский с собакой, повалили на землю и на наших же глазах избивали. Наконец, мы пришли на громадный

двор казармы, посредине которого стоял обитый черным большой аналой с распятием. Наша публика, особенно дамы, в ужасе: решили, что нас привели на расстрел. Полицмейстер начинает говорить по-немецки. Его почти никто не понимает. Тогда он просит из нашей среды переводчика «с громким голосом». Я предлагаю свои услуги и начинаю успокаивать соотечественников: нас только обыщут, а затем, если ничего найдено не будет, отпустят в Копенгаген.

Обыск тянется несколько часов, так как нас было около 300–350. Ищут бомбы, динамит и оружие. Конечно, ничего подозрительного найдено не было. Тогда идем назад на вокзал, по-прежнему среди толпы, но ее настроение резко изменилось, когда по отношению к нам рушилась легенда о шпионах. С сожалением смотрят на наших детишек, помогают нести багаж. Какой-то рабочий, подавая в мое купе чемодан, шепотом говорил, чтобы мы не думали, что в Германии все настроены так «zu patriotisch»: рабочие совсем не хотят войны с Россией. Теперь едем на скверном пассажирском поезде, останавливаясь на каждом полустанке. Часто нас встречают и провожают с музыкой, так как в поезд постоянно садятся запасные. По дороге мелькают воинские поезда с высунувшимися из вагонов солдатами и лошадиными мордами.

Подъезжаем к Росток, откуда всего 15 минут до моря. А там датский пароход заберет нас к себе, и скоро мы будем вдали от ненавистной сейчас для многих Германии. Но что это? На перроне опять солдаты с саблями и ружьями. Понимаем, в чем дело. Не заставляет себя ждать и грубый крик офицера: «Alle Russen raus!!» Нечего делать... выходим. Полупьяный лейтенант — время было под вечер — объявляет, что он нас всех задерживает в Росток, дамам же и старикам дает 5 минут на размышление, желают ли они ехать дальше или остаются со всеми. Подымается суматоха, плач. Как в 5 минут решить, что делать, когда одни члены семьи должны оставаться, другие могут ехать? У многих общие паспорта, багаж, деньги. Да и вообще легко ли сейчас расставаться! Минуты быстро несутся, и лейтенант дает знак к отправлению поезда. Кто успел, уезжает...

Для Востока мы опять подозрительные лица, а, может быть, и шпионы. Злобно смотрят на нас служащие на станции и конвоиры-солдаты. Злобно смотрит и толпа, среди которой больше получаса ведут нас этапной колонной. Слышится шепот: «Шпионы!» Кое-кто показывает нам кулаки. Но многие глядят на нас с недоумением. Временами проскальзывает и сожаление. Действительно, во что-то нелепое обращается наш арест, когда под вооруженным конвоем идут люди, даже по внешнему виду, безусловно, больные, и женщины с детьми на руках или за руку. Но выражения смущения или стыда за проделываемую нелепость на лицах встречаемых немцев я все же не видел. Нас вводят в большое здание, около которого опять же толпа. Это народная школа, отведенная нам для постоя. Для нас ничего не приготовлено: в классах всюду парты. Нам предоставляют устраиваться по классам, как хотим. Вытаскиваем часть парт на двор, другие ставим друг на друга, и таким образом очищаем место для спанья. Пожарные, в ведении которых мы почему-то оказались, приносят солому, которую мы расстилаем по полу. Пора ложиться! Располагаемся в одежде вповалку, так как нас набралось до 500: сюда приводили до и после нас еще русских с других поездов и работников-жнецов, задержанных у помещиков. Мужчины, женщины, дети — все смешалось. Больные — а среди них были в последней степени чахотки — лежат плечом к плечу со здоровыми, обдавая их своим дыханием. У выходных дверей и на дворе солдаты с ружьями. Из города доносятся громкие крики толпы, устраивающей манифестации. Один за другим забываемся тяжелым сном. Вдруг пронзительный крик в каком-то углу школы. Сейчас же все на ногах. Что это? Ведут на расстрел, бьют, погром? Возбужденная фантазия рисует самое ужасное. Нет, это только с кем-то истерика. Снова ложимся.

Так началось наше двухмесячное пленение. Над всеми другими чувствами преобладает одно — бесконечной досады. Быть задержанным за четверть часа езды от границы! Сидеть под стражей и ничего не делать, когда развертываются кругом еще небывалые мировые события и когда чувствуешь силы, чтобы принять в них участие, измеряемое хотя бы бесконечно малой величиной! Какая

нелепость! Но приходится сидеть. Бежать некуда, когда весь народ отдался ловле шпионов и нет денег. В народной школе живем три недели. Спим все на той же соломе, по ней ходим днем, на ней пьем и едим, пока, наконец, не перевели часть задержанных в другую школу и мы смогли устроиться немного поуютнее. Кормимся все вместе; утром какая-то кофейная бурда и два кусочка хлеба с маргарином; около часу картофельная похлебка с намеками на мясо, но без хлеба; около 6–7 часов вечера опять кофейная бурда с хлебом. Для здорового эта пища еще могла быть приемлемой, а для больных кишечником, каких среди нас было достаточно, или для детей? Начальство заявило, что за наше содержание в школе будет взыскано с каждого по три марки (около 1 р. 50 к.) в сутки. Настоящий грабеж! В Ростоке не угол с соломой и похлебка, а хорошая комната с сытным пансионом стоит 2,5 марки. Мы могли прикупать. Но сначала было трудно найти, где купить, так как нас из школы не выпускали. Стали нанимать немецкую прислугу для покупок, она показывала повышенные цены. Лишь под конец начали пускать наших дам в город. Но другая беда: у большинства из нас было мало денег.

Целыми днями толчемся на дворе и разговариваем, разговариваем без конца. В сотый раз рассказываем друг другу о перенесенном нами за последние дни перед арестом, и публика охает, что не поехали сутками раньше, браним немцев и по обрывкам доходящих до нас политических сведений набрасываем перспективы. Но проза жизни дает о себе знать. Каждый ехал с малым количеством багажа, иные не успели захватить ничего. Между тем приходится подумать о перемене белья. Все принимаются за стирку, мужчины и дамы, и тут же на дворе развешивают даже наиболее типичные части туалета, споря за лучшие, солнечные места. Опрощайтесь невольню! А кого только нет среди нас! Князь, граф, барон, тайный советник, камер-юнкер, члены Государственной Думы, профессор и двое приват-доцентов, чиновники разных ведомств, адвокаты, врачи, инженеры, учителя, студенты, купцы, ремесленники, очень много сельскохозяйственных рабочих. Русские, поляки, евреи, балтийские немцы, финны, латыши, армяне, грузины... — сло-

вом, вся этнографическая Россия. Помимо задержанных вместе со мною, встречаю еще знакомых: мюнхенскую руководительницу г-жу К., четырех из рабочей группы, несколько моих бывших учеников. Всех нас, от тайного советника до рабочего, равняет зависимость от начальства. Последним является не только комендант города и ведающий нами бренд-майор, но даже дежурный унтер-офицер, пожарный служитель. Помню, как-то раздается команда: «Alle raus!» Собираемся на двор. Торопятся здоровые, торопятся беременные женщины, больные с пороком сердца, с астмой, с сухоткою спинного мозга. Нельзя не торопиться, так как крики «Alle raus!» становятся резче. На крыльце лейтенант читает приказ коменданта фон-Треснов; один из русских, инженер Д., позволил себе противоречить унтер-офицеру, за что и присуждается к трем дням ареста в карцере на хлеб и на воду. Противоречие же заключалось в том, что г. Д. стал настаивать, чтобы на ночь в одном классе закрыли газовый рожок немного больше, чем хотел унтер-офицер. За унтер-офицерами тянулись и другие. Пожарный, услышав, как один больной жаловался ежедневно посещающему нас штабному доктору, что его уморят в этой обстановке, с пеной у рта стал осыпать его бранью; а ресторатор, поставлявший нам обед, тоже счел себя начальством и на заявление г. Р., что мы не свиньи, чтобы нам давали в грязной посуде, стал кричать и грозить.

Однажды, недели через три после задержания, явился к нам новый лейтенант, некто Виккерс, бывший до мобилизации чиновником сыскного отделения в Эссене, и объявил, что до сих пор мы были в ведении военного начальства и города, теперь же переходим исключительно в ведение военной власти, так как местный корпусный командир нашел, что нас распустили. Действительно, нас стали подтягивать. Прежде мы могли вставать, когда хотели. Теперь же мы все, не исключая и женщин, должны были вставать в 6 часов утра. Зачем? Никто не знал, но такова была инструкция. Прежде мы могли каждый день передавать письма для отсылки. Теперь Виккерс заявил, что он слишком занят, чтобы постоянно просматривать нашу корреспонденцию, поэтому писать письма мы можем только по субботам. Но и эти письма Виккерс

уничтожал массами, иногда даже на наших глазах, как и письма к нам. То же было и с отправляемыми нами телеграммами, хотя деньги за них брали исправно. Нам запрещено было чтение газет, хотя бы и местных шовинистических. Началось усиленное собирание денег за «пансион». Правда, суточная плата была понижена до 1,5 марок — Виккерс объявил, что брать по три — это «Schweingerei» («свинство») — но выколачивать их умели, грозя то тяжелыми обязательными работами за неуплату, то просто вычитая из пересылаемых нам денег из России, а то иногда и обыскивая по карманам и кошелькам. Грубость и резкость усилились. Даже из нашего перевода в новое помещение, в ресторан Belle-vue, Виккерс сделал какой-то кошмар. Нас продержали выстроенными на дворе под ливнем, хотя рядом было большое закрытое помещение. Несмотря на то, что наш мирный характер за три недели выяснился вполне, зачем-то нашли нужным сопровождавшему этап конвою приказать в нашем присутствии зарядить ружья боевыми патронами и стрелять при малейшем неповиновении. Когда мы пришли в ресторан, помещение для нас не было готово. Нас оставили сидеть в саду рядом с запасными. Кто-то из задержанных переступил за намеченную для нас границу. Сейчас же последовал крик Виккерса: «Если еще сделают, бей русских собак по голове, теперь время военное». Он же отпускал грубые шутки по адресу русских дам, под гоготание запасных. Наш багаж при нагрузке на подводы безжалостно ломали, потребовали за перевозку каждой вещи по 50 пфенигов, так что три воза нам обошлись в 150 марок. О нашем же благополучии заботились мало. В ресторане мы спали уже на нарах, но они, несмотря на свою высоту — три яруса — были сбиты такими небольшими гвоздями, что через 4 дня часть нар, где спало до 60 ч., рухнула и переранила человек 10.

Из ресторана Belle-vue через несколько времени нас перевели в ресторан Kaiserpavillon, расположенный в перелеске, в трех верстах от города. Дам и детей поместили в зимней части здания, мужчин — в громадном деревянном павильоне. Последний был построен даже без каменного фундамента. Одна стена сплошь из стекол. В стенах и крыше много отверстий и щелей, так как доски

несколько расплозились. Нары были устроены с таким расчетом, чтобы половина мужчин спала на полу, а половина на нарах. Но как спать на холодном полу? Постарались как можно больше разместить по нарам, отчего спали прямо прижавшись друг к другу. Бывало, проснешься и с изумлением видишь, что твоя нога или рука раскинулась на соседа или последнего на тебя. Теплее было так, а то ночью в нашем бараке сыро и холодно. Уборные скверные, постоянно засорялись, и получался потоп. Впрочем это было нашим бичом и в народной школе, где их не хватало на нашу массу, и в виду примитивности устройства они были вечно загрязнены, и в Belle-vue. А только здесь постигаешь, что значит вопрос об уборных для большого общежития! Ресторатор сдал под нас лишь часть помещения, другая же продолжала посещаться публикой. Немцы из города приходили в большом количестве и, сидя за кружками пива, внимательно созерцали нас. Подходили и вплотную к проволочной решетке, которой были разделены мы и они. Приходили целыми семьями воспользоваться бесплатным зрелищем. Тут же делились своими впечатлениями.

Преимуществом этого ресторана был большой участок сада, отгороженный для нас. Погода почти все время, несмотря на наступившую осень, была прекрасная, и мы днями были в саду, по-прежнему в безделье. Многие начали получать деньги из России, и мы стали обзаводиться хозяйством: чайниками, кружками, тарелками, ножиками и пр. То часами ходим взад и вперед, то чайничаем, то играем в шахматы — одно время этой игрой увлекались сильно — то пробуем перейти к более серьезным занятиям. Кое-кто принялся за изучение английского языка; группа сионистов стала образовывать кружки для чтения древне-еврейских книг; у некоторых были в багаже русские книги, их собрали и устроили библиотеку; был выпущен даже один номер рукописного журнала под заглавием «Пленник». Конечно, разговариваем с утра и до вечера. «Идиллия», — скажет читатель. Да, была бы идиллия, если бы не тоска по своим, тоска по России. Сидят тут, а дома жена и дети. Как-то они? Что со стариками родителями? У многих близкие в момент объявления войны были в других местах Германии, во

Франции, в Англии и т. д. Известий о них никаких. У одного перед самым объявлением войны мать после опасной операции поспешно уехала в Россию, у другого отец с отнявшимися ногами остался где-то на юге Германии... Тоска, бесконечная тоска... Чтобы заглушить ее и скорее прожить еще один день, говоришь и говоришь или готов играть в шахматы партию за партией. Нарушает идиллию и то, что она должна развлекаться под охраной солдат и под грозные окрики. То среди столиков, за которыми мы чайничаем, вдруг проедет комендант Фабер в сопровождении конного адъютанта — нагоняй, что мы не встали и не сняли шляп — то дежурный унтер-офицер, придя нас будить в 6 часов утра для устрашения стащит с одного-двух одеяла и обольет водой. С еще большей настойчивостью идет взимание платы за содержание. Додумались даже до нового приема. Как-то часов около 9 вечера прибегает унтер-офицер, бывший до мобилизации таможенным чиновником, и заявляет, что завтра будут отпускать в Россию, но только тех, кто уплатил за содержание. Понятно, начинают нести последние гроши, а на завтра об отъезде нет и речи.

Газеты нам запрещены, но все же один, а иногда и несколько экземпляров мы добываем ежедневно. Залезешь под нары, чтобы караульным солдатам не было видно, поставишь кого-нибудь на страже и переводишь небольшой кучке около. Тут же разложишь карты театра военных действий. А потом рассыплемся по саду, сообщая гуляющим важнейшие новости. Но все же представления об истинном положении дел у нас, как и у любого немца, на основании этих газет получиться не могло. Мы читали о революции на Кавказе, в Польше и на Черном море, нам сообщалось о неудачах русской мобилизации и английского набора волонтеров, подробно рассказывалось о плохом состоянии враждебных Германии войск. А потом громадные отделы о зверствах врагов над немецкими мирными жителями, над немецкими ранеными и пленными. Все с соответствующими шовинистическими комментариями и выкриками. Правда, ничего подобного в официальных донесениях немецкой главной квартиры не было, но здесь видную роль играла фигура умолчания. О поражении немцев во

Франции на Марне — ни слова. Лишь время от времени краткие сообщения, что немцы с успехом выдерживают нападение врагов и медленно продвигаются вперед. Точно так же и об австрийских поражениях было оповещено, что левое австрийское крыло имело большой успех под Люблиным, а Львов из стратегических соображений был оставлен.

Зато поражение русских в Восточной Пруссии было представлено в виде грандиозной для нас катастрофы. О предварительном же занятии русскими почти всей Восточной Пруссии, как и о приближении их к Кракову мы узнали лишь из сообщений о победах над нами в этих местах. Читая газеты, мы еще сомневались в правдивости многих известий, но немцы искренне верили всему и были глубоко убеждены, что дела Германии идут блестяще.

Когда я вдумывался в положение нас русских, задержанных в Ростоке, мне часто казалось, что следовало бы дать более резкий отпор многим притязаниям немецких властей. Но на это не было энергии у курортных гостей, составлявших большинство задержанных. Сильно мешало нам для резких выступлений также присутствие детей, больных и женщин. Приходилось выбирать средние пути. Однако под влиянием совместной жизни мало-помалу создалась общность интересов и единичное стало несколько стусываться пред общим. Уже на второй день после нашего задержания мы стали говорить, что было бы полезно выбрать нескольких представителей для защиты общих интересов пред немецкими властями. Идея понравилась и скоро каждый класс — это было еще в народной школе — выбрал по двое старост.

Так возник наш ростокский совет старост. Комендант санкционировал происшедшее, и в инструкциях для караула мы уже были упомянуты с титулом: «Stubenalteste» («старшие по комнате»). Наш состав сначала изменялся, но с Belle-vue до конца нашего сидения был постоянный: Каценельсон (инженер из Берлина), князь Кугушев (директор банка в Харбине), Маркельс (присяжный поверенный из Москвы), Бахмутский (доктор из Петербурга), Розенцвейг (заведующий больницей в Мелитополе), Домбровский (инженер из Лодзи), г-жа Баринава (профессор петербургской

консерватории), г. г. Гюнтер и Ульмер (студенты немецкой высшей школы), Рубинштейн и я. Нельзя сказать, чтобы наша работа сразу наладилась. Но все же с Belle-vue во многом мы стали хозяевами положения.

Всецело в наши руки перешла выдача пищи. Нам передавали ведра с кофе, корзины с булками и хлебом; кастрюли с супом, и уже было наше дело, чтобы наиболее скоро и удобно получали все. Один выкликает по розданным номерам, другой следит, чтобы кухарка, наливая в тарелки, не обделила кого-нибудь. А то стоишь за прилавком и наливаешь кофе кружку за кружкой, пока не продефилируют все, стоящие в длинном хвосте. Дежурный староста каждый день вместе с группой дежурных — дежурить обязаны были все в порядке алфавита — убирал помещение и следил за чистотой столов. По ночам были организованы особые дежурства, что было так необходимо в пожарном отношении в наших деревянных бараках. А затем беспрестанные переговоры через старшего старосту со всевозможными властями от коменданта до унтер-офицера. Выхлопотали особую комнату для больных, право свободного выхода дам для покупок, особого молочного стола для детей. Приходилось постоянно писать по-немецки письма и частные прошения, входить в дела отдельных лиц, советовать, успокаивать, убеждать. Иногда за подписями всего совета старост выступали перед комендантом с письменным протестом против того или иного безобразия: против мяса с червями, однажды поданного нам на обед, против дикой выходки унтер-офицера, облившего спящих холодной водой и грубо обошедшегося с дамами, и пр. Доктор Розенцвейг был нашим министром народного здоровья и вместе с другими врачами старался облегчить положение больных. Для помощи неимущим мы создали особый фонд, названный нами «хлебным», из еженедельных или единовременных взносов тех из нас, у кого было хотя бы что-нибудь. Отсюда выдавали хлеб в добавление к казенному, довольно скудному пайку. Нашим министром финансов был князь Кугушев. Для обсуждения общих дел устанавливались общие собрания, на которых бывало до 300 заключенных. Как-то странно было участвовать в них, говорить или

председательствовать: русская речь, а присутствует немецкий унтер-офицер, ничего не понимающий по-русски и вмешивающийся в прения с требованием, чтобы говорило не несколько человек сразу, а по очереди. Тоже бытовая картинка!

Во время плена мы могли соприкоснуться мало с кем из немцев и судить об их отношении к нам. Военное начальство с начала и до конца оставалось резким. Испанский вице-консул, местный крупный пивовар, который бы, казалось, должен был защищать наши интересы, в первой же беседе объявил нашему представителю, что он «прежде всего немецкий патриот», а его секретарь, при единственном посещении нас, убеждал унтер-офицера по отношению к нам «не поддаваться ложному чувству сострадания». Обучавшийся недалеко от ресторана полк из добровольцев 18–19 лет постоянно проходил мимо нас с песнью: «Все русские — преступники, их земля — темная дыра, французы также не лучше, но взбучку получают и они». Тем не менее начинало чувствоваться, что в настроении по отношению к нам стал происходить перелом. Из города шли слухи, что там общество не одобряет обращения с нами. У простых людей: продающих нам женщин, буфетчиков, простых солдат не чувствовалось уже ненависти первых дней. С ними можно было спокойно говорить; иногда солдаты угощали пивом задержанных рабочих, когда конвоировали отдельных лиц в город, позволяли покупать газеты. Дело дошло до того, что унтер-офицера в разговорах с глазу на глаз стали говорить: «Ich bin kein Mecklenburger» («я не мекленбуржец»), давая нам тем понять, что они снимают с себя нравственную ответственность за происшедшее с нами в мекленбургском городе.

Наконец, по-видимому, и высшая власть поняла нелепость нашего содержания под стражей. Через 7 недель со дня ареста, нам было объявлено, что мы перестаем считаться «военнопленными», а обращаемся просто в «не успевших выехать» из Германии, отчего и переходим в ведение полиции. Караул исчез, и мы могли отправиться в город, чтобы нанять квартиры для проживания уже на свободе. Как-то странно было первое время опять ходить по улицам среди толпы, ездить на трамваях, есть на скатерти, спать

на простыне в теплой постели, а, главное, не слышать на каждом шагу грозных окриков. Правда, свободны мы были не вполне. Мы должны были сидеть дома от 4 до 6 часов вечера, чтобы полиция могла проверять нас; вся корреспонденция к нам должна была проходить через полицию; в участке один из заведующих нами сыщиков тоже позволял себе кричать на имеющих к нему дело и любил пугать всякими ужасами. Но первое время, после плена, все это почти не чувствовалось и лишь потом начало давать о себе знать. Зато сразу же почувствовалось другое. Выпустив всех на свободу, власти перестали заботиться о нашем содержании. Пускай каждый живет, как может! Между тем у человек 60–70 не было ни гроша. К счастью, у нас был хлебный фонд, который мы старались пополнить новыми взносами и из которого стали выдавать по марке в день на человека. Даже при сравнительной дешевизне жизни в Ростке это была небольшая сумма, но на нее все же можно было жить, а выдавать больше было немыслимо, так как наш фонд мог хватить на месяц-другой, а дальше?..

Город мы нашли совсем в другом настроении, чем в первые дни нашего ареста. Упадка духа, уныния еще не было. Наоборот, война по-прежнему была популярною в массах. Не чувствовалось и особого вздрожания жизни. В городе еще были настоящие полки, хотя им на смену обучали уже полки из добровольцев 18–19 лет или из лиц, даже на глаз мало пригодных к изнурительным условиям современных боев и походов. Но не было все же прежнего чрезмерного увлечения, готовности приходить в восторг от каждого известия о победе. Вид расквартированных по городу раненых, развешанные длинные списки убитых и начинающая немного просвечивать из-за официальных известий правда немного охладили пыл, так что даже известие о взятии Антверпена было встречено холодно. Какой-либо ненависти к нам не чувствовалось. Задержанных русских перестали считать за шпионов и перестали как-то интересоваться ими. Мы спокойно разговаривали на улицах по-русски, заходили в кафе и магазины. По большей части нам очень любезно продавали в магазинах, а хозяйки охотно сдавали квартиры. Быть может, здесь был материальный расчет.

При общей заминке в делах несколько сот русских были доходной статьей для города, хотя бы и с 60000 жителей. Не один из нас в разговоре с немцами слышал, что это — «Schande» («позор») для Германии, что нас семь недель держали, как военнопленных, и при том в такой скверной обстановке. Пока мы находились под арестом, уже стали из других мест выпускать задержанных там русских на родину. Наконец эта мера с большим запозданием дошла и до отсталого во всем Мекленбурга. Сперва отпустили стариков, женщин и детей, а затем решили отпустить и больных, как неспособных к военной службе. Мы все бросились к докторам за медицинскими свидетельствами. Осмотр не был строгий. Большинство свидетельства получило, но человек 60 принуждено было остаться в Ростоке. Я был в числе получивших. На отъезд неимущих мы выдали из фонда, а кроме того берлинский комитет помощи русским переслал 1800 марок. Все переговоры об отпуске русских из Росток и самая отправка их прямо на Швецию была последним делом совета старост, продолжавшего существовать и по освобождении русских из-под стражи.

28-го сентября я уезжал из Росток. Последний раз промелькнули вдали его высокие церкви и скрылись. Волны свирепо били и высоко подбрасывали наш небольшой грузовик — лишь этот пароход, да и то с трудом мы могли достать в Росток — налетал порывами ветер, было дождливо и холодно. Временами виднелись вдали силуэты немецких военных судов. Тесно прижавшись друг к другу нас небольшая группа всю дорогу сидела на открытой палубе, ища глазами «свободную» землю. Поздно вечером вдали засветились огни Трелеборга, и скоро мы были на территории Швеции. Теперь мы были свободны, свободны вполне. Все эти коменданты фон Тресков и Фаберы, лейтенанты Виккерсы, сыщики Пабсты остались там, за морем. Но становилось грустно, что вместе с ними осталась и часть наших... Несемса по железной дороге. Трелеборг, Мальме, Стокгольм. Радостно сознаешь, что здесь тебя никто не остановит, не раздастся резкий крик: «Alle Russen raus!!» Итак, два с половиной месяца спустя после выезда из Берлина я почти у цели своего странствия. Но дальше мне уже ехать

ни к чему. Еще в Швеции я узнал, что все группы за два месяца успели вернуться в Россию. Экскурсионная кампания берлинского коллектива могла считаться законченной».

ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ (МОСКВА — БЕРЛИН — ЛЕЙПЦИГ)

Автор Г. Нарков

«Суббота 5-го июля 1914 года. Это был особый день в истории моей жизни. Он был тем знаменателен для меня, что на мою долю выпало счастье быть откомандированным в поездку за границу через Берлин в Лейпциг для ознакомления и изучения графического типографского и переплетного искусств на выставке. Понятно, такой же восторг произвело это и на остальных соучастников поездки, которые были откомандированы от разных фирм печатного дела города Москвы.

Мы собрались на Александровском вокзале числом 21 чел., где нас ожидал отдельный вагон от бюро экскурсий О. Р. Т. 3., в котором мы устроились великолепно: свободно, и к нашим услугам дано право не пускать посторонних лиц в пути до Варшавы. С каким замиранием сердца мы ожидали третьего звонка, чтобы услышать благую весть отхода нашего поезда, который понесет нас в неведомую для нас страну. Поезд тронулся, и мы отделились от дорогой старушки — Москвы; эхо городского движения и свет электрических фонарей постепенно замирали в ночной тишине. Вот уже и территория Польши с своими необъятными, скошенными и сжатыми полями, с необычной для русской деревни стройкой хуторов и костелов. День был чудный, погода жаркая, и мы с трепещущим сердцем подъехали к станции Варшава, где нас любезно встретил руководитель от бюро экскурсий.

Сдав вещи вознице, мы отправились осматривать достопримечательности города, где между прочим посетили дворцы и замки старинных королей и магнатов, а также Лазенковский дворец с его богатыми коллекциями картин, бронзы и скульптуры. При осмо-

тре достопримечательностей Варшавы мы вынесли много интересных впечатлений. Но главный интерес нас ожидал впереди, где мы должны увидеть все для нас новое: деревни, города, людей, обычаи и промышленность; с такой мыслью мы отправились в дальнейшее путешествие через Александрово до Берлина, в другой уже обстановке поезда, среди людей с чуждым и непонятным для нас языком. Ночь сгущалась, и поезд мчался с стремительной быстротой. Только стук колес нарушал ночную тишину, и я с нетерпением ожидал утреннего рассвета. И чуть забрезжил свет, я ни на минуту не покидал наблюдательной позиции у окон вагона. Вот необъятные поля с сжатой и убранной рожью, далеко утопающей в облаках утренней росы; и здесь рядом стоит осиротелая, несжатая пшеница, угрюмо опустившая свои золотые колосья. А потом дальше картофельное поле, которое своей пышной и цветущей ботвой обещало обильный урожай. А там поле зеленое: это салат довершил величие немецкого земледелия. Поезд мчит нас дальше, и я вижу какие-то здания незнакомой мне архитектуры, каменные и бетонные с башнями, крытые черепицей, и балконами, утопающими в зелени дикого винограда. А садики, уютящиеся у домов, в которых обильно цветут розы, распуская приятный аромат, доказывают прилежность немецкой нации. Здесь водопровод, электричество и шоссе, по которой вереницей тянутся на велосипедах немецкие рабочие. Уютность и чистота этой местности казалась каким-то городком, но на самом деле это — немецкая деревня, так непохожая на русскую. Вот промелькнул семафор. Поезд дал сигнальный свисток, и мы тихо подъехали к какой-то станции. Здесь было множество людей: мордобритые, с сигарой в зубах, держат себя с достоинством немецкого «я». Здесь не было суеты и толкотни, как это бывает у нас на станциях, пассажиры спокойно занимали места в вагонах... Носильщики нагружали багаж, несли чемоданы, как-то мешковато, не спеша, но в работе выходит самоуверенная быстрота. Несмотря на короткую остановку, в две минуты, все было готово...! Поезд тронулся плавно от дебаркадера, унося нас дальше к желанной цели. Чудная погода июльского дня и мелькавшая в окнах вагонов зелень лесов и полей

приводили нас в неописуемый восторг. Наконец, вдаль показались контуры Берлина и дымящихся фабричных труб. Все встрепенулись с мест, стали готовить чемоданы к выходу. В сердце сливалась какая-то жуткая и приятная радость, а к горлу подступали слезы от избытка чувств. Было 7 часов 30 минут, еще прошло несколько томительных минут, и мы вступили в пределы Берлина. Здесь нас встретила руководительница бюро экскурсий О. Р. Т. 3., с материнской любовью отнеслась к нашему приезду, чем внушила нам расположение к себе. Странными самим себе казались мы, когда вступили на людную, широкую улицу культурного Берлина. Все в пыли, закопченные от долгой железнодорожной поездки и в костюмах рабочих резко выделялись мы на фоне многолюдной улицы. Прошло несколько неловких минут, нас ввели в пансион, где к нашим услугам были все удобства. Приняв душ, мы преобразились тоже в немцев. Нас усадили в автомобиль; во главе с руководителями мы отправились обозревать Берлин, сначала с окраины города и так спиралью обогнули весь город до центра Берлина. Наши руководители всюду останавливались, поясняли историю и аллегорическое значение монумента или дворца и замка. Наш интерес ничего не оставлял без должного внимания. Как мы видели, всюду чистота, широкие улицы, блестящие асфальтовые мостовые, бесконечное движение автомобилей, автобусов, велосипедов и расфранченной шикарной публики. В следующие дни мы имели счастье посетить рейхстаг, который поразил нас своей внутренней роскошной отделкой. Там мы разместились на местах депутатов, слушая реферат, прочитанный нашим руководителем, который толково пояснял все стороны культурной Германии. И не меньший интерес представляло удовольствие видеть зоологический сад с его богатой коллекцией животных, птиц, рыб и насекомых.

Посещение морского музея тоже интересно, т. к. мы видели модели всех торговых и военных судов и смертоносные торпеды и пушки, все компасы и приборы, облегчающие капитану морское плавание... Осмотр музея «Охраны труда» нас интересовал тем, что видели, как можно гарантировать рабочего от несчастных случаев в работе, и гигиеническое устройство в предпри-

ятях, охраняющее здоровье рабочих. Мы посетили «кооператив рабочих». Это грандиозное предприятие, изготавливающее все необходимое для существования рабочего, много облегчает рабочего в экономическом отношении, не переплачивая за жизненные продукты частным торговцам. Так же нелишне упомянуть осмотр «рабочих поселков», где нам представилась возможность увидеть жизнь рабочего. Далеко на окраине Берлина, среди зелени елового парка, распланированы участки земли с великолепными мощеными улицами, водопроводом и электричеством. Построены однотипные двухэтажные каменные домики с прилегающими к ним садиками и огородами. Как все чисто, красиво и уютно, всюду зелень, цветы, розы, фрукты, ягоды. Что-то не верится, чтоб так жили простые рабочие. Но в доказательство нас вводят внутрь дома рабочего каменщика, зарабатывающего 100 марок в месяц. Хозяин дома любезно встретил нас и охотно показал нам свои покои. Они состояли из одной комнаты и прихожей внизу и спальни с кухней вверху. Чистота безукоризненная, перина мягкая, мебель, ковры, тюль, картины, статуэтки и разные безделушки дополняли комфорт квартиры рабочего каменщика. И немало положено трудов на приведение в порядок огородика. Здесь яблони, груши и вишни, несколько кустов смородины, малины, две-три грядки салата, помидоры и другие овощи. А среди свободного места сделаны детские качели, и без застенчивости среди нас продолжали свою игру дети. Так живут германские рабочие, которым приходится позавидовать (но только в условии жилища).

Итак, наша первая цель в образовательной экскурсии осуществлена, и мы вынесли очень много впечатлений. Теперь мы едем дальше в Лейпциг, ко второй нашей главной цели, на выставку, где нас ожидает профессиональный интерес. Какие новости в технике машин, какие материалы, как и при каких условиях работают рабочие и почему у них хорошо, чем отличается германский рабочий от русского. Все это в целом нужно было запомнить, рассмотреть, все взвесить, оценить и воспринять, насколько позволяют наши умственные способности.

По приезде в Лейпциг первые два-три дня мы употребили на посещение фабрик и мастерских переплетного и печатного дела. Очень довольны остались мы посещением выставки. На большой, занимаемой ею площади расположено до восьмидесяти разных по стилю и по национальностям павильонов, в которых выставлены экспонаты всевозможных графических и переплетных искусств. И не поддается описанию по грандиозности современная техника машин, которой немцы старались удивить весь мир. Много было бы еще видеть; но неожиданно разразившиеся на мировой сцене военные события отодвинули все интересы на задний план; дальнейшее наше пребывание в Лейпциге было немыслимо, т. к. по адресу русских в народе росла ненависть и раздавались угрозы. Поэтому нам пришлось раньше назначенного срока дней на пять покинуть Лейпциг и вернуться в Берлин, где нас ожидала руководительница, которая душевно страдала за судьбу нашего отъезда, т. к. все границы были закрыты, а единственный путь через Данию в Копенгаген висел на волоске. Жутко было в этот день 20-го июля в Берлине; что-то стихийное творилось с немцами, которые забыли всю культуру и приличие, беспощадно, варварским образом расправлялись с русскими, чем обнажили свое варварство. Наше положение становилось тревожным, и наши руководители затруднялись определить время отхода последнего поезда. Но после всевозможных справок выяснилось, что последний поезд отходит в 11 час. вечера. А между тем начались уже аресты русских, не пощадили и нас. В первую очередь арестованы 17 человек и препровождены в полицию для выяснения личности и по освобождении благополучно вернулись в Россию. А мы вчетвером арестованы были позднее; перспектива не из важных. Тут началось гонение из конца в конец Берлина. А между тем нас не покидала надежда успеть выехать с означенным поездом. Вернувшись в пансион, мы взяли вещи и, усаживаясь в автомобиль с надеждой наверстать упущенное время, поехали на вокзал. Но рок судьбы сулил иное. Нас окружила толпа в несколько сот немцев и с криками «Русшиш шпион!», угрожая кулаками и палками, требовала отправки нас в полицию. Одному нашему коллеге пришлось испытать мощь

культурного немецкого кулака. Нас вторично отправили в полицию, но оттуда отпустили. А собравшую толпу удовлетворили разъяснением, что мы — рабочие и были на выставке в Лейпциге. Мы снова наняли автомобиль и поехали на вокзал. Поезд уже ушел (это был последний), и мы, прождав до утра, в 5 часов отправились к границе Варнемюнд в надежде проехать в Данию. Но в Ростоке судьба нашего поезда была решена. Нас арестовали, как военнопленных, числом около пятисот человек. После трехмесячного пребывания в Ростоке некоторых из нас, как стариков и больных, отпустили...

В заключение должен сказать, как ни неудачно сложилась первая поездка рабочих, но все же она много дала ценных материалов в смысле получения понятия о рабочей жизни и широкой постановке дела и промышленности».

НА ПАРОХОДЕ «SICILIA»

Автор Б. Г.

«Лето проходило по сложившимся нормам: утренние и вечерние осмотры, Форум, Палатин, скульптурные музеи; маленькие огорчения руководителя на то, что эстетика не достаточно захватила экскурсантов, огорчения экскурсантов от того, что руководитель ведет к вопросам, которые кажутся им слишком отвлеченными, и даже посещение Папы считает непозволенным любопытством.

За сменой осмотров, приезжающих и уезжающих групп не заметили, как подходили события огромные и решительные.

Теперь вспоминается первый намек на них: тот вечер, когда газеты принесли известие о сараевском покушении. Я вместе с группой шел домой после осмотра Форума. Шли мы спокойные и усталые. На ступеньках Капитолийского холма с нами почти сталкивается незнакомый итальянец, возбужденный, даже веселый. Еще не добежав до нас, он кричит о чем-то и спешит затем всунуть в руки «Трибуну», где крупным шрифтом

сообщается о покушении. Возбуждение итальянца передается и мне, когда я перевожу газетную заметку. Весь этот вечер в Риме было необычайное оживление (с искренней любовью к Австрии в Италии, кажется, никому не приходилось встречаться), оно не связывалось еще с печальными предчувствиями. И только один уже немолодой экскурсант, доктор, не заразился нисколько оживлением и, покачав головой, сказал, что осложнения европейские теперь уже неизбежны.

Об его словах мало задумались. И этот вечер забылся среди налаженной работы. Поэтому, когда в день приезда одиннадцатой группы вдруг получаем известие, что она должна остаться не более трех дней, что из Москвы категорически советуют как можно скорее отправить остающиеся группы в Россию, что путь на Вену опасен и следует подумать о пути на Берлин и Копенгаген — это известие застает почти всех руководителей врасплох. Счастливым исключением был М. А. О. (Михаил Андреевич Осоргин): он настоял на том, чтобы, не рискуя, возвращаться на север, собрать три последние группы в Венеции и оттуда морским путем отправить их в Одессу. В значительной степени благодаря его энергии и предусмотрительности было осуществлено и самое возвращение, когда оказалось, что северные пути закрыты и что обычные денежные переводы не пришли и придти не могут.

В опасность войны не верит большинство экскурсантов, они просят оставить их в Риме дольше, завидуют тем, у кого осмотр прошел в полном объеме, готовы требовать, чтобы, сколько здесь ни оставаться, Рим должен быть осмотрен возможно больше. Начинаются дни невероятной руководительской гонки. Расписание составляется так: в одно утро осматривается Ватиканский скульптурный музей, Сикстинская капелла, станцы Рафаэля, пинакотека и собор Петра — какой-то без усталости бег по коридорам Ватиканского дворца. В один вечер — Форум и Паладин, и снова запоминаются не столько остановки у развалин, сколько тропинки, крутые лестницы и спуски Паладинского холма.

После ужина М. А. собирает экскурсантов, переводит им газетные статьи. Были ли тревожны эти дни? Нет. И не только потому, что от этого неустанного бега оставались только опустошенная голова и усталые ноги. Война казалась невероятной, так отвыкли все от самой мысли о ней. Осмотры нужно ускорить, но они все-таки важны и осуществимы.

Тревога с настоящей силой началась, когда 20 июля из Рима уехала последняя группа. Тогда только можно было подумать и о своей участи, и пришлось столкнуться с живым предчувствием войны.

Газеты выходят пять-шесть раз в день, новостей хватает на все издания.

Непонятная паника охватывает и римлян, перед банками и сберегательными кассами толпы стоят часами. Хозяйки спешат закупить запасы муки. Иностранцы тщетно мечтают по банкам и бюро путешествий. И все-таки мало верилось, что объявленная война действительно начнется. Многим из русских, с которыми встречаешься и знакомишься эти дни, еще кажется, что можно выбирать тот или иной маршрут. Один деловитый петербургский чиновник ходит справляться в посольство: «Неужели мирным людям нельзя проехать через Вену?». Другие составляют маршрут на Берлин.

Все эти споры, в которых пришлось тогда принять участие, так скоро оказались наивными, но непоколебимая, как казалось тогда, привычка жить, не считаясь с возможностью войны, проявилась в них очень ярко. Если я с товарищем решаюсь сесть в Бриндизи на пароход, который везет три последние группы из Венеции в Константинополь, то только потому, что он может подвезти нас в Афины, где можно будет еще остановиться и мирно продолжать свои теоретические работы. Поздно вечером приезжаем в Бриндизи, на крайнюю точку юго-восточного берега Италии, и здесь впервые сталкиваемся с войною, как с настойчивой и суровой реальностью. Маленький приморский городок, обычно тихий и сонный, неузнаваемо оживлен.

Русские беглецы из Италии, из Швейцарии заполнили все его гостиницы. На пристани эмигрантский лагерь, вся она завалена чемоданами, корзинами, на которых сидят путешественники, усталые, возбужденные, дожидаясь того же парохода «Sicilia», попасть на который надежды, как оказывается, нет никакой. Местная контора не продает билетов даже тем, кто за неделю телеграммой заказал их: еще в Венеции места на пароходе все заняты. Напрасно волнуются призванные на войну офицеры, дамы с детьми, педагоги, оказавшийся в толпе русских товарищ министра.

Всем пароходное агентство дает один ответ: «Sicilia» не может взять ни одного пассажира. Возникает план нанять всем туристам какой-нибудь небольшой греческий пароход, чтобы переехать хоть до Патраса и оттуда по железной дороге в Афины. Куда-то посылаются телеграммы. Ищут русского консула, но и он беспомощен так же.

Когда, наконец, около полуночи причаливает с опозданием «Sicilia», беспокойство только увеличивается от зависти к тем, кто на борту ярко освещенного парохода может так спокойно смотреть на безнадежно суетящихся по пристани путешественников. У нас обоих маленькая надежда все-таки есть. Там на пароходе полтора десятка знакомых, которые помогут как-нибудь пробраться на пароход. Забываются сразу и планы о работе в Афинах и боль от куска угля, попавшего на железной дороге в глаз, только одной мыслью живешь: как бы очутиться на пароходе. Оказывается, кого-то на пароход все-таки пускают, тех, кто давно каким-то образом запасся билетами, на мостках давка от носильщиков, от тех, кто напрасно пытается проникнуть без билета. Мостки трещат, и один момент кажется, что они готовы рухнуть от начавшейся около них свалки. Нас с парохода в самом деле узнают, возникают разные планы нашего спасения, шуточные и серьезные. Не спустить ли канат с борта? Или лучше отправить делегацию к капитану: на берегу случайно отделившиеся от группы два экскурсанта. Ответ капитана благоприятен: если как-нибудь мы проберемся на пароход, он

согласен признать нас пассажирами. У Л. К., моего спутника, пробуждается веселость, ему бросают с парохода деньги, чтобы купить груш, персиков, газет и папирос, ловко кидает он персики на высокий борт.

О, если бы и нас кто-нибудь сумел перебросить так же ловко! Часы ожидания идут томительно, на пароход грузят какие-то бочонки. Уже бледнеет предрассветное небо. С пристани почти все разбрелись: все равно не уедешь, надо ждать какого-то другого случая. Но мы обнаруживаем с полной ясностью, что нам ждать во всяком случае нельзя: когда придет еще другой пароход и где найти ночлег, денег у нас до смешного мало. Последняя надежда на русского консула: «Найдите его!» — кричат с парохода. В этот последний момент он оказывается полезным; не зная ни слова по-русски, он, кажется, был тронут и тем, что могли ему сказать несколько итальянских фраз. Он шепчет что-то матросам около контроля, а на крик контролера: «Signori, biglietti» — мы сами уже имеем мужество не обратить никакого внимания, пробегая по мосткам с чемоданами в руках и с радостным всепоглощающим на тот момент сознанием, что мы спасены.

Эмигрантский режим на пароходе был суров, но к кочевническому быту легко было привыкнуть и даже найти в нем приятные стороны.

Палубные пассажиры, какими были экскурсанты, группа румынских студентов, возвращавшихся на родину, и большинство русских, должны были поселиться где-нибудь на палубе или трюме (большинство предпочло палубу), они делились на шестерки, каждая из которых получала две оловянных миски, имела право брать в кухне хлеб, красное вино и малосъедобный суп. Кто сел на пароход в Венеции, получил еще тюфяк, оказавшийся нужным тем более, что свои подушки и теплое платье большинство экскурсантов оставило в Варшаве, чтобы захватить на обратном пути. Немало было таких, кто оказался даже без пальто, которое должно было быть приобретено на обратном пути в Вене.

Наша шестерка поселилась на носовой палубе; правда, там в полуденные часы невыносимо палило солнце, зато к вечеру это место становилось лучшим на пароходе. И в жару можно было устроить подобие палатки из пледов. Правда, иногда по ночам нас пронизывал ветер, зато до самых Афин эта палуба осталась наименее населенной. По утрам можно было получить по жестяной кружке бурды без привкуса кофе, зато впервые благословили те большие чайники, которыми снабжало экскурсантов бюро. В полдень обед; с жестяными мисками нужно спуститься в кухню. В нижних проходах «Sicilia» стоит такая грязь, что ноги скользят, когда проходишь с полной миской. Возникла легенда, что и суп готовился из этой же грязи. Его есть, в самом деле, было трудно. Зато давали вино, кислое красное, все-таки настоящее итальянское вино. Оно и стало главной пищей. Можно было слегка смошенничать и с обеими мисками, которые выдавались на шестерку, сходить за вином. Вино и хлеб, кусок сыру, который можно все-таки купить в торгующей в трюме лавочке, — таков эмигрантский стол. Палящее солнце днем, яркие звезды ночью, под таким покровом проходит время. Мерный стук машины, море, лежать или по-турецки сидеть целыми днями на тюфяке — так проходит время. Так жили и другие шестерки, изредка взволновываясь событиями, которых было немного, но которые в монотонной жизни запомнились с особой отчетливостью.

Одно из них — это морское сражение, на которое наткнулась «Сицилия» у южных берегов Греции, благодаря которому наше путешествие столько раз после попало в газеты. Надо сознаться, что это сражение тогда не произвело должного впечатления. Оно показалось таким отвлеченным, что скорее было принято за маневры. Война почувствовалась еще накануне этого дня, когда ночью мимо нас пробежало несколько миноносок неизвестной национальности с потушенными огнями. Тогда была полная луна и в столбе ее света движение темных, крадущихся судов казалось жутким. Сражение же прославленных «Гебена» и «Бреслау» с английским крейсером произошло днем, ког-

да на нашей носовой палубе готовились к назойливому обеду. Дым, а затем силуэты судов, идущих, казалось, одной линией, давно уже были видны. Уже обсуждался оживленно вопрос, какой национальности могут они принадлежать, уже сбежались на нашу палубу привилегированные пассажиры из кают и топтали наши тюфяки, когда стало видно, что линия судов разорвалась, два передних повернулись и вдруг открыли огонь по третьему, который оказался после английским «Глочестером». Явственно доносился звук выстрелов, был виден огонь, и простой глаз без труда улавливал очертания судов. Если впечатления не обманули тогда, кажется непонятным, почему «Гебена» называют теперь гигантом. Сражение длилось недолго, и мало кто мог осмыслить маневры и повороты судов. Думали тогда, что «Глочестер» пытался заманивать немцев, но неудачно. Тогда никто на пароходе не знал, кто участвует в сражении, это обнаружилось нами в момент, который был пережит с жутким чувством. Едва кончились выстрелы и не прекратились разговоры о них, как чувствуем, что «Сицилия» замедляет ход и останавливается потом совсем среди моря. Остановка привычного стука машин, привычного ровного движения вселила среди пассажиров мгновенную растерянность. Оказывается, нас остановил «Глочестер», с непонятной быстротой подскользнувший к нам. Когда он подходил с наведенными орудиями, среди привилегированных пассажиров началась паника, истерики; пассажиры демократичные оказались выносливее, хотя и здесь никто не мог сказать с уверенностью, не немец ли идет к нам навстречу. Жуткая остановка прекращается вскоре флагами, взбежавшими по реям, приветствиями, которые кричат и наши пассажиры, разглядевшие в бинокль имя «Глочестер», и покрытые копотью моряки в туристских шлемах с английского крейсера.

Другое событие было более забавным, хотя неприятных минут оно доставило не меньше. При остановке у Патраса капитан вызывает к себе В. А. нашего, «саро», главу кочевой экскурсантской группы, и читает только что полученную телеграмму: «В Афинах должна сойти с парохода группа 150 русских», — так

прочел телеграмму капитан. Остановка была ночью. Но среди экскурсантов сейчас же распространяется известие. И не нужно, конечно, упрекать В. А. за то, что он так быстро и доверчиво это известие распространил. 150 русских? Это, конечно, мы. Почему сойти? Фантазия почему-то разыгрывается в самом благоприятном духе. Конечно, нас ждет в Афинах присланный за нами пароход. Телеграммы, которые посылались еще из Рима, из Венеции, не остались безрезультатными. Почему-то у всех возникает та же картина: пароход нас ждет (кем он мог быть послан? — спрашиваем мы вполне естественно после), ждут готовые для нашего питания и покрытые скатертями столы. Кто-то добавляет, что он сам видел телеграмму, там стоит подпись: адмирал такой-то. Все верили очень охотно этой детски наивной выдумке. К Пирею мы подходим перед рассветом, но никто не спит, вещи собраны, тюфяки брошены, все толпятся у борта, пока, после долгих маневров, пароход подходит к месту стоянки. Наконец, мы стоим. «Сицилию» окружают лодки. «Где стоит русский пароход?» — на разных языках кричат наши спутники. — «Русский пароход? Русские? Вот русские».

С изумлением мы видим, что к «Сицилии» подъезжает несколько лодок, действительно, с русскими. Священники и студенты духовных академий, ездившие в Палестину, садятся на «Сицилию». Но почему же нам нужно сходить? И где же тот «броненосец с приготовленными для нас столами» (говорили и так)? Оказывается, сады в Пирее группа духовных лиц послала в Патрас предупредительную телеграмму: «В Афинах сядет на пароход 50 русских»; где потерпел такие существенные изменения ее текст, так мы и не узнали. Но если так, нужно всячески беречь свои места; на достаточно переполненный пароход садятся много новых пассажиров. Остается крикнуть столпившимся экскурсантам: «Берегите свои тюфяки!»

Остановка в Пирее длится нескончаемо. От бессонной ночи она кажется еще дольше. Безветренный день уже в ранние часы палящ, удушлив. Из трубы, находящейся на нашей палубе, валится копоть, как хлопья черного снега, на матрацы, на платье.

Лицо становится черным. А пароход шумит новыми пассажирами, которые тщетно ищут себе места. Турки, переселяющиеся куда-то целым домом, с женами, коврами, животными, с горами скарба, распаковывают свои тюки, и скоро пароход покрывается своеобразными палатками из ковров. С нашей палубы сверху виден внутренний вид комнатки, стены которой из ковров с пестрыми узорами, пол — из ярко-желтого ковра, на подушках сидит турчанка без покрывала, с босыми, оливкового цвета ногами. Молодой художник спешит зарисовать нечаянно открывшийся уголок Востока, с его чуждой, но цельной красотой, с удивительно подобранными тонами желтой краски, где и эта желтая фигура кажется только узором, своенравным изгибом среди узорчатых ковров. Появившийся турок непонятными, но явно угрожающими словами кладет предел любопытству художника, турчанка опускает покрывало, над комнатой протягивают какую-то тряпку. В другой ковровой комнате — большая гаремная семья, пищат дети, козочка ходит полноправным членом семьи. Но и эти новые предметы исследования осмотрены, пароход все стоит. Никто не знает точно, когда он отойдет. Покорно примиряешься с мыслью, что на берег съездить нельзя: Акрополь требует самодовлеющего внимания, а план остановки в Афинах давно уже исчез; конечно, и в Афины не удастся перевести деньги; мысль о том, что война только начинается, что страны, мимо которых мы проезжаем, ею также будут захвачены, тогда казалась, может быть, более несомненной, чем кажется теперь. Впрочем, в Пирее пароход пополнился не только новыми пассажирами. В. А. удалось повидать русского консула в Афинах, который дал вспомоществование экскурсантам в 450 франков. Они не распределяются между нами, а на всю сумму покупают припасов. Десятком яиц, коробкой сардин и дыней пополняется стол каждого экскурсанта. Об этом пресном меню вспоминаешь не очень приятно (на Черном море оно ассоциативно соединилось с впечатлением от жестокой качки), но тогда консульская помощь была событием существенным. За несколько дней природной жизни на «Сицилии» нравы и тре-

бования упростились удивительно; в этом, вероятно, и заключалась некоторая прелесть такого необычайного возвращения домой. Лишь очень немногие и то позже ослабели от волнений; краткого сна (восход солнца будил поневоле), малого питания; нервности, ссор было, конечно, меньше, чем при нормальных условиях пути. У нас никто не знал, когда будем мы в России, никто не был спокоен и за проход через Дарданеллы, пароход шел медленнее и останавливался дольше, чем обыкновенно, никто, конечно, не знал, что делается в России, и слухи были тревожнее, чем действительность; но до какой степени приспособляющееся существо человек, как легко ориентируется он в любых условиях, и даже насколько благостны некоторые физические лишения — чтобы убедиться в этом, достаточно было прожить две недели таким кочевым и упрощенным бытом.

Он возник в первый же день на пароходе «Сицилия», остался и на пароходе «Евфрат», который довез нас от Константинополя до Одессы, и во время целодневных остановок в Одессе, в Киеве и в тесных, медленно двигавшихся вагонах, довезших нас до Москвы.

В Константинополе также не удалось сойти на берег, только перешли с одного парохода на другой, порадовавший тем, что он был русским, огорчивший тем, что не было даже сицилийских тюфяков. Целые сутки стоял он у Константинопольской набережной, но приезжали из консульства и настойчиво просили не сходить на берег.

Может быть, страх был преувеличенным; все же совет следовало исполнить, хотя бы из благодарности консульству, которое также помогло доехать и пропитаться до Одессы. Оставалось с борта в бинокль осматривать город, который с трех берегов (если и Скутари считать частью того же города) спускается к воде пролива. Отряды воинские, довольно беспорядочные, проходили вдоль набережной и по мосту через Золотой Рог. Звонко крича сиренами, бегали пароходы на тот берег Босфора. Можно было сравнивать купола и минареты мечетей и спорить о дальнейшей судьбе св. Софии. Вероятно, судьба ее

теперь изменится и вновь вернется она к своему первоначальному христианскому назначению. Но все же, если это возможная теперь перемена осуществится, было бы жаль ее теперешней мусульманской архитектуры. Конечно, только легчайшие минареты спасают ее внешний вид от тяжести самого здания, и как тяжел был бы извне купол, если представить себе его в позолоте. Вообще перед будущими владельцами Константинополя станет труднейшая архитектурная задача; это особенно стало ясно, когда быстро спустилась темнота. Пробежали огоньки по очертаниям всех минаретов в городе. Дрожащие линии огоньков повисли в темном и, казалось, густом воздухе так необычайно, что именно этот вид хотелось бы сберечь даже и для Царьграда навсегда. Может быть, оттого, что мы были на воде, что мгновениями ее темную поверхность беглым светом освещали пробегавшие с чистым и звонким криком пароходы, ночной Константинополь был еще более необычаен. Дух тяжести вполне чужд плавному изгибу его минаретов и этим огням на воде.

На другой день после полудня мы отходим, идем Босфором, близкие берега которого на всем протяжении роят и укрепляют солдаты.

Выйдя в Черное море, попадаем сразу в жестокую качку — последнее и, в сущности, единственное неприятное испытание на нашем пути.

С Одессой теперь уже, вероятно, навсегда соединится воспоминание о тех простых радостях, которые без всякого труда сумела она нам доставить. Выспаться в постели, сходить в баню, к парикмахеру, надеть чистое белье — трудно было представить себе, что когда-нибудь это доставит такую бесспорную и ясную радость. Тогда казалось, что позади целые месяцы дикой жизни, превратившей нас в темнокожих. Маленьких волнений не был лишен и дальнейший путь: не сразу удалось получить переведенные из Москвы деньги, не сразу энергичному В. А. дали отдельные вагоны для экскурсантов, и в Киеве почти сутки пришлось прождать между поездами. Все же, когда приехал

домой и уже без всяких шуток пришлось подумать о войне, двухнедельное путешествие вспоминалось, почти как беззаботный праздник».

ОТРЫВКИ ВОСПОМИНАНИЙ

Автор неизвестен

«По приезде в Париж большинству стало ясно, что экскурсия попала в беду. Осмотры были скомканы; утром узнали, что вчера убит Жорес. Тревожные известия о политических делах заставили закрыть биржу. В меняльных конторах и банках к размену не принимали ни русских, ни даже французских бумажных денег; в Лионском кредите «из любезности» соглашались разменять русские золотые монеты по 1 фр. за рубль. Будущее рисовалось мрачно.

Не дождавшись ответа из Берлина на запрос о возможности проезда, нас отправили на север искать путь через Германию. Это была непростительная ошибка парижского отдела. Если мы остались живы и смогли кое-как выпутаться, то этим всецело обязаны самоотверженной деятельности, энергии и распорядительности Тихона Ивановича Сорокина.

После адской суматохи на вокзале, мы с величайшим трудом попали в вагон. Промчавшись с целою массою пересадок через Льеж, где любовались деятельностью заводов, мы рано утром прибыли в Вервье. Станционные служащие были чрезвычайно удивлены, что русские решаются переходить на германскую границу и уверяли, что мы попадем в большую беду. От Вервье до Гербесталя в Германии пришлось идти пешком версты 2,5 или 3. Багаж был сложен на тележку и шел с нами. На первой прусской заставе часовой потребовал пропуск. Тихон Иванович предъявил ему свое метрическое свидетельство. Долго рассматривал его пруссак, но видя какую-то печать, признал пригодность «пропуска» и решил пропустить через первую заставу. На второй заставе пропустили беспрепятственно, и вот мы у третьей заставы уже в здании германского

вокзала в Гербестале. Окружающие нас прусские солдаты подозрительно посматривали. Их удивляло большое количество женщин. Часть группы вышла уже на перрон, а другая часть проходила еще через вестибюль. Прусский вахмистр, слышав русскую речь, сначала оторопел, а потом разразился невероятным количеством ругательств и запер дверь в зал, разделив нашу группу на две части — одну на перроне, а другую в прихожей. Экскурсанты, свободно владевшие немецким языком, вступили в пререкания, что подлило масла в огонь. Послали за офицером. К нашему великому счастью, офицера на вокзале не оказалось, и разъяренные пруссаки с ругательствами вышвырнули всех нас с вокзала. Расстроенные, полные отчаяния возвратились мы в Вербье. Немецкие носильщики, взявши за доставку багажа 20 марок золотом, узнав, что мы русские, начали разбрасывать наши чемоданы и даже бросать в нас, чем попало. Одним тяжелым чемоданом с железной оковкой бросили в меня и разбили мне пальцы левой ноги. Вот уже пять недель как я вожусь с больной ногою... но к делу!

Начальник станции Вербье торопил всех нас в вагоны последнего уходящего поезда, так как колонны пруссаков от Гербестала до Льежа уже наступали. В 12 ч. дня мы примчались в Анвер, предполагая на пароходе добраться до Бергена. (Перед этим Т. И. собрал по подписке деньги на нужды всей группы. Давали от 5 до 300 рублей). Но ожидания не оправдались. Вышедшие накануне два парохода возвратились обратно. Город объявлен в осадном положении. Ночью ждали бомбардировки, так как германский флот был перед Анвером, а пруссаки заняли Лимбург и Люксембург. Переночевав в Анвере и ничего не добившись у консула, решили ехать в Брюссель к посланнику.

В Брюсселе как посланник, так и консул сказали, что «положение наше отчаянное». Для нас сделать ничего нельзя, можно лишь разменять деньги, а спастись надо самим, как умеем. В Брюсселе не хотели верить, что мы были в Гербестале. Милиционеры, охранявшие вокзал, охотно вступали в беседу; нашлось несколько, понимавших по-русски. Вместе ругали немцев. Не обошлось и без курьезов: так, арестовали одну из наших экскурсанток, приняв ее

за немку, и уже после целого ряда свидетельств с нашей стороны ее отпустили.

Из Брюсселя, украшенного бельгийскими, французскими, английскими и русскими флагами, мы уехали уже без Т. И., который остался устраивать дела.

Направились к французской границе.

Поздно вечером, почти ночью, мы приехали в Мускрон. На маленьком вокзале оставаться не позволили. Пошли искать приюта. Разбитая в Гербестале нога невыносимо болит. Стоим на улице под накрапывающим дождем и впотьмах. Уличная толпа растет. Слышится глухой ропот: *les allemands! les allemands!*

На наши уверения, что мы не немцы, а русские, слышны возгласы недоверия: «Никогда здесь не было русских; откуда им взяться!» К счастью, один из рабочих когда-то был в России и кое-что понимает по-русски. Его командировали к нам в качестве экзамениатора. После комичных расспросов он громко заявляет: «*Les russes! Vive la Russie! Vive la Belgique!*»

Начались овации, от которых при нашей измученности было не легче. Наконец, толпе втолковали, что надо же нам где-нибудь найти кров, но только обязательно всем вместе. (К нам присоединилось еще несколько человек посторонних в Париже, Анвере и Брюсселе).

После долгих толков и поисков, при содействии жандармов, нам отвели на ночлег старый кегельбан с поломанным полом, со скамьями и стульями, покрытыми толстым слоем пыли и грязи. Но мы были под крышей и при горящих лампах. Это в нашем положении была уже роскошь. Спали на голых скамьях с чемоданами в головах. Трогательно хороша была фигура одного инженера, спавшего на поломанном верстаке. За ночлег с нас взяли по полфранка с человека, утром обещали кофе с молоком за ту же цену, а на обед по четверть фунта ветчины с неограниченным количеством вареного картофеля и хлеба за 1 франк. Здоровенная фламандка очень сочувственно относилась к «бедным русским», попавшим в беду, и старалась облегчить наше положение, чем могла.

Денег у нас было в обрез на один день. К вечеру должен был приехать Т.И. с деньгами, разменянными у консула в Брюсселе. Наступал вечер, но его не было; волнение росло. Наконец, вечером он приехал и привез деньги; говорил, что был арестован в Остенде и с трудом освобожден. Он привез для нас от французского посла пропускной билет на все воинские поезда.

Тронулись дальше в Туркуэн, ближайший французский пограничный город. Приехали туда тоже поздно вечером, но мэр города и власти были уже осведомлены, что едут русские. Нас встретили овациями и нарасхват брали к себе на ночлег по несколько человек. На другой день, после целого ряда оваций и пожеланий, мы отправились в Лилль, где нас ожидало грандиозное зрелище. Толпа, тысяч 30 человек, с пением марсельезы, криками «Vive la Russie!» провожала нас от кафе на вокзал, построившись шпалерами. В этот день расстреливали двух прусских шпионов. Толпа была нервно настроена; жутко чувствовалось!

Наконец, мы в вагоне. Жене коменданта был поднесен роскошный букет «от русских женщин» и сказано прочувствованное слово госпожою В. Овации без конца, и вот мы едем с воинским поездом. Навстречу мчатся поезда с войсками, с артиллерией... подъем духа чрезвычайный. Песни, марсельеза, угрозы по адресу пруссаков...

Вот и Париж! Рано утром мы приехали на Gare du Nord. Ни метрополитен, ни трамвай не действовали. Нам надо было ехать на Gare de Lyon. Только около 9-ти часов комендант вокзала отправил нас в мобилизованных каретах. Ехать пришлось через весь Париж по его восточной части. Нет слов для передачи того тягостного чувства, которое внушал этот кипучий прежде и теперь вымерший Париж! Магазины закрыты, большинство кафе тоже. Расклеены аншлаги, возвещающие, что «закрыто вследствие мобилизации».

Разноцветные флаги на пустых улицах, кое-где толпа и среди нее оратор... все это действовало далеко не умиротворяюще. Огромные надписи на стенах: Vive la Russie! Vive la France! Мрачно!

Томительное ожидание в кафе на Лионском вокзале... и вот мы в вагоне PLM. Вместо обычных 18-ти часов до Марселя мы едем 41!

Всюду военные поезда, артиллерия, аэропланы... на одной из станций близ Лиона солдатики устроили себе потеху: из разных тряпок на швабре сделали бюст Вильгельма с довольно условным сходством, которое дополнялось упирающимися в фуражку усами, и требовали, чтобы кто-нибудь из каждого проходящего вагона отвешивал ему оплеуху. Если замечали, что оплеуха была дана с особым жаром и удовольствием, то восторгу не было границ.

Мало радовала нас роскошная природа южной Франции. Даже самые бесшабашные в группе присмирели. Уже два дня мы ничего не ели, кроме кусочка хлеба и с большим трудом добываемой воды. На одной станции, кажется, в Тарасконе, жители вынесли для солдат фрукты, и на нашу долю досталось по персику.

Поздно ночью, около половины второго, мы приехали в Марсель. О нашем приезде извещен никто не был.

С трудом неся на себе багаж, при отсутствии какой-либо организации, пошли искать ночлега. Лишь благодаря деятельности свободно владеющей французским языком госпожи В. нашли помещение в трех сомнительного качества отелях. Устроились, как попало... нужен был отдых.

Утром начались рассуждения о будущем. По Средиземному морю носились два немецких крейсера, препятствуя движению коммерческих судов. Приходилось ждать в Марселе неопределенно долго возможности двинуться дальше; денег в группе было мало; русских бумажек не меняли. Порешили жить на половинной порции. Помимо общей кассы, у многих были французские деньги, и владельцы их слегда подкармливались и покупали кое-какие пустяки... Но все следили ревниво друг за другом, считая в чужом кармане каждый сантиметр.

Неунывающие россияне держали себя свободно, ходили всюду и частенько возвращались домой в сопровождении полиции. Во избежание недоразумений пришлось обратиться в полицейское бюро и взять *permis de sejour*.

Дни шли за днями. Мы бродили по городу, кое-что смотрели: парк *Corniche*, *Palas Longchamp*, зоологический и ботанический сады, но... ни вестей из Парижа, ни надежды на отъезд.

В газетах кровавые известия, ужасы... Наконец пришла телеграмма от Т. И.: «Приеду в среду».

Было жутко. Не развеселил нас и смешной случай с собаками. Однажды вечером одна экскурсантка с ужасом сообщает, что она видела, как в кухню нашего отеля пронесли в клетке двух собак, вероятно, на приготовление обеда на завтрашний день. Переполох поднялся страшный. Спрошенный об этом гарсон ничего не понял сначала, потом обиделся за патрона и сообщил ему предположение постояльцев. Тут только выяснилось, что приехали новые постояльцы, которые привезли с собою двух маленьких собак в клетке. Однако на другой день во всей группе мяса никто не ел. Такова сила внушения. Все изнервничались.

Стало ясно, что надо спасаться, кто как может, тем более, что группа смешалась с посторонними лицами; групповой жизни не было; рознь и какое-то неприязненное отношение друг к другу царило всюду, хотя открытой вражды не было. Многие, вняв голосу благоразумия, отправились к консулу, так как перед этим прошел слух, что немецкие крейсера пойманы, и из Марсея в Одессу идет первый пароход общества «Messageries Maritimes».

Слух оправдался. Пароход «Portugal» действительно был назначен к отправке и грузился. Вице-консул очень усердно уговаривал всех желавших отправиться в Россию, ехать на греческом пароходе до Пирея, а там «как-нибудь». Охотников ехать таким способом было мало и большинство взяло билеты на французский пароход. Было несколько конфликтов у консула с русскими, которым он отказывал в содействии.

Приехал Т. И. и заявил, что надо спасаться. Началась усиленная беготня к консулу и в контору «М. М.».

Устраивая дела по отправке экскурсантов, Т. И. успокаивал всех, давших деньги на общее дело, что они получают, что им следует, из остатков.

Грустно было расставаться с остающейся частью группы, хотя в конторе «М. М.» говорили, что через два дня в Одессу идет другой пароход того же общества. Значит, отъезд обеспечен.

В воскресенье днем взяли laissez-passez и вечером переселились на пароход.

Рано утром в понедельник, 4-го августа, снялись из Марселя.

Часа через два хода мы начали возвращаться в Марсель!..

Передать чувство пережитого отчаяния нет слов... Но до Марселя мы не дошли. Часа полтора стояли у маяка; что-то крутили на мачте у беспроводного телеграфа и наконец пошли опять. Скоро берега Франции скрылись в тумане.

На следующий день чудная погода. Проходим около берегов Сардинии. Опаловые утесы, сапфир моря, бирюза неба... Как бы все это пленяло при других условиях!

Разбитая нога не дает покоя.

Ночью прошли под африканским берегом. Вероятно, из Бизерты нас сильно освещали прожекторами.

6-го августа к вечеру подходим к острову Мальта. После долгих переговоров явился английский лоцман и повел нас в бухту. Чудно хорош укрепленный порт о. Мальты.

7-го после полудня снялись по направлению к Пирею. Жара страшная. Негры, прислуживающие на пароходе, по-видимому, блаженствуют, но нам всем тяжело дышать. Сейчас встретили французскую эскадру после боя с австрийцами. Гордо шли великаны, хотя и были кое-где продырявлены австрийскими снарядами.

8-го августа впервые начали встречаться коммерческие пароходы. Насчитали десять штук.

В 1 час 20 мин, в Ионийском море наблюдали частичное солнечное затмение. Это несколько поразнообразило монотонную пароходную жизнь.

9-го утром любимся чудными греческими берегами. Но я болен. Раненая нога все пухнет. Температура поднялась. Головная боль.

Остановились в Пирее. Многие поехали на берег и в Афины, а я только через каютный иллюминатор люблюсь акрополем.

Пассажиры волнуются. Говорят, что капитан хочет высаживать нас в Пирее. Ужас! Что делать? Опять мученье; розыск пути по чужой, даже враждебной стране...

10-го утром капитан возвратился из Афин и сообщил, что идем в Константинополь. Общее ликование.

В час дня снялись в Константинополь. Ночью буря с грозой.

11-го утром стоим у о. Тендоса и опять чего-то ждем. Говорят, капитан хочет повернуть на Салоники. Душа изныла от постоянных ожиданий и тревог.

Рано утром 12-го тронулись и входим в Дарданеллы. Как хорош малоазиатский берег! Даже при нашем настроении и то захватывает. Турки ведут по проливу и показывают вид, будто у них тысячи мин. Сомнительно!

Вечером и ночью идем по Мраморному морю. На рассвете 13-го подходим к Константинополю. Против нас св. София, старые стены Византии... и чумазные каюки современных турок.

Масса торгашей явилась на пароход (нас не пускают на берег); торгуют всем, меняют деньги и надувают основательно. Разноязычный говор, пестрые костюмы, чудная панорама Стамбула заставляют забыть все невзгоды.

Но опять грозный слух, что нас оставят в Константинополе. Опять уныние. Кое-кто через комиссионеров по секрету раздобыл билеты на какой-то итальянский пароход... Вечером приехал капитан от французского посла и сообщил: «Едем в Одессу».

Какое-то странное чувство охватило нас. Как-то не верилось, что со словами «едем в Одессу» кончилась наши страдания. Ночь прошла тревожно, все боялись отмены распоряжения. Наконец, настало чудное утро 14 августа.

Причалы отданы, и мы пошли по Босфору. (Сейчас получили по беспроволочному телеграфу известие, что 2-й пароход подходит к Пирею со 2-й частью нашей группы. Ура! Все спасены!)

При помощи турецкого лоцмана долго лавировали от одного чудного берега к другому, и вот мы на свободе «своего» Черного моря! Оно ласково покачивало громаду «Portugal» и несло, несло нам навстречу. Ночь... последняя ночь под чужим флагом!

15-го с раннего утра все на палубе. Жадно смотрим в морскую даль на север... Земля! Земля! Да! Видна узкая полоска розовой

дымки, которая все растет и растет... Еще несколько минут, и мы на родной земле! Да! «И дым отечества нам сладок и приятен!»

ЧЕРЕЗ СЕВЕРНОЕ МОРЕ И НОРВЕГИЮ

Автор Б. Жаворонков

Пронзительно прокричала сирена. Прокричали и мы свое последнее «прости» остававшимся на берегу в гостеприимной Англии.

Пароход «Гаокоон 7» дрогнул, и мы двинулись в неведомую даль Северного моря.

Не хотелось думать, что будет завтра, послезавтра... Нелепые слухи об успехах германцев... Немного жутковато. Чего-чего только мы не наслышались в Лондоне от немцев, распускавших нелепые слухи через Копенгаген: «Варшава взята», «Рига тоже», «Аландские острова заняты немцами, на них устроена база», «В Финляндии высажен десант, он двигается на Петроград», «В Северном море немецкий флот разбил английский», «Шведы вот-вот объявят войну России» и т. д.

Спокойствие англичан (в Англии казалось и войны нет) да согласие норвежского капитана взять нас убедило в благополучном пути.

Уже седые валы бежали навстречу, свежий ветер трепал парусину на корме, и пора было уходить на покой, а огни уже далекого города притягивали еще взор.

Внезапно белый сноп сторожевого прожектора, налетев на нас, ослепил и помчался дальше; с другого конца новый ослепительный сноп скользнул по нашему пароходу, и забегали гигантские полосы, пересекая небо и море. То одна внимательно остановится на нашем пароходе и долго-долго шупает нас, то другая. Жутко ощущать ее пристальное внимание! То сказочно красиво, как белый лебедь, блеснет в ее лучах стройно белая трепещущая парусная шхуна, то засеребрится ее сноп на седых гребнях высоких волн.

Англичане внимательно стерегут, может быть, близкого врага и провожают нас в далекий путь.

Блеснул в последний раз прожектор, осветил нас, и феерия кончилась. Нас окутал мрак, и сразу стало слышно, как угрюмое море древних викингов разбивает волны о наш пароход и что-то пытается нам рассказать, нам, 135 русским экскурсантам, оторванным от родины, первым пустившимся в неведомый, опасный путь домой, где уже лилась братская кровь.

Почти двое суток плыли мы до берегов Норвегии. На наше счастье погода была сносная.

Настроение у большинства было хорошее. Почему-то казалось, что в Скандинавии наши мытарства кончатся, что там мы почти дома. К этому еще прибавлялись удобства парохода, хороший стол.

Многим уже порядком надоело однообразие Северного моря, чувствовалось в полете чаек приближение берега; наконец, показали и берега скандинавских фиордов. Вдруг сенсационная новость взволновала нас: на горизонте дымки военной эскадры... Мигом все пустые места у бортов были заполнены экскурсантами.

Ясно можно было различить десять вымпелов чьей-то эскадры, летевшей прямо на нас. Сперва показалось, что это норвежцы, но сейчас же внутренний голос подсказал, что это немцы... Какая досада! Какой ужас! Почти у цели — у берегов фиордов, таких милых в данный момент, и такая глупая встреча. Какая насмешка судьбы!..

Капитан отдает приказания. Бегут матросы. На флагманском судне эскадры тоже движение. Взвиваются флаги, дружелюбно приветствуя нас... Вдох облегчения... Перед нами англичане...

Как будто плотину прорвало — зашумели, загудели наши перепуганные экскурсанты. Страх как не бывало. И правда, было на что посмотреть. Стройной вереницей, едва выделяясь контурами своих очертаний, стальные морские гиганты уверенно рассекали волны. Дредноуты смело летели вперед, оставляя за собой темные полосы дыма, за ними поспевали большие и малые крейсера...

Через 10–15 минут эскадра исчезла так же быстро, как появилась. Мы в безопасности, почти у берегов Норвегии...

Мы почти на высоте 1500 метров. Мимо нас ползут клоки туч, сквозь них проглянула гладь озера, затянутого ледком...

Яркое солнце, какое бывает только в горах Норвегии, ослепляет нас. Всюду сверкают поля снегов, попеременно с дикими скалами. Хрустально голубые льдины плывут по ряби озер. Кажется, что находишься на юге, но не среди снегов севера. Совершенно тепло, а температура всего 4°.

Воздух — чистейший небесный эфир. Ни души, только поезд, а в поезде мы. Не сказка ли?

А вот и станция. Здесь живут люди круглый год. Это Мюрдаль. Поезд стоит 10 минут. Внизу у воды кусты, кусты настоящей малины, поспевшей так высоко в горах.

На платформе норвежцы. Что-то знакомое в них. А вот и туристы с длинными палками, с туристскими мешками за плечами, в тирольских шапочках.

— Ба!.. Да это М. И. Левин! «Какими судьбами? Вы не в Христиании? Вот хорошо! Теперь мы вам надоедим».

«М. И. все знает», — так говорили экскурсанты, исколесившие с ним в прошлом году Норвегию и Швецию. «М. И. все устроит». М. И. русский, малоросс, но он давно живет в Норвегии. Его дети совсем норвежцы. Он так же энергичен, он так же добр, как всякий норвежец. Каждое лето на месяц он отправляется бродить по горам, ледникам, среди озер. Лучшего отдыха он не знает, лучшего доктора тоже.

М. И. с нами. Нужно пользоваться его любезностью. М. И. — журналист, этим все сказано.

(Левин Мендель Иосифович. Родился в 1876 году. Сын купца 1-й гильдии. Окончил Дармштадтский политехникум в Германии. Экономист. В 1906 году выслан в Олонецкую губернию с заменой на выезд за границу. Эсер, входил в состав ЦК партии социалистов-революционеров. Член Учредительного собрания от Крестьянского союза. После 1917 года эмигрант. В 1940 году переехал в США. Сотрудничал в журнале «За свободу», издававшем-

ся в Нью-Йорке группой русских эсеров. Умер в 1948 году. Автор воспоминаний о главе боевой организации эсеров Е. Ф. Азеве, с которым дружил в студенческие годы. — Примечание Григория Лучанского).

Мы не успеваем еще приехать в Христианию, а в газетах известно о нашем приезде. Знаменитый норвежский крестьянский союз предоставляет нам помещение, завтрак, обед настоящий норвежский, с тысячами сыров, с великолепным молоком, с необыкновенным жарким чаем. Фрекен и фру отеля «Крестьянского союза» будут нам прислуживать в своих национальных костюмах. Только у союза нет для нас ночлега, но министерство по телеграфу соглашается оставить нас ночевать в трех вагонах; зато союз нам дает свой концертный зал под наше собрание. Норвежцы — демократы и считают, что 135 человек непременно должны иметь организацию и общее собрание. Они не ошиблись: мы поделены на 3 группы, группы на десятки. Десятские ведают нужды выборщиков, представители групп блюдут общие интересы, а я — исполнительный орган.

Мы все остались очень довольны вниманием норвежцев, хотя и пробыли среди них всего 1,5 суток. Еще на пароходе капитан-норвежец постарался показать нам свое радушие: он сам все досматривал, заботясь о наших удобствах; предоставил нам распределить между собой каюты; а когда оказалось, что некоторым дамам неудобно, отвел им самые лучшие (оставленные для пассажиров с двойной платой). Когда и этих не хватило, отдал нам свою каюту и каюту своего помощника. По железной дороге — то же внимание. На некоторых уклонах, при быстром ходе поезда, очень качало и многих укачивало; кондуктор бегал по вагонам, улыбался, успокаивал и предлагал какой-то шипучий порошок от головокружения, уверяя, что ему остается взять только патент, чтобы разбогатеть, так он хорош.

В Христиании сам начальник станции с приветливой улыбкой старался для нас сделать все возможное. А в особенности был приветлив швейцар, который хлопотал о наших вещах по всем станциям и не хотел ничего взять за это. Так же предупредительно

нас встретили и в отеле «Крестьянского союза», и, хотя там было почти все занято, хозяйка постаралась за небольшую плату устроить ночлег некоторым экскурсантам, более нуждавшимся в отдыхе (большинство ночевало в вагонах). Несмотря на ужасную дороговизну по случаю войны, она сумела дать нам завтрак и обед за минимальную плату (завтрак 1 крона 25 ор. (65 коп.), обед 1 крона 50 ор. (78 коп.). Чего тут только не было; и закуски, и молоко, и яйца, и сыры, и ростбиф, и телятина, и сосиски, и колбаса, и чай.

М. И. говорил, что нам все это предоставили бы даже бесплатно, если бы мы не нагрязнули так внезапно.

В конце концов норвежское железнодорожное начальство позаботилось о нас и дальше границ своего государства, предоставив нам 3 вагона до Стокгольма, иначе нам пришлось бы пересаживаться ночью и иметь дело с вовсе не любезными шведскими кондукторами. От всей поездки по Норвегии у нас осталось впечатление, что никакой войны нет, и мы мирно путешествуем, любимся красотами природы, городов, а норвежцы стараются наше путешествие сделать как можно более приятным и удобным».

В ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

Автор Я. Глов

Приближение войны чувствовалось в Париже несомненно сильнее, чем в остальных странах Европы. Поэтому по получении тревожных телеграмм из Москвы было решено, что 18-го июля (ст. ст.) из Парижа выедет уже последняя лондонская группа.

К сожалению, флегматичный и спокойный Лондон, очевидно, не давал никаких видимых признаков, оправдывающих поспешность отъезда и ломку маршрута, так как группы протестовали против внезапного сокращения пребывания в Англии. В результате получилось, что две последние –7-я и 8-я — группы лондонского маршрута прибыли в Париж в субботу, 19 июля, после полудня. За два дня до этого, 16 июля, уехала пятая лондонская группа — последняя, проехавшая нормально. Хотя ее пребывание было сокра-

щено всего лишь на два дня, она уехала недовольная сокращением, а некоторые из ее экскурсантов даже поговаривали об отказе уезжать.

В пятницу, 18-го июля, с обычным поездом уехала шестая лондонская группа, а в субботу, 19 июля днем с экспрессом во втором классе уехала третья парижская. Это был день спешного отъезда из Парижа иностранцев и провинциалов. Места брались прямо с боя. Группе едва удалось устроиться во втором отходившем поезде, разместившись преимущественно стоя, по коридорам отдельных вагонов. С группой поехал Т.И. Сорокин. На долю этой неудачливой группы, пробывшей в Париже всего пять дней в два приема, выпало наибольшее количество мытарств. Добравшись до бельгийской границы, она чуть не была арестована немцами и спаслась в буквальном смысле бегством.

Попробовав выбраться из Бельгии через Антверпен, она нашла этот военный порт уже закрытым. Благодаря счастливому стечению обстоятельств, ей удалось даже с некоторыми удобствами и вернуться во Францию и спуститься до Марселя, откуда после долгого и томительного ожидания она доехала пароходом до Одессы.

Проводив, сам не зная того, парижскую группу на все эти мытарства, я вынес впечатление из всего того, что делалось на вокзале, и из разговоров с железнодорожными служащими и начальством, что только при необычайной удаче группа эта проскочит до Берлина и что во всяком случае нет смысла посылать этим же путем две английские группы, приезжающие в тот же день, которые предполагалось немедленно отправить дальше.

Отправившись на сен-лазарский вокзал встречать седьмую лондонскую, я нашел там Ю.Ф. Семенова, пришедшего к такому же заключению, что больше групп на Берлин отправлять невысказано.

СЕМЕНОВ ЮЛИЙ ФЕДОРОВИЧ — политический деятель, кадет, масон, ученый, мемуарист. Учился на физико-математическом факультете Московского университета, затем продолжил образование в Сорбонне. Участник Первой мировой войны. В апреле 1919 года командирован прави-

тельством А. И. Деникина в Париж для переговоров, остался в эмиграции. В 1920 году член Парижского комитета партии кадетов. В 1924 году сотрудничал с Русским национальным союзом. С 1927 по 1940 год — редактор газеты «Возрождение». Умер в 1947 году.

Было решено, что вечером я выеду в северные порты Франции и постараюсь найти и зафрахтовать какой-нибудь пароход в Норвегию или Данию. К вечеру перестали ходить трамваи и автобусы, так как уже была объявлена мобилизация. С большим трудом найдя автомобиль, который мы заняли с одним французским семейством, случайно встреченным на улице и тоже торопившимся на поезд, я добрался до Северного вокзала. Он был темный, входы были заперты. Громадная толпа иностранцев с невероятными усилиями пробиралась внутрь через маленькую калитку большого двора. Здание кишело растерявшимся торопившимся народом. Платформы были завалены горами багажа.

Длинная цепь солдат, стуча прикладами об пол, время от времени восстанавливала узкий свободный коридор среди сплошной толпы.

Несмотря на билет первого класса, я едва попал в третий отходивший в Кале поезд.

В Кале, в Дюнкирхене и в Булони я не нашел ни одного судна, которое могло бы довести наших экскурсантов до одного из нейтральных портов. Некоторые подходящие еще не были разгружены, и разгрузка их остановилась. Кроме того, отъезд большой группы лиц затруднялся правилами мобилизации и запрещением вывоза съестных припасов, которых понадобилось бы захватить с собой немало на 136 человек на несколько дней.

Да и те капитаны, которые предлагали свои услуги, предъявляли непомерные цены. Один финляндец, снесшись со своей компанией, известил меня уже в Лондоне, что за каждого пассажира без провианта он требует тысячу двести франков!

Собрав справки у местных жителей, в коммерческих конторах и в пароходных агентствах, я пришел к убеждению, что выехать в Россию пока можно еще только через английские порты

Гарвич или Ньюкастль, из которых в обычное время существуют правильные рейсы в Есберг и Берген. Задержанный мобилизацией в Дюнкирхене, я не успел поехать в Англию для подготовки отправки, а встретил в среду, 5-го августа (н. с), обе группы в Булони, куда они были с большими трудностями привезены Ю. Ф. Семеновым благодаря исключительной любезности и содействию Северной Компании ж. д. и военных властей. Группы эти приехали с одним из воинских поездов в двух отдельных вагонах в тот момент, когда передвижение по железным дорогам частных лиц почти еще было невозможно. Вечером того же дня мы все очутились на лондонском вокзале Чаринг-Кросс. Телеграфное сообщение с Францией было нарушено мобилизацией, английские руководители телеграмм наших не получили, и нас никто не встретил.

Несколько экскурсантов, говоривших по-английски, и я отправились на автомобилях в разные концы Лондона в поиски за ужином, кровом и местными людьми.

Через два часа Р. С. Ландеберг уже предоставила в наше распоряжение два пустовавших отеля, обычно принимавших наших экскурсантов, а Максим Максимович переселял всю многочисленную группу с платформы вокзала на новое место жительства.

Несмотря на поздний по-лондонски час, я решил посоветоваться с местными сведущими людьми о свободных путях в Норвегию или Данию и о том, как бы раздобыть нужные средства. От сумм, полученных из Москвы, оставалось немного больше тысячи франков, так как деньги, посланные обычным путем, так же как и спешно переведенные по телеграфу до Парижа, своевременно не дошли. Принявший меня очень любезно г-н Шкловский, с которым мы когда-то встречались, сообщил, что линия Гарвич-Есберг уже прекратилась, но что пока еще функционирует пароходное сообщение Ньюкастль — Берген; что же касается моих финансовых планов, привезенных из Парижа, — сделать заем от имени Учебного отдела у Национального английского учительского союза, — то, по мнению моего собеседника, они навряд ли могли быть приведен в исполнение. Для снабжения

средствами на дорогу до России 136 человек нужна слишком большая сумма. Профессиональной организации, как бы ни была она богата, невозможно без разрешения общего собрания решиться на такую серьезную финансовую операцию. Да и момент очень неподходящий. Такого же мнения оказалась на другой день и Р.С. Ландсберг, лично хорошо знакомая с главными лицами английского союза, решившаяся взять на себя миссию обратиться за помощью к союзу только благодаря безвыходности положения и заранее убежденная в неудаче своей просьбы! К счастью, «холодные, рассудительные и расчетливые» англичане оказались совершенно иными, чем они представлялись нашим соотечественникам. Узнав, что русские учителя и учительницы находятся в затруднительном положении из-за начавшейся войны и не могут вернуться домой из-за задержки в деньгах, хладнокровные англичане буквально загорелись желанием помочь своим русским товарищам. Загоревшись же, они не потушили моментально, а с чисто английским спокойствием, уверенностью и энергией сделали то, что считали нужным, т. е. иначе говоря, все! Благодаря их вмешательству, русский консул в Лондоне поручился за то, что помещение и содержание экскурсантов в Лондоне будет оплачено, дав этим возможность все наше внимание сосредоточить исключительно на организации отъезда. Благодаря их содействию, министерство внутренних дел выдало без замедления разрешение на выезд всей группы из Англии.

Благодаря их влиянию, нам в Ньюкастле была отведена отдельная школа, предоставлены специальные трамваи, наконец, пароходное норвежское общество даже понизило непомерно высокую плату за проезд от Ньюкастля до Бергена. А самое главное — Национальный Английский Учительский Союз согласился взять в «залог» до более благоприятного курса три тысячи русских рублей и предоставил в наше распоряжение больше 1000 фунтов, иначе говоря, больше десяти тысяч рублей.

Благодаря этому, наши экскурсанты, отделив половину своих личных денег в общее пользование (около 3000 р.), получили

возможность добраться до России по очень длинному, интересному и дорогому маршруту. Все это выяснилось и устроилось, правда, не так скоро и гладко, как описано мною. Приехав вечером в среду, 23 июля, в Лондон, группа только в субботу 26-го переехала в Ньюкастль и лишь в воскресенье, 27-го, около пяти часов, мы, руководители, получили уверенность, что все устроилось к лучшему и что вечером группа выедет. Совершенно необычайное внимание, содействие и сочувствие, проявленное английской организацией, объясняются, прежде всего, ее знакомством как с деятельностью Учебного Отдела за границей, так и с самим Учебным Отделом, принимавшим английских учителей в Москве. Кроме того, имела большое значение сама Р.С. Ландсберг, прекрасно известная многим центральным фигурам учительского союза.

Но главной причиной и стимулом всех действий англичан и их финансового великодушия был, несомненно, «русский народный учитель».

Именно для него было сделано все то, что было сделано. Это именно ему английский Национальный Учительский Союз, официальные и неофициальные лица педагогического мира и представители самых различных слоев ньюкастльского населения старались всячески облегчить существование на чужбине и помочь вернуться скорей на далекую родину, уже встревоженную войной. Будем надеяться, что русский народный учитель этого никогда не забудет ни английским учителям, ни английскому народу.

Тифлис. Ноябрь, 1914 год».

Организаторами экскурсий были созданы два совершенно новых типа маршрутов: маршруты отдыха и маршрут специальный — педагогический.

О специальном маршруте я уже рассказывал, а теперь хочу сообщить небольшую информацию о маршрутах отдыха, о так называемых колониях. Информация приводится из статьи 1912 года неизвестного автора.

КОЛОНИИ-ПОЕЗДКИ ОТДЫХА

Автор неизвестен

«По своему характеру поездки отдыха и специальное путешествие для изучения народного образования настолько разнятся от остальных, так называемых общеобразовательных экскурсий, что я считаю необходимым выделить вопрос об этих маршрутах. Особенно поучительны данные относительно колоний, тем более, что опыт с этими колониями был произведен в значительных размерах: колонии были устроены в трех пунктах Западной Европы: в Иннерткирхене в Швейцарии, близ Бриенцкого озера; на озере Гарда в Мальчезине, в Северной Италии; и, наконец, в Велене, в Саксонской Швейцарии, в Германии. В Мальчезине и Иннерткирхене группы имели трехнедельную остановку, в Велене только одна группа прожила 20 дней, остальные же заезжали туда всего на одну неделю. Цель такого сравнительно продолжительного пребывания на одном месте в какой-нибудь горной деревушке заключалась в том, чтобы дать возможность учителям, утомившимся зимней интенсивной работой, отдохнуть среди мирной сельской природы. Отдых этот предполагалось совместить с экскурсиями по окрестностям: были избраны места, где природа сильно отличается от нашей российской; Комиссия пыталась устройством летней колонии в Бернских или Тирольских Альпах дать возможность нашим учителям, в подавляющем большинстве жителям равнин, познакомиться с грандиозной, величественной альпийской природой. Специалисты-естественники были приглашены в эти пункты для руководства горными экскурсиями.

Попытаемся учесть результаты произведенного этим летом опыта с устройством колоний.

Вполне понятно, что решающее значение имел выбор места. В этом отношении наименее удачной нужно признать колонию в Велене. По отзыву г. Кашинского, руководителя в Велене, неудачно избранное место это нужно считать потому, что вокруг пункта, где жили экскурсанты, далеких интересных прогулок устраивать было невозможно.

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАШИНСКИЙ родился 22 марта 1868 года в семье дворянина. В 1892 году окончил естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета и в 1894 году — Петербургский лесной институт.

После окончания института работал в химической лаборатории Министерства финансов. В 1902 и 1904 годах П. А. Кашинский прошел стажировку по органической химии в ведущих лабораториях Германии. С 1908 года П. А. Кашинский работал преподавателем, а затем доцентом и заведующим кафедрой аналитической химии в Донском политехническом институте. В марте 1914 года Павел Александрович получил приглашение возглавить в Санкт-Петербурге химическую лабораторию, организованную при Гидрометрической части Европейской России. В трудные годы революции и гражданской войны он приложил все усилия к сохранению лаборатории, способствовал эвакуации ее в Новочеркасск. С 1918 года профессор, а с 1923 года ректор Донского института сельского хозяйства и мелиорации. Умер в 1956 году в Новочеркасске.

Прилегающие холмы ничего поучительного в геологическом отношении из себя не представляют; кроме того, в Саксонской Швейцарии пребывание наших групп совпало с наиболее дождливым временем, и это тоже сыграло немалую роль в числе причин для недовольства. Совсем иначе обстояло дело в двух других колониях: в Швейцарии и Италии. Судя по отчетам руководителей в Иннерткирхене, г. Силинича, и на оз. Гарда, в Мальчезине, г. Цебрикова, опыт колонии в этих местах нужно признать вполне удачным.

СИЛИНИЧ ИВАН ПЕТРОВИЧ. Родился в Могилевской губернии в дворянской семье.

Окончил Дерптский (Юрьевский) университет; проходил курс обучения в университетах Германии; после начала Первой мировой войны вернулся в Россию. Читал лекции в различных институтах и университетах России. Географ, специалист по физической географии, профессор; ученик Дмитрия Николаевича Анучина. В 1935–1938 гг. приезжал из Московского университета читать лекции могилевским географам; работал на кафедре физической географии в Могилевском педагогическом институте.

В 1918 г. читал лекции в Белорусском народном университете в Москве, составил географический очерк Беларуси. Цебриков Владимир Михайлович. Родился в 1867 году. Палеонтолог, геолог. В 1901–1903 сотрудник Геолкома. В 1890–1911, а также в 1917–1920, приват-доцент Московского университета, в 1902–1905 — хранитель Геологического музея. Работал в Бельгии после 1911, а затем после 1920 года.

Места для поселения оказались подходящими, были благоприятные условия для совершения научных экскурсий, группы между собой и с руководителями жили дружно, и неизбежные в новом деле дефекты стояли на последнем плане, были мало чувствительны.

Как же проводили время экскурсанты в колониях, чем заполнялись те три недели, которые они жили в глухой деревушке? Подробно говорится об этом в статье В. М. Цебрикова: «На озере Гарда». Я здесь лишь вкратце остановлюсь на замечаниях руководителя в Иннерткирхене г. Силинича. Последний находит, что местность, избранная для колонии, будучи расположенной поблизости от больших глетчеров и окруженная со всех сторон высокими горами, была вполне подходящей как исходный пункт для горных прогулок. Среди экскурсантов было немало лиц, оказавшихся после одной-двух прогулок прекрасными туристами, с увлечением совершавшими одно восхождение за другим. «Они любили природу, любили новые впечатления, любили даже маленькие дорожные приключения, с ними экскурсировать было легко и приятно». Были, однако, и такие, которые не имели никакого желания терпеть связанные с большими прогулками лишения и оказывались неудовлетворенными своим пребыванием в Иннерткирхене, где эти прогулки являлись главной частью программы. Очевидно, они поехали за границу отдыхать в самом буквальном смысле этого слова и хотели лишь спокойно пожить где-нибудь в деревне, полюбоваться прекрасным видом из своего окошка. Мало интересна для этих лиц была и научная сторона прогулок, так как меньше всего они ехали в Швейцарию с целью изучения альпийской природы. Между тем Комиссия в своих проспектах ясно

указывала, что пребывание в колонии будет заполнено экскурсиями научного характера. Очевидно, что основной причиной недовольства некоторых экскурсантов колониями является их собственная ошибка: они ехали в Швейцарию, ставя себе цели совсем иные, чем те, которые преследовала Комиссия, создавая свои маршруты отдыха. Кто отнесся внимательнее к проспектам Комиссии и поехал в колонию не только для отдыха, но и для того, чтобы поучиться, тот был вполне удовлетворен своим летним путешествием и вынес из него немало ценных научных сведений.

Руководители, ставя своей целью ознакомление экскурсантов со строением гор, с явлениями природы, наблюдаемыми в горах, не ограничивались объяснениями во время самых прогулок, но и старались на месте, дома, сообщить основные сведения по геологии и ботанике. К сожалению, недостаток времени у руководителей, поглощенных целиком руководством экскурсиями, и индифферентизм части слушателей не дали возможности сделать эти беседы настолько частыми, как хотелось бы самим руководителям.

Так, один из руководителей в Иннерткирхене из 49 дней своего пребывания 27 провел в горных прогулках. Как на неблагоприятное условие, особенно в Швейцарии, нужно указать на чрезвычайно дождливую погоду, заставлявшую экскурсантов по несколько дней буквально не выходить из комнаты. Там, где не было таких проливных дождей, на оз. Гарда, процент недовольных был гораздо меньше. Можно с уверенностью сказать, что при более благоприятных внешних условиях этот процент упал бы чрезвычайно низко, и не только у большинства участников, но и у всех, «колониальная жизнь» оставила бы самое светлое, хорошее воспоминание. По мнению г. Силинича, в жизни экскурсантов-колонистов было так много хорошего, что темные стороны совершенно стусевывались. «Несмотря на стечение целого ряда неблагоприятных условий, — читаем мы в его отчете, — каковы погода, неимение вначале готового, наперед выработанного плана, неподготовленность самих ру-

ководителей, неприспособленность экскурсантов — я все же считаю швейцарскую кампанию в общем удавшейся. У нас был один неизменный и верный союзник — это грандиозная альпийская природа. Она заставляла нас примириться со многими неудобствами и лишениями, и мне кажется, что все мы с искренним сожалением покидали Альпы».

Описание пребывания экскурсантов на оз. Гарда и сведения о совершавшихся там научных прогулках имеются в статье г. Цебрикова «На озере Гарда». Это обстоятельство делает излишним цитирование соответствующих мест отчета г. Цебрикова. Наконец, в «Программах осмотров» имеются сведения об экскурсиях, совершавшихся под руководством г. Кашинского в Саксонской Швейцарии.

Все эти описания, оценивая произведенный этим летом опыт устройства колоний, сходятся в том, что идея таких специальных маршрутов встретила громадное сочувствие в среде экскурсантов. Немало получили экскурсанты в образовательном отношении за свое трехнедельное пребывание в колонии.

Следует иметь в виду при этом, что с материальной стороны опыт устройства колоний оказался чрезвычайно удачным: так, например, помещение и продовольствие одного экскурсанта на оз. Гарда обошлось Комиссии всего в 3 фр. 75 сант., т. е. в 1 р. 40 к. в день — цена, конечно, очень небольшая. Неизбежные и объяснимые новизной дела промахи и недочеты в устройстве колоний летом этого года легко устранимы в будущем. Более удачный выбор места для поселения, заранее тщательно разработанная программа экскурсий, установление продолжительности пребывания в колонии в зависимости от того, что экскурсанты могут там получить в образовательном отношении, наконец, приглашение достаточного числа руководителей — вот те условия, при которых маршруты отдыха смогут вполне удовлетворить экскурсантов».

НАКАНУНЕ ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ

Автор Е. Козловский

«Политическая атмосфера сгущалась, и на горизонте нависли грозные тучи. Лондон жил еще своей спокойной, деловой жизнью, но и здесь уже чувствовалось какое-то необычайное напряжение. И было ясно, что Англия не может остаться пассивной зрительницей грядущих событий.

В Англии принято, по крайней мере, при нормальном течении жизни, чтобы народ знал, что делает его правительство.

Ни для кого не было секретом, что военный флот уже мобилизован и под предлогом каких-то маневров вышел в открытое море, что все суда в полной боевой готовности, а командиры их снабжены запечатанными конвертами с готовыми приказами на случай военных действий.

Момент для изучения психологии великой английской нации, по крайней мере, в отношении политических проявлений, был чрезвычайно интересный. Однако нужно было подумать и о себе. Зарево грандиозного пожара занималось над целой Европой, и все пути на родину со дня на день могли быть отрезаны. Нельзя было терять ни минуты.

Утром 17-го июля мы с грустью в сердце покинули чопорный только с виду, но в сущности приветливый Лондон и направились на северный берег Франции. Скорый поезд менее чем в три часа доставил нас в Нью-Гавен. Большой океанический пароход, готовый к отходу, стоял уже у пристани. Обе палубы его были переполнены пассажирами, так что в буквальном смысле «яблоку было упасть негде». Сезон театров, балов и иных увеселений в Лондоне окончился; английская аристократия схлынула отчасти на охоту, отчасти в далекие путешествия. Средний же деловой класс, не располагающий избытком средств и времени, спешил на берег Франции, чтобы отдохнуть, покататься и погреться под лучами южного солнца.

День выдался ясный. Почтенные леди и джентльмены расположились на верхней палубе в удобных шезлонгах, подста-

вив свои обнаженные головы и энергичные лица палящим лучам солнца. Деловой народ не любит терять времени даром, а солнце — редкий гость в Лондоне. Ни газет в руках, ни горячих споров на политические темы. Полная идиллия, отдых и спокойствие. Мы почти не заметили, как прибыли в Диепп. Зеркальная поверхность его бухты представляла такой резкий контраст с вечно волнующимся и беспокойным Ла-Маншем. Светленькие виллы, толпящиеся у самого берега, яркая зелень и безоблачная синева южного неба навевали на душу чувство какой-то чарующей неги. И ужасы войны казались чем-то невозможным — болезненным кошмаром расстроенного воображения.

Мне хотелось свернуть на Берневаль, но после маленького «военного совета» решено было ехать в Париж и там выжидать дальнейшего хода событий.

Через полчаса мы уже мчались на юг. И по мере приближения к столице мира наше радужное настроение постепенно рассеивалось.

То, что мы видели по пути, направляло наши мысли совсем в другую сторону. Железнодорожное полотно, а особенно мосты усиленно охранялись. По дорогам двигались партии призванных в войска, которые спешили к своим частям; то и дело подсаживались солдаты и офицеры, которые говорили, что через Германию проехать нельзя, так как с часу на час ожидается объявление войны.

В Париж мы приехали около 11 часов ночи. На вокзале и на улицах было слишком много полицейских. Публика как-то съехала и примолкла — от обычного уличного веселья и непринужденности не осталось и следа. Нас встречали многозначительными взглядами и таинственными перешептываниями.

В отеле мы узнали, что мобилизация объявлена, и с полуночи все железные дороги перешли в распоряжение военных властей; что мобилизация продлится не менее трех суток, и за это время, за исключением военных, из Парижа не будет выпущен ни один человек. Итак, война началась!

Несмотря на поздний час в отеле не сиделось, и мы вышли на воздух. Здесь, вдали от центра, жизнь как будто бы идет своим обычным порядком: тротуары запружены суетливой толпой, ярко освещенные кафе переполнены веселой и оживленной публикой. Но стоит только прислушаться к разговорам и поймать случайно брошенный взгляд, чтобы понять, что вся эта шумная толпа встревожена одной затаенной мыслью.

Город напоминал потревоженный муравейник: по тротуарам бежал народ; по улицам вихрем мчались сотни экипажей, и нужно было поражаться, как они не сталкивались и не превращались в общую кашу.

Все это движение было направлено к одной цели — отправке войск и снаряжений: в течение трех суток на германскую границу нужно было перебросить полмиллиона солдат. Для частных надобностей ничего не оставалось: движение метро прекратилось, его некому было обслуживать; трамваи ходили только кое-где, по незначительным линиям; автомобили и автобусы были мобилизованы, а фиакра нельзя было достать ни за какие деньги. Не помню, как мы очутились в Cite, против Notre Dame. Кто-то предложил подняться на башню, чтобы взглянуть на Париж в такое необычайное время.

День был ясный, и весь город был залит солнцем. Под его яркими лучами он беззаботно раскинулся во все стороны, играл и переливался светлыми тонами, беспечный и радостный, как будто бы ничего не случилось. Какое несметное количество высших проявлений человеческого духа окристаллизовалось здесь в наиболее совершенных своих формах. Величайшие произведения искусства собраны здесь со всего мира и хранятся в обширных сокровищницах под готическими сводами и высокими куполами.

Но пока Париж беззаботно веселился и страстно искал новых путей жизни, его сосед не менее страстно готовился к войне. Целая армия эссенских рабочих, под предводительством отца и сына Круппов, день и ночь оковывала сталью германский кулак, и вот он теперь высоко занесен над жизнера-

достным и ясным Парижем, чтобы одним ударом повергнуть его в прах. Минет ли тебя чаша сия и сохранит ли Провидение красоту и радость твоей жизни для блага всего мира? Это скоро узнают каменные химеры, которые с высоты этой башни видели все твое прошлое, а теперь, притаившись за карнизами, тупо и безучастно созерцают необычайную сутолоку, происходящую там внизу. Попробуйте понять Париж, попробуйте предугадать изменчивые и неуловимые проявления его жизни. Война объявлена, а Париж ликует, точно наступило великое празднество.

Воскресенье. Вечер. Большие бульвары запружены толпой; движение экипажей приостановилось. По улицам непрерывною вереницей движутся процессии со всевозможными знаменами, с флагами Франции, Англии и России. Одни маршируют под дробь барабанов и звуки медных труб, другие идут под музыку, пение марсельезы или патриотических песен. То и дело раздаются возгласы: «Да здравствуют Франция, Россия, Англия!»

Вдоль тротуаров непрерывною лентою тянутся кафе, нарядные, шикарные, залитые электрическим светом. Здесь нет ни одного свободного столика. Настроенная по-праздничному публика подхватывает знакомые мотивы и шумно приветствует манифестантов. Все сливается в один общий гул, в один ликующий клик.

По каким-то неведомым признакам узнают, что вы русский, и приветствиям нет конца. Вас останавливают, пожимают вам руки; восхваляют вашу великую родину, восхищаются храбростью непобедимого войска; под конец заключают в объятия и приглашают вместе идти на Берлин. Хорошо еще, если дело кончается только этим и в толпе не находится энтузиаста, который предложит вас качать; иначе вас поднимут над головами и пронесут несколько шагов. На окраинах бушуют кафешантаны. Здоровенный малый, раскрасневшийся от непомерных потуг, поет только что сочиненные куплеты — как некий немец, объевшийся гороховой колбасы, задумал покорить мир. С неистовым смехом и выкриками подхватывают присутствующие припев — его уже все выучили наизусть. В кафе тесно

и душно; на тротуаре повернуться негде, и любопытная толпа, сомкнувшись вокруг плотным кольцом, заняла добрую половину улицы.

Усталый и недоумевающий, вы бредете к своему отелю, не давая себе ясного отчета о том, в чем собственно заключается источник этого необычайного веселья.

13 сентября 1914 года».

Автор-составитель Г. Г. Лучанский

**Сборник материалов
по истории туризма,
альпинизма и краеведения**

№ 2

История туризма, альпинизма и краеведения

Формат 60×90/16. Объём 20 п. л.
Подписано в печать 25.08.2023. Заказ

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
Адрес: 127282, г. Москва, ул. Полярная, 31В, стр. 1. Тел.: +7 (495) 859-48-62